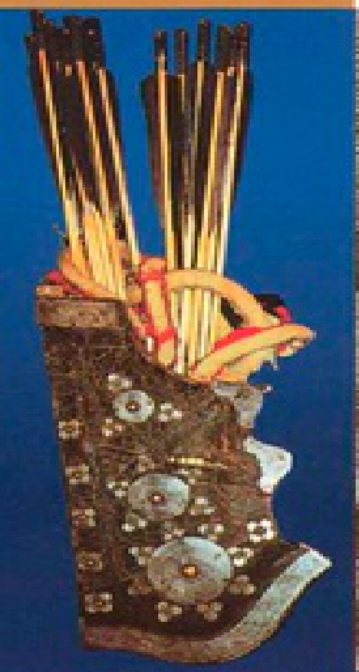
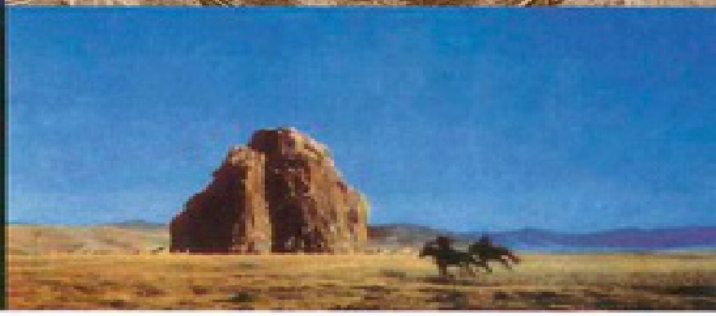
ЧИНГИСХАН



Рене Груссе



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор этой книги — известный востоковед, член Французской академии Досконально изучив древнемонгольский эпос и прочие серьезные научные источники, пройдя дорогами и тропами древних монголов, Р Груссе дал свою интерпретацию жизни, как он пишет, Покорителя Вселенной, одного из известнейших людей планеты Чингисхана Описав в своей книге походы и войны Чингисхана, автор в то же время создает довольно интерес ный психологический портрет героя, завораживая читателя магнетизмом личности Чингисхана

- Р Груссе
  - Вступительное слово
  - Часть первая предки
    - Дети Серого волка и Рыжей лани
    - Небесный гость
    - Слово о Бодончаре
    - Нищета и величие кочевников
    - Дикий вождь при дворе «Золотого царя»
    - Неутолимая ненависть. Муки Амбагая
    - Монгольский Геракл
  - Часть вторая Покоритель вселенной
    - Есугай храбрый и пресвитер Иоанн
    - Как Есугай завоевал Оэлун
    - Детские годы Чингисхана
    - Сироты, изгнанные из рода
    - Темучжин убивает своего брата
    - На Темучжина надевают колодку
    - Побег Темучжина
    - Увод коней
    - Женитьба Чингисхана
    - Шуба на черных соболях
    - Похищение красавицы Борте
    - Чингисхан отвоевывает красавицу Борте
    - Ночной переход и разделение орд
    - Чингисхан — царь монголов
    - Пленных сварили в семидесяти котлах
    - Стычка после пира
    - «Я выкормил тебя, когда ты умирал с голоду»
    - Чингисхан на службе у «Золотого царя»
    - Чингисхан избавляется от монгольских князей
    - Нападение в горах

- Великодушие Чингисхана
- Анти-Цезарь Чжамуха и битва в грозу
- Ранение Чингисхана. Преданность Джелме
- «Это я стрелял с горы!»
- «Я должен был бы вас казнить!»
- Истребление татар
- Сердца сестер-татарок
- «Нашей родне придется сидеть у вас около порога, как слугам…»
- Душа кочевника: преданность и вероломство
- Табунщики спасают Чингисхана
- Сшибка у Красного тальника
- Слезы Чингисхана
- «Мы загребем монголов в полы халатов, словно скотский помет!»
- «Жалоба Чингисхана»
- Горькая вода Бальчжуна
- Ночной переход и неожиданное нападение
- Судьба кераитских княжон
- «С чем это сообразно попирать голову мертвеца ногами?»
- «Костюм у монголов невзрачен на вид…»
- По пути к горам Хангая
- Собак Чингисхана кормили человечьим мясом
- «Улюлю!» Смерть Таяна
- Доводы красавицы Хулан
- «Эти столь ненавистные люди ушли опять…»
- Диалог Чингисхана м Чжамухи
- Май 1206 года
- Старая гвардия
- В сибирской тайге
- Соперничество между духовенством и светской властью
- Чингисхан расправился с Великим шаманом
- На подступах к Китаю
- Месть за старые обиды
- Взятие Великой Китайской стены
- Взятие Пекина монголами
- Встреча Чингисхана с китайским книжником
- Шелковый путь. Уйгуры — Темучжиновы учителя
- Поход Джебэ на Памир
- Уничтожение каравана
- Накануне великой войны

- На земле ислама
- Ветер гнева. Взятие Бухары
- На Самарканд!
- Ургенч. Штурм города, охваченного пламенем
- Охота на человека. По следу султана
- Ветер гнева над Хорасаном
- Буря над Афганистаном
- От уничтожения городов к постижению городской цивилизации
- Чингисхан и вопрос смерти
- Поездка к Чингисхану
- Беседы Чингисхана с китайским мудрецом
- «Путь человека» в китайской философии
- Пресытившись победами, Великая армия возвращается на родину
- Через Персию, Кавказ и Русь
- Годы покоя
- «Я или погибну, или их уничтожу!»
- «Дети мои, близок конец моего жизненного пути…»
- «Он, словно кречет, кружил в небесах»
- Где-то там, в лесу

○ ПОслесловие

○ Приложение

- Из сочинения А. М. Джувейни[71]
- Из сирийской летописи Григория Абуль Фараджа[87]
- Из книги Джиовани дель Плано Карпини «История монгалов»[88]
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава шестая
- Из книги Гильома де Рубрука[107]«Путешествие в восточные страны»
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
- Генеалогия монгольских ханов
- Основные даты жизни Чингисхана

- Краткая библиография

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42

- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86

- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113

Р Груссе
ЧИНГИСХАН — ПОКОРИТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ

Уйдут в бесконечность великие страны безмолвные.

А. де Виньи

Вступительное слово

Темучжин, сын Есугая храброго, Чингисхан, император и царь всей Монголии, являлся современником Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, который подчинил Киев, Чернигов, Рязань и Новгород и при котором Владимиро-Суздальская Русь достигла наивысшего расцвета. Держава монгольского Героя была неизмеримо более обширной: по его словам, «путь из ее середины занял бы целый год». Как ни странно, создана она была им силою обстоятельств, как бы помимо его воли. Царство хорезмийское он завоевал, мстя султану Мухаммеду за вероломное убийство посла и разграбление каравана, направленного в Хорезм в соответствии с договоренностью для установления торговых и экономических связей. За предание смерти монгольских парламентеров заплатил жизнью Чингисовым полководцам и Мстислав Киевский после разгрома на Калке. Царство Цзинь Есугаев сын завоевал, мстя за убийство деда. За пособничество «Золотым царям» Пекина и отравление отца заплатили ему кровью и почти поголовным истреблением татары. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что Чингисхан был невольником мести, являвшейся, по сути дела, главной пружиной его поступков. Племя тангутов он рассеял за то, что их царек, нарушив вассальную присягу, не дал войск. За предательство своего «природного князя» Чингисхан отрубал головы даже врагам. Двоюродное племя тайчжиудов он истребил за то, что после смерти Есугая оно бросило его семью в степи без всяких средств к существованию. На племя меркитов Темучжин двинул войско, отвоевывая украденную жену. Он убил родного брата за то, что тот отнял у него «блестящую рыбку».

Кем же был этот человек с серо-зелеными глазами? К какой расе принадлежал? К тюркизированным арийцам, как, например, сельское население Кашгарии? К монголам? Являлся ли он только воином или скорее политиком? Знал ли другие чувства, кроме злобы? Р. Груссе уверяет, что «привязанность и любовь Темучжина к первым друзьям стали легендарными», и тут же добавляет: «Да, таковы были нравы больших войлочных юрт, где с верностью слову, данному другу, могли соперничать лишь коварство и жестокость в обращении с врагом!»

Клянясь в любви к арабо-персидской цивилизации и подчеркивая варварское состояние цивилизации кочевников, французский историк неоднократно подчеркивает дисциплинированность подданных Чингисхана, а его самого выгодно сравнивает то с вышеназванным хорезмшахом, то с

самим Александром Македонским.

Так кем же был этот человек, в детстве панически боявшийся собак, затем — собственного верховного шамана; человек, в критические моменты жизни искавший как поддержки Вечного Неба, так и советов жены, которым следовал неукоснительно?

Чингисхан создал свое государство, истребив половину монгольских родов. Порядок, установленный им в империи, отмечали все. За ее рубежами царил хаос. Сама же она просуществовала более ста лет.

Есугаев сын, в отличие от гунна Аттилы, знавшего языки римлян и остготов, с китайцами и персами разговаривал через переводчиков, но заставил своих сыновей обучиться языку и письменности уйгуров, единственного в ту пору цивилизованного тюркского народа. Учился он и сам. «Китайский книжник» Елюй Чуцай объяснил этому царю кочевников и лесных охотников, в чем состояла польза оседлого народа; тюрки-трансоксианцы Масхут и Махмуд Ялавачи просветили его относительно смысла городской цивилизации; китайский монах-философ Чань-чунь вел с ним беседы о принципах даосизма. Интересовался Чингисхан и сутью мусульманской религии, которую объявил одним из трех официальных — помимо шаманизма и христианства — вероисповеданий своей империи. Рассказ об этом и многом другом составляет содержание данной книги, одной из немногих действительно хороших биографий Покорителя Вселенной, как считает английский историк Ф. В. Кливз, о чем с удовлетворением говорит Н. Ц. Мункуев, переводчик и комментатор «Мэнда Бэй-лу, Полного описания монголо-татар» (М., 1975 г.).

Что касается Р. Груссе, автора настоящей книги, то о нем «Энциклопедия Ларусс» сообщает следующее. Родился в 1885 году, скончался в возрасте 67 лет. В 1946 году стал членом Французской Академии. Выдающийся востоковед. Из-под его пера, кроме жизнеописания Чингисхана, вышли: четырехтомная «История Азии», «История Дальнего Востока», а также такие работы, как «Пробуждение Азии», «По следам Будды», «Восточные цивилизации», «История Крестовых походов», «Степная империя», «Монгольская империя», «История Китая» и даже «История Армении».

Е. А. Соколов

Часть первая предки

Дети Серого волка и Рыжей лани

Пейзаж, послуживший фоном для этой жестокой истории, — один из наиболее контрастных в Верхней Азии. На севере — это могучие горные цепи: Алтай, Саяны, Хангай, Яблоновый хребет и Хинган, высота которых нередко достигает двух тысяч метров. Почти сплошь покрытые лесами, они являются продолжением бескрайней и непроходимой сибирской тайги, состоящей из пород деревьев, характерных именно для нее. На склонах, обращенных к северу, растет безразличная к холодам лиственница; на склонах, смотрящих на юг, благоденствует сосна. Вся эта субальпийская флора поднимается на высоту двух километров над уровнем Мирового океана. Ниже, на влажных склонах и в глубоких долинах, ковром расстилаются кедровники, еще ниже — тополиные рощи, березняки и ивняки, которые, следуя за речными потоками, проникают в самое сердце степи.

Пастбища — на этих широтах особенно тучные — начинаются в глубине альпийской зоны и у подножия гор. По мере продвижения на юг усиливается воздействие дующих из Гоби ветров, которые заставляют субальпийскую «прерию» отступать перед степной растительностью, представленной здесь прежде всего ломоносом, лилейными, полынью и пыреем (этот последний ценится животными особенно), варьирующейся в зависимости от свойств почвы.

Весной эта бескрайняя степь — сплошной зеленый ковер, воспетый монгольскими бардами. В июне он все еще пестреет всевозможными цветами, но уже в середине июля жара высушивает эту зелень и желтый цвет покрывает ровным слоем все долины.

Итак, «улыбка степи» держится недолго. Уже в октябре приходит зима со своими вьюгами, а в ноябре лед сковывает реки, которые освобождаются из его неволи только в апреле. Если в середине осени монгольская земля является приложением к Сибири, то во второй половине июля жара превращает ее в приложение к азиатским Сахарам: степь дрожит под солнцем, и в каждый полдень разыгрывается ужасная гроза.[1]

Отсюда — невероятные колебания температуры: в У pre (совр. Улан-Батор. — Е. С.), столице нынешней Монголии, мороз достигает — 42°, а летняя жара — +38°. Сверх того — в любое время года степи и горы продуваются ветрами, которые чуть ли не вырывают всадников из седел! Если монголы стали железным племенем Древнего мира, то лишь потому, что их закалило само существование в этом тяжелом климате, контрасты которого

уравновешиваются только в организмах, способных не погибнуть сразу. Именно такими предстают перед нами эти лесные охотники и пастухи-кочевники, плосконосые и скуластые, на обветренных и словно покрытых окалиной лицах которых сверкают орлиные глаза, эти люди с кривыми из-за постоянного сидения в седлах ногами. Такими же предстают перед нами и лошади, лохматые и коренастые, столь же выносливые, как их хозяева.

Монгольские лошади и всадники как бы нарочно созданы для того, чтобы побеждать снежные и песчаные бури, чтобы на севере бесстрашно карабкаться по горам, покрытым непроходимыми пущами, и на юге пересекать безводные просторы Гоби, чтобы в состязаниях в скорости побеждать оленей и волков, этих тотемных животных степи и леса.

Волки и лани! Сотни их изображений можно увидеть на украшенных зооморфным орнаментом бронзовых статуэтках и пластинах, которые встречаются всюду, начиная с Минусинской области и кончая Ордосом, на китайской границе, и которые с VII века до н. э. вплоть до Средних веков с неизменным успехом представляли искусство населения Верхней Азии. Не видят ли монгольские легенды и тюркские предания в этих животных предков расы?

…Серый, а точнее Сизый (Борте-Чино), волк вышел из легендарной местности Эргунэ-Кун, которую, вероятно, следует искать на севере, там, где находятся покрытые лесом горные цепи, перечень которых мы вскоре дадим, ибо монголы, прежде чем сделаться степняками, жили в лесистых горах. Великий Волк-предок однажды встретил Рыжую лань (Гоа-марал) и вместе с нею пришел в центр будущей страны монголов. Покинув берега озера Байкал — «моря», как говорит бард-чингисид, — они оказались у истоков реки Онон, что протекает неподалеку от священной горы Бурхан-халдун, то есть нынешнего массива Хэнтэй. Места священные. Возвышающийся среди густых сосновых лесов, лежащих у его подножия, Хэнтэй поднял почти на трехкилометровую высоту гранитные и гнейсовые массы своих плоских вершин и голых куполов, на которых обитает Бог Синего Неба Кок Тенгри — верховное божество монголов. Именно там в период крутых поворотов в своей жизни Чингисхан, совершив восхождение на священную гору, всякий раз обретал покровительство небесных сил.

Еще потому Хэнтэй видится нам определяющим фактором в судьбе страны монголов, что делит ее на две абсолютно самостоятельные зоны: на северную, лесную — прямое продолжение тайги, и на южную, степную, предваряющую

пустыню Гоби.

Что касается Онона, у истоков которой сделали остановку Волк и Лань, то она представляет собой некий пограничный водный рубеж, берущий начало в таежных лесах, но в основной своей части являясь типичной степной рекой, катящей свои воды по суглинкам и пескам, то мелко-, то полноводной, но неизменно окаймленной тучными лугами.

Именно в этом священном крае совершилась любовь Сизого волка и Рыжей лани, а их сын, Бата-Чиган, стал родоначальником всех чингисидов.

Дошедший до нас перечень колен, лаконичный, словно библейская генеалогия, сообщает лишь имена, но они, имена, порой излучают удивительный свет. Вот Еке-нидун (Большой глаз). История этого монгольского Циклопа теряется во тьме времен. Ощущение реальности к нам возвращается только через несколько поколений, вместе с Тороголчжин-баяном (Богатым), родившим Дува-сохора (Кривого) и Добун-мергана (Меткого). Этот последний и заложил настоящую основу монгольского рода.

Однажды, поднимаясь на Бурхан-халдун, то есть, как мы знаем, на гору Хэнтэй, братья заметили орду, совершавшую переход в направлении на Тунгелик, небольшой правый приток Орхона, отмеченный на современных картах названием Хара (Черная). Кривой сказал младшему брату: «Среди этих людей я различаю сидящую на передке черной кибитки очень красивую девушку. Если она еще не принадлежит мужу, я попрошу ее для тебя, брат Добун».[2]

Девушку звали Алан-Гоа (Красавица Алан). Она была хороших кровей, относясь к лесному племени хори-тумат, жившему охотой на пушного зверя на западном берегу озера Байкал. Однако ее отец Хорилартай, поссорившись с родственниками, покинул богатые куницей и соболем родные леса и отправился на поиски лучшей доли в отроги Бурхан-халдуна. Просьба отдать его дочь за Добуна показалась ему удобным поводом для вхождения в доверие к жителям этого края. Он принял предложение Дува-сохора, и прекрасная Алан стала женой его брата.

Небесный гость

Эти предания нас интересуют постольку, поскольку они подтверждают, что, подобно своему предку-волку, древние монголы были лесными охотниками или, по меньшей мере, обитателями зоны, соединявшей лес со степью. Во всяком случае, следует отметить, что живший в мифическое время монгольский бард рассказывает нам лишь о звероловстве и ни разу не упоминает о скотоводстве.[3] Об этом свидетельствует и эпизод, связанный с Добун-мерганом.

Однажды он встретил в лесу человека из племени урянхат, который, убив оленя-трехлетку, готовил жаркое из его верхних ребер.

— Эй, — крикнул ему Добун, — дай на жаркое!

Охотник счел за лучшее уступить этой грубой просьбе. Жизнь тех дикарей, как видно, сплошь состояла из неприятных неожиданностей, перед которыми разумнее было склониться, особенно тогда, когда встречный незнакомец имел лучшее вооружение и выглядел сильнее физически. Оставив себе шкуру и легочную часть туши, остальное урянхат отдал Добуну.[4]

Добун продолжил путь, унося даром доставшуюся ему добычу. По дороге он наткнулся на старого баяуда,[5] ведшего за руку своего юного сына. От истощения старик едва держался на ногах.

— Удели мне из этой дичины, — взмолился он, обращаясь к Добуну, — а я отдам тебе своего паренька!

Найдя сделку выгодной, Меткий отдал нищему ногу оленя и увел отрока с собой, намереваясь сделать из него слугу.

Вполне возможно, что юноша, приобретенный за кусок дичины, был пращуром Чингисхана. И в самом деле, в доме Добуна со временем произошли странные события. Алан-Гоа родила от него двух мальчиков. Но уже после его смерти красавица произвела на свет еще троих. Два ее старших сына, как повествует простодушный монгольский бард, возроптали:

— Вот наша мать родила трех сыновей, а между тем при ней нет мужа. Единственный мужчина в доме — это баяуд. От него, должно быть, и эти три сына.

Таково было, сказали бы мы, слишком человеческое объяснение тех далеких событий. Но как бы ни были смелы эти суждения, они не учитывали вмешательства Небес, самого Тенгри, весьма озабоченного, как нам известно сегодня, продолжением рода Добуна. Именно это и открыла Алан-Гоа своим старшим сыновьям.

Одним осенним днем она пригласила их и трех своих младших сыновей на семейный пир (была зажарена годовалая ярка), во время которого и поведала им тайну, дотоле свято ею хранимую:

— Каждую ночь некто сияющий, как золотой слиток, проникал в дымоход моей юрты и спускался ко мне. Это он трижды оплодотворил мое чрево. Затем он улетел на луче то ли солнца, то ли луны. Он походил на рыжего пса. Перестаньте же, мои старшие сыновья, произносить безответственные речи, ибо три ваших брата несомненно являются чадами самого Тенгри! И более не говорите о них как о простых смертных!..

Произнеся эту загадочную речь, великая вдова как бы предрекла, что дети этих детей, сыновья чуда, однажды станут властителями полумира.

Тогда же Алан-Гоа вручила каждому из своих детей по стреле, приказав их сломать, что они и сделали весьма легко. Затем она протянула им пять других стрел, сложенных в пучок; но сломать его никто не сумел. Объясняя этот урок, мать сказала:

— Пятеро моих сыновей, если вы расстанетесь, вас сломают одного за другим точно так же, как вы справились каждый со своей стрелой. Но если вы останетесь как связанными в один пучок, что сможет разрушить ваш союз?

Слово о Бодончаре

После кончины великой, вдовы ее пятеро сыновей поделили между собой ее стада — главное богатство кочевников, или, точнее будет сказать, четверо забрали себе почти все, не оставив практически ничего самому юному, Бодончару-простаку, по причине этой самой его простоты и потому слабости.

Здесь в древнемонгольском сказании о Бодончаре начинается нечто любопытное. И в самом деле, после повести о Волке и Лани, а затем после очерка о божественном прелюбодеянии древнемонгольский бард вдруг спускает нас с Небес на землю и развлекает рассказом о жалкой судьбе обыкновенного степного грабителя.

Итак, Бодончар-простак, поняв, что в его родной семье с ним никто не считается, решил податься куда глаза глядят. Он взял лошадь, плохую, «жидкохвостую черно-белую кобылу со ссадинами на спине», и пустился наудалую. Он вовсе не рассчитывал с такой клячей в степи на что-либо хорошее: «Умирать так умирать! Живу быть, так быть живу!»

Бодончар спустился по долине Онона и, добравшись до Бальчжун-арала (Грязевый остров), построил себе из тростника хижину. Однажды неподалеку он заметил самку ястреба, клевавшую черную степную курицу, и, сделав из конского волоса петлю, хищницу поймал.

Приручив ястреба, Бодончар стал охотиться на мелкую дичь. Весной, когда гуси и утки тысячами садились на воды Онона, он, загодя поморив его голодом, напускал на их стаи. Так что в течение многих недель охотник и его птица имели мяса вдоволь. Когда пернатой дичи не было, Бодончар, подобно Маугли, приставал к волчьей стае и вместе с ней гонялся то за косулями, то за оленями, то за антилопами или куланами, пасшимися в поречье Онона. «Он подстерегал дичь, которую подгоняли к обрывам; он стрелял ее из лука и делился добычей с ними». Оставленное волками он доедал сам или кормил этим своего ястреба.

Суровое житье монгольского Маугли было нарушено пришельцами. На его земле осела орда, вышедшая из бассейна реки Тунгелик (скорее всего то была нынешняя Хара, впадающая в Онон севернее Урги). Поначалу Простак с ними ладил. Каждый день, возвратившись с ястребиной охоты, он шел к соседям за кобыльим молоком, и те ему не отказывали. Нравы новоселов были дикими, и Бодончар (впрочем, как и пришельцы) не задавал им нескромных вопросов об их расе и происхождении. Вечерами

он благоразумно возвращался в свою хижину.

Однако старшему брату Бодончара, носившему имя Бугу-Хадаги, не терпелось знать, что с ним стало.

— Тот, кого ты ищещь, — сказали ему люди, пришедшие с Тунгелика, — живет недалеко от нас. Каждый день он приходит за кобыльим молоком, но ночью скрывается. Когда дует северо-западный ветер, перья диких гусей, сбиваемых его ястребом, летают по округе, точно снег во время пурги. Скоро ты его увидишь.

Действительно, прошло совсем мало времени, и Бодончар появился.

Братья узнали друг друга, обнялись и поехали по-над Ононом, мирно беседуя. По ходу разговора Бодончар трижды произнес следующую загадочную фразу: «Брат, а брат! Добро человеку быть с головой, а шубе — с воротником». Объясняя брату ее смысл, он сказал, что у племени, по соседству с которым жил, нет вождя и потому они терпят все невзгоды, связанные с безвластием.

— Они не отличают головы от копыта. Для них все едино.

И, забыв, что эти люди, каждый день кормя его молоком, спасли ему жизнь, Бодончар, как настоящий степной разбойник, добавил:

— Давай-ка мы их захватим!

Предвкушая хорошую добычу, Бугу привел изгнанника в семейное стойбище, где три других брата тоже похвалили Бодончара за предлагавшийся им набег. Удальцы вскочили на лошадей и поспешили к хижине Простака, не отставая от него ни на шаг.

По пути Бодончар схватил какую-то беременную молодку и заставил рассказать все, что ей было известно о ее племени, особенно о роде джарчиутов.

Братья свалились на Бодончаровых благодетелей как снег на голову. «Они напали на них, — радостно сообщает монгольский бард, — и завладели всеми их стадами и запасами продовольствия, а их самих превратили в рабов».

Этот эпизод проливает достаточно яркий свет на нравы тех диких народов. Бодончар, еще недавно презиравшийся братьями, изгнанный из семьи, как человек слабый телом и душой, был ими возвращен и реабилитирован как раз за то, что отплатил гнусным предательством за слишком доверчивое гостеприимство джарчиутов. Более того: в глазах барда-чингисида, рассказавшего нам об этом событии, главным подвигом Простака стало именно вероломство. Правда, есть и такое объяснение сути свирепых степных законов, столь подобных правилам джунглей:

«Джарчиутов легко разбить, — заметил Бодончар, — потому что у них нет вождей».

Прирожденными организаторами, вождями и полководцами — вот кем так ярко и убедительно покажут себя потомки Бодончара и тем заслужат право на звание «завоевателей мира». Но прежде им надо было, как говорила вдовая ханша Алан-Гоа, сложить в единый сноп все монгольские стрелы, собрать в кулак все племена.

Нищета и величие кочевников

Объединение племен, в конце концов осуществленное Чингисханом, неоднократно предпринималось его пращурами. Не один и не два раза оно казалось достигнутым, но вновь и вновь союз распадался, уступая место вражде кланов, кровавым усобицам, безвластью и немощи. И тогда не было судьбы более жалкой, нежели участь потомков Волка и Лани.

Внук Бодончара, Менен-Тудун, умер еще не старым, оставив своей жене Намолун семь сыновей, коих древнемонгольский составитель генеалогий называет поименно, начиная со старшего, Хачи-Кулюка (Хачи-герой), и кончая самым младшим, Начин-баатуром (Начин храбрый).[6]

Овдовевшая Намолун остается во главе племени, являя собой тип тех хатун, монгольских княгинь, которые в периоды межвластья держали, фигурально выражаясь, в своих мужественных руках туг племени — знамя, состоявшее из древка, увенчанного хвостом лошади или яка.

В Монголии в те времена произошли внезапные перемещения, спровоцированные набегами чжурчженей, тунгусов, покинувших маньчжурские леса, в надежде завоевать Северный Китай.

Чжурчжени напали на джалаиров (племя, возможно, тюркских кровей), находившихся в поречье Керулена, и устроили им кровавую баню. Семьдесят джалаирских родов бросились в верховья Онона, на пастбища, принадлежавшие монголам, в ту пору предводительствуемым энергичной Намолун.

Голод принудил переселенцев заняться сбором кореньев в степи, где монголы объезжали своих лошадей. Вдовствовавшая ханша постановила положить этому конец. Запрягши свою колесницу, она устремилась на джалаиров и в гневе ранила несколько их человек. Мстя за пострадавших, иммигранты решили прогнать все ее табуны. Начался бой, скоро превратившийся в настоящее сражение. Сыновья Намолун бросились в схватку, не успев облачиться в броню из вареной кожи. Их мать, обеспокоенная исходом дела, приказала снохам срочно доставить им доспехи, но, прежде чем женщины прибыли на поле брани, шестеро их мужей пали. Джалаиры убили и саму Намолун. Из всей семьи осталось только двое мужчин: седьмой сын вдовы, Начин храбрый (который был женат на девушке из страны Барга, или Баргуджин) и сын Хачи-Кулюка, Хайду, представитель старшей ветви «царского» рода.

Страна Барга, где Начин нашел себе жену, находилась на

восточном берегу Байкала, а конкретнее — в долине одноименной реки, отделенной от озера прибрежным хребтом, достигавшим высоты 1200–1400 м. и покрытым густым лесом.

Узнав об истреблении сородичей, Начин покинул Баргу и прибыл в родовую долину на верхнем Ононе, но непоправимое уже свершилось. Он нашел только старух, коими пренебрегли джалаиры, и своего малолетнего племянника Хайду, которого женщины укрыли то ли в поленнице, то ли в горшке для молока.

Начин храбрый горел желанием отомстить за единоплеменников и, будучи истинным монголом, возвратить лошадей — главное богатство кочевников. Однако у Начина не было коня. На его счастье, одна рыжая лошадь, убежав от джалаиров, возвратилась в родную долину. Оседлав ее, Начин направился к джалаирским юртам, рассчитывая подобраться к ним со стороны Керулена. «Сначала ему встретились два конных охотника, ехавших на некотором удалении друг от друга с соколами или ястребами на руках. Он без труда узнал птиц, когда-то принадлежавших его братьям». Начин подъехал к самому молодому и, не назвав себя, спросил, не видел ли он гнедого жеребца, уведшего за собой на восток табун лошадей. Завязалась беседа. Но на одном из поворотов тропы, шедшей по-над Керуленом, Начин внезапно ударил спутника ножом, а затем, привязав к трупу лошадь и сокола, с поразительным хладнокровием направился ко второму охотнику. Тот, не подозревая, что произошло с первым всадником, спросил, почему так долго он не появляется. Начин сказал первое, что пришло на ум, и, так же улучив момент, нанес ему смертельный удар. Вдали показалось несколько сотен лошадей, пасшихся под присмотром мальчиков. Сомнений у Начина не было — это был табун его семьи! Храбрец взобрался на холм, обвел взглядом округу и не увидел никакого вооруженного отряда. Уверенные в своей победе, джалаиры возвратились к обычным своим занятиям. Напав на юных пастухов и перебив их, Начин погнал лошадей на свое родовое пастбище, куда и прибыл довольный собой и с братниными соколами на руке. Однако, опасаясь ответного удара, он приказал племяннику Хайду и старым женщинам собираться в путь. Спустя некоторое время он доставил их вместе с жеребцами, кобылами и меринами на стойбище, находившееся в лесах Восточного Байкала, в стране Барга, где его с нетерпением ждала супруга.

Как мы уже знаем, Хайду был представителем старшего рода. Когда он вошел в возраст, Начин, повинуясь степным законам, признал его вождем. Тогда же, решив взять реванш над джалаирами, Хайду повел единоземцев на них и, разгромив,

принудил признать свой сюзеренитет. Все позволяет думать, что он расположил свой стан на бывших землях своего рода, то есть юго-восточнее горы Хэнтэй, близ священных истоков Онона и Керулена.

«Семьи различных племен, — сообщают нам китайские хроники, — одна вслед за другой пришли к нему (Хайду. — Е. С.), ища покровительства, и число его подданных возрастало с каждым днем». Это был именно тот тип владычества, характерного для кочевого общества, когда авторитет вождя ведет к объединению вокруг него развалившихся и обнищавших кланов, разоренных семей, ищущих заступничества, авантюристов, жаждущих кровавых схваток, лучников, рассчитывающих превратить меткость своих стрел в добычу и дань. По такой схеме позднее родится и империя самого Чингисхана. Государство же, созданное Хайду — самое первое в истории монголов, — явилось ее прообразом.

И монгольские сказители, и китайские летописцы, и персидские историки считали так и не ошиблись. Хайду, в самом деле, оказался тем первым человеком своей расы, за которым она признала титул хана, то есть царя. Некоторые даже величали его хаганом, императором. Однако присвоение этого сана, видимо, произошло посмертно, значительно позднее, иначе бы список завоевателей-чингисидов обязательно открывался именем их далекого предка.

С другой стороны, внезапное возвышение Хайду свидетельствует о поразительной непрочности этих кочевых империй, а также о том, что племя, доведенное до полного убожества через утрату пастбищ, уничтожение подрастающего поколения, похищение кобылиц, возрождается для новой демографической экспансии, как только его охотничьи угодья и поля ему не отмериваются более скупою рукой.

Что касается времени этих событий, то определить его точно, разумеется, невозможно. Однако нам представляется, что происходили они во второй трети XII столетия.[7]

Дикий вождь при дворе «Золотого царя»

Когда не стало Хайду, первого монгольского хана, племена оказались поделенными между тремя его сыновьями, что не могло не ослабить молодого царства.

Если мы почти ничего не знаем о его наследнике, старшем сыне, по имени Байшингор-докшин, то известно, что правнук последнего, Хабул-хаган, был великим вождем: с ним монголы, владения которых ограничивались окрестностями горы Хэнтэй, вышли на мировую арену, став достаточно могущественными, чтобы пекинский двор ими заинтересовался.

В ту пору Пекин и Северный Китай принадлежал чжурчженям, маньчжурскому племени тунгусского корня, то есть ближайшим родственникам нынешних маньчжуров.

Чжурчженьские князья, носившие китайский сан «Цзинь», то есть «Золотой царь», правили территорией, лежавшей между приамурскими лесами и прибрежными районами Янцзыцзяня («Голубая река»). В поречье Янцзы их власть осуществлялась в ущерб китайской империи, объединявшей провинции Южного Китая. Чтобы иметь в этом регионе большую свободу, чжурчжени старались обезопасить свои тылы от набегов кочевников из Монголии, в частности кераитских племен, группировавшихся вокруг Хабула. Потому «Золотой царь» пригласил монгольского вождя к себе, в Пекин, а точнее, на очередную царскую охоту в Маньчжурии.

Хабул поразил пекинский двор своими дикими ухватками. Разумеется, чжурчжени, сами еще находившиеся на стадии варварства и лишь слегка коснувшиеся китайской цивилизации, не были слишком рафинированными, но манеры монгольского гостя их потрясли, особенно его обжорство. Правды ради следует сказать, что этому аппетиту, достойному великого Пантагрюэля, персидские историки нашли объяснение довольно любопытное. Дикарь, оказавшись среди вельмож, будучи встревоженным торжественностью обстановки и обеспокоенным обилием изысканных блюд — особенно загадочными были китайские сладости — возможно, отравленных, время от времени выходил на двор, чтобы освободиться от съеденного, после чего он возвращался к столу и снова принимался за угощение как ни в чем не бывало. Яства были очень вкусными, рисовая водка текла слишком обильно, и Хабул, все-таки охмелев, забылся настолько, что не огладил в знак уважения бороды «Золотого царя».[8] Когда монгол протрезвел и узнал о совершенном им преступлении — оскорблении величества, то сам потребовал себе наказания.

«Золотой царь» лишь рассмеялся, то ли полагая, что лучшего поведения от дикаря ожидать было нельзя, то ли не желая злить монголов: ведь чжурчженям еще предстояло не раз сразиться с китайцами на Янцзы. Как бы там ни было, он простил Хабула и отправил его в Монголию, щедро одарив золотом, самоцветами и дорогими одеждами.

Однако, поразмыслив, чжурчжени пришли к заключению, что обласканный дикарь, при всей его простодушности, может оказаться соседом очень опасным. Так что не успел Хабул проехать и двух верст, как, вняв речам советников, «Золотой царь» решил исправить свою оплошность и послал за монголами гонцов с приглашением возвратиться ко двору. Почуяв неладное, те отказались. Чжурчжени Хабула схватили, но пленник, посаженный на серого жеребца, сумел от них ускакать и в отместку приказал перебить пекинских послов.

Эта история стала известна персам через монгольских сказителей. Подтверждение ей мы находим у китайских хронистов, от которых также знаем, что в 1139 и 1147 годах «Золотые цари» ратоборствовали на своих северных рубежах с монголами, которым в конечном счете отдали несколько приграничных областей. Сверх того, начиная с 1148 года пекинский двор ежегодно отправлял северным племенам в виде даров пшеницу, овец и быков. Но этот подарок, на деле, являлся замаскированной данью, ценой которой покупался мир для границ Большого Хингана. Далее. Следуя китайскому обычаю, «Золотой царь» признал вражеского вождя государем всех монголов, правда, в качестве своего вассала.

Монгольские источники об этом молчат. Зато они внимательно прослеживают судьбу малоизвестных племенных вождей, которым приписывают честь быть ближайшими предками Чингисхана. Так мы узнаем, что Хабул оставил после себя полдюжины сыновей, обязанных своей силе и отваге титулом «кият», который можно перевести как «бурный поток» и который остался за их потомками, создавшими свой особый полуклан в рамках царской семьи борджигинов. Этих шестерых сыновей монгольские барды упоминают часто, ибо хотя все эти кочевники и были нищими, за своей генеалогией они следили ревностно. Вот их имена: Окин-Бархаг, Бартан-баатур, Хутухту-Мунгур, Хутула-хаган, Хадаан и Тодоен-отчигин. Но не им передал Хабул свою власть, а своему двоюродному брату, Амбагаю (правнуку хана Хайду, как он сам), вождю тайчжиудов.

Неутолимая ненависть. Муки Амбагая

Монгольское царство, казалось, достигло своего апогея, когда между ним и татарами вспыхнуло роковое соперничество.

Как мы уже отмечали, монголы кочевали у подножия горного массива Хэнтэй, неподалеку от истоков Онона и Керулена, рек-близнецов, текущих более или менее параллельно, из которых первая несет свои воды на север, а вторая — на юг, в восточном направлении, что не составляет их единственного различия, ибо Онон, своим левым берегом примыкая к тайге, является водным рубежом лесистых гор, а Керулен, напротив, — река степная, текущая по гладкой, как стол, долине, засушливой в продолжение значительной части года, этакая лента, перекинутая через пустыню; вот почему, когда она, имея ширину от 20 до 40 метров, впадает в озеро Колен-нор, ее глубина не превышает двух метров. Керулен еще называют «прохожим чужестранцем», безразличным к земле, по которой следует. Ее долина образует среди степи поле с редкими зарослями тальника, которые по мере удаления от реки уступают место степной растительности, травам и кустарникам, полыни.

Озеро Колен, куда впадает Керулен, представляет собой все более истощающийся водоем с топкими берегами. Во время разлива оно сообщается с Аргунью через протоку, пересыхающую в остальное время года. Но одновременно оно питается водами реки Уршиун, служащей дренажным каналом для другого озера, находящегося южнее, именуемого Буир-нор и подпитываемого рекой Халхой, стекающей по лесистым склонам Большого Хингана. Весь этот район представляет собой, вообще говоря, полупустыню с редкими солеными озерами и болотами. Чем ближе к продольной цепи Хингана, тем больше растительности и гуще травы, достигающие груди человека и зеленеющие даже в августе. В степи то там, то здесь встречаются ивняковые, карагачевые, березовые и тополиные рощицы. Что касается Большого Хингана с его остроконечными вершинами, достигающими двукилометровой высоты, то его сплошь покрывают густые леса, где, как в монгольской тайге, главенствует лиственница.

Весь этот край, начиная с места впадения Керулена в озеро Колен и кончая Хинганом, служил обиталищем для татар, долгое время считавшихся, подобно маньчжурам, народом тунгусской расы, хотя в действительности они имеют чисто монгольские корни. Племя это древнее, поскольку упоминание о нем имеется в тюркских надписях, обнаруженных на Орхоне и датируемых VIII

столетием. Татарские колдуны, похоже, славились. Иначе не прислали бы к больному Хабулу одного из них. Правда, несмотря на все усердие шамана, несчастный умер. Родственники усопшего увидели в этом злой умысел татарина и, догнав его, убили. Единоплеменники ведуна, желая отомстить обидчикам, среди которых значились и сыновья Хабул а, схватились за мечи. Эта борьба между единокровными не так уж безынтересна. В самом деле, разве не любопытно знать, принадлежала ли гегемония в монгольском обществе племенам, жившим на Хэнтэе и Ононе, или тем, кои обретались в низовьях Керулена и на озере Буир? Самих кочевников ответ на этот вопрос заинтересовал еще в эпоху Чингисхана, и его окончательный вариант был дан именно Покорителем Вселенной. Пока же ссора занимала только пекинский двор, «Золотого царя», видевшего в ней возможность столкнуть лбами одних кочевников с другими и тем самым остановить их экспансию. Поскольку монголы казались более опасными, Пекин решил, что в сложившихся обстоятельствах разумнее было бы поддержать татар.

Догадывался ли хан Амбагай о ненависти к его народу, вызванной убийством волхва? Возможно, ему представлялось, что инцидент был исчерпан. Возможно, он надеялся разрушить альянс татарских племен, заключив союз с одним из них. И в самом деле, он даже просватал свою дочь за вождя татар-айриудов и буйрудов, скитавшихся в поречье Уршиуна, между озерами Колен и Буир. Однако врагов это не успокоило. Когда он, ничего не подозревая, ехал с дочерью к жениху, другое татарское племя, а именно чжуины напали на него и под надежной охраной доставили «Золотому царю». Должно быть, пекинский двор был очень недоволен монгольскими грабежами, если так свирепо расправился с пленниками: хан Амбагай был прибит гвоздями к деревянному ослу. Такой же казни подвергся и старший сын покойного хана Хабула по имени Окин-Бархаг, тоже схваченный татарами и переданный «Золотому царю».

Подобные зверства не забываются. Перед смертью Амбагай успел послать гонца (Балагачи из рода бесут, как уточняет монгольский бард) к Хутуле, самому энергичному сыну Хабула, а также к собственным детям. «Меня, верховного вождя монгольского народа, взяли в плен татары, когда я вез к ним свою дочь. Да послужит мой пример вам уроком! А теперь отомстите за меня, не щадя ни ногтей своих, ни всех десяти пальцев, стреляя из луков!»

Так в монгольских сердцах копились обиды, за которые Чингисхан и его сыновья заставили-таки заплатить кровью сначала последнего татарина, а затем последнего «Золотого

царя».

Монгольский Геракл

После казни Амбагая собственно монголы и их братья тайчжиуды приступили к избранию нового хана, собравшись на вече в Хорхонах-джубуре, лесу, росшем по берегам Онона. Большинство голосов было отдано Хутуле, третьему сыну хана Хабула. Выборы стали поводом для празднества с плясками и пиром. В сени дремучего Хорхонах-джубура они «плясали до тех пор, пока их чресла не оказались в канавах, а колени в пыли». Руководил этими ритуальными танцами, вероятно, сопровождавшимися тотемическим маскарадом, еще бытовавшим у таежных народов, новоизбранный хан.

Если верить описанию, имеющемуся в легенде, Хутула, этот последний в дочингисовом периоде государь, был ужасен, являя собой некоего монгольского Геракла, полуживотного-полу божество. Еще долго после его смерти сказители воспевали силу его голоса, звучавшего в горных ущельях подобно грому, и мощь его рук, подобных медвежьим лапам, которыми он ломал людей так же легко, как деревянные стрелы. «Они рассказывали, что зимними ночами он спал голым у костра из цельных деревьев, не чувствуя ни головешек, ни искр, падавших на него, принимая полученные ожоги за укусы насекомых. Каждый день он съедал по барану и выпивал по бурдюку кумыса».

Едва встав на царский войлочный ковер, Хутула, заручившись поддержкой своего брата Хадаана, объявил войну татарам, чтобы отомстить за Амбагая. Они тринадцать раз сходились в схватке с татарскими вождями Котон-барахой и Чжали-бухой. Но, как ни старались братья, с грустью признает монгольский бард, «за Амбагая не отомстили». Иными словами, они не сумели добиться решительного преимущества. О состоявшихся баталиях нам не известно ничего, кроме того, что племянник Хутулы, Есугай-баатур (Есугай храбрый), взял в плен нескольких татарских вождей, в том числе Темучжин-Уге и Хори-Буху. Ниже мы расскажем, почему именно благодаря данному обстоятельству Покоритель Вселенной получил свое имя.

Мстя, Хутула, вероятно, проникал в глубь татарских земель, доходя до владений «Золотого царя», возможно, до нынешних монголо-маньчжурских границ. Так, предание утверждает, будто во время очередного похода он решил развлечься охотой, когда на него неожиданно напали дорбены, тоже монголы, что показывает, сколь мало значила царская власть за пределами тех племенных союзов, которые входили в подчинение ханам. Покинутый свитой, Хутула бросился в болото, но лошадь его

утонула по шею. Встав на седло, он выскочил из трясины. Столпившиеся на противоположном берегу дорбены почли лишним его преследовать, говоря: «Что такое монгол без коня?» Тем временем слуги Хутулы распространили слух о гибели хана, а его племянник Есугай, исполняя обычай, пришел с едой в его юрту, чтобы совершить погребальную тризну. Однако жена Хутулы не поверила в смерть мужа. «Воин, чей голос потрясает небосвод, а руки подобны лапам медведя-трехлетки, не может попасть в плен к дорбенам! Уверяю вас! Он скоро вернется!» И действительно, как только дорбены ушли, Хутула вцепился коню в гриву и вытянул его на сушу. Оказавшись в седле, он увидел табун кобылиц, пасшихся на дорбенском поле под присмотром жеребца. Хан пересел на него и, погоняя лошадей, живой и здоровый, появился у своей юрты, когда там его уже начали оплакивать. Увы, эти подвиги счастливого продолжения не имели. Монгольская легенда рассказывает о поражении, которое потерпели монголы при озере Буир в битве с татарами, объединившимися с «Золотым царем». Из китайских источников нам известно и то, что в 1161 году сей последний, желая покончить с грабежами кочевников, направил в Монголию целое войско. Политике пекинского двора вкупе с татарским оружием удалось одержать верх над первым монгольским государством, и татары стали гегемоном в восточной части Гоби. Со временем их могущество возросло столь значительно, что вызвало беспокойство у Пекина. Именно этому изменению соотношения сил в татаро-маньчжурском союзе будет обязан Чингисхан своими первыми успехами.

О конце правления хана Хутулы известно лишь то, что у него не оказалось последователя. Никому из его трех сыновей — ни Чжочи, ни Гирмау, ни Алтану — править монголами не пришлось. Не стал ханом и племянник Хутулы, Есугай-баатур, которому, тем не менее, монгольский эпос присвоил титул хана по той одной причине, что Есугай стал отцом самого Чингисхана.

Итак, первое монгольское государство было уничтожено татарами во взаимодействии с пекинским двором. Крах первого монгольского государства не мог не сопровождаться, как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении тексты, анархией и распадом связей не только политических, но и зачастую семейных. Монголы, такие, какими они предстают перед нами в первой части «Сокровенного сказания…», ничем не отличались от краснокожих с их кровной местью, уничтожением одного племени другим, когда род поднимался на род, когда ни на день не прекращались разбойные набеги, кражи лошадей, умыкание женщин и братоубийство. «Вот какая жизнь была, —

скажет Коко-Цос[9] сыновьям Чингисхана, — когда вас еще на свете не было. Звездное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили. Вся поверхность земли содрогалась — всесветная брань шла».

Часть вторая Покоритель вселенной

Есугай храбрый и пресвитер Иоанн

История знает мало людей, пользовавшихся такой посмертной известностью, как Есугай храбрый, отец Чингисхана, слава сына распространилась и на него. Однако жизнь самого баатура была трудной. Он появился на свет в тяжелый период монгольской истории, когда первое царство, созданное его предками, разрушилось под ударами татар и пекинского двора. Для себя он титула хана, который имел его дядя, кажется, не требовал никогда. Есугай оставался рядовым вождем подклана киятов, подразделения царской семьи борджигинов. Но было бы передержкой утверждать, что его роль была ничтожной. Прежде всего напомним: в вообще-то неудачной войне монголов с татарами его успехи были вполне реальными. Он победил нескольких вражеских предводителей, и эта победа для него была лестной — не случайно он дал своему старшему сыну имя одного из побежденных: Темучжин.

Далее. Есугай (об этом слишком часто забывают) заложил основы всей Чингисовой политики, обеспечив союз своего рода с кераитами, без которого, как мы убедимся ниже, блестящая карьера Чингисхана была бы невозможной.

Кераиты — это один из наиболее загадочных народов в истории, поскольку до сих пор не ясно, каких кровей они были: преимущественно тюркских или скорее монгольских. Первое упоминание о них появилось в хрониках лишь в связи с поколением, предшествовавшим Чингису, и летописцы тут же отвели им роль первого плана. Типичная судьба степных империй, образовывавшихся за несколько лет и распадавшихся столь же быстро. Не известен даже ареал их кочевья. Впрочем, в нескольких местах «Сокровенного сказания…» указывается, что их правители нередко останавливались в поречье Туулы, близ Черного леса (Кара-тун), лесного массива, который, возможно, соответствует Богдо-ула, что находится к югу от этой речки и Урги. В другом месте того же текста говорится, что западной границей владений кераитов служила речка Некун, в которой иные видят современный Нарийн, стекающий с гор Хангая в направлении Гоби, на юго-запад от Каракорума. Кажется, персидский историк Рашидаддин не обманулся, проведя линию их рубежа по массиву Хангай со стороны истоков Орхона. Он же настаивает на том, что они кочевали восточнее истоков Онона и Керулена, то есть до границ страны собственно монголов, и далее, на юго-восток, через Гоби, до Великой Китайской стены.

Страна кераитов, как нам представляется, на северо-западе

была ограничена последними восточными отрогами Хангайских гор, чьи вершины, возвышаясь над истоками Орхона, достигают высоты 3300 м. Гора Богдо-ула (Священная) служила рубежом ее другой части, левобережья Туулы. «Она означала для путников, — пишет исследователь Жерар, — связующее звено двух различных зон: (на севере) лесистых гор и альпийских лугов и (на юге) степей и пустыни Гоби. Голые скалы южного склона без какого-либо перехода превращаются в густой лес, состоящий из хвойных пород, а также березняка и осинника, лес, который, будучи защищенным религиозными запретами, еще и сегодня покрывает северный склон, поднимающийся до высоты двух с половиной километров».

На юге действительно земли кераитов вклинивались в пустыню Гоби. На юго-западе, между последними восточными отрогами Хангая и Алтая, имеется некий «пустынный залив», отрезок Гоби, оживляемый полудюжиной рек, текущих с севера на юг, питаемых водами, льющимися по склону первой из этих горных цепей. «Они текут быстро по каменистым ложам, вырытым посреди плоских долин рек Байдарих и Онгин. Их бег кончается солеными озерами, лежащими во впадине, являющейся продолжением северного подножия Алтая, озерами, окоймленными ивняками и песками, на которых произрастают саксаул и тамариск. Осенью и зимой Онгин, самая восточная из этих рек, теряется в долине, не успев дойти до озера Улан, оставляя без воды его бассейн, сооруженный природой из красной глины. Озеро Орок, принимающее в свое лоно реку Туин, в иные годы можно перейти вброд. Озеро Боум-цаган, лежащее западнее, более стабильно, но его воды представляют собой чуть ли не насыщенный раствор соли и серы». Та же картина предстает перед нами на востоке, ниже Урги и Туулы, где лишь изредка встречаются несколько неполноценных ручьев.

Вот это и есть Гоби, плоская, как стол, пустыня, где мелкий камень, песок и глина образуют крепкую и монолитную, как ипподромная дорожка, поверхность, кое-где перекрываемую невысокими дюнами или выходами скальных пород. Путешественники никогда не забывают рассказать о забытом Богом крае, безводном и беспредельном, где из всей растительности имеется лишь сероватая полынь, карликовые ирисы, хармаки и будурганы или редкие пучки дерису «с бледно-зелеными листьями и стебельками, жесткими, будто проволока». Лишь кусты саксаула, «лишенные листьев деревца», коих крепкие, как железо, стволы порой достигают высоты трех-четырех метров, то здесь, то там образуют рощицы прямо посреди песков. По этой негостеприимной земле бредут отары овец, питающихся редкой

травой, «желтеющей уже в июле и едва различимой на этом пространстве цвета окалины». И все же сии пустынные пастбища следуют друг за другом на расстоянии достаточном, чтобы караваны могли подкармливаться.

Так выглядели земли кераитов. При всей их скудости они позволяли этому народу держать под контролем значительную часть пустыни Гоби, этого «сухого моря», как называют ее китайцы, часть весьма важную в политическом отношении, поскольку ее тропы обеспечивали сообщение между монгольской степью и Китаем. Но существовал еще и высокогорный бассейн реки Туулы с его богатыми лугами, бассейн, который не только позволял кераитам восстанавливать силы в летний период, но являлся географическим центром, как бы созданным природой специально для того, чтобы контролировать и Западную Монголию, населенную тюрками-найманами, и Восточную Монголию, за которую собственно монголы, предки Чингисхана, постоянно вели спор с татарами.

В силу данных обстоятельств кераиты с полным основанием, как им казалось, могли рассчитывать на безраздельную власть как над Гоби, так и над монгольской степью. Надо признать, что, и на наш взгляд тоже, они на это имели определенное право. Мы не станем утверждать, что кераиты были более цивилизованны, нежели их соседи (биографии их царей не безоблачны), но отметим, что роль стражей Гоби позволила им причаститься к христианству. Если верить сирийскому летописцу Бар Гебрею, они приняли крещение вскоре после 1000 года. Было это так. Один из их государей заблудился в пустыне. Он уже умирал, когда ему явился святой Сергий. Спасенный горним милосердием, кераит по настоятельному совету проходивших мимо купцов-христиан попросил несторианского[10] митрополита города Мерв (в тогдашнем Хорасане) по имени Эбед-жесу прислать к нему священников, дабы крестить его самого и подданный ему народ. Письмо митрополита Мервского несторианскому патриарху Багдада Иоанну VI, написанное в 1009 году и процитированное Бар Гебреем, сообщает нам, что тогда крестилось двести тысяч кочевников, включая их правителя.

Но вот вопрос: не было ли имя кераитов вставлено сирийцем в текст задним числом, чтобы доставить удовлетворение князьям-чингисидам, которые, как мы увидим далее, называли кераитских княжон в числе своих предков? Но даже если это и так, то все равно остается неоспоримым тот факт, что в XI веке кераиты приняли христианство, а точнее несторианство, и их патриарх имел кафедру в Иране, в селевкидском Багдаде (кстати, отметим, что многолюдные несторианские общины процветали в

восточноиранской провинции Хорасан, т. е. под нынешним Самаркандом). Названный текст несомненно точен, свидетельствуя, как из этого края пришли хорасанские караванщики, чтобы обратить в истинную веру кераитского царька. Не менее справедливо и то, что уже в конце XII столетия второе и третье поколения кераитских ханов были христианскими, несторианскими. Здесь же берет начало распространенная Марко Поло легенда о пресвитере Иоанне (сей последний со временем был отождествлен — столь же произвольно — с эфиопским негусом). Что бы там ни было, несторианство кераитов сыграло значительную роль в истории нашего героя, ибо именно благодаря этому обстоятельству христианство стало одной из официальных религий Чингисовой империи.

О стремлении кераитов к гегемонии в Монголии мы узнаем из тех же текстов. За два поколения до наступления эпохи Чингиса властитель кераитов воевал с восточнотибетскими татарами, которых поддерживал пекинский «Золотой царь». Этот хан носил двойное имя Маркуз-Буйруха, первая часть которого не что иное, как христианское имя Марк(ус), довольно распространившееся среди несториан Верхней Азии. Взяв кераита в плен, татары отдали его людям «Золотого царя», Алтан-хана, которые подвергли несчастного тем же зверским истязаниям, что и монгольских князей, чью историю мы излагали выше: его тоже приколотили гвоздями к деревянному ослу. Вдова Буйруха, прекрасная Хутухтай Ирикчи, решила за него отомстить. Она отправилась с визитом к вождю татар, везя ему якобы в подарок сто бурду юков кумыса, любимого напитка кочевников. В действительности же в кожаных мешках сидело по воину. В разгар пира, устроенного татарином в честь приезда красавицы, сто кераитов выскочили из бурдюков и перебили почти всех гостей, не забыв и вражеского вождя. Чем не сказка из «Тысячи и одной ночи», правда, аранжированная по-монгольски?

Маркуз-Буйрух оставил после себя двух сыновей: Хурчжахуза, то есть Кириакоса (еще одно христианское имя), и Гур-хана, из которых первый ему наследовал. Правление Хурчжахуза тоже было неспокойным: его свергли с престола татары, и спасся он лишь благодаря соседям, найманам.[11]

Старший сын Хурчжахуза Тоорил (Ястреб) в нашей истории сыграет важную роль. Он будет «пресвитером Иоанном» из легенды Марко Поло, покровителем Чингисхана в начале его карьеры.

Надлежит признать, что этот представитель несторианства в Верхней Азии занял трон средствами далеко не христианскими.

После смерти отца он убил двух своих братьев, Тай-Тамур-тайши и Буха-Тамура, как соперников в борьбе за власть. Еще один брат, по имени Эрке-Хара, которого ожидала та же участь, укрылся у найманов.

Появившиеся в нашем повествовании найманы жили, как подробнее будет рассказано далее, в Западной Монголии, западнее Хангая, то есть в районе озер Кобдо, в Монгольском Алтае, и поречий Черного Иртыша и Эмиля, в Тарбагатае.[12] Их хан, Инанча-Билге-хан (Силач), чьей спины, как и крупа его коня, враги якобы не видали никогда, приютил изгнанных кераитских князей, в том числе брата Тоорила. Он же поддержал дядю последнего, Гур-хана, также восставшего против Тоорила и даже возглавившего мятеж. Гур-хан прогнал племянника с кераитского престола и принудил его бежать вместе с двумя сотнями верных людей на Селенгу, в ущелье Харауна. Там властвовали меркиты, лесное монгольское племя. Дабы завоевать их сердца, Тоорил предложил руку своей дочери Худжаур их царьку Тох-тоа-беки. Однако, как нам кажется, существенной поддержки от них так и не получил.

Расстроившись, он прибыл к Есугаю (здесь мы вновь встречаемся с героем данной главы) и спал умолять его о помощи.

— Помоги мне вырвать мой народ из рук моего дяди Гур-хана!

— Коль ты просишь меня такими словами, — ответил тот, — я возьму с собой двух тайчжиудских воинов, Хунана и Бахачжи, и втроем мы вернем тебе твой народ!

Есугай собрал войско, дал бой Гур-хану под Хурбан-телесутом, и тот бежал к тангутам, в нынешнюю китайскую провинцию Ганьсу.

Итак, решительное вмешательство Есугая храброго восстановило Тоорила на кераитском престоле. В Черном лесу, на Тууле, они присягнули друг другу в вечной дружбе.

— В память об оказанной мне тобой услуге, — заявил Тоорил, — моя вечная признательность распространится на твоих детей и на детей твоих детей. Клянусь горним Небом (деере Тенгри) и Землей!

Таковы слова, сделавшие Тоорила и Есугая братьями по клятве, побратимами; слова, которые впоследствии обеспечили сыну второго покровительство первого. И весь начальный период правления Чингисхана, вплоть до 1203 года, прошел под знаком «клятвы, принесенной в Черном лесу».

Как Есугай завоевал Оэлун

О союзе Есугая храброго с той, которой было суждено стать матерью Чингисхана, нам рассказал монгольский бард в весьма ярких подробностях. Никакой другой эпизод не представляет более откровенно свирепые нравы того времени.

Есугай охотился с соколом на Ононе, когда увидел проезжавшего стороной благородного монгола-меркита Эке-Чиледу.[13] Тот только что женился на девушке из рода олхонут, являвшегося частью племени унгиратов, кочевавших неподалеку от впадения реки Халхи в озеро Буир, в Восточной Монголии. Девушку звали Оэлун. Это имя нам встретится еще не раз.

Итак, на беду молодоженам их заметил Есугай. Наделенный отменным зрением, тот сразу же увидел, что женщина была красоты незаурядной. Он поспешил домой и позвал на помощь своих братьев Некун-тайчжи и Даритая. Увидев приближавшуюся троицу, Чиледу испугался. Погоняя лошадь (рыже-чалой масти, как заботливо уточняет бард), он поскакал к соседнему холму. Братья не отставали. Когда Чиледу возвратился к повозке с Оэлун, та, как женщина, мыслившая трезво, ему заявила:

— Ты обратил внимание на то, как выглядят эти трое? Их вид вызывает опасение. По их лицам видно, что дело идет о твоей жизни. Но ведь был бы ты жив-здоров, и девушки в каждом возке найдутся. Был бы ты жив-здоров, а жены в каждой кибитке найдутся. Придется, видно, тебе тем же именем Оэлун назвать девушку с другим именем. Спасайся! Поцелуй меня и уезжай!

С этими словами она сняла свою рубашку, и, когда он, не слезая с коня, потянулся и принял ее, из-за мыса подлетели те трое. Пришпорив своего Хуржун-хуба, Чиледу помчался, убегая от преследователей, вверх по Онону.

Трое бросились за ним, но, прогнав его за семь увалов, вернулись. Есугай-баатур повел лошадь Оэлун за поводья, старший его брат, Некун-тайчжи, поехал впереди, а младший, Даритай-отчигин, поехал вплотную рядом с ней. Едут они так, а Оэлун приговаривает:

— Батюшка мой, Чиледу! Кудрей твоих встречный ветер никогда не развевал. В пустынной земле никогда ты не голодал. Каково-то тебе теперь?

И, роняя обе косы свои то на спину, то на грудь, то вперед, то назад, она причитала:

— Каково-то теперь уезжаешь? — да так громко, что:

Онон-река взволновалась,

В перелесье ее речи отдавались.

Уже близко к дому стал унимать ее плач Даритай-отчигин:

Сколько ни голоси — он не бросится взглянуть на тебя.
Сколько ни ищи — его след простыл. Замолчи уж!

Так унимал он ее. Тут же Есугай и взял Оэлун в дом свой. Вот так произошло умыкание Есугаем Оэлун-учжин. Этот знаменитый эпизод весьма поучителен. Он показывает, что экзогамия, бытовавшая у монголов, принуждала их в поисках женщин прибегать к умыканию, что обрекало племена на вечную вражду.

Как мы еще расскажем, меркиты и верхнеононские монголы крали друг у друга женщин постоянно, и это привело к неистребимой взаимной ненависти, передававшейся из поколения в поколение и — в перспективе — к истреблению одного из двух этих племенных союзов.

Кроме того, это является еще одной иллюстрацией безвластия, вызванного падением первого монгольского царства; безвластия, вышедшего за пределы политики и серьезно нарушившего все общественные отношения в стране; зато, когда в Монголии Чингисхан установил свой порядок, законы экзогамии, побуждавшие монголов искать себе жен вне родного племени, уже исполнялись мирно, путем переговоров, без насилия и воровства.

Наконец сцена, возможность наблюдать которую нам дал монгольский бард, показывает достаточно подробно, каков был характер Оэлун. И мы видим, что она была существом, наделенным развитым чувством долга. Во всяком случае, своего первого мужа унгиратка действительно любила, о чем говорят ее стенания, несшиеся вслед ему, и трогательный дар, врученный на память. В то же время это была женщина практического склада ума, умевшая смиряться с непоправимым, о чем говорят ее попытки успокоить Чиледу и советы спасать собственную жизнь. Войдя же в юрту Есугая, она сумела привязаться к ее хозяину с той преданностью, с какой соединилась и с новой семьей, бразды правления которой ей пришлось взять в свои руки, когда тот погиб. Кто знает, как сложилась бы судьба и карьера Чингиса, не будь его мать столь прямой, деятельной и практичной.

Детские годы Чингисхана

Как явствует из исследований, предпринятых востоковедом Пеллио (1939 г.), старший сын Есугая и Оэлун, будущий Чингисхан, родился в год Свиньи, а именно в 1167 году.[14] В ту пору его семья находилась в урочище Дэлиун-болдак, близ одинокой возвышенности Дэлиун, на правом берегу Онона. Появившийся на свет младенец в правой руке держал сгусток крови величиной с бабку (надкопытный сустав у животных). Отец дал ему имя Темучжин в память о том, что как раз тогда им был взят в плен татарский вождь Темучжин-Уге.

Что касается этимологии этого имени, то предположение о том, что оно происходит от тюрко-монгольского слова «кузнец», корнем которого является «темур» (железо), вероятно, вполне справедливо, по меньшей мере с фонетической точки зрения.

Итак, случай распорядился таким образом, что будущий Покоритель Вселенной был обязан своим званием железного человека и кузнеца новой Азии именно победам отца.

После Темучжина у Оэлун и Есугая родились еще три сына: Чжочи-Хасар, Хачиун и Темуге. Сей последний был прозван Отчигином (дословно: хранитель очага), поскольку был младшим. Имелась еще и дочь по имени Темулун. От другой жены, звавшейся Сочихэл, у Есугая было два сына: Бектер и Бельгутай.

Сведения о физических данных Чингисхана скудны. Хронисты сообщают лишь то, что у дитяти был пламенный взгляд и лицо его излучало некое сияние — возможно, как воспоминание о Духе света, во время оно оплодотворившем Алан-Гоа, его мифическую прабабку.

Повзрослев, возмужав, Темучжин отличался от всех высоким ростом, крепким телосложением, открытым челом, достаточно длинной бородой (по меньшей мере, по меркам практически гололицых монголов) и, наконец, «кошачьими глазами». Эти серо-зеленые глаза страшно интриговали историографов. Принадлежал ли Чингис к «тюркизированной арийской расе», как, например, сельские жители Кашгарии? Увы, нам лично пришлось прожить довольно долго в непосредственной близости от «желтоглазых кошек», а монгольские барды слишком тщательно проследили генеалогию их героя, чтобы можно было усомниться в его алтайском происхождении.

Помолвки у монголов совершались очень рано. Темучжину еще не исполнилось девяти лет (стало быть, дело происходило в 1176 г.), когда отец взял его с собой на поиски невесты. Есугай намеревался начать «турне» с родственников Оэлун, то есть с

родни из олхонутского рода, который в ту пору кочевал по Восточной Монголии, в окрестностях озера Буир. По дороге отец и сын сделали остановку у другого унгиратского вождя, по имени Дэй-сечен (Мудрый), стойбище которого находилось между горами Чекчер и Чихурху, они соответственно отождествляются с нынешними Алтан-номором и Дулан-хорой, что на западном берегу реки Урссон,[15] между озерами Колен и Буир.

Отвечая на вопрос Дэй-сечена о цели поездки, Есугай сказал, что он едет в страну унгиратов за невестой для сына.

Это заявление собеседника заинтересовало.

— У твоего сына, — заявил он, — взгляд что огонь, а лицо что заря. Снился мне, Есугай, этой ночью странный сон. Привиделось мне, будто слетел ко мне на руку белый сокол, державший в когтях солнце и луну. Это хороший знак. И теперь я вижу, едешь ты со своим сыном. Мой сон подсказал, что едете вы, кияты, как вестники счастья.

Воистину не напрасно было дано Дэй-сечену прозвище Мудрый. Если племя унгиратов заслуженно славилось красавицами, то в политическом отношении оно считалось второразрядным, не идя ни в какое сравнение с родом киятов, значившимся «царским». Вот почему унгиратам льстило, когда мужчины-кияты брали их девушек в жены. По меньшей мере, именно это имел в виду Дэй-сечен, говоря Есугаю:

— Красоту наших дочерей и племянниц отмечают все, но мы никогда не пытались извлечь из этого выгоду. Когда от вас приезжал очередной хан, мы тут же сажали какую-либо прекрасноликую девушку в одну из наших больших кибиток, запрягали в быстроногого темно-серого верблюда, и она уезжала, чтобы занять свое место на престоле рядом с вашим ханом.

Монолог Дэй-сечена недвусмысленно указывает на то, что между родом борджигинов и унгиратов фактически был заключен «договор о замужестве».

— Друг Есугай, — закончил свою речь Дэй-сечен, — войдем ко мне в юрту! У меня есть дочь-невеста. Взгляни на нее.

Есугай последовал за Дэй-сеченом и оказался под войлочным сводом дома кочевника. Гостя усадили на почетное место, сбоку от хозяина, в центре юрты, точнее возле очага, занимавшего ее середину. В глубине, на правой половине жилища, располагались хозяйка и дети. Среди них была следившая, как мы полагаем, с замиранием сердца за происходившим юная Борте («Голубая»). Есугай посмотрел на нее и остался доволен: девушка действительно была хороша. Говоря о ней, монгольский бард повторяет слова, сказанные о юном Темучжине: у нее тоже был пламенный взор и лицо, излучавшее чудный свет. Заметим в

скобках, что Борте было десять лет, то есть на один год больше, чем сыну гостя.

На следующий день Есугай официально попросил руки Борте для Темучжина. Хозяин дома, как человек умный, знал, что не следовало ни заставлять себя чрезмерно долго упрашивать, ни слишком быстро соглашаться. В конце концов, хотя монголки и выходили замуж рано, Борте была всего лишь девочкой. Произнеся несколько общих фраз («То не женская доля — стариться у родительского порога»), Дэйсечен предложил подождать:

— Дочку отдать я согласен. Оставляй и ты своего сына в зятьях-женихах.

Есугай согласился, но обратился к Дэй-сечену с предупреждением, несколько неожиданным для характеристики будущего Покорителя Вселенной:

— Страсть боится собак мой малыш. Береги, сват, его от них.

В оправдание Темучжину, которому, хотя он уже и стал женихом, было всего девять лет, заметим, что огромные лохматые монгольские собаки-хасары были на вид ужасны, и их черная шерсть это впечатление лишь усугубляла. В отчетах экспедиции Рериха мы читаем, что в Урге бездомные собаки нападали не только на пешеходов, но и на всадников и даже до смерти загрызли часового.

Оставив сына у Дэй-сечена, Есугай сел на лошадь и поехал домой. По дороге ему встретилась группа татар, собиравшихся попировать в Желтой степи (Шира-кеер), близ горы Чекчер. Есугаю хотелось пить, и он попросил у них воды, что было с его стороны явно неосторожно, ибо татары его род ненавидели давно, к тому же и он сам столько раз грабил их стойбища.

— Да это же Есугай-кият! — узнали они его.

Час мести настал: судьба его им выдала.

Татары подмешали в угощение медленно действующего ада, и монгол почувствовал его действие лишь потом, приближаясь к родной юрте. Когда через три дня он до нее все-таки добрался, все сомнения в случившемся у него исчезли. Есугай храбрый умирал. В полубреду он произнес:

— Кто-нибудь есть возле меня?

— Я здесь, Есугай, — ответил Мунлик, сын старого Чарха-эбугена из рода хонхотай.

— Мунлик, мальчик, слушай, — обратился Есугай к нему с последним наставлением. — Мои дети еще малы. Когда я оставил Темучжина у Дэй-сечена женихом его дочери и поехал домой, по дороге меня отравили татары. Мне очень плохо… Что теперь будет с моими детьми и всеми молодыми братьями, женами и

снохами? Сердце мое разрывается на части… Мунлик, мальчик, срочно скачи к Темучжину и привези его домой!

С этими словами Есугай умер.[16]

Трагическая смерть Есугая, трогательные слова, произнесенные им по поводу родни перед самой кончиной, составляют первую главу истории Темучжина, будущего Чингисхана. Некоторая взволнованность монгольского барда ощущается читателем и поныне. Как ужасны были условия, в которых будущий Покоритель Вселенной проходил начальную школу жизни! Какие дикие нравы исповедовались жителями монгольских лесов и степей, где засады, предательства, похищения и убийства — короче говоря, охота на человека была столь же обыденна, как и звероловство! Именно в это свирепое общество был брошен юный Темучжин, девятилетний сирота, лишенный отцовской поддержки.

…Все это произошло в 1176 году.

Сироты, изгнанные из рода

Мунлик поспешил выполнить последнюю волю Есугая и вскоре прибыл в страну унгиратов, к Дэй-сечену, чтобы отвезти домой юного Темучжина. Но, как истинный степной охотник, он поостерегся сообщить гостеприимному хозяину о произошедшей беде. Кто знает: не захотел бы тот, узнав о смерти вождя киятов, превратить его сына в раба? Так что Мунлик предпочел схитрить:

— Старший брат Есугай-баатур, — сказал он Дэй-сечену, — очень болеет душой и тоскует по Темучжину. Я приехал за ним.

Найдя просьбу естественной, унгират ответил:

— Раз сват так горюет о своем мальчике, пусть Темучжин съездит, повидается, да и поскорее возвращается.

Итак, Мунлик привез отрока Темучжина с Буира в верховья Онона, в юрту, где после смерти Есугая его вдова Оэлун стала править единовластно.

Однако положение Оэлун и ее детей очень быстро ухудшилось.

Незадолго до смерти Есугай силой своего авторитета сумел объединить вокруг подклана киятов некоторое количество единокровных родов. Так, его признали своим вождем для войн и охоты князья-тайчжиуды, его двоюродные братья. Это объединение представляло собой один из союзов, образовывавшихся вокруг того или иного сильного человека в целях грабежей и серьезных сшибок с врагами, успех которых был невозможен без опытного воеводы. Со смертью последнего группировки распадались. Именно это произошло, когда скончался Есугай. И тогда тайчжиуды решили вернуть себе власть, которую когда-то имели при Амбагае, предпоследнем хане монголов. Что могла противопоставить их претензиям обезглавленная смертью вождя семья Есугая, главным представителем которой оказался девятилетний ребенок? Последующие затем события показывают, в каком тяжелом психологическом состоянии она оказалась.

Была весна. Вдовы хана Амбагая, тайчжиудские княжны Орбай и Сохатай, пришли на священную «землю предков», то есть на кладбище, для принесения жертв духам и праху предков. По окончании ритуального действа они стали делить мясо закланных животных. Оэлун на церемонию не была приглашена явно намеренно. Тем не менее вдова Есугая пришла, правда с опозданием, как опоздала и на поминальный пир. Как мы уже знаем, то была женщина сильная, рассудительная, энергичная. Став главой подклана киятов вместо мужа и от имени своих

малолетних детей, она не могла позволить кому-либо ущемлять свои права. Оказавшись рядом с тайчжиудскими вдовыми ханшами, Оэлун пошла на них в наступление:

— Теперь, когда Есугай храбрый мертв, вы, конечно, думаете, что вам все позволено? Вы полагаете, что его дети не вырастут? Что никогда не настанет день, когда вам придется испытать на себе их страшный гнев? Вы делите жертвенные напитки и мясо, а меня не позвали? После тризны вы намеревались сняться с места, не предупредив меня?

По шаманистским законам той поры исключение Оэлун из церемонии жертвоприношения имело весьма серьезные последствия. Это было не только личным оскорблением, самим по себе поступком невежливым, но также фактическим исключением наследников Есугая из рода борджигинов, объявлением вдове и ее детям остракизма.

Оэлун думала, что ей удастся напугать Амбагаевых вдов, но явно переоценила свои возможности. Смерть Есугая и судьба его детей более никого не волновали, и старые женщины обрушили на нее поток укоризн:

— Тебя не пригласили на торжество? Но разве у тебя нет привычки приглашать саму себя и наедаться до отвала? Когда ты приглашаешь к себе, у тебя и кусочка не получишь!

Речи злых вдов, прозвучавшие в дымной юрте перед аппетитным куском баранины, — отличная иллюстрация к нищете всех этих степных царей и цариц!

После этого тайчжиуды долго совещались и постановили всем уйти со стойбища, оставив Оэлун с ее пометом, судьба которого их не интересовала.

Согласно этому уговору, как сообщает монгольский бард, Таргутай-Кирилтух, Тодоен-Гиртай и прочие примкнувшие к ним единоплеменники на другой же день спустились вниз по Онону.

«Мамаша Оэлун» осталась со своими сиротами в полном одиночестве. Ее не покинул только Есугаев вассал. Это был человек из племени хонхотай, старый Чарха-эбуген, отец того самого Мунлика, к которому на смертном одре Есугай обратился с последней речью. Бросившись вслед за тайчжиудами, Чарха попытался их переубедить и возвратить к вдове храброго Есугая, но Тодоен-Гиртай заявил, что их решение окончательное:

— Тут глубокая вода высохла, блестящий камень треснул.

Похоже, что честный старик был слишком настойчив в своих попытках, иначе тайчжиуды воздержались бы от брани и не ранили бы его копьем в позвоночник, когда он догнал их в очередной раз. Едва живой Чарха возвратился к себе в юрту, Темучжин пришел к нему и услышал рассказ о предпринятых

попытках:

— Я подвергся такой напасти, уговаривая людей, когда те откочевали, захватив с собою весь наш улус, собранный твоим благородным родителем!

Мальчик плакал навзрыд, когда покидал юрту, где этот человек, последний его защитник, умирал из-за него же!

Посещение старого слуги, одной ногой стоявшего в могиле, явилось для девятилетнего отрока первым поступком вождя. Он прошел школу в страшно жестоком обществе, и все политические действия, предпринятые им впоследствии, носили на себе отпечаток уроков, полученных в детстве.

Но будем помнить и о слезах, пролитых Темучжином у смертного одра Чархи, и в этом поступке, в высшей мере трогательном и непроизвольным, раскрылись человеческие свойства личности Покорителя Вселенной.

Однако возвратимся к «матушке Оэлун». Брошенная на произвол судьбы вместе со своими детьми, преданная теми, на кого, казалось, могла рассчитывать, мужественная женщина не растерялась. Она взяла туг, конехвостое знамя племени, села на лошадь, бросилась в погоню за уходившими единоплеменниками и принудила половину их остановиться. На мгновение показалось, что ее личная доблесть и еще не остывшая память о Есугае взяли верх над враждебностью тайчжиудов. Попытаемся теперь себе представить всю эту движущуюся массу с кибитками, всадниками и скотом, а также вдовую ханшу, скачущую за ними во все поводья, потрясая тугом и стыдя «дезертиров», забывших о присяге верности Есугаю храброму. Попытаемся представить себе и состояние неуверенности, охватившее людей, сидевших в неведомо куда катившихся повозках, их колебание между чувством долга, к которому взывала Оэлун, и необходимостью следовать решению, принятому накануне ночью новыми тайчжиудскими вождями. Увы, те, которых вдове Есугая, похоже, поначалу удалось уговорить и остановить, покинули ее снова, чтобы продолжить путь вслед за Таргутаем и Тодоеном. Так весь народ, еще недавно подчинявшийся Есугаю-баатуру, исчез за очередным поворотом Онона, а Оэлун и ее люди остались на опустевшем стойбище одни. Кроме ее четырех сыновей: Темучжина, Хасара, Хачиуна и Темуге и дочери Темулун, с нею были Бектер и Бельгутай, сыновья второй жены ее покойного супруга. И всеми ими ей предстояло заниматься. Вот тогда-то и проявилась в полной мере деятельная натура «матушки Оэлун», как назвал ее монгольский бард. В самом деле, попробуйте поставить себя на место этой женщины, окруженной семью малолетками, брошенной вассалами, которой в одночасье

пришлось сменить жизнь жены племенного вождя на существование изгоя, одинокой вдовы, затерявшейся между степями и лесами на суровой земле верхнего Онона. Однако мужественная Оэлун собрала свою волю в кулак и последующими действиями вполне заслужила прозвания Меткой (Оэлун-мерген).

Прежде всего требовалось не допустить, чтобы дети умерли с голоду, и Оэлун принялась за собирательство, этот «сбор урожая» примитивных народов. Она «крепко прилаживала рабочую вдовью шапку, бегая по Онон-реке, собирала плоды с диких яблонь и черемух… копала коренья судуна и кичигина и кормила детей». Известно также, что в Забайкалье, в его лесах и на горных лугах, повсеместно встречаются рябинники, земляничники и брусничники, которые в урожайные годы могли кое-как утолить голод бедных изгнанников. Можжевеловой палкой Оэлун выкапывала из земли съедобные коренья. Ими, равно как диким чесноком и луком, она кормила своих детей. Подросши, те стали ей помощниками. Они делали из колючек крючки и, стоя на берегу Онона, ловили рыбу. Иногда удавалось поймать лишь несколько никчемных рыбешек, но порой попадались ленки и хариусы, довольно распространенные в водах Забайкалья. Все добытое отдавалось матери.

Так шла жизнь семьи-изгнанницы. Те, кто оставил ее на берегах верхнего Онона, вероятно, надеялись, что, брошенная на произвол судьбы, она погибнет от голода и нищеты. В самом деле, велики ли были шансы выжить у вдовы и сирот в том безжалостном обществе и в не менее жестоком климате? Но они уцелели, так как в их жилах текла кровь суровых людей того грозного мира.

Все игры детей проходили по правилам охоты или войны. Другом Темучжина был соседский мальчик по имени Чжамуха, принадлежавший монгольскому племени джардаран. Темучжину было одиннадцать лет, когда Чжамуха ему подарил — в Чингисовом эпосе это специально уточняется — бабку из кости косули. Темучжин, в свою очередь, дал Чжамухе такую же бабку, но только медную, и вместе они играли на льду Онона.

Когда наступила весна, мальчики начали упражняться в стрельбе из их небольших деревянных луков. Чжамуха сделал себе стрелу-свистун (ойри) из склеенных рогов бычка-двухлетки с просверленными в них дырочками, а Темучжин смастерил себе стрелу «с кипарисовым лобком». И эти игрушки уже являлись оружием.

Неожиданно семью изгнанников потрясла ужасная трагедия.

Темучжин убивает своего брата

Поступки молодых дикарей, каковыми являлись Темучжин и его братья, бывали неожиданными и жестокими, что неудивительно при том воспитании. Не чужды были отрокам зависть и обиды, которые нищета и изолированность семьи только усугубляли.

Главной причиной взаимной неприязни было то, что Есугаевы отпрыски имели разных матерей: Оэлун, у которой было четверо сыновей, из коих старшим являлся Темучжин; а также Сочихэл, родившая Бектера и Бельгугая. Соперничество началось довольно скоро. Монгольский эпос о нем повествует столь же откровенно, сколь и безжалостно.

Как-то раз Темучжин, его младший брат Хасар и их два полубрата Бектер и Бельгутай поймали блестящую рыбку-сохосун и стали ее друг у друга отнимать. Двое последних оказались сильнее, и добыча досталась им. Придя домой, Темучжин и Хасар пожаловались матери:

— Бектер с Бельгутаем отобрали у нас блестящую рыбку.

— Ах, — воскликнула Оэлун, — что мне с вами делать?.. Что так неладно живете вы со своими братьями? — Она была вождем и потому прежде всего пеклась об интересах рода. — Ведь у нас, — продолжила вдова, — как говорится, нет друзей, кроме своих теней. Нет хлыста, кроме конского хвоста…

Имея в виду будущую вендетту, долг осуществить которую ожидал юношей, Оэлун добавила:

— Вместо того чтобы убивать друг друга, нам следовало бы отомстить тайчжиудам. Причиненный нам позор все еще не смыт…

Темучжина и Хасара слова матери не убедили, тем более что отнимать у них все подряд стало у Бектера с Бельгутаем привычкой.

— Но ведь совсем недавно они отняли у нас жаворонка… а теперь вот опять отняли… Как же нам быть в согласии? — возмутился Темучжин, и, резко откинув ковер, служивший дверью юрты, братья ушли.

Трагедия свершилась вскоре. Ее действующими лицами были отроки, но полная лишений жизнь успела воспитать в них чувства, свойственные зрелым мужчинам.

Бектер сидел на взгорке, наблюдая за лошадьми. Их было девять, в том числе красавец мерин серебристо-серой масти. В головах Темучжина и Хасара моментально созрел план. Прячась в высокой траве, как если бы опасались спугнуть дичь, они

поползли в сторону Бектера: первый спереди, второй с тыла… Сын Сочихэл заметил их только тогда, когда они нацелили в него свои стрелы.

Бектер попытался успокоить полубратьев так же, как «матушка Оэлун», то есть напомнив о необходимости единства перед лицом общих врагов, тайчжиудов:

— Зачем вы смотрите на меня, будто я у вас

Ресница в глазу
Или заноза в зубах?

Однако, видя решимость Темучжина и Хасара и стрелы, готовые слететь с тетивы, он обратился к ним с последней просьбой:

— Не разоряйте моего очага, не губите Бельгутая.

С этими словами он покорно сел на корточки.

Братья направили стрелы, прицелились, будто в мишень — один спереди, другой сзади, — и выстрелили. Сделав свое дело, они ушли.

Стоило двум юным преступникам появиться в юрте, как по их мрачному виду Оэлун поняла все, что произошло.

Назвав сыновей убийцами и напомнив первому, что он родился со сгустком черной крови в кулаке, а второго сравнив со злым хазарским псом, имя которого ему и было дано, не помня себя от гнева, она кричала:

— Вы сгубили его, словно тигр-хаблан, набрасывающийся со скалы; словно львы, не могущие унять свою ярость; словно гигантский змей, глотающий живьем; словно сокол, нападающий на собственную тень; словно щуки, хватающие исподтишка; словно верблюд, кусающий сгиб задней ноги у своего верблюжонка; словно волки, нападающие в ненастные дни; словно дикие утки, пожирающие своих птенцов, когда бывают не в силах увести их с собой; словно шакалы, когда тревожат их логово; словно тигр, уносящий свою жертву; словно лютые звери, ослепленные злобой… Нет у вас друзей, кроме собственной тени! Нет у вас плети, кроме конского хвоста!.. Речь ведь о том, кто нам поможет отомстить тайчжиудам, раз вы не в силах сами с обидой покончить!..

«Так бранила великая вдова своих сыновей, произнося слова мудрости времен прошедших и изречения древних».

И все же, убивший своего брата, осмелившегося навязать ему

свою волю, Темучжин, как ни был он молод, являлся главой своего рода.[17]

На Темучжина надевают колодку

Не красного словца ради «мамаша Оэлун» говорила сыновьям о тайчжиудской угрозе. Эта опасность висела над их головами постоянно, и ход событий не замедлил о ней напомнить.

Таргутай-Кирилтух, вождь тайчжиудов, тот самый, который, как мы помним, бросил на произвол судьбы Есугаевых детей и их мать, начал подумывать о том, что же с ними сталось. Вероятнее всего, он жалел, что не покончил с этим семейством, когда сыновья еще были маленькими.

— Поганый выводок, должно быть, уже встал на крыло. Тогда они были еще желторотыми… Сейчас уже большие…

В глубине души у него тоже таился страх. Возмужав, сыновья Есугая храброго и неукротимой вдовы неизбежно должны были взять с тайчжиудов кровавую плату за причиненные обиды. Следовало срочно — пока время позволяло — и одним махом покончить со всем «выводком». И вот Таргутай со своими воинами поскакал туда, где Оэлун и ее дети влачили свое жалкое существование.

Увидев тайчжиудов на пастбище, вдова и дети Есугая сразу же поняли, какая беда на них надвинулась. В страхе они бросились в чащу ближнего леса, ища укрытия в хижине, сооруженной из бревен и ветвей. Бельгутай устраивал засеку, Хасар, уже отменный лучник, с мастерством которого нам еще предстоит познакомиться, отстреливался от нападавших. Остальные братья спрятались в расщелине скал.

Перестреливаясь с Хасаром, тайчжиуды кричали ему:

— Нам нужен только Темучжин. Вас мы не тронем!

Они рассчитывали, что, схватив Темучжина, таким образом обезглавят клан. Понимая это, мать и братья заставили Темучжина сесть на лошадь и скрыться.

Тот поскакал к горе Тергун, поросшей густым лесом, состоявшим из зарослей кедра, лиственницы и сосны. Но тайчжиуды его заметили, и охота на человека началась. Темучжин забрался в самую чащу тайги, покрывавшей верх горы. Побоявшись забираться так далеко, враги окружили лес и стали ждать, когда голод и усталость принудят беглеца покинуть укрытие.

Темучжин продержался трое суток. На четвертый день он решил пробраться поближе к опушке, ведя коня под уздцы. Неожиданно седло съехало набок и едва не упало. Юноша осмотрел коня: нагрудник и подпруга были подтянуты достаточно туго. Не найдя разумного объяснения случившемуся, он решил,

что то было предупреждение оберегавшего его род Великого Синего Неба о том, что далее идти нельзя. Темучжин вернулся в лес, где просидел еще три дня и три ночи. По истечении этого времени он снова попытался выйти на свободное пространство, но, когда приблизился к кустарнику, росшему на краю чащаря, белого цвета валун-кремень, величиной, как утверждает монгольский бард, с походную юрту, скатился с горы и перегородил ему путь. Теперь все сомнения исчезли: Вечное Небо запрещало ему покидать лес. Темучжин снова поднялся наверх и пробыл в лесу еще трое суток.

Увы, на девятый день силы юноши иссякли, ибо в продолжение всего этого времени он не съел ничего, разве что горсть диких ягод. «Ужели довести себя до бесславной смерти? — подумал Темучжин и решил рискнуть. — Выйду теперь!»

С этими словами он обогнул лежавший на тропе валун и, расчищая себе дорогу ножом, которым затачивал стрелы, сделал несколько шагов, но тут сидевшие в засаде тайчжиуды набросились на него и в мгновение ока связали…

Вероятно, от приказа казнить Темучжина удержал Таргутая-Кирилтуха остаток уважения к Есугаю-баатуру. Несомненно, в его сердце еще теплились воспоминания о жизни в общем племени при Есугае.[18] Позднее Таргутай также признавался, что отдать приказ о казни ему помешала некая необоримая сила, которую он почувствовал. Таргутай ограничился тем, что надел на Темучжина шейную колодку и поручил аилам, селениям кочевников, стеречь его по очереди.

Побег Темучжина

Точно не известно, сколько времени будущий Покоритель Вселенной прожил пленником, коротая дни с колодкой на шее, переводимый из юрты в юрту, окруженный подозрением как наследник Есугая и возможный мститель за родной клан. Юношу, конечно, и не думали отпускать на волю, но вдруг ему представился случай бежать.

Дело было в начале лета. Тайчжиуды пировали по поводу очередного праздника на берегу Онона. На закате они разошлись по юртам, поручив сторожить Есугаева сына парню довольно хилого телосложения. Пленник взял это на заметку. Соотношение сил, как он понял, было в его пользу. Хитрый юный дикарь мгновенно составил план действий. Дождавшись, когда на берегу не осталось ни одного хмельного тайчжиуда, он набросился на сторожа, ударил слабосильного парня по голове своей шейной колодкой, и вот уже можно было бежать. Но куда? Он прилег было в ононской дубраве, но там его обязательно нашли бы. Темучжин прыгнул в реку, лег на спину и, погрузившись целиком в воду, оставил на поверхности одно лицо, а шейную колодку пустил плыть вниз по течению.

Между тем стражник, очнувшись, поднял тревогу. Сбежавшиеся тайчжиуды принялись искать беглого колодника в лесу и прибрежных зарослях. Ночь стояла лунная, и было светло как днем. Один из преследователей увидел Темучжина, недвижно лежавшего «между двух вод». На счастье, этот человек, по имени Сорган-Шира, принадлежал не к племени тайчжиудов, а к сулдусам, их «клиентам», и он не испытывал к сыну Есугая-баатура семейной ненависти Таргутая-Кирилтуха. Идя вдоль берега и заметив юное лицо, едва выступавшее над водой, он прошептал Темучжину:

— Вот это да! За то, видно, ты и не мил своим братьям, что так хитер, что

Во взгляде — огонь,
А лицо — что заря

Не робей! Так и лежи, а я не выдам! — и прошел дальше.

Тайчжиуды собирались еще раз обыскать берег, и тут Сорган-Шира посоветовал им:

— Давайте хорошенько обыщем каждый свой участок обратным путем.

Когда те удалился, он предупредил Темучжина:

— Лежи тихо. Неподалеку тут твои братцы точат на тебя зубы и языки. Но не робей!

Вскоре снова появились Таргутаевы ищейки в полной решимости обследовать каждую пядь берега.

Отважный, но не менее осторожный сулдус принялся им выговаривать:

— Сыновья тайчжиудские! Средь бела дня вы потеряли целого человека! Как же можно найти его темной ночью? Давайте напоследок хорошенько просмотрим, на обратном пути, каждый свою долю, да и по домам! А завтра утром опять сойдемся на поиски. Куда может уйти человек с колодкой на шее?

И вот снова, оставшись один, этот прекрасный человек, наклонившись к воде, сказал Темучжину:

— Теперь ты выжди, когда мы все разойдемся, да и беги домой. Да смотри никогда не говори, что видел меня!..

Другой, несомненно, тут же последовал бы доброму совету. Темучжин предпочел использовать представившийся случай до конца. Когда он попал в плен и переходил из юрты в юрту, ни в какой другой семье к нему не отнеслись более доброжелательно, чем у Сорган-Ширы. «Еще позавчера, — размышлял юноша, — когда мне была очередь ночевать у него, его сыновья Чимбай и Чилаун меня пожалели. Ночью, видя мои мучения, ослабили колодку и дали возможность прилечь. А теперь вот Сорган-Шира, хоть и заметил меня, проехал мимо. Не донес. Не спасут ли они меня и на сей раз?»

Темучжин спустился вниз по Онону, ища юрту Сорган-Ширы. Он приметил ее по привычному стуку мутовки, которой хозяйка сбивала масло. Стоит ли удивляться, что Сорган-Шире вовсе не понравился этот визит, из-за которого он мог быть казнен как сообщник! Сулдус встретил Темучжина более чем прохладно:

— Разве я не велел тебе убираться восвояси? Чего ты пришел?

Но Чимбай с Чилауном вступились за пленника:

— Когда хищник загонит малую пташку в чащу, то ведь и сам лес ее спасает. Как же ты можешь говорить такие слова человеку, который к нам пришел?

Не ожидая ответа отца, юноши сняли с Темучжина колодку и, дабы не осталось и воспоминаний о ней, бросили ее в огонь. За юртой стояла телега с шерстью. Там они и спрятали беглеца, наказав сестре Хадаан присматривать за ним и держать язык за зубами.

Опасность ведь еще не миновала. После трех дней безуспешных поисков тайчжиуды, убежденные в том, что Есугаева сына кто-то укрыл, пошли по домам.

Придя к Сорган-Шире, они обыскали его юрту, кибитки и даже постель. Увидев телегу, где лежал Темучжин, Таргутаевы люди принялись ее разгружать. Еще немного, и они его нашли бы, но Сорган-Шира, с деланным равнодушием наблюдавший за обыском (он знал, что на карту была поставлена его собственная жизнь), снова остановил их. С видом самым безразличным он бросил вскользь:

— В такую жару как можно усидеть под шерстью?

Это замечание показалось тайчжиудам справедливым, и они ушли, но сулдус, понимая, что на волосок от гибели был и он сам и его семейство, поспешил Темучжина выпроводить:

— Ты чуть было не развеял меня прахом по ветру! Ступай-ка теперь и разыскивай свою мать и братьев!

«Он дал Темучжину беломордую рыжую яловую кобылу, сварил двухгодовалого барана, снабдил бурдюком и бочонком, но не дал ни седла, ни огнива. Дал только лук и пару стрел».

Простившись с Есугаевым сыном, сулдус свободно вздохнул, но лишь тогда, когда стих стук копыт его лошади.

Темучжину повезло, и никто из врагов ему не встретился. Он без помех добрался до места, где вынужден был расстаться с братьями. Разумеется, они оттуда уже ушли, но в траве остались следы, которые и привели его к устью Киму рха, а затем в урочище Хорчухой.

Монгольские легенды не содержат описания радости, охватившей изгнанников при возвращении юного вождя, которого они мысленно похоронили. Сообщается только, что малое время спустя семья перекочевала на Синее озеро (Коко-нур), что в окрестности Хара-джирухая, в верховьях Сангура, в глубине урочища Гурельгу, находящегося на подступах к Хэнтэю. Иначе говоря, из бассейна верхнего Онона она ушла в поречье верхнего Керулена, первым из левых притоков которого является Сангур. Увы, ее существование оставалось жалким и скудным, так как единственной пищей по-прежнему были степные грызуны, такие как тарбаганы или тарбухи, степные суслики, на которых и сегодня в том крае охотятся с собаками.

Увод коней

Почти вся собственность Темучжина состояла из его лошадей. Однажды, когда восемь из них, в том числе легендарный мерин серебристо-белой масти, паслись возле юрты, степные грабители их угнали. Все это произошло на глазах у братьев, но помешать конокрадам у них возможности не было, так как на девятой лошади, жидкохвостом гнедке, Бельгутай уехал на охоту на сусликов. Юноши бросились было за похитителями в погоню, но догнать их им, естественно, не удалось. На закате вернулся Бельгутай, ведя под уздцы гнедого коня, нагруженного тарбаганами настолько, что животное едва держалось на ногах.

Узнав от Темучжина о беде — для этих несчастных лишиться восьми лошадей значило погибнуть, — он вызвался немедленно отправиться на поиски мародеров, но Хасар его остановил:

— Ты не сможешь. В погоню пущусь я.

Темучжин сказал:

— Вы оба не сможете. Я сам поеду.

Юный вождь вспрыгнул на спину гнедка и исчез в степи, скача по следу уведенного табуна.

Минуло двое суток. На закате третьего дня в алом свете зари Темучжин увидел лошадиное стадо и мальчика, доившего кобылу. В ответ на вопрос Есугаева сына малец заявил, что, действительно, заметил, как на рассвете мимо него какие-то люди прогнали восемь лошадей, включая серебристо-белого мерина.

Тот мальчик звался Боорчу, и был он единственным сыном монгола Наху-баяна (богатого) из племени арулатов. Чистосердечный и доверчивый, он сразу проникся симпатией к Темучжину.

— Друг, — сказал он ему, — ты ведь сильно устал в пути. Поеду-ка я с тобой в товарищах.

Предложив себя в проводники, Боорчу дал сыну Есугая свежую лошадь: белого коня с черной полосой на спине, а сам сел на быстроногого рыже-чалого жеребца. Вздумай малый предупредить отца, тот, несомненно, запретил бы ему участвовать в столь безрассудном деле всего лишь из дружеских чувств да еще неведомо к кому. Но Боорчу не только не зашел домой, но даже бросил в поле оба кожаных ведра с надоенным молоком. Друзья вскочили в седла и устремились вслед за конокрадами.

Первые двое суток поисков оказались безрезультатными. Вечером третьего дня, на закате, когда солнце опускалось за холмы, приятели заметили табунок, стоявший возле лагеря, по

монгольскому обычаю окруженного повозками. Восемь украденных лошедей — и среди них серебристо-белый мерин — находились там.

Темучжин сказал своему спутнику:

— Ты, друг, постой здесь, пока я угоню вон тех соловых.

Однако славный Боорчу был намерен делить опасности с другом поровну.

— Я ведь пошел с тобой в товарищах, — заявил он Темучжину. — Чего ж я буду стоять тут?

Друзья проникли в табун, отбили своих животных и погнали их в степь.

Поднятые по тревоге мародеры во все поводья поскакали за ними вдогонку. Один из преследователей, сидевший на очень резвой лошади, вырвался вперед и, размахивая ургой,[19] стремительно приближался.

— Товарищ, — обратился Боорчу к Темучжину, — дай мне лук и стрелы, я буду отстреливаться!

— Нет, — отвечал тот. — Недоставало, чтобы ты из-за меня погиб. Я сам буду отстреливаться.

Сын Есугая остановился, натянул лук и прицелился во всадника на белом коне. Тот подобрал поводья и приготовился зацепить его ургой.

Тут подъехали остальные преследователи, и, возможно, дело для Темучжина кончилось бы плохо, если бы не наступившая темнота: не решаясь продолжать охоту на человека в ночной степи, мародеры повернули вспять. Товарищи, прекрасно знавшие дорогу, через трое суток непрерывной скачки оказались перед юртой Наху-баяна.

Горячо благодаря Боорчу, Темучжин сказал:

— Друг, разве я без тебя вернул бы своих лошадей? Давай разочтемся. Сколько ты хотел бы?

Великодушный Боорчу заявил:

— Ведь я почему поехал с тобой? Потому что хотел оказать услугу доброму товарищу. Разве я за барышом гнался? Мой отец не зря зовется Наху-баяном. И я недаром его единственный сын. Я ничего не возьму. Иначе какая это была бы услуга? Ничего не возьму!

Друзья вошли в юрту. Увидев их, Наху заплакал от радости. Вытерев слезы, он принялся выговаривать сыну, не будучи в силах забыть о пережитом страхе за него. Но в доме был гость, и в честь его зажарили молочного ягненка, которого и вручили Темучжину как запас в дорогу.

Перед отъездом юного героя Наху скрепил дружбу своего сына с ним такими словами:

— Вы оба — молодые ребята. Любите друг друга и никогда друг друга не покидайте!

Дружба Темучжина и Боорчу, действительно, продолжалась столько, сколько длилась их жизнь.

Расставшись с новыми друзьями, сын Есугая-баатура, гоня перед собой табун, поехал к родному стойбищу. Через три дня и три ночи он нашел своих в долине Сангура. Обеспокоенные затянувшимся отсутствием Темучжина, Оэлун и братья — прежде всего Хасар — начали не на шутку волноваться. Но вот он появился, живой и невредимый, со всеми восемью лошадьми, возвращенными его отвагой. Радость и покой вновь поселились в той маленькой орде.

Этим скромным свершением, ничем не отличавшимся от достижений прочих степных юношей, начинается череда героических подвигов того, кто однажды прослывет Покорителем Вселенной.

История с колодкой и история с похищением лошадей поражают нас тем магнетизмом, который испытывал на себе каждый, имевший дело с Чингисом, при всей его молодости; уже тогда проявлялась сила мощной личности сына Есугая храброго. Вспомним слова, произнесенные Сорган-Широй, заметившим Темучжина, недвижно лежавшего на поверхности реки. Не потому ли, что сулдус был поражен силой взгляда подростка, в котором уже ощущалась душа вождя, он, рискуя собственной жизнью, спас его от тайчжиудов? А малыш Боорчу? С первой же встречи с Есугаевым сыном он связал свою судьбу с его судьбой! Он тоже не смог устоять перед поразительным блеском «этих орлиных глаз».

Ниже мы увидим, как во все более ускоряющемся темпе род за родом и царство за царством станут примыкать к Чингису, покоренные его талантом полководца, справедливостью и честностью в отношениях со своими людьми, его умением быть благодарным за оказанные услуги. Привязанность и любовь Темучжина к своим первым друзьям, таким как Боорчу, станет легендарной. Да, таковы были нравы в больших войлочных юртах, где с верностью слову, данному другу, могли соперничать лишь коварство и жестокость в обращении с врагом.

Женитьба Чингисхана

Темучжин уже достаточно поправил свои дела, чтобы задуматься о женитьбе. Он помнил, что ему, еще девятилетнему, отец сосватал Борте, дочь Дэй-сечена, вождя унгиратов. Уже тогда эта девочка выделялась красотой среди своих «прекрасноланитных» единоплеменниц, которых охотно брали в жены предводители монгольских родов. Теперь она, должно быть, совсем вошла в возраст, и время свадьбы приспело, если, конечно, не изменились намерения Дэй-сечена. Темучжину не терпелось узнать, как обстояли его дела, и, взяв с собой брата Бельгутая, он отправился в страну унгиратов, вниз по Керулену.

Тесть по-прежнему обретался между горами Чекчер и Чихурху, то есть между впадением Керулена в Колен и рекой Уршиун, несущей свои воды в то же озеро. Молодого вождя он встретил как нельзя более радушно:

— Я знаю, что тайчжиуды тебя не любят, и сильно за тебя беспокоился. Но ты вернулся!

Возможно, он не раз пожалел, что отпустил Темучжина, еще такого молодого, в то время как его со всех сторон окружали опасности. Возможно, он не раз выговаривал себе за то, что почти ничем не помог зятю в годы бедствий… Что бы там ни было, увидев его, рослого и сильного, Дэй-сечен, не колеблясь, отдал ему прекрасную Борте. А через несколько дней проводил молодоженов до Урах-чжолнудских гор, что на нижнем Керулене. А Цотан, мать Борте, доехала с дочерью до самого стойбища Темучжина, находившегося недалеко от реки Сангур и урочища Гурельгу.[20] Прощаясь с Оэлун, она подарила ей великолепную «черного соболя доху в качестве шидкуля, свадебного подношения». Далее мы увидим, что Чингисова дипломатия очень скоро найдет применение этой шубе.

Женившись, Темучжин стал подумывать об усилении военной мощи рода. Для начала он послал Бельгутая за своим «другом» Боорчу, который и на этот раз ничего не сказал отцу, а взнуздал коня — гнедую лошадь с несколько выгнутой спиной, бросил на седло свой серый войлочный плащ и помчался к юному вождю.

Придет день, и он станет первым «маршалом» Великой армии, которая будет сформирована на границе тайги со степью.

В истории нашего героя было суждено и Борте сыграть свою роль. Она стала для него тем, чем Земля была для Антея. Прежде всего — что для средневекового монгола имело первейшее значение — она родила ему четырех сыновей: Чжочи, Чагатая, Угэдэя и Толуя. Сверх того жена была для Чингисхана

советчицей, к словам которой он прислушивался более всего. В критические моменты именно советы Борте подсказывали будущему императору единственно правильное решение. И вообще, жена пользовалась у него непреходящим авторитетом. Разумеется, подобно любому монгольскому вождю, Темучжин, не колеблясь, заводил себе новых жен, которые при необходимости сопровождали его в походах, тогда как Борте оставалась в Монголии, но только ее дети имели право на отцовское наследство. Никто из женщин и мужчин, окружавших Темучжина, не был прославлен более, чем Борте. Она всегда оставалась высокочтимой «хатун», госпожой, сотворцом потрясающего триумфа завоевателя Вселенной.

Шуба на черных соболях

Женитьба Темучжина означала, что годы испытаний миновали. Избежав тайчжиудских засад, возмужав и окрепнув, став молодым вождем, опасным для одних и необходимым для других, он получил возможность приступить к восстановлению прежних союзов.

Есугай, отец Чингиса, как мы помним, в свое время помог возвратить власть одному из наиболее могущественных степных владык, Тоорилу, царю кераитов, народа смутного происхождения, кочевавшего в окрестностях верхней Туулы. Теперь Темучжин чувствовал себя достаточно уверенно в седле и мог, не оскорбляя самолюбия Тоорила, напомнить ему о былом. Что и было сделано, разумеется, со всей скромностью, приличествовавшей для его еще не слишком прочного положения, но с чувством собственного достоинства, выдававшим принца крови.

В сопровождении двух своих братьев, Хасара и Бельгутая, он верхом отправился в Черный лес, на берег Туулы, где находилось стойбище Тоорила. Тропа, ведшая от истоков Керулена, где обреталась в ту пору семья героя, к верховьям Туулы — одна из дорог, наиболее подробно описанных в монгольских путевых таблицах.

Степь особенно красочной бывает весной, «когда густые травы расцвечены ярко-желтыми крестоцветными, золотистыми лютиками, бледно-розовыми соцветиями тмина, фиолетовыми ирисами, снежно-белыми звездчатками и жемчужными бархатными эдельвейсами». По ней, обрамленная тополями и ивами, змеей извивается река Туула. На северном горизонте голубеет зубчатая гранитная цепь Хэнтэя. На юге в сторону Гоби чередой тянутся круглобокие сопки. С запада степь ограничивает хребет Богдо-ула, отделяющий бассейн Керулена от поречья Туулы — хребет, покрытый от 1700 м. высоты до двух с половиной километра густым хвойным лесом, перемешанным с березняками и осинниками и охраняемый монгольскими суевериями как обиталище духов. Нижние и средние склоны сплошь поросли забайкальскими соснами, которым своим названием обязана таможняя пуща, на чьих опушках привычно располагали свои «резиденции» кераитские царьки.

Именно там, на краю леса, в окрестностях Урги, в ту пору находилась стоянка Тоорила. Представившись ему, Темучжин уже в начале беседы сумел восстановить прежние связи.

— Когда-то, — сказал он Тоорилу, — вы с моим родителем

побратались, а стало быть, теперь ты мне вместо отца. В таком рассуждении я и женился. Поэтому я тебе привез свадебный подарок — одежду.

И в подтверждение своих слов и сыновних чувств юный вождь вручил кераитскому владыке шубу на черных соболях, ту самую, которую теща презентовала ему в качестве свадебного подношения.

Польщенный оказанной честью, Тоорил пообещал Темучжину помочь восстановить отцовскую державу.

— В благодарность за черную соболью доху, — заявил он, — я объединю твой улус.[21] В благодарность за черную доху я соберу твой рассеянный улус. Пусть лопатка пойдет к передней (почетной) части, а почки — к задней!

Этими торжественными речами был скреплен союз, в силу которого кераитский государь брал под свое покровительство сына своего бывшего анды,[22] а Темучжин официально признавал себя «клиентом» и даже вассалом Тоорила; союз чрезвычайно важный, который просуществовал до 1203 года. В продолжение всего этого времени поддержка кераитов позволяла будущему императору властвовать над большей частью древних монгольских племен. И наоборот — преданность Темучжина своему сюзерену оберегала последнего как от любых внутренних смут, так и от нападений извне.

После заключения этого пакта положение Темучжина заметно упрочилось: у него появилось немало новых друзей и одновременно к нему возвратились многие друзья отца. Не успел он приехать от кераитов домой, под Бурги-ерги, как его еще молодая слава уже подарила ему нескольких вассалов. Именно тогда к Темучжину пришел из окрестностей Бурхан-халдуна один из членов племени урянхатов, старец по имени Джарчиудай-евген «с раздувальным мехом за плечами и с сыном Джелме». Тут важно отметить, что урянхаты, обретавшиеся как на сибирском, так и на монгольском склонах Алтая, во все времена славились умением обрабатывать металл. В доисторический период, скорее всего, именно они научили китайцев работе с бронзой, а позднее, в VI веке нашей эры, репутацией незаурядных кузнецов пользовались тюрки из окрестностей Орхона.

Джарчиудай-евген, старый кузнец со священной горы Бурхан-халдун, владел древним секретом изготовления особо острых мечей и стрел, летевших точно в цель. Славный старик сказал Темучжину:

— Я когда-то поднес вам в Дэлиун-болдаке собольи пеленки по случаю твоего рождения. Тогда же я отдал вам и вот этого сына своего, Джелме, но увел обратно, потому что сказали: «Мал

еще». Теперь же отдаю его вот для чего:

Вели ему коней седлать,
Вели ему дверь открывать!

В дальнейшем мы расскажем, сколь предан был Джелме своему господину и какой признательностью и любовью платил ему за это Чингисхан.

Похищение красавицы Борте

Темучжин восстановил свой клан. Могущественный царь кераитов оказал ему покровительство. После долгих лет страданий счастье, казалось, улыбнулось сыну Есугая-баатура. Увы, положение его степных владений было крайне зыбким. В тот самый момент, когда юный вождь решил, что все беды миновали, жизнь подвергла его новому испытанию.

Стан Темучжина по-прежнему находился в Бурги-ерги. При нем была его молодая жена, красавица Борте. Однажды ранним утром, приложив ухо к земле, старая Хоахчин, служанка в юрте Оэлун, матери Темучжина, услышала грохот копыт приближавшейся конницы. Она быстро поднялась и стала звать хозяйку:

— Поскорее вставай, Эке[23] Слышен топот конский, земля дрожит! Уж не едут ли опять эти неотвязные тайчжиуды? Тотчас вставай, Эке!

Оэлун приказала разбудить сыновей и поднялась сама. Мгновение спустя все были на ногах. Эта поспешность лишней не была: вражеское войско летело быстрее смерча.

Однако на сей раз то были не тайчжиуды, как подумала старая служанка, а меркиты, жившие на Южном Байкале монголы, три сотни которых предприняли нападение на сыновей Есугая, мстя за давнюю обиду: ведь когда-то баатур отбил у одного из их богатырей невесту, свою будущую жену Оэлун. И вот оскорбленное племя решило отплатить вражескому роду его же монетой — похищением юной супруги Темучжина.

Сей последний — и эта деталь прекрасно характеризует место и время событий — похоже, смирился со своим несчастьем легко. Во всяком случае, так утверждает монгольский эпос. Из него нам известно, что, хотя ресурсы Темучжина увеличились, у него по-прежнему имелось только восемь лошадей — по одной на каждого члена семьи: для матери, для братьев Хасара, Хачиуна, Темуге и Бельгутая, еще два коня для преданных ему Боорчу и Джелме и одна запасная лошадь. Во время нападения меркитов Оэлун посадила к себе малолетнюю сестру Темучжина, а для красавицы Борте, жены Темучжина, ни одной лошади не осталось. Темучжин бросил ее на произвол судьбы, а вместе с ней и вторую бывшую жену отца, мать Бельгутая…

В то время как Темучжин и его люди во весь опор скакали по направлению к Бурхан-халдуну, бедная Борте, как могла, пыталась защититься от врагов.

Храбрая Хоахчин укрыла ее в черной кибитке, запряженной в

пегую корову, и постаралась увезти как можно дальше от стойбища, поднимаясь вдоль узкой речушки Тенгели.

На беду заря все ярче освещала долину, и беглянок заметил вражеский отряд. Догнав Хоахчин, меркиты спросили:

— Ты кто такая?

Старая служанка ответила, что приезжала к Темучжину стричь овец и теперь возвращается домой.

— Темучжин дома? — продолжали допрос меркиты. — Далеко еще до его юрты?

— Близко. А дома ли он, нет ли, — того не знаю: я выехала с заднего двора, — проговорила Хоахчин и махнула рукой в сторону юрты, уже покинутой Темучжином и его близкими.

Меркиты ускакали, а старуха принялась изо всех сил погонять корову. Вскоре, однако, меркиты возвратились. Разумеется, в юрте они нашли лишь детей и женщин, в том числе мать Бельгутая, которую один из них увез с собой, привязав к седлу. Более подозрительные, чем в прошлый раз, меркиты пожелали узнать, что находится в крытом возке. Напрасно Хоахчин старалась убедить их, что там была только шерсть. Старший из них приказал молодым воинам спешиться и обыскать повозку, и те без труда обнаружили Борте. Схватив ее и служанку, они побросали их на лошадей и погнались за Темучжином, следы которого, оставленные в траве и столь хорошо видные теперь, в полдень, привели к Бурхан-халдуну.

Оказавшись у подножия горы, преследователи трижды объехали ее кругом, тщась найти тропу, по которой Темучжин скрылся в лесу. Задача их была осложнена тем, что подступы к горе преграждали болота и густые заросли.

Все попытки меркитов пробраться сквозь них оказались напрасными. И они удовлетворились тем, что отдали Борте на потребу Чилгэр-боко (Чилгэру-силачу) — младшему брату Эке-Чиледу, у которого Есугай когда-то увел Оэлун.

Так из поколения в поколение, из рода в род переходила месть, с неизбежными похищениями и насильственной любовью.

Укрывшийся в тайге Темучжин соорудил шалаш из ветвей ивы и вяза и стал ждать дальнейшего развития событий. Уехали меркиты или приготовили ему засаду? Ища ответ на этот вопрос, беглец послал в разведку Бельгутая, Боорчу и Джелме. Возвратясь через трое суток, те доложили, что ничего подозрительного не обнаружили.

Успокоенный Темучжин спустился с Бурхан-халдуна, не забыв возблагодарить бога горы, в частности, такими словами:

«А все оттого, что у доброй Хоахчин Кротовые уши видать! У матушки доброй Хоахчин Зренье хорю под стать!

Верхом на неуклюжем коне, бродя оленьими тропами, отдыхая в шалаше из ивовых веток, взобрался я на гору Бурхан… Бурхан-халдун защитил жизнь мою, подобную жизни ласточки. Великий ужас я испытал. Будем же каждое утро поклоняться горе и каждодневно возносить молитвы. Да разумеют потомки потомков моих!..»

И, сказав так, он обернулся к солнцу, повязал на шею свой пояс, повесил на руку шапку и, обнажив грудь, девятикратно поклонился солнцу и совершил кропление и молитву.

Здесь мы имеем дело с одной из церемоний, характерных для первобытной монгольской религии. Почести, возданные Темучжином, являлись частью ритуала поклонения алтайцев божествам гор. Именно так тюрки VII столетия молились покрытой лесом горе Отукен, очевидно, являвшейся одной из вершин Хангайских гор.

Что касается жертвоприношений солнцу (наран), то они представляют собой часть более общего культа Тенгри, или, если использовать монгольскую ритуальную формулу, Коко Монка Тенгри, то есть Вечного Синего Неба, высшего божества монголов. Эти жертвоприношения, в принципе, должны состоять из питья кумыса, перебродившего кобыльего молока, любимого напитка пастухов-кочевников. А девятикратное преклонение и простирание являются не только частью религиозного ритуала, но и монгольского придворного этикета.

Как утверждает богатый откровениями монгольский эпос, Темучжин довольно легко отнесся к тому, что лишился молодой жены: лучше так, чем подвергать себя опасности уступкой Борте запасной лошади. Его расчет оказался верным: умыкание красавицы на некоторое время заняло врагов, что позволило ему добраться до укрытия на Бурхан-халдуне.

Весьма кстати будет здесь поразмышлять о словах, однажды сказанных Оэлун в похожей ситуации своему несостоявшемуся мужу Эке-Чиледу:

— Был бы ты жив-здоров, а девушки в каждом возке найдутся. Был бы ты жив-здоров, а жены в каждой кибитке найдутся.

И все же, вопреки этой, столь мало похожей на рыцарскую философии, Темучжин о своей прекрасноликой Борте не забыл, явно не желая лишаться ее навсегда. Убедившись, что меркиты убрались восвояси, он приступил к разработке военного плана ее возвращения.

Знал ли он, что его юную супругу отдали одному из меркитских вождей, с которым ей пришлось делить юрту? Если да, то подобная рана могла лишь обострить его желание возвратить Борте. Вспомним, что она была женщиной совсем

молодой, что она еще не успела родить мужу детей и что ее любовь к Темучжину была прервана так грубо и жестоко, что он не мог не страдать от ее утраты. Возможно, Темучжин и упрекал себя за то, что пожертвовал ею ради личной безопасности, а не увез с собой вместе с остальными членами семьи, посадив на запасного коня.

Чингисхан отвоевывает красавицу Борте

Надо было возвращать Борте, и Темучжин в первую очередь обратился за помощью к кераитскому царю, чьим «клиентом» и приемным сыном официально состоял. Взяв с собой Хасара и Бельгутая, он вновь отправился в Черный лес, где находилось стойбище Тоорила.

Просьба, которую он адресовал своему сюзерену, ничем не отличалась от просьб, какие направляли в начале XII столетия юные европейские бароны своим герцогам:

— Внезапно напали на нас три меркита и полонили жен и детей. Я пришел просить тебя, хан и отец, спасти моих жен и детей!

И Тоорил, в свою очередь, ответил точно так же, как ответил бы любой король-феодал:

— Разве я в прошлом году не говорил тебе? Помнишь, что я сказал тебе, когда ты в знак сыновней любви облачал меня в соболью доху и говорил, что отцовской поры побратим все равно что отец тебе?.. Теперь я истреблю для тебя всех меркитов и спасу твою Борте… возвращу ее тебе…

Война предстояла серьезная. Меркиты к тому времени объединили несколько монгольских племен, живших на границе степи и сибирской тайги, в северной оконечности бассейна Селенги. В это объединение входило три крупных племени: удуит-меркиты, увасы и хааты.

Первые, возглавляемые Тохтоа-беки, обретались в Буура-кеере, в «Степи верблюдов-самцов», которую исследователь Хэниш помещает в окрестностях нижней Уды, восточнее Верхнеудинска.

Увас-меркиты во главе с Даир-усуном населяли остров Талхун, то есть жили внутри «вилки», образовавшейся в месте слияния Орхона и Селенги.

Наконец, хаат-меркиты вместе с их вождем Хаатай-Дармалой кочевали в Хараджи-кеере, еще одной тамошней степи. Все эти степи были типично забайкальскими, лесистыми, где пастбища чередуются с сосняками с их характерным густым подлеском из рододендронов и орхидей. Чем севернее, чем гуще леса, тем больше в них растет берез и лиственниц; тянутся же они до отделяющих этот район от Южного Байкала достигающих двухкилометровой высоты гор, где начинается настоящая сибирская тайга.

Прежде чем выступить против меркитов, кераитский хан призвал на помощь третьего союзника: Чжамуху, предводителя

монгольского племени джардаран. Как мы помним, Чжамуха был другом детства Темучжина, и оба они считали себя братьями. Звание побратимов, братьев по клятве — анда, в монгольском обществе имело самое реальное значение и возлагало на воинов, себе его присвоивших, вполне конкретные обязанности, впрочем, как и звание отца, присвоенное Темучжином кераитскому царю Тоорилу.

Если сын Есугая лишь начинал восстанавливать свой клан, то Чжамуха уже являлся вождем, и даже более могущественным, поскольку предводительствовал целым племенем.[24] Так что Тоорил был прав, когда посоветовал Темучжину пригласить участвовать в готовившемся деле своего друга детства.

В ту пору стоянка Чжамухи находилась в Хорхонах-джубуре, на одном из притоков Онона, скорее всего нынешней Курху, или, что менее вероятно, Киркун, протекающем северо-восточнее.

Тоорил посулил Темучжину привести корпус войск численностью 20 тысяч воинов, который должен был составить правое крыло армии.

— Чжамуха, — давал указания Тоорил, — со своими двумя тьмами пусть будет левым крылом.

Это указание подтверждает, что молодой хан возглавлял объединение родов довольно значительное. И еще. Именно ему Тоорил доверил определить место сбора объединенного войска.

Итак, следуя совету Тоорила, Темучжин послал Хасара и Бельгутая к Чжамухе с такими словами:

— Меркиты повергли меня в печаль. Они украли у меня жену. Теперь моя постель пуста. Половина моей души оторвана. Не одного ли мы с тобой роду-племени?

На это послание Чжамуха ответил, как истинный рыцарь:

— Я узнал, что постель моего друга Темучжина опустела, что половина его груди оторвана, и мое сердце (букв.: печень. — Е. С.) от этого скорбит. Что ж, мы раздавим все три меркитских племени и освободим нашу госпожу Борте!

Монгольский бард, совсем как Гомер, вкладывает в уста Чжамухи (и хана Тоорила) слова страшной угрозы и злой насмешки, адресованные вражеским вождям:

— Теперь, когда у нас похлопывают чепраки, когда гремят барабаны, задира и трус Тохтоа находится, должно быть, в степи Гуур. Теперь, когда у нас волнуются длинно-тетивные луки, вояка Даир-усун находится, должно быть, на острове Талхун!

Чжамуха изложил свой план действий. Как ему было известно, меркитские племена, объединившиеся на время, снова разошлись кто куда. Оставив до поры в покое увасмеркитов, кочевавших в месте слияния Орхона и Селенги, надлежало, по его

мнению, обрушить все коалиционные силы на удуит-меркитов — основное вражеское племя. Поднявшись с юга на север, Тоорил, Темучжин и он сам, Чжамуха, должны были форсировать на плотах Килхо (Хилок в современных атласах) и свалиться на Тохтоа как снег на голову, «вторгшись через дымник и сокрушив главную опору».[25]

Через посланных к нему Хасара и Бельгутая Чжамуха попросил передать «другу Темучжину» и «старшему брату Тоорилу», что он полностью поддерживает их действия:

— Я посвятил духам мой бунчук из хвостов яков, который виден издалека. Я велел натянуть на барабан кожу черного быка. Я надел свои медные латы, сел на своего черного коня, взял копье и кривую саблю, набил колчан стрелами, сделанными из древесины персика. Мы сразимся с меркитами не на жизнь, а на смерть!

План боевых действий Чжамухи, известный нам из монгольского эпоса, был основан на прекрасном знании местности. Войску Тоорила, после того как оно покинуло Черный лес, надлежало соединиться с отрядом Темучжина на горе Бурхан, откуда оба корпуса должны были выйти в степь Ботоган-бооржи, в окрестностях истоков Онона, куда собирался прийти Чжамуха, поднявшись вверх по этой реке. Ботоган-бооржи намечалась местом сбора всех сил союзников.

Операция, в самом деле, была серьезной, если учесть, что, как утверждает монгольский бард, следовало незаметно для врага осуществить концентрацию без малого сорока тысяч всадников, проведя их через многочисленные перевалы, имевшиеся в том высокогорном «крае истоков», находившемся на северо-восточном склоне Хэнтэя.

Исполняя указание Чжамухи, Тоорил со своими двадцатью тысячами кераитов покинул Бурхан-халдун и двинулся в район Бурги-ерги.

Находившийся в Бурги-ерги Темучжин, уступив ему свой лагерь, поднялся по ручью Тана, одному из истоков Керулена, что у подножия Хэнтэя, поросшего соснами и лиственницами.

Соединение его отряда с войском Тоорила (который получил подкрепление в виде кавалерии в 10 тысяч сабель под командой его младшего брата Джаха-Гамбу) произошло под Аил-хара-голом, неподалеку от ручья Кимурха, который, как нам кажется, являлся одним из истоков Онона и находился на горе, сегодня именуемой Кумур и примыкающей к Хэнтэю с северо-востока.

Таким образом, Темучжин, Тоорил и Джаха-Гамбу сошлись близ Ботоган-бооржи, находившегося в непосредственной близости от истоков Онона. Там же был и Чжамуха, с

нетерпением ожидавший их третьи сутки.

— Разве мы не договаривались, — строго спросил он их, — и в бурю на свидание, и в дождь на собрание приходить без опоздания? Разве отличается чем от клятвы монгольское «да»? Соглашаясь с ним, Тоорил добродушно произнес, что он и Темучжин, действительно, заслуживают выговора.

Тон речей Чжамухи и его роль в той кампании указывают на то, что он не только занимал главенствующее по отношению к «брату» Темучжину положение, но, располагая вместе со своими джардаранами силою достаточной, чувствовал себя начальником и над кераитами.[26]

Из Ботоган-боорджи союзники двинулись на север через современную русскую границу. Можно предположить, что, пройдя Кумур, они спустились по долине Менжи в бассейн речки Чикой, а оттуда, через перевалы Малхана, проникли в сердцевину страны меркитов, в поречье Килхо, которую переплыли на плотах неподалеку от Кяхты. Словно смерч, ворвавшись в степь Буура-кеер, которую, повторяем, современные географы располагают в бассейне нижней Уды — стало быть, в лесостепи, — они ночью нагрянули на стойбище Тохтоа-беки и увели с собой всех женщин. У них была надежда захватить врасплох и самого вождя удуит-меркитов, но килхоские рыбаки и охотники на соболя, расставлявшие свои капканы, успели его разбудить. Это позволило Тохтоа-беки и Даир-усуну, вождю увас-меркитов, с горсткой верных людей спастись бегством, спустившись по Селенге до Баргуджина, то есть до восточного берега озера Байкал. Убегая, они побросали все: юрты, семьи, домашнюю утварь, продовольствие.

В ночной тьме и суматохе, вызванной внезапной атакой, монгольские всадники не отставали от меркитов, хватая беглецов и забирая их имущество.

Темучжин, забыв о бое, думал только о любимой жене. Однако его зов тонул среди криков ужаса и предсмертных стенаний. Но вот он настиг толпу беглецов, где, может быть, находилась Борте, которую похитители наверняка намеревались увести с собой. И она узнала голос мужа! Трепеща от волнения, молодая женщина соскочила с повозки, увозившей ее вместе со старой Хоахчин, и побежала на голос. Вскоре она стояла перед мужем, «ухватившись за знакомые недоуздок и поводья Темучжинова коня. Было месячно. Взглянул он на Борте и узнал, и обняли они друг друга». Есугаев сын немедленно оповестил Тоорила и «брата» Чжамуху:

— Я нашел, что искал. Остановимся здесь.

Он не стал упрекать Борте за невольное сожительство с

меркитом. Это не смущало и саму красавицу: она была уверена в сердце и любви своего мужа. В самом деле, разве не для ее освобождения он перевернул вверх дном всю Монголию, создал союз царей и поставил под оружие целых четыре тьмы, 40 тысяч воинов?

И все же из меркитского плена Борте вернулась с уверенным чувством близкого материнства. Она родила мальчика Чжочи, который официально был признан старшим сыном Чингисхана, хотя злые языки всегда утверждали, что он был плодом Чилгэр-боко.[27] Ведь именно ему в усладу была отдана украденная меркитами Борте, Чилгэру-силачу, младшему брату вождя удуитов, Тохтоа-беки. В Чингисовой эпопее указывается, что монгольский Парис ужасно боялся появления оскорбленного мужа.

«Черной вороне положено кормиться дерном и корой, — терзался он угрызениями совести, — а она вздумала отведать гусей и журавлей. Грубый я мужик, Чилгэр! Подцепил себе ханшу — навлек беду на все меркитское племя. Простоволосый я мужик, Чилгэр! Не поплатиться бы мне своею простоволосой головой… Проберусь-ка я в темные ущелья! Где же мне еще найти убежище?»

Полагают, что приютившая меркита пещера находилась где-то близ хребта Улан-бургасу, возвышающегося на 1680 метров над уровнем долины Уды, что на восточной стороне Байкала.

Беря реванш, Темучжин и его союзники схватили Хатай-Дармалу. Надев вождю хаат-меркитов на шею деревянную колодку, они приказали ему вести их войско обратно к Бурхан-халдуну. Ведь во время своего нападения меркиты увели в плен не одну только Борте. У них в руках оказалась и вторая жена Есугая, Сочихэл, мать Бельгутая. Узнав, что она находится в одной из юрт бывшего меркитского стойбища, Бельгутай решил во что бы то ни стало найти ее. Но в груди вдовы баатура билось благородное сердце, и в тот самый момент, когда ее сын входил в правую половину двери, она в рваном овчинном тулупе ушла через левую. «Мои сыновья, — сказала она себе, — стали ханами, а я тут маюсь около мужика. Как же мне теперь смотреть в глаза сыновьям?» Сочихэл убежала и укрылась в тайге. Все попытки найти ее ничего не дали.

Бельгутай отвел сердце на беглецах и пленных меркитах: он стрелял в каждого, попадавшегося под руку, крича:

— Отдай мне мою мать!

Что касается меркитов, принявших участие в похищении Борте и в погоне за Темучжином на Бархан-халдуне — а было их, как говорят, триста душ, — то монгольский эпос сообщает, что

все они были безжалостно истреблены: «…Мы мужам меркитским в возмездие в воздух обратили лоно их, ущербили печень у них, истребили и родню их мы, а именье их мы сберегли себе». Победители увели с собой столько меркитских женщин и девиц, сколько хотели, сделав их своими «подругами»; мальчики и девочки стали слугами и служанками, получив «наказ сидеть у дверей».

Ниже мы расскажем, что вопреки вышесказанному меркитский народ был уничтожен далеко не весь.

Тохтоа-беки и его люди, укрывшиеся в недоступных баргуджинских лесах, в забайкальской тайге, не раз и не два возвращались в степь поспорить за нее с будущим Покорителем Вселенной и принять участие во всех союзах, объединявших его врагов. Увы, повторявшееся в каждом поколении этих племен умыкание женщин породило их неизбывную взаимную ненависть, положить конец которой могло лишь полное истребление одной из этих двух племенных группировок.

Монгольская империя была создана только после уничтожения половины монгольских племен.

Но вот несколько приятных подробностей. В лагере удуит-меркитов люди Темучжина обнаружили мальчика пяти лет по имени Кучу с горящими как огонь глазами, в собольей шапочке, в сапогах из маральих лапок и в шубке из собольих шкурок. Этого смышленого на вид найденыша подарили Оэлун, которая его усыновила.

Темучжин щедро одарил «своего отца и хана» Тоорила и «брата» Чжамуху, выражая признательность за освобождение Борте. Возблагодарил он и Тенгри, бога-небо тюрко-монголов, а также мать-землю (эке-этуген), помогших отомстить меркитам, «опустошить их сердца и разорвать печень». После этого союзники расстались.

Ночной переход и разделение орд

Итак, осуществив намеченное, союзники распрощались: кераитский хан Тоорил возвратился к себе в Черный лес, а Темучжин с Чжамухой вместе направились в Хорхонах-джубур, в леса, находившиеся недалеко от Онона. Совместныебоевые действия против меркитов дали вторую жизнь их дружбе, родившейся в давние годы. Витязи с удовольствием предавались воспоминаниям о времени, когда они играли в бабки на замерзшем Ононе и обменивались своими игрушками. Теперь тот и другой были вождями.

Потомок царской фамилии Темучжин был кровей в высшей мере благородных; однако верно и то, что в ту пору Чжамуха являлся государем более могущественным; на это указывает его роль «генералиссимуса», которую он играл в войне с меркитами. Но как бы там ни было, их отношения зиждились на самой искренней дружбе. Разве не были они анда, братьями по клятве, обязанными в силу этого юридического братства помогать друг другу во всем?

Темучжин и Чжамуха обменялись добычей. Сын Есугая храброго подарил своему другу золотой пояс, отнятый у Тохтоа, а также лошадь этого меркита, кобылу с черными гривой и хвостом, по прозвищу Эсхель-халиун (Выдра). Чжамуха вручил ему пояс, снятый с другого вражеского вождя, Даир-усуна, и его коня Эберту-унгун (Рогатый жеребчик).

В Хорхонах-джубуре, под раскидистым деревом (возможно, под тем же столетним деревом, где был поднят на царской кошме последний монгольский хан Хутула), что у подножия скалы Хулдахар, они скрепили союзнический договор грандиозным пиршеством. Друзья плясали под сенью священного дерева так же, как в свое время хан Хутула, а ночью спали под одним одеялом. Но этот, казалось бы, прочный союз просуществовал всего полтора года.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что Темучжин и Чжамуха приступили фактически к возрождению монгольской державы. И само место, Хорхонах-джубур, было в определенном смысле символичным, поскольку именно там последний правитель монгольского царства взошел на престол. Однако они ее воссоздавали не в виде монархии, а как биархию, и имя анда, которым они взаимно себя величали, придавало их альянсу характер священного братского союза. Увы, биархии непрочны по своей природе… Вскоре мы увидим, что Темучжин и Чжамуха восстанавливали степную империю столько же для, сколько и

против друг друга.

Как произошел разрыв между ними? Странный рассказ, оставленный нам монгольским бардом, позволяет более догадываться о сути его причины, нежели понять это разумом.

…Шел первый месяц весны. Побратимы снялись со стоянки и, подобно остальным кочевникам, отправились на поиски свежих выпасов. Они ехали впереди повозок с женщинами, детьми и разборными юртами, за которыми под присмотром воинов тянулись стада. Рассуждая вслух, Чжамуха проговорил:

— Покочуем возле гор — для табунщиков наших шалаш готов. Покочуем возле реки — для овчаров наших еда готова.

Как все древние народы, монголы выражались иносказательно и образно. Не поняв смысла сказанного Чжамухой, Темучжин промолчал, но остановился и, дождавшись матери, спросил, что оно могло бы значить. Не успела Оэлун открыть рот, как Борте произнесла:

— Недаром про анду Чжамуху говорят, что он человек, которому все скоро приедается. Ясно, что эти слова Чжамухи намекают на нас. Теперь ему стало скучно с нами! Раз так, то нечего останавливаться. Давайте ехать поскорее. Отделимся от него и будем ехать всю ночь напролет. Так-то будет лучше!

Согласившись с женой, Темучжин отдал соответствующее распоряжение.[28]

Здесь мы соприкоснулись с одной из странных граней характера Чингисхана. Всякий раз, когда в его жизни возникала критическая ситуация, требовавшая принятия радикального решения, он вдруг начинал колебаться, почти теряться, и тогда решение за него принимала жена, а он следовал ее советам не раздумывая, доверяясь им целиком и полностью.

Как мы уже отмечали, монгольские племена безотчетно стремились к единству. И Чжамуха с Темучжином пытались этим обстоятельством пользоваться. Вопрос заключался в том, кто добудет из него для себя большую выгоду. Это хорошо понимала Борте, рассчитывавшая, что муж, обретя свободу действий, сумеет опередить конкурента.

…Итак, наступила ночь, но обоз Темучжина, вместо того чтобы остановиться, продолжил путь. И тут Темучжин наткнулся на кочевавшее племя тайчжиудов, его исконных врагов. Перепуганные тайчжиуды в панике снялись с лагеря и, не разобравшись впотьмах, оказались среди стойбища Чжамухи. На своей стоянке они забыли маленького мальчика по имени Кокочу, которого Оэлун усыновила тоже (материнский инстинкт у нее, как видно, был очень развит).

Темучжин всю ночь двигался вперед. Когда рассвело, он пересчитал пошедших за ним и присоединившихся к Чжамухе. Распределение людей, совершившееся в ночной тьме, стало причиной раскола. Не обошлось тут и без шаманизма, вмешательства колдунов, которые любят «благословлять» уже принятые решения. Одним из таких «жрецов» был Хорчи, выходец из бааринов, вставший под знамена Темучжина, так сказать, после драки. Объясняя свое решение примкнуть к нему, он заявил:

— Мне не следовало бы отделяться от Чжамухи. Но было мне ясное откровение. Вот вижу: светло-рыжая корова все ходит кругом Чжамухи. Рогами раскидала у него юрты на колесах. Хочет забодать и самого Чжамуху, да один рог у нее сломался. Роет и мечет она землю на него и мычит на него — мычит и приговаривает: «Отдай мой рог!» А вот вижу: комолый пегий вол. Везет он главную юрту на колесах, идет позади Темучжин, идет по большой дороге, а бык ревет, приговаривает: «Небо с землей сговорились, нарекли Темучжина царем царства…» Вот какое откровение явлено глазам моим!..

Поведав о своем чудесном сновидении, колдун, как истинный шаман, потребовал вознаграждения:

— Чем же ты, Темучжин, порадуешь меня за откровение, когда станешь государем народа?

Темучжин пообещал поставить его нойоном-темником, то есть начальником десятитысячного войска. Тот, будучи не только священнослужителем, но и не менее заинтересованным ценителем мирских удовольствий, заявил:

— Что за счастье стать темником для меня, предрекшего тебе столь важный сан!.. Разреши мне по своей воле набрать первых красавиц царства да сделай меня мужем тридцати жен.

Хорчи попытался убедить молодого вождя назначить его на должность шамана-советника («А кроме того, преклоняй ухо к моим речам»), что должно было гарантировать ему преимущество в решении вопросов будущего Монгольской империи. На этот пост впоследствии претендовали и другие шаманы, одинаково мечтавшие обеспечить «главенство духовного начала» в устройстве новой монархии.

К тем кланам, что в суматохе и неразберихе ночи последовали за Темучжином, по зрелом размышлении присоединились другие. Особенно важно было то, что под его знамена встали монгольские князья царской крови, то есть родня Темучжина, а именно: брат отца Даритай, двоюродный брат Хучар, сын другого дяди, Некун-тайчжи, несколько более дальних родственников, как-то: Сача-беки и Тайчу, вожди рода джуркин, а

также Алтан (этот был особенно ценен, так как доводился сыном последнему монгольскому хану Хутуле). Все они явились к Темучжину, в ту пору находившемуся в Аил-харагане (стойбище в зарослях кустарника), близ ручья Кимурха, неподалеку от горы Кумур, в окрестностях истоков Онона. Получив подкрепление, молодой вождь перенес свой лагерь в долину верхнего Керулена, а точнее, в Хара-джируген, что на речушке Сангур, являющейся первым левым притоком Керулена, таким образом продвинувшись в глубь Гурельгу, расположившись близ Коконура.

Там произошло событие, определившее судьбу Темучжина: его «пэры» предложили ему стать их царем.

Чингисхан — царь монголов

Как уже отмечалось, после катастрофы, положившей конец правлению хана Хутулы, институт ханства у монголов был уничтожен. Алтан, сын Хутулы, права на самодержавное правление не востребовал. Однако к исходу XII века монгольские племена, окрепши, вопреки братоубийственному разрыву между Темучжином и тайчжиудами, стали задумываться о возрождении былого единства. Но в чьих интересах оно могло быть восстановлено?

Прежде всего, казалось бы, на роль монарха мог претендовать князь Алтан, сын последнего монгольского хана Хутулы. Кроме него, имелось еще несколько внуков хана Хабула, и в их числе — Темучжин. Не меньше прав было у его двоюродных братьев, джуркинских княжичей Сача-беки и Тайчу. Наконец, еще здравствовал Даритай, дядя Темучжина, родной брат Есугая-баатура.

Однако именно они: Алтан, Сача-беки, Тайчу и Даритай решили избрать царем Темучжина и восстановить оказавшийся выморочным после смерти Хутулы ханский трон. Намеревались ли они действительно всерьез сделать Темучжина настоящим царем? Явно нет, и развитие событий это показало. Но, испытывая необходимость в вожде, по крайней мере для совместных походов, они нашли вполне подходящим для этой роли сына Есугая. Правда, известно, что поначалу предпочтение было отдано Чжамухе, но он не был царских кровей: как явствует из генеалогий, ведшихся в княжеских юртах чрезвычайно строго, его род брал начало от сожительницы предка монголов Бодончара, увы, понесшей от чужеземца. Впрочем, помимо некоторых, несомненно, блистательных свойств Чжамуха обладал характером переменчивым, лживым, безрассудно жестоким — словом, опасным даже для друзей.

Темучжин, напротив, не только был бесспорно княжеского корня, но и отличался здравым смыслом, уравновешенностью, врожденными качествами государя, а со своими союзниками обращался с такой завидной куртуазностью, которая, невзирая на звериные шкуры, служившие ему платьем, выдавала его высокородное аристократическое происхождение. Вот почему именно к нему обратились монгольские князья, его кузены, постановив взять себе царя.

Слова, в которые они облекли предложение, сделанное Темучжину, весьма характерны.

— Когда Темучжин станет ханом, — заявили они, — мы,

передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему, пригонять ему прекрасноланитных жен, дворцы-палаты, холопов, прекрасных статей меринов… При облавах на горного зверя будем выделять ему половину брюхо к брюху. Одинокого зверя также будем отдавать брюхо к брюху (сполна): сдавать стянувши стегна… В дни сеч, если мы нарушим твой устав, отлучай нас от наших стойбищ, жен и женщин, черные головы наши разбросай по земле… В мирные дни, если нарушим твой покой, отлучай нас от наших холопов, от жен и детей, бросай нас в бесхозной земле!

Произнеся эти клятвы и заклинания, они подняли Темучжина на кошме и провозгласили ханом, присвоив ему имя или, скорее, титул Чингисхана.

Связана ли этимология этого звания с понятием силы? Должно ли оно внушать нам мысль о «непоколебимом» или, как часто писалось, «несгибаемом» монархе? Может быть, оно связано с идеей вселенского (буквально: океанического) господства?[29]

Определенно известно то, что имя «Чингисхан», впервые произнесенное там, в глухой степи верхнего Керулена, в неустановленном году XII столетия, имя, встреченное восторженно монголами и с проклятиями — другими народами, облетело весь старый мир и сохранилось в веках…

Смысл речи, с какой монгольские князья, выборщики Чингиса, обратились к нему, указывает на то, что они намеревались найти себе лишь предводителя, способного возглавить набеги и облавы, но никак не господина, хозяина. И ответственность, с которой новый государь приступил к созданию своего кочевого царства, должна была послужить им предупреждением.

Прежде всего Темучжин сформировал необходимый контингент сановников, «колчаноносцев» («хорчин»), набрав их из числа преданных ему душой и телом воинов. Над ними он поставил своих двух друзей, Боорчу и Джелме.

— Да пребудете вы в сердце моем, — сказал он им, — ибо, когда у меня не было иных друзей, кроме собственной тени, вы оба стали тенью моей и успокоили мою душу… Вы пришли ко мне и пребывали со мною прежде всех. Не вам ли подобает быть старшими над всеми здесь находящимися?

Другой ближний соратник Темучжина, Субутай, которому предстояло стать лучшим ратоводцем всей эпохи монгольских завоеваний, пообещал Чингисхану, «обернувшись мышью, собирать-запасать вместе с тобой; превратившись в черного ворона, вместе с тобой подчищать все, что снаружи; обернувшись войлоком-нембе, попробую вместе с тобой укрываться им; обернувшись войлоком-герисге (юртовым. — Е. С), попробую

вместе с тобой им укрыться».

Всем им Чингисхан заявил:

— Благословением Неба и Земли, умножающих мою силу, вы отошли от анды Чжамухи, душою стремясь ко мне и вступая в мои дружины. И разве не положено судьбою быть вам старой счастливой дружиной моей? Потому я назначил каждого из вас на свое место.

Как отнеслись к возвышению Темучжина другие правители-кочевники?

Главным для Чингисхана было заполучить в союзники кераитского хана Тоорила, вассалом которого он себя когда-то признавал. Темучжин направил к нему послами Тахай-баатура и Сукегая. Если бы Тоорил воспринял весть об усилении могущества Темучжина с неудовольствием, то новое монгольское царство вполне могло бы оказаться недолговечным. Но, к великому счастью для Чингиса, Тоорил (хотя, кажется, ранее его мнения выборщики не спрашивали) заявил, что рад произошедшему.

— Очень справедливо, — сказал он, — что на ханство посадили сына моего Темучжина. Как можно монголам быть без хана?

Заявив это, он призвал послов «не нарушать согласия, не развязывать узла единодушия, что они связали».

Отношения с Чжамухой были более сложными. Следует признать, что Темучжин обошелся с ним, если разобраться, довольно подло. Произвольно истолковав (правда, излишне параболические) слова Чжамухи, он неожиданно разорвал клятву дружбы. Хуже того: он переманил на свою сторону его подданных. Теперь, стремясь как-то сгладить конфликт, Чингисхан поручил Архай-Хасару и Чаурхану предупредить Чжамуху о своем прибытии.

Любопытно, что этот последний, то ли по причине еще теплившихся дружеских чувств к товарищу детства, то ли желая избежать окончательного разрыва с ним, обрушил свой гнев на главных выборщиков нового хана, то есть на Алтана и Хучара. И в самом деле, не они ли, предав Чжамуху, склонили чашу весов в сторону Темучжина? Далее. Если верить монгольскому эпосу, именно эти двое своими интригами рассорили бывших побратимов.

— Передайте от меня Алтану и Хучару, — сказал он послам, — зачем вы разлучили нас, вмешались в наши дела?

Одного в живот бодая, А другого под ребро.

И почему вы не возвели в ханы моего друга Темучжина в ту пору, когда мы были с ним неразлучны? С каким умыслом

поставили его в ханство теперь? Блюдите же теперь, Алтай и Хучар, данное вами слово крепко! Да получше служите другу моему, анде моему!

В этом призыве отчетливо слышится ирония, а в ней — пророчество. Впрочем, чтобы предвидеть, что согласия между Темучжином и «принцами крови», сделавшими его царем, не могло быть долговечным, не обязательно быть пророком.

Но еще до распада этого союза между Чжамухой и Темучжином разразился конфликт.

Пленных сварили в семидесяти котлах

Корректность взаимоотношений, поддерживаемых Чжамухой с Темучжином перед его избранием, указывает на то, что эти два человека, несмотря на распад их союза, все еще друг друга щадили. Непоправимое произошло из-за вмешательства таких третьестепенных лиц, как, с одной стороны, Тайчара, младшего брата Чжамухи, и с другой — джалаира Джучи-Дармала, вассала Чингисхана.

Тайчарово стойбище находилось у истоков Олегая, под горой Джалама, что в верховьях Керулена.

Джучи-Дармала кочевал по степи Саари-кеер.

Тайчар угнал у Джучи табун лошадей. На поиски пропажи тот отправился один (поехать с ним у его людей смелости не хватило).

Итак, один степной мародер напал на другого.

Почти лежа на шее коня, темной ночью человек двинулся в путь. Он остановился неподалеку от вражеского стана и затаился в ожидании конокрада. Просвистела стрела, и Тайчар упал с перебитым позвоночником. Джучи-Дармала отогнал свой табун домой.

Это уже была война. Решив отомстить за смерть брата, Чжамуха созвал людей своего племени и их конфедератов (таким образом он собрал около тридцати тысяч воинов) и отправился через перевал Алаут-тархаут, намереваясь совершить внезапное нападение на Чингисхана.

В ту пору Чингисово стойбище находилось под горой Гурельгу. Численность его людей, разбитых на 30 групп юрт и кибиток, тоже равнялась тридцати тысячам душ. К счастью для Темучжина, о приближении противника его своевременно известили два монгола из племени икересов по имени Мулке-тотах и Боролдай.

Сшибка произошла близ Далан-бальчжиут (Семьдесят болот); специалисты по Монголии считают, что эта болотистая зона находится у истоков Онона.

Потерпев поражение, Чингисхан отступил к Цзеренову ущелью, также находящемуся в бассейне реки Онон.

Преследовать Чингиса Чжамуха не осмелился, зато самым свирепым образом отыгрался на его сторонниках, вождях племени чонос, оказавшихся у него в плену: перед уходом на свое стойбище Чжамаха приказал сварить их в семидесяти котлах — так казнили в эпоху «сражающихся царств» в Древнем Китае.

Чоносский вождь Чахаан-ува во время дележа племен одним

из первых примкнул к Темучжину, тем самым он навлек на себя особенное недовольство Чжамухи, и теперь экс-анда отрубил ему голову и уволок ее, привязав к конскому хвосту.

Поздние персидские предания, сохраняя лишь смутное воспоминание обо всех тех ужасах, перепутали и факты и поступки действующих лиц и уверяли, будто в сражении у Семидесяти болот Чингисхан одержал победу и что именно по его велению побежденных бросили живыми в 70 роковых котлов. В действительности, все эти подвиги бесполезной жестокости должны быть записаны на счет Чжамухи, именно они и восстановили против него общественное мнение и дали Темучжину новых ценных союзников, чего он не сумел бы обеспечить себе никакой победой. Так, к нему от Чжамухи ушли два монгольских вождя: Чжурчедей из племени уруутов и Хоилдар из племени манхуудов, приведшие к нему всех своих людей. Исключительная ценность этого союза станет очевидной в годину испытаний, когда и тот и другой проявят безусловную преданность как делу, так и личности Героя.

Тогда же к Чингису возвратился старый друг его отца, Мунлик. Это возвращение значило многое. Мунлик выразил Темучжину полное удовлетворение его избранием, хотя в его словах имелась немалая доля иронии.

Как мы помним, именно ему Есугай-баатур на смертном одре поручил доставить в дом матери будущего хана Великой степи. Однако, не оправдав доверия и пренебрегши ролью опекуна, Мунлик покинул и ребенка, и его мать, чем обрек их на нищету и страдания. Во время разрыва между Чингисханом и Чжамухой он некоторое время был рядом с последним. Однако в конце концов возвратился в клан борджигинов вместе со своими семью сыновьями. Этот поступок, совершенный человеком осмотрительным, показывает, что фортуна явно повернулась к Темучжину лицом.

Герой, умевший забывать справедливые обиды, когда того требовали политические интересы, устроил в честь своих союзников и старых товарищей пир в лесу близ Онона.

Рост числа примкнувших к Чингисхану доказывает лишь то единственное, что он оказался тем сильным человеком, которого предпочитают иметь в покровителях, а не во врагах. А также — как ни покажется странным! — то, что его власть не только несла с собой порядок, но и отличалась умеренностью, своеобразной моралью и, я чуть было не написал, «человечностью», то есть обладала всеми теми свойствами, которые отсутствовали у его противников.

Когда оголодавшие роды, метавшиеся между Чингисом и

другими вождями, просили нового хана допустить к очередной крупной охоте (а жизнь кочевника всегда была поделена между обжорством и голодом), он их милостиво к ней допускал и при разделе добычи неизменно давал больше, чем они убивали.

Эта щедрость, разумеется, носила чисто политический характер и преследовала только одну цель: создание популярности среди племен и, следовательно, увеличение числа вассалов. И она ее достигала. От племени к племени полетели рассказы, в которых сравнивались исключительная честность и щедрость молодого хана, его представления — одновременно твердые и либеральные — о власти с деспотизмом и неуравновешенностью других претендентов на ханство.

— Господин Темучжин снимет с себя платье и отдаст тебе. Он слезет с коня и предложит его тебе же. Вот тот, кто воистину умеет править страной, кормить своих воинов и содержать дом в порядке! — говорили степняки, сидя вечерами в своих войлочных юртах. Так появились рядом с Чингисханом те преданные люди, которые показали все, на что были способны, когда пробил час великих испытаний.

Стычка после пира

Если новая власть импонировала племенам своею справедливостью и мудростью, то сам властитель рассчитывал на их безоговорочное послушание. Как мы уже знаем, избирая Темучжина, монгольские князья искали в нем лишь начальника вооруженных сил конфедерации, вдобавок достаточно сговорчивого. Очень скоро они увидели, что ошиблись.

Первая распря случилась на пирушке, устроенной в ононском лесу по случаю присоединения Мунлика и остальных «диссидентов». Когда разносили кумыс, алкогольный напиток кочевников, две вдовы из рода джуркин, Хороджин и Хуурчин, громко возмутились, что их обслужили после Эбегей, простой «второй жены» Сача-беки, вождя этого клана. Осердясь, они «нанесли оскорбление действием кравчему Шикиуру со словами:

— Как ты смел начинать не с нас, а с Эбегей?

Тот воскликнул:

— Не потому ли меня бьют, что не осталось в живых ни Есугая-баатура, ни Некун-тайчжи?»

Этот камень был брошен в огород Темучжина. Он промолчал. Но следующий инцидент на той же попойке не оставил без внимания.

В тот раз за лошадьми Чингисхана присматривал Бельгутай. Вождь Бури-боко находился при лошадях джуркинских. Когда некий хадагидаец покусился украсть оброть с коновязи, его задержали. Бури-боко вступился за него. Он и Бельгутай схватились. Стычка была скорой. Бури-боко рассек саблей правое плечо Бельгутаю. Тот по доброте душевной хотел это злополучное дело замять. Однако сидевший под деревом Чингисхан все видел. Он был взбешен. Его авторитет был поставлен на карту. Инцидент принял серьезный оборот, поскольку джуркинские князья, чьи подданные вели себя так нагло, принадлежали к старшей ветви монгольского царского рода и своим дерзким поведением как бы ставили под вопрос прочность еще очень юной державы нового хана, иными словами, права младшей ветви.

— Как мы можем допускать подобные поступки?! — крикнул он своему брату.

Славный Бельгутай попытался его успокоить:

— Пустяки. Ничего опасного со мной не произошло.

Но Чингисхан ничего не желал слышать, так как его престиж оказался под угрозой. По его приказу на джуркинцев напали с ветками и мутовками для сбивания масла и крепко их высекли. Обеих вдовиц, зачинщиц скандала, посадили под арест. Однако,

преподав новым вассалам урок, но желая с ними помириться, Чингисхан спустя время обеих обидчивых старух отпустил.

«Я выкормил тебя, когда ты умирал с голоду»

Беды, свалившиеся на кераитского царя Тоорила, послужили укреплению авторитета его вассала Чингисхана.

Тоорил, вопреки несторианскому христианству, исповедовавшемуся его семьей, и несмотря на то, что из него, Тоорила, сделали легендарного «пресвитера Иоанна», с родней обращался дурно, не по-христиански. Как уже отмечалось, он погубил двух своих братьев и его тяжелой руки избежали только Джаха-Гамбу и Эрке-Хара. Сей последний сбежал от него в Западную Монголию, на Великий Алтай, к найманам. Их царь, Инанча-Билге-хан, вступившись за беглеца, изгнал Тоорила с кераитского престола и возвел на него Эрке-Хара. Тоорил подался в Туркестан, к могущественному царю кара-китаев гур-хану, чья столица Баласагун находилась в долине Чу, западнее Иссык-Куля. Но не прошло и года, как гур-хан его прогнал. Так начались скитания развенчанного кераита по Гоби, между владениями уйгуров и страной тангутов. Нищета изгнанника была такова, что единственным его питанием сделалось молоко пяти мыкавших вместе с ним горе коз, а также кровь верблюда, вену которому он периодически вскрывал; единственным же средством передвижения Тоорила стала слепая лошадь — гнедой конь с черной гривой, как уточняет цитируемый нами пастуший эпос, равно внимательный к тому, что происходило с людьми и лошадьми.

Влача сие жалкое состояние, Тоорил очутился на берегу пруда Гусеур, одной из небольших лужиц той пустыни, находившейся между Ганьсу и верхним Керуленом, когда ему сообщили устное послание Чингиса. Сжалившись над Тоорилом, монгольский хан направил к нему Тахай-баатура и Сукегая с приглашением в гости. Тоорил срочно пустился в путь. В ту пору Чингисхан стоял в Бурги-ерги. Из уважения к Тоорилу он вышел к нему навстречу. Тоорил еле стоял на ногах от усталости и голода. Темучжин отвел ему место в одной из кибиток, вместе с шатрами составлявших его кочевническую столицу, обложил монголов налогом в пользу гостя, откормил и привел его в порядок, а направляясь на зимнюю стоянку под Хубухай, все на том же верхнем Керулене, забрал с собой.

Осенью следующего года (1197 г.) Чингис предпринял поход на меркитов и у горы Хадыхлих нанес им сокрушительное поражение. Их вождь Тохтоа в очередной раз бежал в Баргуджин.

Захватив его юрты, запасы продовольствия и табуны, сын Есугая храброго отдал их Тоорилу, который в 1198 году был возвращен на свой престол.

Таким образом, положение Чингисхана и Тоорила существенно изменилось. Да, первый по-прежнему называл себя вассалом кераита и величал его «ханом и отцом», но, спасши его от верной гибели и восстановив на троне, уже обращался с ним как с ровней.

Чингисхан на службе у «Золотого царя»

На этом повороте своей судьбы Чингисхан сумел извлечь для себя выгоду и из внезапной смены политического курса Китая в Верхней Азии.

Читатель помнит, что первое монгольское царство было разрушено совместными усилиями татар (монгольского народа, скитавшегося по землям, прилегавшим к владениям маньчжуров) и «Золотого царя», Алтан-хана, то есть цзиньского государя, сидевшего в Пекине. Однако татары, коих пекинский двор использовал для разгрома предшественников Чингисхана, очень скоро сделались для своих покровителей невыносимыми. Именно тогда Пекин прибегнул к политике выбивания клин клином, которую традиционно проводил в своих отношениях с кочевым миром, и позвал для борьбы с татарами Чингисхана с кераитами.

Цзиньская армия, предводительствуемая князем Вангинчинсяном, нанесла удар по татарам в юго-восточном направлении. Ведомые Мэгуджином-сеульту, те отступили вместе со своими стадами к верхней Ульчже, впадающей в озеро Борун-торчи между Керуленом и Ононом, и приблизились к территории, контролировавшейся Чингисханом. Сей последний возможность отомстить братьям-врагам за старые обиды не упустил. Обращаясь к своим вассалам, он напомнил им, как татары предали его предков, Амбагая и Окин-Бархага, которых враг подверг казни и смерти на деревянном осле. Разумеется, та подлая экзекуция была делом рук китайцев, но, поскольку предоставившийся случай позволял отомстить прежде всего татарам с помощью пекинского двора, надо было начинать с татар. Впрочем, Чингис не очень вдавался в далекие воспоминания, он решил воздать должное врагам прежде всего за убийство своего отца, Есугая храброго, предательски отравленного татарами за обеденным столом.

— Татары — наши старые враги, — сказал он. — Они губили наших дедов и отцов. Поэтому нам следует принять участие в настоящем кровопролитии.

Обращаясь к Тоорилу, он заявил следующее:

— По имеющимся сведениям, Вангин-чинсян гонит перед собою, вверх по Ульчже, Мэгуджина и прочих татар. Давай присоединимся к нему и мы против татар, этих убийц наших дедов и отцов.

Конкретно перед Чингисом была поставлена задача атаковать татар, спускаясь по долине Ульчжи, в то время как цзиньская армия теснила их с юго-востока. Что касается Тоорила, без чьей

поддержки он боевых действий начинать не решался, то кераит откликнулся на его призыв с готовностью:

— Твоя правда, сын мой. Соединимся!

И у него имелись старые обиды, требовавшие отмщения, так как его дед Маркуз-Буйруха тоже был схвачен татарами и так же погиб «обидной» смертью. Всего за трое суток собрав войско, он примкнул к армии Темучжина.

Монголы позвали было джуркинских вождей, но те еще помнили о печальном для них «ононском пире». Напрасно прождав Сача-беки и Тайчу целых шесть дней, Тоорил и Чингисхан спустились в долину Ульчжи, где за лесным завалом засел татарский вождь. Союзники, обложив Мэгуджина-сеульту, как волка, убили его и взяли себе как боевой трофей его украшенную золотом и жемчугом постель. Цзиньский генерал Вангин-чинсян, довольный успехом Чингиса и Тоорила, именно тогда присвоил последнему титул вана, то есть — в переводе с китайского языка — царя. Как раз это слово (произносившееся монголами как «онг») вкупе с саном «хан», уже имевшимся у Тоорила, дало имя Ван-хан, коим мы далее будем называть кераитского государя.

Что до Чингиса, то он получил от пекинского двора титул значительно более скромный — чаутхури, что указывает на то, что китайцы по-прежнему считали кераитов самым значительным монгольским племенем. Тем не менее их обоих горячо приветствовал представитель Пекина:

— Вы оказали Алтан-хану величайшую услугу тем, что присоединились к нему против Мэгуджина-сеульту и убили его. О ней я доложу Алтан-хану, так как ему одному принадлежит право дать Чингисхану еще более великий титул, титул чжао-тао.

Из сказанного явствует, что монгольские ханы являлись всего лишь скромными «федератами», состоявшими на службе у «Золотого царя», вождями дикарей, которых пекинский двор как бы привычно ублажал пышными званиями и прочими «бусами».

Однако Есугаев сын и венценосный кераит еще лучше вознаградили себя сами, ограбив татар и с богатой добычей возвратясь «во свои веси».

В татарском стане Чингисхан подобрал мальчика с золотым кольцом на шнурке, в подбитой соболем телогрейке из штофной парчи, которого и подарил своей матери:

— Это, должно быть, ребенок благородных родителей! Видно сразу, что он благородных кровей!

Оэлун, дав мальчугану имя Шиги-хутуху, объявила его своим шестым сыном.

Чингисхан тоже привязался к названому брату, о чем

свидетельствует случай, произошедший несколькими годами позже.

Однажды зимой, когда Темучжин и его люди, следуя обычаю кочевников, переходили с одного места на другое, Шиги-хутуху заметил оленей, с трудом продвигавшихся по глубокому снегу. К тому времени Шиги-хутуху уже исполнилось пятнадцать лет. Получив разрешение, он погнался за животными. Вечером, во время стоянки, Чингис справился о юноше. Ему сказали, что тот погнался за оленями.

— Ребенок может в степи замерзнуть! — воскликнул хан и в сердцах ударил нойона, охранявшего Чингисхана, дышлом.

Тем временем Шиги-хутуху возвратился и заявил, что из тридцати оленей он убил двадцать семь. Сообщение удальца Чингисхану понравилось. Он послал подобрать добычу, и оленей действительно нашли валяющимися в снегу.

Чингисхан избавляется от монгольских князей

Одержав победу над татарами, Чингис возвратился в свое стойбище, на озеро Харилту, на верхнем Керулене, где узнал нечто его удивившее и возмутившее. Воспользовавшись отсутствием хана, джуркины напали на оставленных им людей, из коих 50 человек ограбили до нитки, а десятерых убили. Чингисхан пришел в ярость. Он еще помнил, как во время пира на Ононе джуркины оскорбили его чашника и ранили брата, Бельгутая; не мог он забыть и того, что они не дали воинов для «народного» похода на татар (этот их отказ он считал тем более непростительным, что Окин-Бархаг, дед джуркинских вождей Сача-беки и Тайчу, погиб по вине татар). И вот теперь эти дезертиры покусились на юрты хана, оставленные под присмотром стариков и детей на время священной войны! Это уже был предел всего! Выступив против джуркинов, Чингисхан напал на них под керуленским Долон-болдаутом и всех взял в плен. Сача-беки и Тайчу с несколькими верными людьми попытались укрыться в ущелье, но сын Есугая-баатура их настиг и объявил пленниками.

Когда джуркинские вожди предстали перед ним, он напомнил им о данной военной присяге. Признав, что она ими была нарушена, они «вытянули шеи», и их головы покатились по земле.

Казнь джуркинских князей произвела на племена неизгладимое впечатление. Среди потомков славного хана Хабула они представляли старшую ветвь, тогда как Темучжин являлся представителем младшей. Будучи старшим сыном Хабула, пращур джуркинских вождей Окин-Бархаг во время дележа улусов получил право взять себе наиболее отважных ратников, самых метких лучников, и именно от этой воинской элиты и происходили джуркины. И что же? Сын Есугая поотрубал головы их князьям и подчинил себе их людей! Так род, более всех кичившийся происхождением, должен был безоговорочно покориться, а атаман, избранный как начальник довольно условного союза племен для предводительствования грабительскими набегами и охотничьими облавами, оказался волевым вождем, требовавшим от подданных абсолютного послушания.

Расправившись с джуркинскими вождями, Чингисхан взялся за Бури-боко, другого Хабулова потомка, князя, принадлежавшего к третьей ветви царского дома. Как мы помним, Бури-боко имел

несчастье досадить Чингисхану, рассекши плечо Бельгутаю во время пира в Ононской дубраве, закончившегося дракой Чингисовых людей с джуркинами. Сын Есугая обид не прощал никогда и никому. Орудием возмездия он избрал самого Бельгутая. Как бы потехи ради, Темучжин приказал брату и Бури-боко побороться. Бури-боко, как следует из его имени (Силач), обладал Геркулесовой мощью и мог, казалось бы, легко победить Бельгутая, но, смущенный присутствием хана, употребить всю силу не решился, противника пощадил и даже ему поддался. Схватив Бури за плечи, Бельгутай прыгнул ему на спину. Чингис как раз этого и ждал. Он сделал брату условленный знак (прикусил себе губу), и тот, воспользовавшись тем, что его колено упиралось в спину Бури, сломал ему позвоночник. Затем он вытащил труп на улицу и, бросив наземь, ушел.

Перед смертью джуркин прохрипел:

— Нет, не Бельгутай меня победил. Я боялся ханского гнева и нарочно, в шутку, упал, и вот поплатился за это жизнью…

Вокруг Чингиса тем временем собирались люди, ему фанатически преданные. Одним из старинных «клиентов» джуркинов был воин-джалаир по имени Гуун-ува. Представляя хану двух своих сыновей, Мухали и Бугу, он сказал:

— Да будут они рабами у порога твоего. Если отстанут от порога твоего, пусть перережут им подколенники. Пусть будут они собственными твоими рабами у порога твоего. Если нерадиво отлучатся от порога твоего, выбрось их вон, вырвав печень.

Оба Гууновых брата, Чилаун-хайчи и Джебке, тоже перешли к сыну Есугая храброго. Таким образом, к нему на службу поступила вся эта героическая семья. Придет день, и Мухали завоюет ему Северный Китай. Что касается Джебке, то он нашел в лагере джуркинов мальчугана, звавшегося Борохулом, и подарил его «мамаше Оэлун», которая его усыновила. Так великая вдова, благодаря превратностям войны, стала матерью четырех приемышей: меркита Кучу, бесута Кокочу, татарина Шиги-хутуху и джуркина Борохула. Славная женщина пеклась о них, как родная мать, «следя за ними глазами днем и ушами ночью». Они, в свою очередь, наряду с другими витязями стали самыми верными спутниками Покорителя Вселенной.

Нападение в горах

Власть Чингисхана, окрепшая после ликвидации его строптивых двоюродных братьев, набирала силу. Восстановленный в своих правах благодаря сыну Есугая кераитский Вах-хан, которого Темучжин по-прежнему величал «отцом», оставался его вернейшим союзником, или, по меньшей мере, таковым казался. В 1199 году они предприняли совместный поход на найманов, еще один знаменитый народ Верхней Монголии.

Найманы, скорее всего тюрки по крови, обретались в Западной Монголии. Они жили на Великом Алтае, занимая территорию, лежащую между страной, где впоследствии возник город Каракорум, и верхним Иртышом. Они распространились до земель кераитов, киргизов и уйгуров. Таким образом, им принадлежал край, ныне входящий в состав округа Кобдо, Тарбагатая и Джунгарии.

После смерти Инанча-Билге-хана найманов поделили между собой его дети, царевичи Таян Тай-буха[30] и Буирух, в один прекрасный день рассорившиеся из-за отцовской наложницы.

Таян правил кланами, населявшими долину, а Буирух — теми, что жили в горах.

До поры оставив в покое Таяна, Чингисхан и Ван-хан напали на его брата. Буирух кочевал по берегам Согоха, как называлась Кобдо в своем верхнем течении, по северо-восточному склону Большой горы (Улуг-таг), или Монгольского Алтая. Чингис и Тоорил, перейдя через Хангайский хребет, вероятно, вышли к озерам, со стороны Кобдо — дикий край, где пастбища чередуются с серой каменистой пустыней. Лишь в глубине долин и по берегам Кобдо темнеют заросли берез и гигантских тополей.

Буирух, сознавая свое бессилие, укрылся на Алтае, у подножия которого к его сподвижнику Эди-тублуку подскочили монгольские разведчики. Подпруги его седла лопнули, и, не сумев убежать в горы, этот ближайший помощник главного наймана оказался в плену. Через перевалы, находившиеся на высоте трех километров и открытые лишь с июля по октябрь, Чингис с союзниками перешел через Алтай, на хребте которого, сложенном из базальта и порфира и напоминающем своим видом стену, разрушенную в одних местах и осыпавшуюся в других и как бы подпирающую собой горное небо, лежало целых 45 ледников. Сойдя по южному склону и попав в долину реки Урунгу, окаймленной зарослями ивняка, то есть в «страну Хумшигир», они настигли врага в окрестностях озера Кизилбаш,

или по-нынешнему Улунгур, окруженного лишенными растительности желтыми холмами.

Именно в этой пустыне Чингисхан нанес Буируху сокрушительный удар. Найманский вождь укрылся на землях кемкемджиутов, обитателей верхнего Енисея — нынешняя Тува, что на самой границе Сибири.

Чингис и Тоорил возвращались с победой домой. Путь от северного склона Алтая до южного склона Хангая проходил по долине стремительного Байдариха, вытекающего из мрачных теснин Хангая и теряющегося на юге, в соленом озере, обрамленном ивняком и дюнами, поросшими саксаулом и тамариском.

Один из найманских вождей, храбрец Коксеу-сабрах, занял одно из ущелий Байдариха. Армии противников изготовились к бою, но спустилась ночь, и начало сражения было отложено до утра.

И тогда произошло нечто невероятное.

Ван-хан приказал своим воинам разжечь костры, незаметно снялся с лагеря и ушел в долину Хара-сеула. Предав Чингисхана, кераит оставил его один на один с найманами.

Чем объяснить Тоорилово предательство?

Похоже, в роли подстрекателя здесь выступил вождь джардаранов Чжамуха, бывший анда Темучжина, ставший его заклятым врагом.

Следуя, как в продолжение всей этой кампании, так и по дороге домой, за Тоорилом, Чжамуха сумел-таки смутить слабую душу Ван-хана и убедил его в том, что Чингисхан состоит в тайном сговоре с найманами:

— Известное дело, что мой анда, Темучжин, издавна обменивается послами с найманами. Вот почему он не подтянулся к нам теперь (не исключено, что боевые порядки Есугаева сына оказались на некотором удалении от места расположения союзных войск. — Р. Г.). Хан, я постоянно оказываюсь пребывающей чайкой, а мой анда — перелетным жаворонком! Ясно, что он переметнулся к найману…

Если верить легенде, благородный кераит по имени Гуурин-баатур, словно играя роль античного хора, вознегодовал во имя справедливости.

— Зачем ты так бесчестишь своих братьев? — воскликнул он, обращаясь с Чжамухе.

А между тем ничего не подозревавший Чингис всю ночь готовился к сшибке и лишь на заре обнаружил, что Ван-хан его покинул. Сознавая опасность создавшегося положения, он проговорил:

— Оказывается, они задумали вовлечь нас в беду-несчастье…

Быстро снявшись с лагеря и совершив обходный маневр в северном направлении, он оказался на противоположной стороне Хангая, в долине Эдера, а затем без помех добрался до степи Саари-кеер, откуда несколько месяцев назад выступил в поход.

Предательство Тоорилу вышло боком. Он находился на пути к своему стойбищу на верхней Тууле, когда заметил, что за ним гонится Коксеу-сабрах. Найманский вождь напал на кераитов в пади Телегету, одной из тех, которых не счесть на Хангае, и взял в плен многих Тоориловых людей вместе с их скотом и запасами продовольствия. В руки найманов попали также дети и жена Сангума-нилха, сына Ванхана.

Великодушие Чингисхана

Попавшему в беду Ван-хану пришлось умолять о помощи все того же Темучжина, которого всего несколько дней назад он вероломно бросил. Тот вполне мог отомстить предателю или, по меньшей мере, потребовать большую плату за помощь, но избрал образ действий прямо противоположный, явив незаурядное великодушие. По просьбе Тоорила он направил ему на выручку своих четырех богатырей (кулюков): Боорчу, Мухали, Борохула и Чилауна. И весьма вовремя.

Спрятав добычу в надежном месте, Коксеу-сабрах вернулся и дал еще два жестоких сражения в районе Улаан-хуты.

Уже погибли два главных кераитских военачальника: Тегин-хури и Итуркен-юдаху, — задняя нога Сангумова коня была пробита, а он сам должен был попасть в руки к врагам, когда внезапно появились Чингисовы кулюки. Первому из них, верному Боорчу, сын Есугая дал отменного боевого коня по кличке Сероухий (Чики-боро), которого надо было лишь чуть погладить по гриве камчой, чтобы он полетел вперед, словно ветер. Боорчу передал его Сангуму, оставшемуся без лошади, но тот не знал, как надо было обращаться с благородным животным, и оно стояло как вкопанное. Тогда Боорчу, вспомнив наставление господина, приласкал Сероухого «лаской Чингисхана», и конь устремился на врагов. Найманы бросились наутек, и вождь кераитов возвратил себе и людей, и имущество.

Благодаря своего спасителя, Ван-хан произнес следующие замечательные слова:

— Некогда его (Темучжина. — Е. С.) благородный отец спас мой окончательно было потерянный народ. Теперь я принимаю дар от своего сына, пославшего четырех богатырей и спасшего мой утраченный было народ. Да помогут мне Небо и Земля воздать ему долг благодарности!

Тоорилу захотелось вознаградить и Боорчу. Тот нес сторожевую вахту при Чингисхане, однако ему было позволено отлучиться для получения награды за услуги, оказанные кераитскому государю. Ван-хан одарил Боорчу дорогими одеждами и десятью золотыми кубками. Возвратясь с полученными богатствами, витязь преклонил колена пред своим господином, прося извинения за содеянное: за то, что на время оставил службу, чтобы получить подарки от чужого государя. Так высока была степень преданности, которую умел внушить своим подданным будущий Покоритель Вселенной.

Анти-Цезарь Чжамуха и битва в грозу

Победитель найманов, Чингисхан, опиравшийся на союз с кераитским царем, спасенным им от неминуемой гибели, казалось, мог теперь установить свою власть над всеми народами нынешней Верхней Монголии. В действительности же час его окончательного триумфа был далек. Даже племена собственно монгольские не все склонялись к принятию сюзеренитета Есугаева сына и выдвинули против него анти-Цезаря, его недруга, джардаранского вождя Чжамуху.

Бывший анда Темучжина, ставший его заклятым врагом, Чжамуха представлял собой личность прелюбопытную. Хронисты как один человек указывают на неустойчивость его натуры, склонность к интригам, коварство, а также на безмерное честолюбие, вдруг уступающее место приступам самоуничижения и раскаяния. Как мы только что видели, не кто иной, как он, едва не стал причиной разрыва между Чингисханом и Ван-ханом. Теперь, когда, несмотря на его козни, они помирились и под их объединенный скипетр должна была встать вся Верхняя Монголия, он сколотил против них межплеменной союз.

В эту коалицию вошли все прежние недруги Завоевателя: татары с нижнего Керулена, меркиты с нижней Селенги, тайчжиуды с нижнего Онона, лесные ойраты с западного побережья Байкала, а также множество второстепенных племен — хатагины, сальджиуты, дорбены, икересы, горлосы, даже буирские унгираты (племя, к которому принадлежали родственники жены Темучжина). По меньшей мере, часть западных найманов тоже примкнула к этой лиге недовольных племен. Кроме Чжамухи, ее возглавляли старинные враги Чингисхана: Тохтоа, вождь найманов; Таргутай-Кирилтух и наконец Буирух, только что попытавшийся помериться силами с Есугаевым сыном.

Как явствует из приведенного списка, коалиция охватила всю Монголию, имея в своем составе и татар из Восточной Монголии, населявших склоны Хингана, и ойратов из северной тайги, и найманов с Великого Алтая.

…Шел 1201 год. Племена встретились возле истока Олхоя, откуда ушли в долину Аргуни. Там, где Кан сливается с Аргунью, [31] состоялась процедура возведения в царский сан Чжамухи, соответственно, получившего титул гур-хана. Она сопровождалась ритуальными шаманистскими действами. Вожди конфедератов принесли в жертву жеребца и кобылицу. Клянясь в верности друг другу, они прокричали в один голос:

— Тот из нас, кто предаст общее дело, да будет низвергнут,

как эта земля, и иссечен, как эти деревья!

Произнеся слова клятвы, участники церемонии бросили в реку ком земли и саблями обрубили ветви с ближнего дерева.

Союзники приступили к подготовке нападения на Есугаева сына. Однако тайна сохранена не была. Некий горлос по имени Хоридай поспешил уведомить Чингисхана, который в ту пору находился в окрестностях истоков Керулена, у подножия массива Бурхан-халдун.

Хоридай летел на «борзом коне, аки птица». Уже пала ночь, когда ему встретилась смешанная стоянка тайчжиудов и его собственных единоплеменников. Сменив у последних лошадей, он поскакал дальше и, едва не попав в руки к конфедератам, везшим белый шатер для нового гур-хана, целым и невредимым явился к Чингисхану.

Темучжин обратился за помощью к Тоорилу. Тот отозвался не мешкая. Объединенное войско «хана-отца» и его «сына» вступило в долину Керулена. Темучжин для рекогносцировки выслал вперед своих кузенов, Алтана и Хучара, а также своего дядю Даритая. Ван-хан отрядил для этой же цели брата Джаха-Гамбу и своего ближайшего помощника Билгэ-беки. Путь разведчиков лежал к горам Чихурху и Чекчер, а также к Кой-тену, лежащему южнее впадения Керулена в озеро Колен, точнее, между этим последним и Буир-нором.

Армия противника поднималась по долине Аргуни. Ее вели тайчжиудский вождь Аучу-баатур, найманский вождь Буирух, сын меркитского вождя Тохтоа по имени Хуту, ойратский вождь Хутуха. Всех их возглавлял анти-Цезарь Чжамуха. Когда они подошли к озеру Колен и встали перед войском Чингисхана и Ван-хана, спустилась ночь. Было решено отложить сражение на другой день.

Когда рассвело, Буирух и Хутуха-беки, которые были шаманами, стали накликать непогоду, «завывая и бросая в воду камни», чтобы ослепить врага. Но Тенгри обратил снег и дождь против самих конфедератов, и люди Чжамухи под ударами Чингисхана бежали. Многие их лошади попадали в пропасть. Оставшиеся в живых обморозили себе руки и ноги.

Коалиция распалась. Найманы ушли на Великий Алтай, ойраты — в прибайкальские леса, меркиты — на нижнюю Селенгу, тайчжиуды — в низовья Онона. Чжамуха возвратился на Аргунь и как истинный степняк-дикарь, оставаясь верным себе, ничтоже сумняшеся напал на своих же союзников, только вчера провозгласивших его гур-ханом. Этот безрассудный поступок отнял у него последних единомышленников и положил конец его эфемерному царству.[32]

Ранение Чингисхана. Преданность Джелме

Между тем Чингисхан и Ван-хан, разделив радость общей победы, расстались. Тоорил пустился догонять Чжамуху в долине Аргуни. Есугаев сын бросился в погоню за тайчжиудскими вождями: Аучу-баатуром и Годун-орчаном. Те поджидали его на противоположном берегу Онона. Состоялось сражение, длившееся до самого вечера. Когда стемнело, противники разбили свои бивуаки визави.

Чингисхан был ранен стрелой в шею. Из пораженной артерии кровь текла беспрестанно, но Темучжин сражался до конца. Только когда наступила ночь, он, обессиленный, слез с коня. Рядом с ним сел на землю его верный Джелме, воин из племени урянхатов, сибирских таежных охотников.[33] Он и оказал Есугаеву сыну помощь. Джелме высосал из раны запекшуюся кровь и пристроился возле своего господина на корточках, готовый ко всяким неожиданностям. Той страшной ночью Темучжин доверился ему безраздельно. До полуночи урянхат высасывал кровь из раны, боясь, что стрела была отравленной. Среди ночи Чингисхан пришел в себя и проговорил:

— Пить хочу. Совсем пересохла кровь.

Джелме снял с себя шапку, сапоги и верхнюю одежду. Оставшись в одних исподних портах, он направился в стойбище врагов. На одной из тайчжиудских повозок он нащупал рог с кислым молоком. Отступая, тайчжиуды забыли подоить лошадей, потому-то молоко, попавшееся под руку Джелме, и было прокисшим, но он был рад и такому: Тенгри явно покровительствовал ему! Разведя молоко водой, воин дал его своему хану.

Отпив немного, Чингис прошептал:

— Прозрело мое внутреннее око.

Сказав это, он сел. Начинало светать. Заметив возле себя лужицу крови, Темучжин спросил:

— Что это такое? Разве нельзя было ходить плевать подальше?

Джелме пришлось ему рассказать, как он высасывал кровь из его раны, как затем, почти голый, ходил в стойбище тайчжиудов, как принес кислого молока.

— А зачем это ты, голый, побежал к неприятелю, в то время как я лежал в таком состоянии? — задал вопрос Чингисхан. — Разве, будучи схвачен, ты не выдал бы, что я нахожусь в таком положении?

— Вот что я придумал, — ответил Джелме. — Если меня

поймают, то я им скажу: «Я задумал бежать к вам. Но они догадались, схватили меня и собирались убить. Они раздели меня и уже начали стягивать последние штаны, как мне удалось бежать». Они поверили бы мне, дали бы одежду и приняли бы к себе. Но разве я не вернулся бы к тебе на первой попавшейся лошади?

Преданность Джелме пришлась Чингисхану по сердцу.

— Что скажу я теперь? — проговорил он взволнованно. — Некогда, когда меркиты трижды облагали Бурхан, ты в первый раз спас мою жизнь. Теперь снова ты спас мою жизнь, отсасывая засыхавшую кровь, и когда томили меня озноб и жажда, ты, рискуя собой, проник в неприятельский стан и, утолив мою жажду, вернул меня к жизни. Пусть же пребудут в душе моей три эти заслуги!

Речи простые и величественные, озаряющие светом благородства эту мрачную и кровавую историю.

Когда совсем рассвело, Чингисхан увидел, что вражеская конница исчезла, оставив на произвол судьбы свой народ. Несмотря на рану, он взобрался на лошадь, намереваясь собрать всю эту толпу, чтобы увести с собой. На одном из холмов Темучжин заметил женщину в белом платье, которая плакала и громко его звала. Это была Хадаан, дочь того Сорган-Ширы, который, когда Есугаев сын был еще ребенком, спас ему жизнь. Она звала Чингиса на помощь, так как его воины схватили ее мужа-тайчжиуда и собирались убить. Хан погнал коня к сопке во весь опор. Подскочив к женщине, он спрыгнул и крепко ее обнял. Увы, его помощь запоздала: муж Хадаан был уже мертв.

Пока Чингис собирал разбежавшихся по долине тайчжиудов, снова наступила ночь. Сострадая дочери Сорган-Ширы, он посадил ее возле себя.

Наутро к Чингисхану пришел сам Сорган-Шира.

— Когда-то, — сказал ему Темучжин, — ты и твои сыновья освободили меня от проклятой колодки. В тот день вы спасли мне жизнь. Почему же потом вы ко мне не присоединялись?

Тот отвечал:

— Уже давно я втайне был предан тебе. Но как мне было спешить? Поторопись я перейти к тебе раньше, тайчжиудские нойоны непременно прахом пустили бы по ветру все, что осталось бы после меня: и семью, и скот, и имущество мое. Вот почему я не мог торопиться. А вот теперь-то я поторопился и явился воссоединиться с моим ханом.

«Это я стрелял с горы!»

Одновременно с Сорган-Широй к Чингису пришел молодой воин по имени Чжирхоадай. Он принадлежал к роду бесут, входившему в состав тайчжиудского народа. В битве под Койтеном он ранил в шею боевого коня Темучжина, прекрасного светло-гнедого скакуна с белой мордой. Впрочем, дело обстояло так: после койтенского сражения вместе с другими тайчжиудами юноша спрятался, но во время охоты, устроенной победителями, оказался обнаруженным загонщиками. Узнав Чжирхо, Чингис приказал было его связать, но Боорчу попросил у хана почетного разрешения сразиться с доблестным витязем в поединке. По случаю этого состязания в стрельбе из лука Чингис одолжил Боорчу свою знаменитую беломордую саврасую лошадь. Боорчу отъехал, выстрелил, но в Чжирхо не попал. Тот же оказался более метким, и его стрела угодила в лошадь соперника. Бесут ускакал. Теперь, не имея средств к существованию, он возвратился и предложил свои услуги хану. Устремив на него свой пронзительный взгляд, тот спросил:

— Кто прострелил шейный позвонок моему беломордому саврасому боевому коню? С горы-то…[34]

— Это я стрелял с горы! — был ответ тайчжиуда. — Если хан повелит казнить меня, то останется от меня только мокрое место с ладонь. Если же хан на то соизволит, то вот как послужу ему:

Трясины и топи пройду,
С налету бел-камень пробью.
Мне молвишь:
Громи!
На врага!
Синь-камень я в прах сокрушу!
Назад ли прикажешь подать,
Я черный кремень разнесу!

Ответ Покорителю Вселенной понравился.

— Он не только не отпирается, — сказал он, — но еще и сам себя выдает с головой. Он достоин быть товарищем… Мы прозовем его Джебэ за то, что прострелил моего Джэбэльгу, моего саврасого, моего беломордого… Будь при мне, Джебэ!

Так тайчжиудский воин сделался соратником Героя, а имя, которое этот юноша получил от него, вошло в вечность. Не кто иной, как Джебэ, завоевал для своего господина Семиречье,

Кашгарию, а также победил персов, грузин и русских.

«Я должен был бы вас казнить!»

Тайчжиуды были окончательно усмирены. Это монгольское племя, состоявшее в тесном родстве с кланом Темучжина и когда-то подчинявшееся его отцу, взбунтовавшись, стало причиной бед, обрушившихся на Героя в юности. Теперь он принудил его к покорности посредством силы.

Тайчжиудские нойоны: Аучу-баатур, Ходан-орчан, Худу-идар, — были им истреблены вместе с детьми, детьми их детей, и весь род их был развеян, «аки пепел». Сам же народ он увел зимовать в урочище Хубухай.

Однако главный вождь тайчжиудов, Таргутай-Кирилтух, давнишний враг Чингиса, преследовавший его в детстве, человек, когда-то надевший на него колодку, сумел спрятаться в лесах. Но трое его слуг, один из которых, Ширгуст, а также его сыновья Алах и Наяа, воспользовавшись бедственным положением Таргутая, предали его и объявили своим пленником. Погрузив на повозку хана, изменники повезли его к Чингису. Узнав об этом, на выручку Таргутаю поспешили его сыновья и братья. Но Ширгуст влез на телегу, навалился на пленника сзади и выхватил нож.

— Твоя родня хочет тебя освободить, — сказал он ему. — Убью ли я тебя или нет — все одно мне не жить, потому что я тебя предал. Так что придется отрубить тебе голову.

Ширгуст поднял руку. Таргутай что было сил крикнул сыновьям:

— Не приближайтесь! Иначе он меня убьет! Уходите, если вам дорога моя жизнь!

Он рассчитывал, что, попав к Герою, наверняка сумел бы его разжалобить напоминанием о том, как при Есугае храбром «обучал маленького Темучжина, словно молодого коня-двухлетку…».

Ширгуст между тем повез пленника дальше. Его более рассудительный сын Наяа заметил, что следовало бы лучше знать характер Чингисхана, который предателей ненавидит так, что заранее можно предположить, какой прием он им окажет.

— Если мы приедем с этим захваченным Таргутаем, — заявил он, — то Чингисхан присудит нас к смертной казни. Они, скажет он, наложили руки на своего природного хана. Какое может быть доверие к холопам, наложившим руки на своего природного государя? Такими же верными друзьями будут они и нам! Холопов, нарушивших присягу, только и следует, что укорачивать на голову! Давайте-ка лучше скажем, что мы пришли с тем, чтобы

отдать себя целиком на служение Чингисхану.

Выслушав сына, Ширгуст отпустил пленника на все четыре стороны, а сам с обоими своими сыновьями сдался на милость Героя.

— Мы взяли в плен Таргутай-Кирилтуха, чтобы отдать его тебе, но так и не решились предать того, кто был нашим законным господином. Мы его отпустили и пришли одни, желая присягнуть тебе на верность!

— Правильно вы поступили, что не предали своего природного хана! — одобрил их Герой. — Ибо я должен был бы вас казнить со всем вашим родом.

Узнав, что авторство разумного решения принадлежало юному Наяа, он похвалил его особенно. В дальнейшем именно ему Чингис будет поручать самые сложные приватные дела.

История монгольского Героя изобилует примерами благородства его натуры.

Истребление татар

Приведя к покорности тайчжиудские роды, Чингисхан отомстил за обиды, нанесенные ему лично. Чтобы отомстить за свое семейство, ему надо было истребить татар, убийц его предков, убийц его отца, Есугая храброго.

Чингисхан при поддержке кераитов и самого пекинского «Золотого царя» татар уже не раз бивал — во всех союзах, создававшихся против него. Теперь — шел уже 1202 год — он намеревался покончить с этими вечными своими врагами навсегда.

В союзниках у него нужды более не было: так окрепли его собственные силы. Предстояло единоборство, беспощадная схватка не на жизнь, а на смерть.

Решающее сражение состоялось весной 1202 года под Далан-нэмургесом (Семьдесят войлочных плащей), близ впадения реки Халхи в озеро Буир. Готовясь к битве, Чингис заранее запретил заниматься сбором трофеев до одержания полной победы, а предупреждая возможное дезертирство, сказал:

— В случае отступления все мы обязаны немедленно возвращаться в строй. Голову с плеч долой тому, кто не займет своего первоначального места!

Татары были раздавлены. Тут же приступив к выполнению маневра, в последующем прославившего монгольскую тактику окружения, Чингисхан охватил кольцом побежденных в окрестностях рек Олхой и Шилугельжит, стекающих с горы Союлзи, входящей в состав Хингана, и теряющихся в Гоби. Все четыре татарских племени: чигин-татар, алчи-татар, дутаут-татар и алухай-татар были уничтожены, начиная с вождей и кончая простым людом.

Но еще до того, вопреки распоряжению Чингисхана, его дядя, своевольный Даритай, двоюродный брат Хучар и князь Алтан принялись собирать добычу, не дождавшись окончания боевых действий и общего распределения трофеев. Вероятно, беря во внимание свое высокое происхождение, они решили, что Темучжинов запрет их не касается. Но именно их пример, лиц сановных, являлся чрезвычайно зловредным, так как мог стать заразительным. Нарушение же дисциплины Алтаном представлялось Чингису особенно опасным, ибо Алтан был родным сыном Хутулы, последнего царя монголов. Не предвещало ли это намеренное неподчинение готовящегося мятежа? Встревоженный Герой приказал своим вассалам, Джебэ и Хубилаю, отобрать у принцев крови весь — до последней овцы —

присвоенный ими скот.

Порядок в армии был восстановлен, но Алтан, Хучар и даже Даритай затаили на Темучжина злобу, и с той поры уязвленное самолюбие то и дело толкало их на противодействие хану и в конце концов привело к предательству и переходу в ряды кераитов.

Определяя судьбу многочисленных пленных, Чингисхан проявил непреклонность. Он собрал родственников на тайный совет («Великий Семейный совет»), и те вынесли предельно однозначный вердикт:

— Татарское племя — это исконные губители дедов и отцов наших. Истребим же их, равняя ростом по тележной чеке, в отмщение за дедов и отцов. А оставшихся обратим в рабство.

Увы, полубрат Чингисхана, Бельгутай, имел неосторожность рассказать об этом решении пленному татарину по имени Церен большой (Церен-эке).

Защищаясь, пленные татары забаррикадировались как только было возможно. Дело было в предгорье Хингана, где долины покрывали травы, доходившие до груди человека, и спрятаться в них труда не составляло. Сверх того на склонах гор во множестве росли карагачи и ракиты, а также тополя и березы. Так что с помощью повозок и завалов создать вполне надежные укрытия было просто. Преодолев их, но понеся немалые потери, монголы со свойственной им методичностью приступили к уничтожению татар-мужчин. Однако это избиение не было односторонним: предупрежденные о готовившейся кровавой бане, татары спрятали в рукавах ножи, и, прежде чем погибнуть, многие из них успели отправить на тот свет своих палачей, дабы «они им послужили в могилах подушками».

Чингисхан, рассерженный болтливостью Бельгутая, запретил ему впредь бывать на семейных советах. Этот запрет он распространил и на дядю Даритая, поведение которого становилось все более подозрительным.

Сердца сестер-татарок

Как часть добычи, Чингисхан взял себе прекрасную Есуган-хатун, дочь татарского вождя Церен-эке. Историография утверждает, что Герой очень ее любил. Говорят также, что она была неревнива или, по меньшей мере, чувство семейственности у нее было очень сильно развито. Так, известно, что в брачную ночь, убедившись в преданности ей сердца господина, она сообщила супругу, что у нее есть старшая сестра по имени Есуй, красавица, весьма достойная царского ложа.

— Каган может почтить и меня своим попечением, — сказала татарка, — и сделать настоящей ханшей… но ведь более меня достойна ею быть моя старшая сестра Есуй; она только что вышла замуж.

— Если твоя сестра еще краше, чем ты, — заметил Чингисхан, — то я велю ее сыскать. Но уступишь ли ты ей место, когда она явится?

Добрая Есуган ответила утвердительно, и поиски начались. Сестра была обнаружена в лесу, где она пряталась вместе с молодым мужем; тот убежал, а ее доставили к хану. Так она стала его очередной женой. Примечательно, что Есуган, едва увидев старшую сестру, покинула свое место, принадлежавшее ей как царской супруге, и села на место менее почетное (по законам иерархии монгольских цариц). Это благоразумие очень понравилось Чингисхану, и он своего удовольствия не скрывал.

Расправившись с татарами, часть которых была истреблена, а другая — отдана в рабство, Чингисхан устроил грандиозный пир прямо под открытым небом. Он сидел меж своих новых жен и угощался вместе с ними, как вдруг Есуй вздрогнула. Заподозрив неладное, хан приказал Боорчу и Мухали проверить всех присутствовавших мужчин, племя за племенем. Так был обнаружен некто, не принадлежавший ни к какому монгольскому племени. То был молодой человек с добрым взглядом и приятным лицом. В ходе допроса выяснилось, что он являлся мужем Есуй и пришел, чтобы еще раз увидеть свою возлюбленную, надеясь остаться незамеченным при таком стечении народа. На его беду, Чингисхан в таких делах шуток не допускал, к тому же он сам был влюблен в новую жену.

— Что ему еще здесь высматривать, этому врагу и бродяге? — возмутился Темучжин. — Ведь подобных ему мы уже примерили к тележной оси. Уберите его с глаз долой!

Приказание было исполнено немедленно, на глазах у повелителя.

Однако война с татарами могла обойтись Чингисхану дорого. Один из их воинов, Харгил-Шира, спасаясь бегством во время избиения его народа, гонимый голодом, пришел в монгольский лагерь и даже осмелился просить подаяния у самой Оэлун, матери победителя. Добросердая вдова, впустив его, проговорила:

— Раз ты просишь подаяние, то сядь там.

С этими словами она указала татарину место у двери. Вскоре с улицы вошел младший сын Темучжина, Толуй, мальчик пяти лет.[35] Схватив его под мышки, Харгил-Шира выскочил вон. Оэлун закричала и вместе со своей подругой, Алтани, женой могольского нойона Борохула, бросилась за похитителем. Догнав татарина, Алтани одной рукой ухватила его за косицу, а другой вывернула вору руку с зажатым в кулаке ножом, который сразу же выпал. Неподалеку от юрты разделывали комолую корову Чингисовы офицеры: Джелме и Джетей. Заслышав вопли женщин, они прибежали, как были, с окровавленными топорами в руках. Мгновение спустя Харгил был мертв.

Истребление татарского народа обеспечило Чингисхану абсолютную власть над Восточной Монголией в то время, когда кераиты являлись владетелями Монголии Центральной, а найманы — Западной. Чтобы понять значимость победы над татарами, следует знать, что именно в их бывшую страну сбежал Есугаев сын на другой год, когда, рассорившись с кераитами, был вынужден оставить им свои земли на верхнем Керулене. Если бы в 1203 году татары не были повержены, то Герой оказался бы словно в тисках. Этими исконными врагами своей семьи и Ван-ханом он несомненно был бы раздавлен.

Уничтожение татар изменило баланс сил в Монголии в пользу Чингисхана, в ущерб кераитам. Сын Есугая храброго не замедлил высказать свои претензии Ван-хану и тем спровоцировал разрыв с ним.

«Нашей родне придется сидеть у вас около порога, как слугам…»

Разрыв отношений монгольского завоевателя с «ханом-отцом», как он величал главного кераита, носил все признаки классической трагедии с ее нарастающим накалом страстей и четко определенными характерами героев.

Чингисхан. Человек, безгранично преданный клятве, или, по меньшей мере, играющий роль вассала верного, но постоянно ожидающего какого-либо подвоха, если не предательства, со стороны сюзерена. В самом деле, Ван-хан неоднократно платил ему за оказанные услуги самой черной неблагодарностью. Как мы помним, именно Чингис, когда Тоорил, свергнутый с престола родным братом, умирал с голоду в пустыне Гоби, не только приютил его и восстановил в правах, но и отдал ему всю добычу, взятую у меркитов с нижней Селенги. Тот же, напротив (хотя и в других обстоятельствах), все оставлял себе. Но главное — во время совместных действий против найманов он ночью ушел от Чингисхана, оставив его одного накануне сражения. Правда и то, что, после того как Есугаев сын, явив великодушие, спас кераита от тех же найманов, он снова проникся к «хану-сыну» симпатией, то есть он был как флюгер. Еще вчера сын Тоорила, Сангум, который ненавидел Чингисхана всеми фибрами своей души, и зловредный Чжамуха склонили его к постыдному вероломству, теперь же Ван-хан, растроганный преданностью Темучжина, спасшего его во второй раз, был близок к тому, чтобы удариться в другую крайность, собираясь лишить собственного сына прав наследования и передать их Есугаиду.

— Пора мне восходить на вершины, — вздыхал он. — Когда я в преклонных летах взойду на горы, кто примет в управление мой улус? Младшие братья мои — негодные люди. Сыновей у меня все равно что нет: один Сангум. Сделать бы мне сына моего Темучжина старшим братом Сангума! И тогда на покой!

Тоорил даже приступил к осуществлению своего намерения. Он встретился с Чингисханом в Черном лесу и торжественно провозгласил его приемным сыном. В результате сан Ван-хана, отец, приобрел дополнительное и благоприятное для Чингисхана качество. Ханы обменялись словами клятвы. «На войне мы будем нападать на врага вместе. Во время звериных облав будем охотиться бок о бок. Если кто-либо третий попытается посеять между нами вражду или нас рассорить,

Змеи ли зубастые
Нам клеветою шипят —
Мы клевете не поверим,
С другом увидимся,
Другу мы веру дадим».

Дабы укрепить этот договор, Чингисхан попросил для своего старшего сына Чжочи младшую дочь Сангума, Чаурбеки. В обмен он предлагал княжну из собственного дома (Ходжин-беки) сыну Сангума, Тусаху.

Сангум смотрел на все эти договоры отца более чем косо, ибо отец обращался с Чингисханом как с приемным сыном, стало быть, в ущерб ему, законному наследнику. А это уже грозило незаконным присвоением наследства. Вот почему Сангум поспешил отвергнуть предложение двустороннего проекта женитьбы.

— Нашей родне, — заносчиво произнес он, — придется сидеть у вас около порога, как слугам. А ваша родня будет у нас сидеть в переднем углу, как господа.

Этот отказ глубоко ранил самолюбие Чингисхана, и сыновние чувства, которые он, несомненно, в течение долгого времени питал к Ван-хану, уступили место плохо скрываемой злобе.

Душа кочевника: преданность и вероломство

Последовавшее за этим охлаждение во взаимоотношениях между Чингисханом и Тоорилом использовал Чжамуха, этот несостоявшийся анти-Цезарь, чья кандидатура на монгольский престол не получила поддержки, но зависть которого к побратиму от этого лишь усугубилась. Он быстро сообразил, как можно обратить себе на выгоду все случившееся. Весной 1203 года у него состоялась встреча с Сангумом и двумя монгольскими князьями: Алтаном и Хучаром. Эти двое решительно переметнулись в стан врагов своего господина.

Тайное сборище произошло в урочище Берке-элст (Трудные пески), на лесистом склоне Чжечжеерских высот, обычно помещаемых на карте современными исследователями южнее точки впадения Керулена в озеро Колен, в полупустынной степи, покрытой скудной растительностью, главным образом караганом и дерису. Вероятно, место встречи было выбрано Алтаном и Хучаром, боявшимися вызвать подозрение не только у Чингисхана, но и у Ван-хана, первый из которых находился на верхнем Керулене, а второй — в верховьях Туулы.

Старые обиды вырвались наружу. Нагнетая страхи, Чжамуха обвинил Чингисхана в поддержании связей с найманами, исконными врагами кераитов.

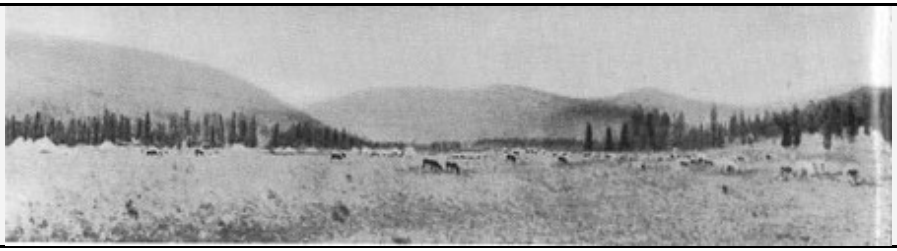
— С языка у него не сходят слова «отец», «сын», но в душе у него — совсем другое…

Особенно сильное впечатление на Сангума должны были произвести предостережения о том, как бы Есугаев сын не попробовал овладеть кераитским троном.

— Ужели вы верите ему? Что с вами станется, если только вы не опередите его?.. Если вы пойдете на анду Темучжина, я присоединюсь к вам и ударю ему наперерез!

Монгольские князья-отщепенцы в злобе не уступали Чжамухе и клялись перебить всех сыновей Оэлун и бросить их трупы зверям на растерзание.

Чингисхан. Бронзовый барельеф.



Центральная Монголия (район Улан-Батора).

Оэлун — мать Чингисхана.

Есугай-баатур — отец Чингисхана.

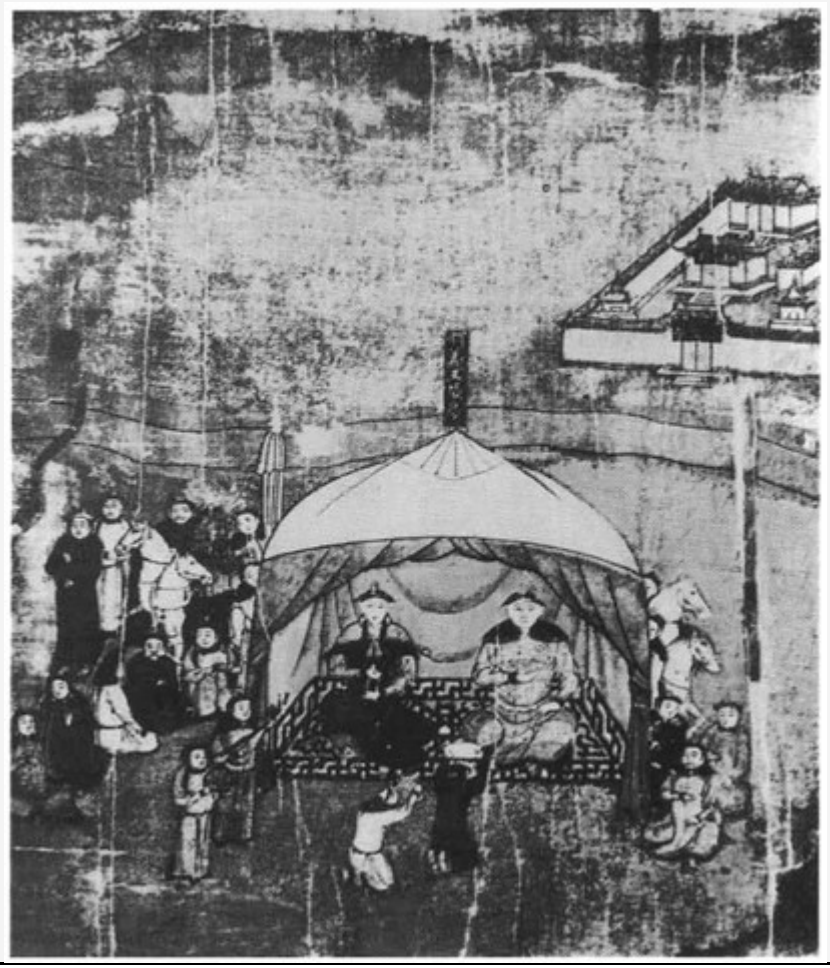
Алтайский пейзаж.

Рождение Чингисхана.

Детство Чингисхана.

Хасар — брат Чингисхана.

Красавица Борте — верная жена Чингисхана.



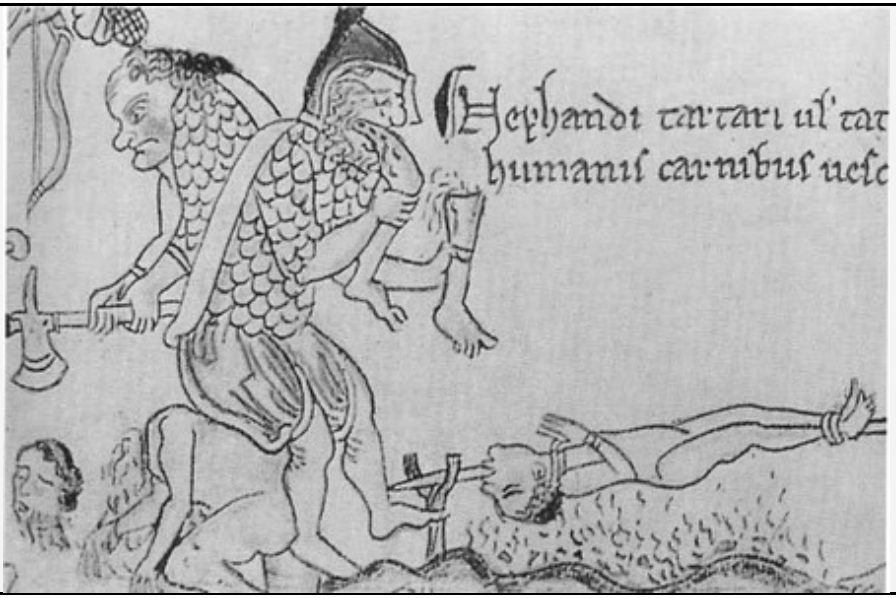
Хан с ханшей в походном шатре.

Сыновья Чингисхана: Чжочи, Чагатай, Угэдэй, Толуй.

Чингисхан.

Китайский портрет. XIII в.

Объединение монгольских династий.



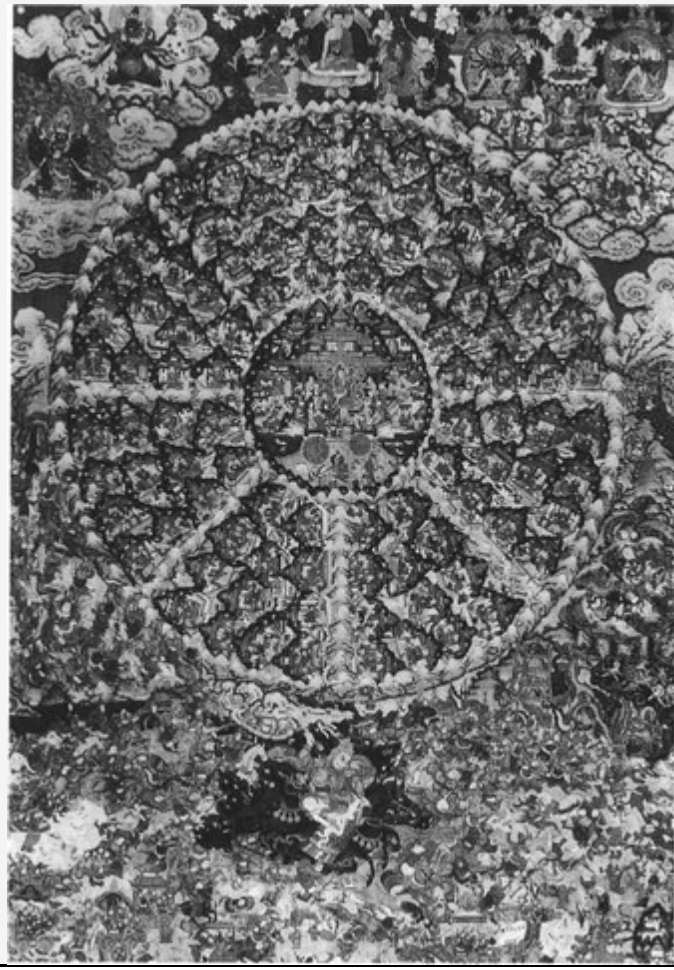
«Зверства монголов».

Иллюстрация к английской рукописи. XIII в.

Оружие кочевников.

Боевые соратники Чингисхана:

преданный друг Джелме, лучший ратоводец эпохи монгольских завоеваний Субутай, первый «маршал» Великой армии Чингисхана Бооручу, завоеватель Северного Китая Мухали.



Неизвестный мастер.

«Космическая сфера обитания божества». Музей изобразительных искусств. Улан-Батор.

Шаман.

Молящийся монгол.

Фрагмент росписи. VIII–IX вв.

Монгольский всадник, запрягающий лошадь.

Водовозы.

Ободренный подобными речами, Сангум тут же послал своих людей к отцу с поручением склонить его на сторону заговорщиков. Упрекая старика в слепоте и глухоте перед лицом смертельной опасности, каковой являлись честолюбивые планы Чингисхана, послы Сангума настойчиво уговаривали его напасть на Есугаева сына. Ван-хан, которому, вероятно, претило вероломство мятежников, отвечал:

— Зачем вы так судите о моем сыне Темучжине? Ведь он доселе служил нам опорой, и не будет к нам благоволения Неба за подобные злые умыслы на сына моего. Чжамуха ведь переметный болтун. Правду ли, небылицу ли он плетет — не разобрать!

Ответ отца не охладил решимости Сангума, и он предстал перед отцом лично, имея в запасе некий веский аргумент:

— Смотри! Ты еще жив, а он уже почти с нами не считается! Что же будет потом? Он делает все, чтобы я не получил в наследство кераитское царство, с таким трудом собранное еще твоим отцом Хурчжахузом!

Но Ван-хан упорно не хотел разрывать отношения с Чингисом. Более всего он боялся превратностей, коими полны войны, особенно междоусобные.

— Моя борода седа, и я хочу прожить остаток дней своих спокойно… Но вы меня и слушать не хотите…

Рассерженный Сангум вышел, громко хлопнув кошмой, служившей дверью.

Видя гнев сына, старик вынужден был уступить, правда, возложил всю ответственность за предательство и его последствия на домогателя.

— Это дело ваше: делайте, что только вам под силу, — заявил он Сангуму, явно сомневаясь в успехе его затеи.

Большего тому не требовалось. Его союзники тем временем начали действовать. Так, Чжамуха пожег все Чингисовы пастбища. Но поджог кустарников войной еще не являлся. Сангум намеревался схватить самого Темучжина. Шел 1203 год. Была весна. Тоорилов сын решил дать согласие на межсемейный брак, когда-то предложенный Чингисханом, пригласить его на пир по случаю помолвки и там устроить ему ловушку.

Получив приглашение, Чингисхан в сопровождении нескольких надежных людей отправился к Сангуму, ничего дурного не подозревая. По пути он заночевал у Мунлика, как мы помним, вассала его отца. Тот указал гостю на его неосторожность:

— Они только что нас унижали и отказывались выдать Чаур-беки… теперь, наоборот, сами приглашают на сговорный пир. Как это может быть, чтобы люди, которые только что чванились, вдруг согласились отдать дочь и сами пригласили? Чистое ли тут дело? Вникнув во все это, неужели ты поедешь? Давай-ка пошлем извинение в таком роде, что, мол, кони отощали, надо подкормить коней.

Чингисхан нашел совет разумным и вместо себя послал к Сангуму Бухатая и Киртая. Увидев их, заговорщик понял, что его план разгадан.

Табунщики спасают Чингисхана

Западня не сработала, и тогда получивший от отца карт-бланш Сангум решил предпринять внезапную атаку, чтобы, не дав Чингисхану возможности подготовиться к обороне, окружить, схватить и уничтожить его.

Военный совет, прошедший с участием главных кераитских вождей, постановил сохранить принятое решение в глубочайшей тайне. Курултай состоялся вечером, и уже утром следующего дня заговорщики должны были выступить.

Возвратившись к себе, один из кераитских нойонов, Церен-эке, сказал своим:

— Решено завтра утром окружить его и схватить. Воображаю, что бы дал Темучжин тому человеку, который отправился бы к нему да передал эту весть!

— К чему твоя вздорная болтовня? — заметила его жена Алахчит. — Ведь слуги, чего доброго, примут ее за правду!

Случилось так, что как раз в тот момент в юрту вошел с корчагой молока Бадай, их табунщик. Услышав речи хозяина, он передал их своему товарищу, Кишлиху, такому же пастуху, как он сам. Тому тоже захотелось послушать, о чем говорили хозяева. Сквозь войлок юрты он услышал, как Церен-эке беседовал с сыном. Отвечая отцу, Нарин-кеень сказал:

— Тому, кто нас подслушивает, надо будет отрезать язык.

От этих слов сердце у табунщика похолодело. Но именно ему, Кишлиху, хозяйский сын, как бы между делом, терпугом очищая стрелы, вскоре приказал:

— Поймай-ка да приведи сюда обоих меркитских коней: беломордого да белогнедого. Привяжи их. Чуть свет надо ехать.

Кишлих вернулся к Бадаю.

— А ведь твоя правда, — поделился он своими мыслями с приятелем. — Все подтвердилось. Теперь давай-ка мы поедем дать знать Темучжину.

Когда стемнело, они зажарили молодого барашка, вскочили в седла и растворились в ночи.

Еще и не развиднелось как следует, а табунщики уже стояли у двери Чингисовой юрты, прося разрешения войти.

— С позволения хана, — доложили они ему, — тут нечего сомневаться и раздумывать: они порешили окружить тебя и схватить.

Немедленно отдав распоряжения свите, Чингисхан поднял лагерь по тревоге. Бросив все, что могло помешать, в том числе часть домашней утвари и всю нехитрую кочевническую мебель,

он погнал лошадей на восток, где находилась бывшая страна татар, завоеванная им год назад, то есть в поречье Халхи, к отрогам Большого Хингана.

Сшибка у Красного тальника

Подойдя к Мау-ундурским горам, Чингисхан поставил в арьергард отряд преданного ему Джелме, а сам пошел дальше на восток. Во второй половине следующего дня он сделал привал в песках Харахалчжин-элста, где наконец подкрепился. Теперь Чингисхан находился в долине реки Халхи, в пограничной зоне, на западе ограниченной солончаками и островками пустыни, где пески Гоби вклиниваются в степь. По мере приближения к Хингану растительность степи становится гуще, и вскоре заросли ивы и ильма, а затем тополя и березы своим появлением предупреждают путника о существовании огромного леса, покрывающего склоны Хингана и его хребет, синеющий на горизонте. Однако «припудренные» песком травы и кусты не позволяют ему забывать о соседстве пустыни, раскинувшейся на юг и восток.

…Люди еще продолжали свою бивачную трапезу, когда прискакал Чикитай-ядир, пасший табун монгольского вождя Элжидая. Принесенное им известие было тревожным: пригнав лошадей подкормиться атавой, он вдруг заметил вдалеке клубы пыли, поднявшиеся у подножия Мау-ундура, в районе Красного тальника (Улаан-бурухата).

— Сомнения нет. Это враг.

Так решил Чингисхан. Приказав привести лошадей и оседлать их, он впереди всех поставил уруутов и манхуудов, считавшихся одними из наиболее доблестных монгольских племен, чьи вожди происходили от тех же мифических предков, что и Темучжин. Враги, кераиты, подойдя на расстояние видимости, тоже изготовились к схватке.

— Кто у «сынка» Темучжина в состоянии принять с нами бой? — спросил Ван-хан Чжамуху.

— У него, говорят, урууты с манхуудами. Эти, пожалуй, примут бой… Окружить кого — это им как раз подходит… Люди с малых лет привычные к мечу и копью. Знамена у них черно-пестрые. Этих врасплох не взять: осторожные!

Ван-хан поставил против этих двух племен отряд своих лучших ратников — джургинов под командой Хадаги.

— В помощь им бросим тумен-тубегенского Ачих-шируна. В помощь им бросим олан-дунхаидов. В помощь им пусть скачет Хоришилемун-тайчжи, во главе Ван-хановых гвардейцев — турхаудов. А в затылок тысяче турхаудов пойдем уже мы, Великий средний полк.

Но вот любопытный факт. Ван-хан предложил Чжамухе взять

командование на себя, но тот отказался. Почему? Что им руководило? Трезвый расчет человека, знавшего, что еще никогда ему не удавалось победить Чингисхана? Сомнение в боеспособности кераитского войска? Казалось бы, Чжамуха должен был принять сделанное ему предложение с радостью! Или не он был зачинщиком этой войны? И не его ли интриги уже давно вносили смуту в сердца старых союзников?.. Увы, такова была неустойчивость странного характера этого человека, задумавшего все перевернуть вверх дном. Но, с другой стороны, понимавшего, что Ван-хан был для него все-таки союзником конъюнктурным, тогда как, в силу древнемонгольского обычного права, Чингисхан, невзирая на случившееся, оставался его побратимом, союзнические узы с которым не могло нарушить ничто. И вот, движимый подобной курьезной верностью памяти детства, он вдруг повелевает известить Темучжина о диспозиции неприятельской армии и о готовившейся атаке. «Не бойся же, анда! Дерзай!» — заключил он свое донесение.

Со своей стороны Темучжин тоже изготовился к бою, не без горечи отметив численное превосходство сил противника (дезертирство дяди Даритая и монгольских князей Алтана и Хучара ослабило его армию существенно).

Сначала он обратился к старому Чжурчедею, вождю урутов:

— Что ты скажешь, если тебя назначим передовым?

Тот, поглаживая камчой гриву своей лошади, готовился дать ответ, когда манхуудский вождь Хоилдар-сечен вдруг произнес:

— Я сражусь пред очами анды! Воля анды — позаботиться потом о моих сиротах!

Чжурчедей ответил:

— Нет, перед лицом Чингисхана будем сражаться мы оба: и урут и манхууд.

По приказу своих вождей урууты и манхууды построились в боевые порядки. Не успели их эскадроны занять свои места, как неприятель во главе с джургинами устремился вперед.

Это было одно из кровопролитнейших сражений той эпохи. Видя мчавшихся джургинов, урууты и манхууды бросились им навстречу. Они смяли ряды противника и погнали его обратно. Но наперерез им выскочили тумен-тубегены, ведомые Ачих-шируном.

Приблизившись к Хоилдару, он нанес ему удар такой мощи, что тот выпал из седла. Манхууды возвратились и сгрудились вокруг вождя, чтобы его защитить. Чжурчедей бросил своих урутов на тумен-тубегенов, отогнал их и устремился вперед, все уничтожая на своем пути. Олан-дунхаиды попытались остановить его, но были опрокинуты. В этот момент вступила в бой личная

гвардия кераитского вождя, предводительствуемая Хоришилемуном. Но Чжурчедей отбросил и этих.

Неужели кераитская армия, несмотря на численное превосходство и внезапность, потерпит поражение? Кераитский наследный принц Сангум-нилха кипел от нетерпения. Разве не он хотел этой войны? И не он ли уговорил отца? И что же? Все атаки его ратников разбились о стойкость этих железных людей! Не предупредив Ван-хана, Сангум возглавил остатки своей конницы и бросился в бой. Но стрела, как говорят, пущенная Чжурчедеем, пронзила витязю щеку, и он рухнул наземь. Кераиты как один встали вокруг него и рубились, не щадя ни себя, ни врагов, защищая вождя.

Слезы Чингисхана

Солнце садилось за горы. Монголы ехали домой. Они могли назвать себя победителями, но бой оказался страшно тяжелым, и их потери были не меньшими, чем у кераитов. Герой Хоилдар был тяжело ранен. Схватка прекратилась только из-за спустившихся сумерек и усталости обеих армий.

Чингисхан иллюзий себе не строил, по трезвому рассуждению, характерному для него, он оставил поле битвы противнику и под прикрытием темноты ушел. Некоторое время спустя он велел остановиться.

Ночь страха. Монголы провели ее, сбившись в кучки, в полудреме, держа лошадей за поводья, в готовности вскочить в седла при первом же сигнале тревоги. Ночь тоски. Всей информации о потерях Чингисхан еще не имел. Едва занялась заря, как он приступил к подсчету оставшихся. В Числе прочих не откликнулись Борохул, Боорчу, его самые близкие товарищи по оружию, и Угэдэй, любимый сын. Утрата их больно отозвалась в сердце Чингиса. Он ударил себя в грудь и поднял глаза к небу:

— Вместе с Угэдэем остались и верные Боорчу с Борохулом. Почему же все они остались? Живы ли? Или погибли?

Не успел он произнести эти слова, как в неверном свете начинавшегося дня показалась человеческая фигура. Это был Боорчу. Увидев его, Темучжин стукнул себя кулаком в грудь и возблагодарил Вечное Синее Небо, Тенгри.

Вот что рассказал Боорчу:

— В бою подо мной был убит конь, и я бежал пеший. Как раз в это время кераиты обступили Сангума. Тут в суматохе вижу вьючную лошадь. Я срезал у нее вьюк, вскочил на ее вьючное седло и выбрался. Долго я шел по следу отходившего войска. Наконец-то нашел вот!

Спустя время показался вдали еще всадник. За его ногами можно было различить ноги другого человека. То были Угэдэй с Борохулом. Борохул поддерживал раненного в шею Угэдэя. Губы Борохула были алыми: по монгольскому обычаю он тщательно высосал кровь из раны юноши. При виде их сердце Героя сжалось и из глаз этого железного человека брызнули слезы…

Произошло же следующее. Стрела задела одну из вен Угэдэя. От боли он упал с лошади. Борохул тут же соскочил наземь в решимости защитить своего господина. Ночь он провел возле него, отсасывая кровь из раны. Утром Угэдэй все еще был слишком слаб, чтобы сидеть на лошади самостоятельно. Вот почему Борохул посадил его к себе… Чингис вздул огонь и

прижег сыну рану. Пиала кумыса окончательно поставила юношу на ноги.

«Мы загребем монголов в полы халатов, словно скотский помет!»

Подводя итоги, можно сказать, что сражение не дало кераитам желаемого результата. Монголы потрепали их основательно. Как доложил Борохул, судя по облаку пыли, они двигались вдоль Мау-ундурских высот, в сторону Улаан-бурухата. Чингисхан был готов к любому повороту событий.

— Если вздумают преследовать, примем бой… А если неприятель бежит, мы нападем на него в обход!

Несколько приободрившись, он поднялся вверх по Улхой Шилугельчжиту и стал лагерем в окрестностях Далан-нэмургеса, то есть, как нам представляется, на западном склоне гор Оболо-хабала и Союлзи, иными словами, на западном склоне Большого Хингана. Таким образом, Чингисхан оказался в самой крайней точке Восточной Монголии, почти за пределами родины, чуть ли не в принадлежавшей Пекину Маньчжурии и едва ли не в положении изгнанника. Но правда и то, что чем более он приближался к Большому Хингану и удалялся от печальных степей нижнего Керулена и Буир-нора, тем чаще ему встречались пастбища и густые леса, тянувшиеся вдоль подножия хребта, где его конница смогла восстановить силы, потерянные во время поспешного отступления.

Чингисхан призвал к себе Хадаан-Далдурхана, которому пришлось проститься с женой и детьми и поспешить к государю. Хадаан сообщил Есугаеву сыну интересные сведения о царивших в кераитском лагере настроениях. Ван-хан упрекал сына за то, что тот втянул его в грязную войну против старого союзника, и считал, что полученная Сангумом рана была наказанием вполне заслуженным. Правая рука Тоорила, Ачих-ширун, его увещевал:

— Полноте, хан! Государь мой!

> Втайне о сыне — ты помнишь? — мечтал.
> Жертвы-курения духам ты слал,
> Слезно молитвы святые творил,
> «Абай-ababай» постоянно твердил,

будь же милостив к Сангуму!..

Между прочим, он заметил Тоорилу, что добрая половина монгольских племен сражалась под бунчуками Алтана, Хучара и Чжамухи на стороне кераитов.

— А тех, темучжинцев, мы загнали в леса. Покажись только

они на глаза, так мы загребем их в полы халатов, словно скотский помет. Мы им покажем!..

Не слишком обрадованный рассказом Хадаан-Далдурхана, Чингисхан покинул район Далан-нэмургеса и спустился вниз по Халхе, текущей с гор в сторону Буира. Собрав остатки войск, он с тринадцатью сотнями пошел по левому берегу Халхи, а идти по противоположному берегу приказал другим тринадцати сотням, в состав которых вошли урууты и манхууды. Во время этого перехода монголы промышляли звероловством.

Вождь манхуудов, отважный Хоилдар, рана которого еще не вполне затянулась, вопреки Темучжинову наказу принял участие в охоте. Его рана открылась, и он умер. Чингисхан похоронил своего верного слугу на склоне горы Орнаут, среди скал.

В том районе, неподалеку от места впадения Халхи в Буир-нор, обреталось монгольское племя унгиратов, возглавляемое вождями Терге и Амель. Это было родное племя Борте, жены Героя. Чингис послал к нему Чжурчедея, чтобы напомнить о старинных родственных связях.

— Если они помнят свою песню, — наставлял он посла, —

Мы, унгиратское племя,
С давних времен знамениты
Красотою и статностью дев, —

то обойдемся с ними по-хорошему. Если выкажут непокорность, будем биться…

То ли на тех подействовало имя красавицы Борте, то ли ее единоплеменники посчитали себя слишком слабыми, чтобы сопротивляться Чингисхану, только они покорились ему без спора оружия и позволили его людям расположиться у себя в стойбищах на отдых.

«Жалоба Чингисхана»

Чингисхан разбил свои шатры на берегах небольшой речки Тунге, где-то между Буиром и озером Колен. Его конница набиралась сил на полях, поросших редким тальником и питаемых подземными водами. «Стою на восточном берегу речки Тунге. Травы здесь прекрасные. Кони наши блаженствуют». Именно оттуда он направил к Ван-хану, его сыну Сангуму, Чжамухе, Алтану и Хучару своих слуг Архай-Хасара и Сукегая с устным — в том обществе письменности еще не знали — рифмованным посланием, в котором перечислялись все его обиды на них.

Так называемая «Жалоба Чингисхана» при всей откровенности и горячности выражения чувств, волновавших ее автора, по сути, является весьма хорошо составленным политическим манифестом.

«Что ты, хан и отец мой, вздумал пугать нас в гневе своем? С чего это ты так пугаешь, что под сиденьем скамьи оседают, а кверху идущий дым в стороны разлетается? Что с тобою, батюшка мой, хан?

Иль расстроили неправые?
Иль науськали завистливые?

Помнишь ли, о чем мы говорили с тобой, хан и отец мой?

Змеи ли зубастые
Нам клеветою шипят —
Мы клевете не поверим,
С другом увидимся,
Другу мы веру дадим.
Разве не было такого уговора?

А ныне, хан и отец мой, разве ты объяснился со мною лицом к лицу?

Змеи ль клыкастые
Злобу внушают нам, —
Злобу отбросим мы,
Друга послушаем,
Другу лишь веру дадим.

Разве не было такого уговора? А теперь, хан и отец мой, разве ты переговорил со мною с глазу на глаз прежде, чем расходиться со мною? Тебе ведь известно!

Как ни мал я числом,
Многолюдных не стану просить.
Как я родом ни худ,
Благородных не буду молить

Когда у повозки о двух оглоблях сломается одна, и волу ее не свезти. Не так ли и я был твоею второю оглоблей? Когда у двухколесной телеги сломается одно колесо, нельзя на ней ехать. Не так ли я был у тебя вторым колесом?»

Далее Чингисхан перечислил все услуги, оказанные кераитскому государю его отцом, Есугаем, и им самим, о которых мы уже говорили по ходу дела. Кстати, не забыл он упомянуть и о зверствах Ван-хана, умертвившего собственных братьев: Тай-Тамур-тайши и Буха-Тамура, — за что был свергнут с престола дядей Гур-ханом, и понадобилось вмешательство Есугая-баатура для восстановления его в правах. Во второй раз Ван-хан был лишен трона родным братом Эрке-Харой, которого он тоже пытался уничтожить, но в тот раз царство ему вернул Чингисхан.

Все так же — дружески и печально — он напомнил Ван-хану, как тот оставил его во время войны с найманами, ночью, накануне битвы, что, как мы знаем, не помешало монгольскому Герою с присущим ему великодушием подать руку помощи названому отцу, жертве собственного вероломства. В довершение Чингисхан похвалил себя за то, что в интересах кераитского царька привел к покорности во время совместных походов другие монгольские племена:

«О хан, отец мой, словно молодой сокол, я взлетал на гору Чихурху; я перешел Буир-нор; я поймал для тебя синеногих и сизокрылых журавлей дерьенов, татар; я ходил за озеро Колен, я ловил фиолетовоногих голубых журавлей, хатагинов, сальджиутов и унгиратов, и всех отдал тебе».

Сказанное следует понимать как то, что в период, когда Чингисхан состоял вассалом кераитского царя, всякое усиление его, Темучжина, мощи считалось укреплением могущества Ван-хана, его сюзерена.

Точно так же Чингисхан пенял своему прежнему анде, Чжамухе, на то, что тот из-за неизбывной зависти своими интригами и клеветами поссорил его с Тоорилом. «Не сумев победить меня открыто, ты все сделал, чтобы разлучить меня с ханом и отцом моим». И еще вот это трогательное воспоминание:

«Бывало, тому из нас, кто вставал раньше, полагалось пить из синей чаши хана и отца. Вставая раньше, я и получал право пить из нее. Вот ты и возненавидел меня с тех пор из зависти. Осушайте же теперь отцову ханскую синюю чашу. Не много отнимите у меня!»

Фраза образная и точно нацеленная, а также долженствовавшая показать, что Темучжину было ведомо стремление Чжамухи занять его место (приемного) сына при кераитском правителе.

Алтану с Хучаром, монгольским князьям, покинувшим Чингисхана и перешедшим на сторону кераитов, он напомнил, что позволил провозгласить себя ханом только потому, что они (без сомнения, имевшие прав на престол более него) отказались от этой чести и сами настояли на его избрании вместо себя: «Тебе, Хучар, как сыну Некун-тайчжи, мы предлагали быть ханом, но ты сам отказался. И тебе, Алтан, мы предлагали: Хутула-хаган правил всеми нами. Будь же и ты ханом! Владей всем, как и отец твой!.. Но ты отказался. Итак, я вами же был наречен ханом и вот правлю вами».

Заодно Чингисхан напомнил бывшим своим главным выборщикам о долге под данных перед законно избранным ханом. «Но если бы ханами сели вы, то на всех врагов я стремился бы в первых рядах. Я предоставлял бы вам прекрасноланитных дев и жен, прекрасных статей меринов. Когда бы вы посылали меня передовым в облаву на тенетного зверя, то я предоставлял бы вам горного зверя стегно к стегну, пещерного зверя — ляжка к ляжке, степного зверя — брюхо к брюху».

Пытался Чингисхан и пробудить в душах своих двоюродных братьев чувство национальной солидарности в защите родины, дедовских земель, лежавших в окрестностях истоков Туулы, Онона и Керулена: «Никому не позволяйте кочевать у истоков Трех рек!»

Сыну Ван-хана, Сангуму, презумптивному наследнику кераитского престола, Чингисхан велел передать следующее:

> «Видно, в рубашке на свет я родился,
> Ты ж голышом, как и все, появился.

Наш хан и родитель равно заботился о нас двоих. Ты же, друг мой Сангум-анда, ревновал и гнал меня, лишь только я появлялся около отца».

Продолжая в том же духе, Чингисхан призвал Сангума перестать «терзать сердце» отца, «мучить и расстраивать его… притязаниями стать ханом еще при жизни родителя».

Это послание было весьма ловким дипломатическим ходом. Монгольский Герой разговаривал с каждым из членов вражеского союза отдельно, на его собственном языке, выдвигая аргументы, важные лишь для него одного. Так, обращаясь к Ван-хану, он стоял на позициях верности вассальной присяге, показывая себя приемным сыном, ничем не заслужившим немилости, в которой оказался, и страдавшим от раны, нанесенной его «сыновней» любви. Одновременно он пытался посеять недоверие между старым ханом и его законным наследником, Сангумом, которого как бы подозревал в отцеубийственных намерениях. Монгольских же князей, перешедших на службу к Ван-хану, он стыдил за предательство предков и народа и ненавязчиво призывал их под свой бунчук для совместной борьбы с кераитами, оккупировавшими дедовские степи. Во всем этом под прикрытием безупречной верности слову и трогательной доброжелательности таилось намерение рано или поздно окончательно разрушить вражескую коалицию.

Удалось ли ему достичь этой цели? Выслушав послание, проникнутое «сыновней лаской», Тоорил почувствовал сильнейшее угрызение совести:

«— О, погибнуть мне!
Сына ли только забыл я?
Правды закон я забыл.
Сына ли только отверг я?
Долг платежа я отверг.

Если теперь я увижу своего сына и умыслю против него худое, то пусть из меня вот так вытечет кровь!» — и с этими словами, в знак клятвы, он уколол себе мизинец зеркальным ножичком для сверления стрел, а брызнувшую кровь собрал в берестяной рожок и передал его посланцам Чингисхана.

Разъяренный Сангум потребовал от отца не мириться с Чингисом.

— Когда это он имел в обычае говорить «хан-родитель»? — возмущался Сангум. — Не именовал ли он отца старым разбойником? А меня-то когда называл другом-андой? Не предрекал ли ты мне в будущем крутить хвосты туркестанским овцам Тохтоа-беки? Более того: он потребовал начать против Темучжина беспощадную войну:

— Смысл его речей ясен! Дело идет о войне! Поднимайте же боевое знамя, Билгэ-беки и Тодоен! Откармливайте коней — нечего судить-рядить!

Как в античной трагедии, Сангум произнес следующие

роковые слова:

— Пусть решает оружие! Кто победит, тот и станет верховным ханом, а улус побежденного будет отдан ему!

Горькая вода Бальчжуна

Один из двух Чингисовых послов, направленных в ставку противника, а именно Сукегай, жена и дети которого находились в руках у врага, решил к своему господину не возвращаться. Второй, Архай-Хасар, покинув лагерь Ван-хана, привез монгольскому Герою ответ, точнее ответы, данные кераитами на его мирные предложения.

Получив их, Чингисхан отошел на север и остановился возле небольшого озера Бальчжун (Грязевое), которое следует искать между Ононом и Ингодой, в окрестностях реки Ага, то есть несколько восточнее, между северным берегом Аргуни и озером Тарей. Там, немного севернее, находилась суглинистая лесостепь, поросшая ломоносами и тюльпанами, березами и ивами; восточнее, в окрестностях стоячего озера Тарей, простиралась солончаковя степь, покрытая полынью. В ту пору в Бальчжуне воды почти не было. Чингисхан, если верить апокрифическому персидскому преданию, за неимением лучшего отпил воды, скопившейся над илом. «Взволнованный преданностью тех, кои не оставили его в скорбный час, он пообещал им, сложив руки на груди и вознеся очеса горе, что будет делить с ними и сладкое и горькое, добавив при этом, что если нарушит клятву, то стать ему грязной водой Бальчжуна. Сделав еще два глотка этой воды, он протянул чашу бывшим с ним военачальникам, и те в свой черед поклялись его не покидать никогда». В последующем они получили титул «бальчжунских» и были щедро вознаграждены за верность.

Чингисхан по сути оказался прижатым к северо-восточному рубежу монгольских владений, к краю тайги, населенной тунгусами. И все же дела Героя, в отличие от его противников, стали понемногу налаживаться, коалиция же Ванхана постепенно разваливалась. Ради мести или добычи кочевники часто объединялись вокруг конкретно назначенного воеводы, но тут им пришлось столкнуться с человеком недюжинным, масштаба Чингисхана, и они поспешили возвратиться к изначальной своей самостоятельности, потому что понимали: поставленная цель вряд ли будет достигнута, сопротивление противника делало успех весьма сомнительным. В этих условиях каждый хотел, в сущности, одного: как можно скорее бросить неудачливого предводителя, не сумевшего привести сообщников к победе. Так распались в свое время временные объединения, созданные друзьями Чжамухи для борьбы с Чингисханом и Ван-ханом. Теперь Чжамуха и прочие монгольские мятежники были

недовольны Тоорилом, и среди таковых находился Даритай, дядя Темучжина, который сожалел, что предал Есугаева сына, а также Алтан и Хучар. Их уже тяготила всякая власть. «Нападем на Ван-хана ночью, — говорили они, — посадим его в колодки и станем править сами, не признавая ни кераитов, ни Темучжина!»

Вовремя извещенный Тоорил опередил заговорщиков, и тем пришлось спасаться бегством. Чжамуха, Алтан и Хучар укрылись у найманов, в Западной Монголии. Даритай же решил сдаться на милость Темучжина. Тот его чистосердечно простил, во всяком случае, с тех пор взаимоотношений племянника и дяди уже ничто не омрачало. Тогда же к Чингисхану неожиданно присоединился Цоос-цагаан, вождь монгольского племени горлос.

Вскоре на озере Бальчжун появился мусульманский купец Хасан, который, какое-то время проведя в стране онгутов (на краю китайской провинции Шаньси), пришел на Аргунь. У него имелись белой масти верблюд и отара в тысячу овец. Он спустился с верховья Аргуни, намереваясь закупить соболей и белок, коими так была богата Забайкальская тайга. Завернув на озеро, чтобы напоить скотину, магометанин встретил Чингисхана, с которым у него, по всей видимости, завязались вполне дружеские отношения. Во всяком случае, три мусульманина: Хасан, Джафар и Данишменд-хаджиб, — значились в списке верных «бальчжунцев».

Но более существенным для Чингисхана было появление на озере его родного брата Джучи-Хасара. Пришел он от кераитов, в руки которых попал то ли насильно, то ли добровольно. Доподлинно известно только то, что, постановив присоединиться к Герою, он сумел обмануть бдительность Тооориловых подданных; увы, у кераитов остались его жена и три сына: Егу, Есунке и Туху. С горстью верных людей он пытался найти Чингисхана в окрестностях Хараун-джидунского хребта, который, вероятно, следует искать возле Борошчовогских гор; частично покрытый кедром и лиственницей, он отделял бассейн Онона от поречья Ингоды. Долго скитаясь в диких горах, «питаясь кожей своего снаряжения и тетивой луков», вдоволь настрадавшись, Хасар со своими людьми наконец пришел на озеро Бальчжун. Радость Темучжина была велика. Тут же братья придумали хитрость — надо признать, довольно бесчестную, — на которую Ван-хан благополучно попался.

Ночной переход и неожиданное нападение

По совету Чингисхана Хасар направил к Ван-хану Хариудара и Чахурхана с посланием, с помощью которого им удалось его обмануть. «О хан, отец мой, я потерял всякий след своего старшего брата. Искал, но и следа его не мог сыскать. Взывал, но никто не внял моему голосу. Смотря на звезды, лежу я с рукою в изголовье вместо подушки. Жена и дети — у хана-отца. Если бы обрел (от хана. — Е. С.) верного человека, то отправился бы к хану-отцу».

Эти лживые слова должны были ввести Тоорила в заблуждение. Кроме того, Чингисхан предупредил послов, по сути шпионов, что монгольская армия в ближайшее время, «вслед за ними», выступит в поход, и назначил им место сбора в урочище Аргал-гоуги, на Керулене, куда по исполнении поручения они должны были явиться и сообщить собранную информацию.

И стало так. Чингисхан с войском спустился с Бальчжуна на нижний Керулен и разбил лагерь у Аргал-гоуги. Выйдя на несколько дней раньше, Хариудар и Чахурхан явились к Ван-хану и от имени Хасара «исполнили» выученное наизусть послание. Тоорил пребывал в полной уверенности в том, что Темучжин действительно исчез, и, ничего не подозревая, повелел поставить «золотую» царскую юрту и запировал. Он пригласил к себе обоих послов и, приняв за чистую монету заверения Хасара, попросил передать ему, что его ждет самый радушный прием.

— Раз так, — сказал он, — пусть Хасар приезжает!

Как гарантию своих слов, Тоорил направил к Хасару своего вестника Итургена, а в виде залога и прощения послал ему (как в свое время Чингису) берестяной рожок с собственной кровью. Итургена вызвались проводить до места Хариудар с Чахурханом. Что произошло дальше?

По одной версии, Хариудар, заметив на горизонте туг Чингисхана и опасаясь, как бы Итурген его не увидел и не бросился обратно, соскочил на землю, якобы для того, чтобы вынуть занозу из копыта лошади, и попросил кераита подержать ее ногу; когда же тот оказался рядом, он схватил его и связал.

Если верить «Сокровенному сказанию…», события развертывались более драматично. Приблизившись к Аргал-гоуги, Итурген заметил Чингисовы рати и, повернув коня, во весь карьер поскакал к своим. Хариудар, чья лошадь была резвее, обогнал его и, не решаясь схватиться с ним врукопашную, перегородил ему путь. Тем временем Чахурхан, скакавший позади, выстрелил из лука и ранил лошадь кераита; та упала, и Итурген оказался в

руках врагов. Его привезли к Чингисхану, который предоставил брату возможность распорядиться с пленником, и тот недолго думая велел отрубить несчастному голову.

Шпионы-«послы» доложили монгольскому Герою все, что узнали:

— Ван-хан пирует и веселится в «золотом тереме». Если идти без остановки день и ночь, можно накрыть его внезапным налетом.

Чингисхан тут же отдал нужные распоряжения. Монголы сели на лошадей и скакали всю ночь, не останавливаясь, ведомые Чжурчедеем и Архай-Хасаром, начальниками передового отряда.

Кераиты стояли лагерем у входа в Чжер-кабчигайскую падь, близ Чжечжеерских высот. Монголы появились неожиданно. Тем не менее Ван-хановы люди первый удар отразили. Они успешно отбивались в течение трех суток. Увы, окруженным со всех сторон, им пришлось сложить оружие, и только горстке людей, в том числе Ван-хану и Сангуму, удалось скрыться под покровом ночи.

Победа Чингисханом была достигнута благодаря четко разработанной стратегии: после скрытного ночного перехода монголы нанесли внезапный удар, за которым последовало полное окружение противника, словно в мышеловке запертого в ущелье.

Это была очередная победа из длинной череды великих побед, одержанных Героем. В то же время она считается решающей, ибо тогда окончательно закрепилось единовластие Чингисхана над кочевниками.

Победив под Чжер-кабчигаем, Есугаев сын прежде всех наградил табунщиков Бадая и Кишлиха, вовремя известивших о готовившемся нападении кераитов и тем спасших ему жизнь. Монгольский Герой отблагодарил их по-царски, отдав Тоорилов «золотой терем» вместе с «Винницей, утварью и прислугой», набранной из людей, относящихся к племени онхочжитов. Сверх того, пастухи вместе с титулом «тархан» получили право «повелевать своим подданным носить свой сайдак и провозглашать чару на пирах», то есть, как нам представляется, право на личных телохранителей-«колчаноносцев», право оставаться с оружием на царских пирах и иметь на них собственные кувшины с напитками. Кроме всего перечисленного, Бадай и Кишлих получили — награда не менее вожделенная — разрешение оставлять себе «ту военную добычу, какую только нашли». Эта привилегия являлась особенно завидной потому, что за редким исключением все трофеи и вся дичь складывались на общий «стол» для последующего распределения ханом или его

генералами.

Ценность всех этих наград возросла, когда Чингисхан присовокупил к ним следующую похвальную речь:

— Благодаря подвигу Бадая и Кишлиха, подвигу, который спас мне жизнь, я, с помощью Вечного Неба, ниспроверг кераитский народ и сел на высокий престол. Пусть же наследники мои на троне, из рода в род, преемственно хранят память о тех, кои совершили подобный подвиг!

Вот как монгольский Герой создавал себе окружение из преданных людей.

Кераиты, храбро до того защищавшиеся, в конечном итоге примкнули к Чингису. Поведение одного из их военачальников, по имени Хадах-баатур, из племени джиргин, весьма характерно. Приведенный к Темучжину после капитуляции единоплеменников, он заявил ему:

— Мы бились три дня и три ночи. Увидав своего природного государя, я подумал: «Возможно ли схватить его и предать на смерть?.. Нет, — сказал я себе. — Я не могу покинуть своего государя. Буду биться еще, чтобы дать ему возможность прорваться, налегке бежать и спасти свою жизнь». Теперь же, если ты повелишь умереть — умру, а помилуешь — послужу.

Чингисхан выше всего ставил честность и верность присяге даже у врагов.

— Разве не настоящий муж-воин тот, кто не мог покинуть своего природного государя, — воскликнул он, — кто сражался для того, чтобы дать ему возможность спасти свою жизнь? Это — человек, достойный дружбы!

Похвалив Хадах-баатура, Чингисхан помиловал его и определил место служения.

Как мы помним, в первом сражении с Тоорилом смертельную рану получил Хоилдар, вождь манхуудов, один из лучших помощников Темучжина. Не забывая о его вдове и детях, он и отдал им в услужение Хадах-баатура и сто джиргинов.

— И сыновья их, — добавил сын Есугая, — пусть служат детям и внукам Хоилдара.

Сотня других соплеменников Хадаха была передана монгольскому вождю Тахай-баатуру из племени сулдусов. Подобным же образом оказались распределенными между монгольскими вождями остальные кераитские племена: донхойты, тумен-тубегены и т. д. Во избежание неожиданностей Чингисхан лишил кераитов их политического единства и растворил в массе монгольского народа, раздав посемейно или погруппно своим единоплеменникам в качестве слуг или клиентов. Однако, помня о былом братстве по оружию, Чингисхан

не был до конца жесток с кераитами. Не случайно в последующем многие из них оказались на высоких постах в монгольской армии и гражданской администрации, и если вспомнить о татарах и найманах, то можно легко убедиться в том, что с ними по сравнению с кераитами обошлись гораздо строже.

Судьба кераитских княжон

И как же могло быть иначе? Ведь, например, один из кераитских нойонов, Джаха-Гамбу, родной брат Ван-хана, дружеские отношения с Чингисханом поддерживал всегда. Впервые он отошел от Тоорила и открыто встал под туг Есугаева сына во время похода на меркитов. Джаха-Гамбу никогда не мог простить Тоорилу убийство их остальных братьев и потому неоднократно выказывал ему свое недовольство. Однажды вместе с несколькими кераитскими аристократами — а именно с Елтухуром, Хубари и Арин-тайзе — он возглавил настоящий заговор. Тоорил его раскрыл, и конспиратору пришлось искать убежище у найманов.

Приведя под ярмо кераитов, Чингисхан создал для брата их царя условия, так сказать, наибольшего благоприятствования, оставив под его началом ту часть народа, которой тот предводительствовал прежде. Двойной семейный брак, казалось, скрепил этот союз окончательно. У Джаха-Гамбу имелись две дочери: Ибаха-беки и Сорхахтани. Первую Чингисхан взял себе, а вторую отдал своему младшему сыну, Толую.

Но оказанными ему милостями брат Тоорила довольствовался недолго и, вновь подавшись в «диссиденты», неожиданно принял участие в анти-Чингисовом заговоре. Разобраться со смутьяном получил задание Чжурчедей, который без особого труда завлек Джаха-Гамбу в западню.

Что касается дочери Джаха-Гамбу, княжны Ибахи, которую взял себе в жены Чингисхан, то он ее при себе держал недолго. Подарив ее Чжурчедею, он отдал Ибаху так же просто, как одарил бы каким-нибудь красивым животным.

Впрочем, поступить так принудили Чингисхана духи. Ему был сон, пробудившись от которого, он объявил молодой жене, что она ему нравилась всегда, но что явившийся к нему ночью Тенгри велел передать ее другому. Сказав это и попросив на него не обижаться, хан кликнул того, кто стерег дверь царской юрты. Отозвался Чжурчедей. Темучжин приказал ему войти. Страж вошел, и государь объявил витязю, что отдает ему в жены княжну Ибаху. От удивления тот потерял дар речи. Тогда хан объяснил Чжурчедею, что говорит вполне серьезно, и, обратившись к Ибахе, повторил, что она была безупречна как в поведении, так и в чистоте, не говоря уже о красоте, и что он дарит ей ордо (юрту), в которой она жила, вместе с причитающимися ей слугами, движимым имуществом, табунами и отарами. Единственно, что он у нее попросил, так это оставить ему половину от ее

собственных двух сотен служанок. Кроме девушек, в ее свиту входили также два повара, Аших-Тэмур и Алчих, вероятно, очень хороших, ибо не зря Чингис попросил Ибаху отдать ему одного из них (первого).

Сестра же Ибахи, жена Толуя, осталась в семье Героя навсегда. Благодаря уму, обходительности, такту и политическому таланту она играла там не последнюю роль, и пятьдесят лет спустя именно Сорхахтани определила судьбу монгольской империи как мать великих ханов Мункэ и Хубилая, а также Хулагу, ставшего правителем Персии. К сказанному добавим, что будучи набожной она спасла от разрушения немало христианских храмов. Благоприятствование, коим долгое время пользовалась Христова Церковь в монгольской империи, равно как в Китае, Персии и Верхней Азии, в значительной мере было предопределено влиянием императриц кераитского происхождения.

«С чем это сообразно попирать голову мертвеца ногами?»

Одержав победу, Чингисхан ушел зимовать (зима 1203/04 г.) в окрестности горы Абджя-кодегери, неподалеку от Верблюжьей степи (Темейен-кеер), которую на картах исследователи помещают в Восточной Монголии, между устьем Керулена и рекой Халхой.

Тем временем злосчастный Ван-хан и его сын, Сангумнилха, доживали последние дни своего печального века.

После разгрома кераитской армии Тоорил, пересекши Монголию с востока на запад, очутился на берегу реки Некун, игравшей роль межи, отделявшей его владения от страны найманов. Эта река стремительно сбегает по склонам Хангая с севера на юг и теряется на подступах к пустыне Гоби, в соленом озере, обрамленном ивняком, а также саксауловыми и тамарисковыми зарослями, покрывающими собой пески.

Томимый жаждой Ван-хан спустился к реке, где наткнулся на найманскую заставу. Командир по имени Хорису-бечи беглеца арестовал. Тоорил назвался, но найман ему не поверил и, приняв за обыкновенного степного разбойника, без суда и следствия предал смерти.

Однако весть о казни некоего чужеземца, выдававшего себя за Ван-хана кераитов, быстро распространилась среди найманов. Их царь Таян-хан пожелал узнать об этом все, что было можно. Его любопытство разделила найманская княгиня Гурбесу, которую иные тексты выдают за его мать, тогда как прочие считают его супругой. В действительности, как нам думается, Гурбесу являлась одной из жен отца Таяна и вступила в дом нового государя как «почетная царица». Во всяком случае, то была женщина ума недюжинного и пользовалась авторитетом у всех найманских вождей.

Догадываясь о том, что убитый на самом деле был Ванханом, она выразила свое искреннее сожаление в следующих замечательных словах:

— Ван-хан был древнего рода. Пусть принесут сюда его голову. Если это действительно он, мы принесем ему жертву.

Таян, со своей стороны, тоже не одобрил поступка Хорису и сделал ему строгий выговор за то, что не привел старика к нему.

По приказу венценосного наймана череп Ван-хана оправили серебром и положили на большую белую кошму.

Гурбесу распорядилась принести царские напитки, а невестки

принялись петь под звуки лютни — хура. Подняв кубок, Гурбесу поднесла его мертвой голове, и та, как показалось Таян-хану, вдруг рассмеялась.

— Смеешься! — сказал он и приказал растоптать голову ногами, восприняв происшедшее то ли как насмешку, то ли как дурной знак.

Присутствовавший при этом святотатстве доблестный Коксеу-сабрах, правая рука царя, в ужасе воскликнул:

— С чем это сообразно попирать ее ногами? Недаром наша собака что-то не к добру начала выть.

Что касается Ван-ханова сына, Сангума, то он, мало веря в великодушие найманов, предпочел ему скудость каменной пустыни Гоби. Обрекши себя на жизнь отверженного, он кочевал от колодца к колодцу, питаясь дичиной.

Однажды, когда Сангум, спешившись, крался к табуну куланов, «которых можно было видеть издалека стоящими в облаке слепней», его оруженосец Кокочу, пресытившись этой подлой жизнью, сел на его лошадь и уехал к Чингисхану, пренебрегши уговорами жены, напоминавшей ему о вассальном долге. Беглец рассчитывал, что монгольский Герой по достоинству оценит его появление в своем стане. Но тот, дослушав до конца повесть изменника, возмутился:

— Этот конюх явился ко мне, предав своего природного хана! Кто же теперь поверит в его преданность?

Приказав обезглавить неверного подданного, Чингисхан велел наградить его супругу.

Сангум же кое-как добрался до границы тангутского царства и оказался в китайской провинции Ганьсу. Здесь он прожил какое-то время, промышляя грабежом. Когда его оттуда прогнали, он ушел разбойничать на запад, к уйгурам, в оазис Куча, жители которого и убили Сангума. Так погиб последний претендент на кераитский престол.

«Костюм у монголов невзрачен на вид…»

Аннексия страны кераитов сделала Чингисхана владетелем Центральной и Восточной Монголий. Оставалась Монголия Западная, где властвовали найманы, контролируя территорию, лежащую между Хангайским хребтом и Джунгарией и имеющую своим центром Монгольский Алтай и верхний Иртыш.

Царь найманов Таян был правителем небесспорным; авторитета, которым пользовался его отец Инанча-Билгехан, у него не имелось. Ближайший помощник Таян-хана, тот, который упрекал его в святотатственном попрании ногами головы Ван-хана, не преминул напомнить ему и слова, в свое время сказанные Инанча-Билге-ханом: «Жена молода, а я стар… Ах, сын мой, сможешь ли ты пещись и править благородными, а также холопами — чернью моего улуса?» Не было для царя тайной и мнение о нем найманских военачальников, считавших, что их сюзерен не имеет «ни сноровки, ни иных забот, кроме птичьей охоты да звериных облав».

Но как ни бездарен был Таян, опасность возраставшей мощи Чингисхана он понимал хорошо.

— Уж не вздумал ли он, монгол, стать ханом? — возмущался найман. — Разве для того существуют солнце и луна, чтобы сиять на небе разом? Так же и на земле. Как может быть на земле разом два хана? Я выступлю и доставлю сюда этих монголов!

От этого намерения попыталась его отговорить Гурбесу. Нет, не оттого, что она высоко ценила монголов. Напротив, они, в ее представлении, были дикарями.

— Еще чего не хватало! — возмущалась она. — Костюм у монголов невзрачен на вид, а от них самих нестерпимо смердит! Пожалуйста, подальше от них! Пожалуй, что их бабы и девки годятся еще доить у нас коров и овец, если только отобрать из них тех, что получше, да велеть вымыть руки и ноги!

Но, отговаривая мужа, она исходила не только из презрения типичной представительницы тюркского племени найманов, что-то усвоившего от цивилизации, но и из здравого смысла. Как женщина прозорливая, она опасалась, как бы действия Таяна не навлекли на страну нашествие орд дикарей с верхнего Керулена.

Однако Таян готовился к войне, будучи уверенным, что ему легко удастся захватить страну монголов и «доставить их сайдаки» (колчаны. — Е. С.). Ища союзников, он отправил послом некоего Торбидата к онгутам, народу тюркских кровей и несторианской веры, обретавшемуся севернее Великой Китайской стены, в окрестностях Гуэйхуачена и Суйюаня, то есть севернее

нынешней китайской провинции Шаньси. Устами своего эмиссара найман объявил Алахуш-дигитхури намерение напасть на монголов и в связи с этим просил ударить им в спину, с юга, или, как образно выразился монгольский бард, быть «его правой рукой». Увы, венценосный онгут, несмотря на общность крови и веры, долженствовавшую содействовать его сближению с Таяном, держался стороны монголов и незамедлительно послал к Чингисхану человека по имени Ю-Хунан, или Иоханан, сиречь Иоганн, — имя, как мы видим, христианское, — предупреждая его о планах наймана: «Найманский Таян-хан собирается прийти и отобрать у тебя сайдаки. Он просил меня быть его правой рукой, но я отказался. Теперь же посылаю тебя предупредить…»

Сын Есугая храброго, когда к нему привели онгутского посла, находился в Восточной Монголии, в Верблюжьей степи, близ Тулькинчеута, где охотился. Там же, на охотничьих угодьях, состоялся курултай. Большая часть воевод склонялась к тому, чтобы перенести поход на лето или осень 1204 года, поскольку сейчас — дело было осенью — лошади были уже слишком тощи. [36] Но младший брат Чингисхана, Темуге-отчигин, настаивал, что действовать надо срочно:

— Неужели можно отговариваться словами вроде того, что наши кони худы? У меня кони — жирны! Ужели спокойно выслушивать подобные речи?

Отстаивая свою точку зрения, он говорил, что нельзя давать найманам возможность использовать внезапность.

— О нас скажут: «Вот те, которые захватили Таяна!» — и великая слава пойдет о нас![37]

Того же мнения придерживался Бельгутай, полубрат Темучжина:

— Найманы хвастают, уповая на то, что их улус велик. А трудно ли нам у них самих позабирать сайдаки, выступив в поход, не мешкая?

Аргументируя свое мнение, он особо уповал на ждавшую монгольских воинов богатую добычу: царский терем Таяна, огромные табуны, пасущиеся на землях найманов, которые враги будут вынуждены оставить, ища спасения в горах и лесах.

— Не побежит ли их многолюдье в высокие горы? Как можно усидеть при подобных речах их? На коней немедля!

Этот боевой запал Чингису понравился.

— Имея таких соратников, — сказал он, — как можно сомневаться в победе?

Прервав охоту, Завоеватель двинулся в сторону урочища Орноуйн-кельтегей-хади, в поречье Халхи, где он сделал остановку и приступил к реорганизации войска.

По пути к горам Хангая

Поддержав своих воинственных родственников, Чингисхан тем не менее с походом не спешил и выступил только тогда, когда кони набрали тела. На шестнадцатый день первого летнего месяца — шел год Крысы (1204 г.) — в полнолуние он совершил торжественное жертвоприношение знамени своего клана, Белому Знамени: древко, украшенное девятью конскими хвостами, «черными хвостами гнедых лошадей» — уточняет монгольское предание. Церемония эта считалась шаманистскими народами главной, так как в знамени жил Сульде: дух — покровитель рода, не помолившись которому, начинать войну было нельзя.

Взяв направление на Керулен, Чингисова армия продвигалась все далее на запад, имея в авангарде Джебэ и Хубилая. Покинув верхний Керулен, определенное время спустя она пришла в верховья Туулы, минуя верховья Орхона и восточные отроги горы Хангай. Так она оказалась в степи Саари-кеер. О холмистом пейзаже этого края неоднократно упоминает французский исследователь Буйан де Лакост, прошедший по маршруту Чингисхана и именно в середине июня, когда еще чувствуется недавняя весна. «Эта грандиозная прерия выглядит не так пустынно, как можно было бы предположить, — пишет Лакост, — трава здесь густая и полна цветов. К ярко-желтому цвету сурепки и лютиков, к сиреневому — чабреца, скабиозы и ириса то здесь, то там примешивается белый цвет звездчатки и бледно-желто-розовый цвет бархатистых эдельвейсов. Эта пестрота красок — истинная радость для глаз!»

От Туулы до Орхона в юго-восточном направлении тянутся круглые вершины холмов, давшие название степи — Горбатая: «Со всех сторон вас окружает волнообразный горизонт монотонно-желтого цвета, — записывает Лакост. — Почва песчаная; трава низкая и полуиссохшая, растет клочками». В западном направлении простирается «желтоватая слабопересеченная степь, на которой под солнцем блестят редкие пересохшие (запись датирована 25 июня. — Р. Г.) солончаки». Далее, на уровне буддийского монастыря Дольдзе-геген, тянутся голые холмы, за которыми виднеются песчаные дюны, утыканные низкими деревцами, и наконец — первые отроги Хангая, защищающего подступы к верхнему Орхону.

За Горбатой степью монгольская армия едва не наткнулась на найманский дозор, расположившийся на высотах Хангая. Пока монголы двигались к Орхону, Таян со всеми своими ратями успел перейти с Алтая на Хангай и там разбить лагерь.

Поначалу найманы чувствовали себя уверенно. Изловленная ими монгольская лошадь находилась в жалком состоянии, да и седло на ней было плохое, из чего они сделали вывод, будто вся конница противника доведена до изнеможения. В этом предположении имелась доля истины: переход из Монголии, с Халхи на Хангай, действительно представлял собой испытание не из легких. Кроме того, Чингисова армия могла оказаться малочисленнее Таяновой, в которую влились все прежние враги Завоевателя: здесь был и Тохтоа-беки со своими меркитами, и Арин-тайзе с непокоренной частью кераитов, и Хутуха-беки с ойратами, и упрямый Чжамуха, а также дорбены, татары, хатагины и сальджаины — то есть все жертвы последних побед Чингисхана, его вечные враги, в решающий час сплотившиеся вокруг царя найманов.

Оценив обстановку и приняв во внимание то, что монгольская армия в основном сосредоточилась в Саари-кеере, один из ближайших соратников Чингиса, Додай-черби, позволил себе дать ему совет.

— Нас мало, — сказал он. — Сверх того, все изрядно утомились. Давайте постоим в степи, пока не войдут в тело кони. Тем временем пусть по ночам у каждого ратника зажигается по пяти костров сразу в разных местах. Будем наводить на неприятеля страх множеством костров… Найманов много. Но для их хана, который еще никогда не выходил из дома, и малого числа довольно. Так мы и найманов вгоним в пот кострами, да и коней своих откормим. А как откормим лошадей, так сразу же обратим в бегство их караул, прижмем к главному среднему полку и в этой суматохе ударим по ним!

Чингисхан поддержал эту военную хитрость, и она сработала.

При виде несметного количества огней, ночью появлявшихся в степи, найманские часовые, наблюдавшие за противником с высот Хангая, шептали в страхе:

— Не сказывали ль нам, что монголов мало?.. А костров-то у них больше, чем звезд.

Шатер Таяна стоял неподалеку от реки Хачир, на Хангае. Напуганный информацией, поступавшей с передовых постов, он поделился ею с сыном Кучлуком. Сторонник выжидательной тактики и даже отступления, он говорил:

— Кони у монголов, как видно, плохи. Однако огней у врагов, доносят, больше звезд. Стало быть, монголов-то много. Если мы теперь же с ними сойдемся, то не трудно ли будет отступать? Стоит ли сейчас связываться с этими свирепыми монголами, которые глазом не моргнут, когда их рубят в щеку; которые непоколебимы даже тогда, когда струится их черная кровь?..

Известно, что кони у них тощи. Давайте сделаем так: переправим наш народ на ту сторону Алтая, а сами, двигаясь налегке, будем продвигать войска слева направо и завлекать их в засаду. Так дойдем до высот южного склона Алтая. За это время наши табуны откормятся. Тогда уже, изнурив монголов, мы и ударим им в лицо!

Мысль была, конечно, разумная, но никто ее не оценил. Родной сын и наследник Таяна, Кучлук (Сильный), лишь выругался, предположив, что отцовы разглагольствования продиктованы только его трусостью.

— Ну так и есть! — воскликнул он. — Эта баба Таян разглагольствует так из страха. Откуда это у него появилось множество монголов? Ведь большинство их с Чжамухой вместе здесь, у нас? — И, обращаясь непосредственно к родителю, он спросил: — Не из трусости ли выносишь ты такое предложение, баба Таян, который не выходил из дома даже на расстояние отхожего места для беременной бабы, не ходил даже на расстояние бега теленка на привязи?

Уязвленный в самое сердце Таян ответил:

— О мой отважный могучий Кучлук!
Пусть он отваги своей не покинет
В день, когда в битве сойдемся!

Сойтись-то мы сойдемся, да вот легко ли будет расходиться?

В свою очередь, Хорису-бечи, один из главных военных чиновников найманов, заявил своему царю:

— Твой родитель, Инанча-Билге-хан, равному врагу не показывал ни молодецкой спины, ни конского тыла. Что же ты нынче теряешь голову перед днем завтрашним? Если бы только мы знали, что ты такой трус, так лучше бы привезли сюда твою мать, — даром что женщина! Разве не управилась бы она с войском?.. Никчемный ты, видно, человек!

И, ударив по своему колчану, он ускакал прочь.

Таяну пришлось уступить.

— Что смерть? Что страдание? Не все ли равно? — проговорил он. — Итак, в бой!

Он покинул свою хачирскую резиденцию, спустился по Тамиру к Орхону, переправился через реку и оказался на нижнем склоне полугорья Наху-гун, которое, возможно, соответствует горе Намого на нынешних картах или одному из соседних отрогов, что находятся севернее Каракорума и Кошо-цайдама. Найманы приближались к Чахартмауту, когда передовой отряд Чингисхана, заметив их, подал сигнал тревоги.

Собак Чингисхана кормили человечьим мясом

Отогнав найманский дозор, Чингисхан приказал играть общий сбор и отдал распоряжения, необходимые для начала боевых действий. До нас дошли некоторые монгольские тактические термины: на марше войска должны были быть «густой травой», перед началом боя — «озером», в бою — «шилом».

Чингисхан лично возглавил авангард, командование центром доверив брату Хасару, а резервный конный полк поставил под начало другого брата, Темуге.

Найманы же, чей боевой дух несколько ослаб, оставили свои позиции под Чахармаутом и, преследуемые монгольским передовым отрядом, встали у скал Наху.

Таяна выводили из себя промахи, столь нежелательные до начала генерального сражения. При нем неотлучно находился Чжамуха, бывший побратим Темучжина, теперь превратившийся в его самого «преданного» врага.

В монгольском эпосе имеются замечательные стихи, в них найманский царь спрашивает Чжамуху о вражеских отрядах, развертывавшихся в долине:

— Что это за люди? Они подгоняют так, как волк подгоняет к овчарне стадо овец.

— Мой анда Темучжин собирался откормить человечьим мясом четырех псов и посадить их на железную цепь. Должно быть, это они и подлетают, гоня перед собой наш караул. Вот они, эти четыре пса:

Лбы их из бронзы,
А морды — стальные долота.
Шило — язык их,
А сердце — железное.
Плетью им служат мечи.
В пищу довольно росы им.
Ездят на ветрах верхом.
Мясо людское — походный им харч.
Мясо людское в дни сечи едят.
С цепи спустил их. Разве не радость?
Долго на привязи ждали они!
Да, то они, подбегая, глотают слюну.
Спросишь, как имя тем псам четырем?

Первая пара — Джебэ с Хубилаем,
Пара вторая — Джелме с Субутаем.

Услышав ответ Чжамухи, Таян испугался и приказал войску покинуть занятые позиции. Ни на шаг не отстававшие монголы «прыгали от радости», стремясь взять найманов в клещи.

Разгадав маневр монголов, Таян-хан, как утверждает монгольский рапсод, снова обратился с вопросом к Чжамухе:

— Кто же все те и зачем окружают?
Будто с зарей сосунков-жеребят
К маткам своим припустили.
Маток они обегают кругом,
Жадно к сосцам приникая.

Чжамуха отвечал так:

— То по прозванью манхууд-уруут.
Страшной грозой для злодея слывут.
Витязя, мужа с тяжелым копьем,
Им, заарканив, поймать нипочем.
Витязя ль, мужа с булатным мечом,
Им в крови своих жертв палача
Свалят, казнив, и порубят сплеча.
Это с восторгом они обступают,
Это, ликуя, они подлетают.

Таян вновь приказывает отступать, еще выше, дальше в горы. Во время очередной остановки он в третий раз пытает Чжамуху:

— А кто же это позади них? Кто это едет, выдавшись вперед и глотая слюну, словно голодный сокол?

Чжамуха сказал ему в ответ:

— Тот, кто передним несется один,
То побратим мой, анда Темучжин.
Снизу доверху в железо одет:
Кончику шила отверстия нет.
Бронзой сверкающей весь он залит:
Даже иглою укол не грозит.
Это мой друг, мой анда Темучжин,
Словно голодная птица-ловец,
Мчится, глотая слюну, удалец!

Смотрите же, друзья найманы!

Не вы ль говорили, что только бы увидеть вам монголов, как от козленка останутся рожки да ножки?

Люди Таяна отступили еще выше, карабкаясь по склону горы. А Таян, продолжая расспрашивать Чжамуху, поинтересовался:

— А кто это так грузно двигается позади него? Чжамуха отвечает:

— Мать Оэлун одного из сынков
Мясом людским откормила.
Ростом в три сажени будет,
Трехгодовалого сразу быка он съедает,
Панцирь тройной на себя надевает,
Трое волов без стрекала не сдвинут.
Вместе с сайдаком людей он глотает:
В глотке у витязя не застревает.
Доброго молодца съест он зараз;
Только раздразнит охоту.
Если ж во гневе — не к часу сказать! —
Пустит, наладив, стрелу-анхуа он,
Насквозь пройдя через гору, она
Десять иль двадцать пронзит человек.
Если ж повздорит он с мужем каким —
Будь между ними хоть целая степь —
Кейбур-стрелу, ветряницу, наладив,
Он на нее и нанижет его.
Сильно натянет, так на девять сотен алданов сшибет,
Слабо натянет, так на пять он сотен достанет.
Джучи-Хасар прозывается он.
То не обычных людей порожденье:
Сущий он демон — мангу Гурельгу!

Перепуганный Таян-хан поднимался все выше и выше в горы. И вот он снова пытает Чжамуху; на этот раз его интересует монгольский вождь, вступивший в дело последним:

— А кто ж это идет позади всех?

На что Чжамуха ему говорит:

— Будет, наверное, то Отчигин:
То Оэлуни наименьший он сын.
Смелым бойцом у монголов слывет.
Рано ложится и поздно встает.

Из-за ненастья не подкачает,
А на стоянку, глядишь, опоздает!

Что же произошло с Чжамухой? Может быть, поняв, что дело найманов проиграно, варвар-предатель, поистине сума переметная, стал подумывать о сближении с Чингисханом? А может, в очередной раз он вспомнил о старой дружбе?

Как бы там ни было, только Чжамуха бросил найманское войско и послал к Завоевателю своего человека, чтобы его устами похвалиться перед андой.

— От слов моих Таян падал в обморок, а потом спешил лезть выше в гору. Разговорами до смерти напуган, на гору лезет. Дерзай, анда!.. Никакой стыд не вынудит их больше к сопротивлению.

«Улюлю!» Смерть Таяна

Спустились сумерки. Бой прекратился до утра. Предусмотрительный Чингисхан велел войскам окружить гору Наху.

Воспользовавшись темнотой, найманы попытались оторваться от противника и скрыться в горах. Но лучше бы они этого не делали: не видя ни зги, они спотыкались, срывались со скал и насмерть разбивались, падая друг на друга, «подобно поваленным деревьям».

На рассвете битва возобновилась. Монгольские рати устремились на штурм найманских позиций. Таян получил серьезное ранение. Но Хорису-бечи и другие вассалы призывали царя остаться на поле боя. Хорису-бечи, подбадривая сюзерена, кричал ему, что его жены — и особенно Гурбесу — нарядились в его честь и хотят увидеть мужа в схватке с врагами. Увы, Таян умирал. Тогда, обращаясь к воинам, Хорису-бечи сказал:

— У него нет сил подняться. Пока он жив, возвратимся на боевые позиции, чтобы он напоследок увидел, как мы умеем умирать!

Найманы спустились с вершины горы и сражались до последнего.

Видя их отчаянную храбрость, Завоеватель хотел пощадить их, но найманы отвергли его предложение сдаться и все как один погибли с оружием в руках.

Завоеватель, для которого преданность воинов вождю являлась высшей доблестью, прилюдно похвалил этих удальцов.

Что касается Кучлука, сына Таяна, то ему удалось бежать и укрыться в долине Тамира, которая, сужаясь, образует с гранитными отрогами цепь ущелий, заросших лиственницей. Найманский княжич пытался закрепиться в этом удобном для обороны месте, но монголы принудили его бежать дальше.

Во владении Чингисхана оказалась вся страна найманов, вплоть до алтайских предгорий. Схваченная царица Гурбесу была доставлена Завоевателю. Тот, попеняв ей на презрение к монголам, спросил:

— Не ты ли говорила, что от монголов дурно пахнет? Чего же теперь-то явилась?

Тем не менее пленница осталась в его доме, а «хранитель печати» Таяна, некий уйгур по имени (мы пользуемся китайской транскрипцией) Тататунга, также уведенный в плен, поступил на службу к Чингисхану. Монгольского ярма миновали только воины, бежавшие вместе с Кучлуком, а также роды,

подчинявшиеся его дяде Буируху.

Монгольские племена, которые объединил Чжамуха, а именно джардараны, хатагины, сальджиуты, дорбены, тайчжиуды, а также унгираты, признали власть Героя. Оставленный ими Чжамуха, подобно Кучлуку и Буируху, оказался обреченным на прозябание изгнанника.

Доводы красавицы Хулан

Меркитский вождь Тохтоа, остававшийся с найманами до конца, разгрома избежал. В том же 1204 году, осенью, Чингисхан устроил на него охоту и, настигнув неподалеку от ручья Харадал-хучжаур, сильно его потрепал. Большая часть меркитов, загнанная в Горбатую степь, попала в плен. Однако сам Тохтоа и его сыновья, Худу и Чилаун, вместе с горсткой верных людей сумели бежать и примкнули к Кучлуку и Буируху, мыкавшим горе на краю Монголии. Жены Худу — Тугай и Турегене — попали в руки к Чингисхану, который отдал вторую своему младшему сыну Угэдэю.

Увас-меркиты и их вождь Даир-усун, не захотев долее оставаться с Тохтоа-беки, разбили свой лагерь в поречье Тора. Ища снисхождения Чингисхана, Даир-усун решил отдать ему в жены свою дочь, прекрасную Хулан. По дороге к Завоевателю ему встретился военачальник Чингисхана по имени Наяа, из племени баарин, который вызвался проводить Даир-усуна к своему господину.

— Едем вместе, — сказал нойон меркиту, — покажем твою дочь Чингисхану… Если поедешь один, то в такое смутное время не только тебя самого в живых не останется, но и с дочерью твоею может случиться недоброе.

Осторожный Наяа, прежде чем отправиться к Темучжину, трое суток продержал при себе Даир-усуна с дочерью и лишь затем пустился в путь, чтобы в целости и сохранности доставить их своему господину.

Узнав об этой трехдневной задержке, Чингисхан пришел к выводу, что Наяа воспользовался неопытностью Хулан, и постановил прелюбодея «подвергнуть допросу и предать суду».

Наяа оправдывался:

— Хану всегда я служил от души.
Жен ли прекрасных иль дев у врага
Только завидев, я к хану их мчу.
Если иное что было в уме,
Я умереть тут всечасно готов!

Хулан вступилась за несчастного:

— Наяа сказал нам, что состоит у Чингисхана в больших нойонах. А задерживал нас потому, что на дороге, говорил, неспокойно… Кто знает? Может, встреча с ним нас спасла. Если

бы теперь государь, пока спрашивают Наяа-нойона, соизволил вопросить ту часть тела, что по небесному изволению от родителей прирождена…

Проверка была скрупулезной и всех удовлетворила. Успокоенный Завоеватель вознаградил Хулан своею любовью сполна (меркитка стала одной из любимейших жен Чингиса, именно ее взял он с собой в Трансоксианский поход).

Что до Наяа, то в знак возвращенного ему доверия Темучжин заявил принародно следующее:

— За справедливость твою я поручу тебе большие дела.

«Эти столь ненавистные люди ушли опять…»

С меркитами, однако, покончено не было. Приведя к покорности добрую половину их родов, Чингисхан включил их в свое войско, доверив им охрану обоза.

Увы, стоило ему повернуться к ним спиной, как, разграбив то, что должны были стеречь, меркиты снялись с лагеря и подались в бега, а точнее, в родные леса и горы, на Южную Селенгу. Племя увасов закрепилось в теснинах Хурухабчала, а удуит-меркиты заперлись в «форте», прозванном «верхней крепостью» (тайхал-харха), а на самом деле представлявшей собой простой завал в лесу.

Приказ наказать дезертиров получил Чимбай, сын Сорган-Ширы, для чего ему отрядили войска левого крыла. Приказ был выполнен в срок, и после этого Чингисхан распорядился рассеять «лесных людей» по всей подвластной ему территории.

Тем временем, как уже было сказано, меркитский вождь Тохтоа с сыновьями скитался по Западной Монголии, разделяя участь изгнанника с найманским княжичем Кучлуком. Преследуя беглецов, Завоеватель подошел к границе Монгольского Алтая, где встал на зимние квартиры (зима 1204/05 г.). Теперь удара противника он мог ждать со стороны гор Улан-дабан и Табын-ула (до 4000 м. над уровнем моря), соединявших монгольскую и русскую части Алтая. На восточном склоне этого массива берет начало питающая своими водами тот озерный край река Кобдо, тогда как на склоне западном находятся истоки реки Бухтармы, притока верхнего Иртыша. Край дикий, довольно скудный, где лишь на севере, со стороны Кобдо, имеются возвышенности (2000–2400 м.), покрытые редким лиственничником. Впрочем, на юге лес (кедр, осина, тополь, ива и ель) спускается до отметки 1000 м. над уровнем моря. Именно там, на берегах Бухтармы, то есть в нынешней Семипалатинской области, на полпути между одноименным городом и городком Алтайском, Тохтоа-беки и Кучлук собрали все имевшиеся у них войска.

Весной 1205 года к ним вплотную приблизился Чингисхан. В состоявшейся сшибке Тохтоа погиб от шальной стрелы. Не имея времени и возможности унести его тело с поля боя, сыновья «из уважения» отрезали ему голову, чтобы забрать с собой и воздать последние почести. Меркитские и найманские банды устремились на юго-восток. Значительная их часть утонула в весеннем Иртыше. Те, кои добрались до берега, разошлись кто куда.

Кучлук, наследник-неудачник найманских царей, бросился на юг, в Джунгарскую степь. Он пересек Тянь-Шань, прошел вдоль границы Уйгурии со стороны Кучи, миновал страну карлуков, нынешнее Семиречье, что юго-восточнее озера Балхаш, и оказался во владениях кара-китаев, восточнее Иссык-Куля, в нынешнем Туркестане, где его поджидали многочисленные неожиданности.

Что касается меркитских князей Худу, Гала и Чилауна, то они также добрались до рубежей Уйгурии, надеясь прибрать к рукам ее плодоносные оазисы, такие как Бешбалык, Турфан, Харашар и Куча, но сделать им это не удалось из-за сопротивления тамошнего царька, идикута Барчука.

Худу вместе с верными ему людьми вернулся в степи, лежащие севернее Балхаша, то есть в бывшую страну канглы, где и скитался в нищете и забвении на протяжении доброго десятка лет, перекочевывая от Эмиля к Тарбагатаю, до Голодной степи.

В один прекрасный день — в 1217 году, как явствует из некоторых источников, — Чингисхан вспомнил об этих остатках вражеского племени и приказал своему лучшему воеводе, Субутаю, привести их к окончательной покорности:

— Сыновья Тохтоа подобны заарканенным куланам или изюбрям, убегающим со стрелой в теле. Если бы к небу поднялись, разве ты, Субутай, не настиг бы их, обернувшись соколом? Если бы они, превратясь в тарбаганов, зарылись в землю, разве ты не поймал бы их, став пешней? Если бы они и в море ушли, обернувшись рыбами, разве ты не изловил бы их, превратясь в невод?.. Велю тебе перевалить через высокие перевалы, переправиться через широкие реки. Памятуя о дальней дороге, берегите у ратников коней их, берегите дорожные припасы. На пути у вас будет много зверя. Заглядывая подальше в будущее, не загоняйте служивых людей на звериных облавах. Пусть дичина идет лишь на прибавку и улучшение продовольствия людей. Иначе, как для своевременных облав, не принуждайте ратных людей надевать коням подхвостные шлеи. Пусть себе ездят они, не взнуздывая коней. В противном случае как смогут у вас ратные люди скакать?.. Сделав потребные распоряжения, наказывайте нарушителей поркою. А нарушителей повелений наших, тех, кто известен нам, высылайте к нам, а неизвестных нам на месте же и подвергайте правежу.

Затем, как бы вспомнив о бедах, пережитых в отрочестве, Завоеватель произнес:

— Посылаю тебя в поход ради того, что еще в детстве трижды я был устрашаем, будучи обложен на горе Бурхан-халдун удуитами, из трех меркитов. Эти столь ненавистные люди ушли опять, произнося клятвы. Достигайте же до конца далекого, до

дна глубокого.

Путь Субутая лежал через Алтай и Тарбагатай, и Чингисхан дал ему специально выкованную из железа повозку-темуртерген, способную выдержать езду по каменистому ложу ущелий. Воевода успешно справился с заданием. Он гнал меркитов от реки Чжам (на Тарбагатае) до северного берега Чу (в Голодной степи), что западнее Балхаша, и истребил их всех до последнего.

Стойкость ненависти Чингиса к враждебному монгольскому племени знаменательна и объясняет многое; во-первых, исконную неприязнь степняков к таежным охотникам; во-вторых, личную обиду Героя на тех, кои когда-то украли у него жену и которым он, возможно, был, увы, обязан рождением своего первого сына, Чжочи.

Случилось так, что во время похода Субутая в плен был взят самый юный удуитский княжич, Хултухан-мерген, и доставлен к Чжочи. Этот меркит слыл отличным стрелком. Видя перед собой удальца, Чжочи проникся к нему симпатией и попросил Чингисхана его помиловать. Но Завоеватель был непреклонен, и последний меркитский князь погиб, как все его соплеменники…

Меркиты, хотя и являлись чистокровными монголами, так и не ассимилировались в составе новой единой монгольской нации.

Диалог Чингисхана м Чжамухи
Спор между долгом и своеволием

После разгрома найманов их союзник Чжамуха, личный враг Темучжина, монгольский анти-Цезарь, потеряв всех своих людей, был вынужден вести жизнь изгнанника. С пятью оставшимися при нем наперсниками он укрылся на горе Танлу, чьи лежащие между 2000 и 2900 метров вершины сверкают никогда не тающими снегами. Обретаясь там, беглец, по сути, находился у границ родины, ибо названный горный хребет является межой, разделяющей бесцветную сухую степь, характерную для окрестностей озера Кобдо, от густой сибирской тайги верхнего Енисея.

То был край, богатый дичью, а в его кедровниках, зарослях лиственницы, пихты и ольхи водилось зверье; там сибирский олень жил бок о бок с монгольским маралом, а мускусная лань была соседкой дикого козла и степного кулана.

Обреченный жить звероловством и удачей, Чжамуха вел существование, полное опасностей и неожиданностей, одна из которых и определила его судьбу. Однажды, убив дикого козла, он собрался было им поужинать, но тут пятеро его товарищей вдруг напали на него, связали и отвезли к Чингисхану.

Иллюзий относительно своего будущего у пленника не было, и все же он обратился к Завоевателю с речью, достойной царя. Прежде всего он попросил покарать своих вассалов-предателей.

— Черные вороны, — произнес он, — вздумали поймать селезня. Рабы вздумали поднять руку на своего хана. У хана, анды моего, что за это дают?

Чингисхан, как известно, предателей ненавидел, и верность слову была для него главным принципом. Вероятно, в глубине души он еще сохранял какую-то любовь к другу детства и юности, вот почему его первейшим желанием было удовлетворить просьбу Чжамухи.

— Мыслимо ль оставлять в живых людей, поднявших руку на своего природного хана? И кому нужна дружба таких людей? — сказал он и повелел: — Аратов, поднявших руку на своего хана, истребить даже до семени их!

Все пять предателей были обезглавлены в присутствии Чжамухи.

Сверх того Чингисхан со свойственным ему великодушием простил своему анде все его вины. Интриги, предательства, постоянное недружелюбие, сделавшие из вождя джаджиратов

зачинщика всех враждебных Завоевателю союзов, — все это Герой готов был забыть. Ему хотелось помнить только их детскую дружбу, совместные походы и особенно ту войну, когда Чжамуха, такой же молодой человек, как и он, помог вернуть ему красавицу Борте.

Сдерживая волнение, Чингисхан вспомнил минувшие дни и в благородном порыве предложил побежденному врагу восстановить былую дружбу:

— Вот мы и сошлись с тобою. Сделавшись второю оглоблей у меня, ужели снова будешь мыслить иначе со мною?.. Будем приводить в память забывшегося из нас, будить заспавшегося. Как ни расходились наши пути, ты всегда оставался моим счастливым, священным другом. В дни смертных битв болел ты за меня и сердцем и душой. Как ни иначе мыслили мы, но в дни жестоких битв ты страдал за меня всем сердцем. Напомню, как это было. Во-первых, ты оказал мне услугу во время битвы с кераитами при Харахалчжин-элсте, послав предупредить меня о распоряжениях Ван-хана; во-вторых, уведомил меня о том, как напугал найманов, умерщвляя словом, убивая устами.

В этом диалоге в духе трагедий Корнеля Чжамуха отвечает сыну Есугая-баатура отказом с восхитительным благородством:

— В далекой юности, в урочище Хорхонах-джубур, в ту пору, когда братались мы с ханом, другом моим, ели мы пищу, которая не сварится, говорили речи, которым не забыться, делились одним одеялом. Но вот подстрекнули нас противники, науськали двоедушные, и мы навсегда разошлись… «Мы же говорили друг другу задушевные речи», — думал я, и будто бы кожу содрали с моего темного лица, я не терпел к нему прикосновения, я не мог выносить горячего взгляда хана, анды моего. Ныне, хан, мой анда, ты милостиво призываешь меня к дружбе. Но ведь не сдружился я с тобой, когда было время сдружиться. Теперь ты замирил все окрестные царства, объединил народы; тебе присудили и царский престол. К чему тебе дружба моя, когда перед тобою весь мир? Я ведь стал вошью у тебя за воротом или колючкой в подоле. Ведь я буду сниться тебе темными ночами и тяготить твою мысль средь бела дня. У друга моего — умная мать. Сам он витязь от роду. У друга моего братья с талантами. У тебя в дружине 73 орлюка — 73 мерина; вот чем ты победил меня. А я, я остался круглым сиротой с одной лишь женой — сказительницей старины. Вот почему ты победил меня.

Если меня поскорей ты отправишь,
Сердце тогда ты свое успокоишь.
Если казнишь, то казни ты меня

Лишь без пролития крови..[38]
Смертным забудусь я сном.
Мертвые кости в Высокой Земле
Будут потомкам потомков твоих
Благословеньем вовеки.
Ныне ж скорей отпусти ты меня!
Вот вам совет мой последний.

Выслушав Чжамуху, Чингисхан грустно произнес:

— Как ни различны были наши пути, но не слышно было как будто бы ни об оскорбительных речах моего друга — анды, ни о покушениях на самую жизнь…

Уплатив дань памяти о былом, попытавшись спасти друга юности и приняв теперь как неотвратимое отказ от сделанных им предложений, Чингисхан снова стал политиком и даже, я бы сказал, скрупулезным законником.

— И мог бы человек исправиться, — проговорил он, — да не хочет… Гадали о предании его смерти, но жребием то не показано. Не должно посягать на его жизнь без основательной причины. Скажите ему: «Друг Чжамуха, помнишь ли ты, как некогда загнал меня в Цзереново ущелье и навел тогда на меня ужас? Ты тогда несправедливо и коварно поднял брань, в связи с угоном табунов, между Джучи-Дармалой и Тайчаром. Ты напал, и мы бились в урочище Далан-бальчжиут… А теперь не хочешь принять ни предложенной тебе дружбы, ни пощады твоей жизни. В таком случае да позволено будет тебе умереть без пролития крови…» Но не бросайте на позорище его праха, а с подобающей почестью предайте погребению.

И стало так. Монгольский анти-Цезарь, человек, в какой-то момент поколебавший власть Чингисхана, был погребен по-царски на холме, чтобы, как утверждают алтайские шаманы, с его вершины зорко следить за потомством своего победителя и оберегать его.

Так гласят источники той поры.

Народное же предание столь меланхоличной развязкой не удовлетворилось и предложило финал более драматичный. Рассказывают, будто Чингисхан, не решившись убить экс-побратима собственноручно, поручил заняться этим своему племяннику Элжидаю-нойону, и будто бы тот подверг несчастного жуткой казни. «Говорят, что он приказал Чжамуху четвертовать, и якобы тот заявил, что он сам поступил бы так со своими врагами, когда бы судьба отдала их ему в руки. Торопя экзекуцию, он сам подставлял свои члены палачам».

Май 1206 года
Провозглашение царства монгольского Назначения и объявление благодарности за службу

За вычетом нескольких «диссидентских» окраинных территорий Чингисхан держал в своих руках всю Монголию. Весной 1206 года им был созван большой курултай, то есть всемонгольское собрание. На нем племена вновь подтвердили его право на власть.

Вече состоялось в верховьях Онона. Чингисхан водрузил Белый стяг, бунчук из девяти конских хвостов, знамя своей империи, и заставил племена вторично провозгласить его, Темучжина, ханом. Это волеизъявление народа благословил шаман Кокочу, или, как он именовал себя сам, Теб-Тенгри, сиречь «Небеснейший». Власть Чингисхана, действительно, отвечала воле Небес: именно Вечное Синее Небо, высшее божество древних тюрок и монголов, назначило нового государя своим представителем на земле. Титул «Чингис» так и звучит: Хан волею Вечного Неба.

Это «освящение» явилось прелюдией к ряду продвижений по службе высших военных чиновников и объявления благодарности за службу. И тут Чингисовы герои, как явствует из монгольского эпоса, вступили в «благородное» состязание. Так, Шиги-хутуху, найденыш, усыновленный «матушкой Оэлун», боясь, что Чингисхан оценит его ниже, чем Мухали и Боорчу, решил напомнить ему о своей преданности:

— Больше кого они (другие нойоны. — Е. С.) потрудились? А у меня разве не хватает заслуг для снискания милости? Разве я чем-либо не довольно трудился?.. С колыбели я взрастал у высокого порога твоего до тех пор, пока бородой не покрылся подбородок, и никогда, кажется, я не мыслил инако с тобой. С той поры еще, когда я пускал в штаны, состоял я у златого порога твоего, рос, пока рот не закрыли усы, и никогда, кажется, не тяготился трудами… Итак, какую же награду пожалуешь ты мне?

Чингисхан ответил:

— Не шестой ли брат ты мне? Получай же в удел долю младших братьев. И с помощью Вечного Синего Неба будем вместе преобразовывать всенародное государство. Будь оком смотрения моего и ухом слышания моего! Произведи распределение населения государства… Никто да не посмеет

переиначивать твое определение.

Шиги-хутуху получил должность верховного судьи.

— Искореняй воровство, — наставлял Чингисхан, — уничтожай обман во всех пределах государства. Повинных смерти предавай смерти. Повинных наказанию или штрафу наказывай…

Свои решения Шиги-хутуху был обязан фиксировать в «Синей росписи» («синим письмом на белой бумаге»), и эти знаменитые «связанные книги» составили законодательный свод и одновременно, как выразился исследователь М. Пеллио, «Монгольский Озье».[39]

— Да не подлежит, — диктовал свою волю сын Есугай-баатура, — изменению то, что узаконено мною по представлении Шиги-хутуху и заключено в связанных книгах. Всякий виновный в таковых изменениях да подлежит ответственности…

Чингисхан в самых благородных выражениях возблагодарил «папашу» Мунлика, спасшего его от кераитской западни, когда он, Темучжин, едва не угодил в «красные угли, в пучину кипящей воды».

А благодаря Боорчу… Чингисхан, не скупясь на похвалы, перечислил все случаи, когда Боорчу явил исключительную преданность, начиная со знаменитой охоты на конокрадов, о которой мы рассказали в начале этой истории. Он напомнил о том дне, когда Боорчу, еще подросток, побуждаемый внезапным сочувствием к Темучжину, оставил все, чтобы пойти с ним:

— Ты повстречался мне на дороге после трехдневного преследования уведших у нас восемь соловых меринов. Ты заявил тогда: «Я поеду в товарищах, ты ведь и так намучился один». И, не сказавши даже отцу, ты спрятал в степи свои подойники… и, оставив табун, поспешил со мной. И еще. Ночевали мы в Далан-нэмургесе, стоя против татар. День и ночь лил дождь. И вот ночью, чтобы дать мне уснуть, ты, прикрывая меня своим плащом, как вкопанный простоял до утра… Это ли не доказательство твоего рыцарства? Боорчу с Мухали так и влекли меня вперед, лишь только я склонялся к правому делу, так и тянули меня назад, когда я упорствовал в несправедливости своей. Это они привели меня к нынешнему сану моему.

Сказав это, Чингисхан посадил их на место, возвышавшееся над другими.

Не довольствуясь этим простым и величественным рассказом, народная молва прибавила к нему немало романтических подробностей, которые в XVIII веке собрал историк Саган Сэцэн, кстати, настоящий чингисханид.

При раздаче наград на великом хурале 1206 года Чингисхан поначалу якобы притворно забыл Боорчу. Вечером царица Борте,

упрекая за это мужа, сказала:

— Разве он не служил тебе верой и правдой? Или не был он твоим другом с юных лет и преданным спутником в трудные дни?

— Я сделал вид, что запамятовал о нем лишь затем, чтобы ввести в заблуждение его завистников, и я знаю, что даже теперь, когда Боорчу, возможно, считает себя забытым, он все равно не скажет обо мне ни одного дурного слова, — ответил тот и послал послушать, что говорили в юрте Боорчу. А там жена воина жаловалась на ханскую неблагодарность. Муж отвечал:

— Не за благодарность служу я хану. Даже если он посадит меня на хлеб и воду, я все равно буду ему служить всеми своими силами. Да пребудет в веках золотой дом хана! Иного мне не требуется.

Извещенный об этих словах Боорчу, Темучжин созвал на следующий день курултай и облек взрыв своей благодарности в такую речь:

— О Боорчу! Ты был моим верным товарищем во все грозные дни! Страх твоему сердцу неведом. Жизнь и смерть тебе одинаково безразличны. Да не посмеет никто из здесь сидящих позавидовать тебе! Слушайте, мои верные князья и нойоны! Слушай, мой народ! Будьте свидетелями все! Его я возвышаю над всеми!

Что касается Мухали, то Чингис припомнил, как когда-то в Хорхонах-джубуре, сидя под деревом, возле которого хан Хутула любил танцевать, он, Мухали, по горнему наитию предсказал Темучжину великую будущность. Завоеватель его отблагодарил, присвоив ему взятое у китайцев звание го-вана, то есть «князя языков», с «правом начальствовать над примыкающей к Хараунджидуну тьмою левого корпуса».

Другой монгольский вождь, Хорчи, выходец из племени баарин, также еще в начале карьеры Темучжина предсказал его будущее величие; но, опытный шаман, он потребовал, чтобы в случае осуществления его пророчества тот дал для его гарема три десятка красивых женщин. И вот Чингисхан разрешил ему выбрать 30 луноликих дев из побежденного племени. Более того, он поставил под его начало «лесных людей», населявших северо-западные окраины, иными словами — все таежные сибирские племена, вплоть до верхнего Иртыша.

Подвиги Чжурчедея также не были забыты. Чингисхан его принародно поблагодарил за то, что в битве при Харахалчжин-элсте, исход которой долго не был ясен, он положил конец вражеским атакам, ранив в щеку Тоорилова сына.

— Ведь не известно, как повернулось бы дело, — сказал он витязю, — если бы Сангум не был ранен. Вот это и есть главная

заслуга Чжурчедея. Вот почему Вечное Небо открыло нам двери и путь.

Столь же горячие похвалы услышал непобедимый Чжур-чедей и за поддержку, оказанную Завоевателю во время отступления на Халхе, а затем в решающей битве с кераигами,

— Когда мы отступали оттуда, — торжественно произнес Чингисхан, — я чувствовал себя с ним, как за сенью высокой горы

Жизнью он жертвовап в сечях кровавых,
Изнемогая он в боях роковых

В дни битв ты, Чжурчедей, был щитом моим от врагов

В знак великой признательности витязь получил от евагеля его супругу, Ибаху-беки,

— Если от сонма находящихся у дона моего и подножия ног моих отдаю тебя, как высшую милость мою к нему, — сказал ей Чингис, — то это потому, что Чжурчедей

Разъединенный народ
Воедино собрал,
А раздробленный народ
В одно тело спаял

Покоритель Вселенной не забыл похвалить и своих свирепых «псов»: Хубилая, Джелме, Джебэ и Субутая, — «сильным пригнетавших выи, борцам пригнетавших ягодицы»,

Говоря о них, Чингис сказал следующее:

— А эти вот четыре моих дворовых пса, когда, бывало, отправлялся я в поход, то скажешь: «Кюр!»,[40] — кремень сокрушали, скажешь: «Гар!»,[41] — скалы раздвигали, бел-камень дробили, топи пересекали!

Не было воина, не услышавшего слов признательносги, сказанных Чингисханом лично ему,

Вот верный Джелме, которого отец, старый Джарчиудай, совсем мальчиком отдал в пажи будущему Чингисхану нести службу у дверей царской юрты,

— При самом моем рождении, — сказал Чингисхан. — спустился к нам с Бурхан-халдуна Джарчиудай-евген с кузнечным мехом за плечами и со своим Джелме. малюткой от колыбели Он подарит мне собольи пеленки Много заслуг у Джелме

Родиться — со мной он родился
Расти — так со мною он рос

Вот Онгур-кравчий, которому хан сказал следующее:

— Ты ведь был со мною одним куренем Ты, Онгур, сын Мунгету-кияна, со своими бесутами и баяудами, вы в туман не теряли дороги, в схватке не отставали, в мокрядь мокли вместе со мной, в сгужу мерзли вместе со мной.

В знак благодарности хан разрешил Онгуру вновь собрать под своим тугом племя баяудов

Особенно теплые слова Чингисхан сказал четверым найденышам, усыновленным Оэлун*

— Четверо вас у моей матери Шиги-хутуху с Борохулом да Кучу с К окочу С попу поднятых вас она на коленях своих нянчила, как родных детей пес гопаля За шею тянула — с людьми равняла, за плечи тащила — с мужами равняла Воспитывала вас с надеждою, что стянете для ее сыновей дружеской сенью,

Чингисхан продолжал:

— И вот каким другом был ты мне, Борохул: в спешных походах, в ненастные ночи не оставлял меня на ночь голодным, Стояли лицом к лицу с неприятелями, и ты не оставлял меня на ночь без похлебки-шолюиа…

Вспомнил Завоеватель и о том, как двое его сыновей: Толуй и Угэдэй, — были спасены — первый Борохуловой женой, вырвавшей его из рук убийцы, а второй — самим Борохулом во время сражения с кераитами в песках Хара-халчжина,

— Ему я обязан жизнью двух моих сыновей, Он полностью возвратил свой долг моей матери,

В час торжества Герой не забыл и тех, кои в дни испытаний погибли за него, как, например, Хоилдар и Чагангоа,

— За го, что друг Хоилдар на брани живот свой положил, пусть получают сиротское пособие даже и потомки его потомков

Обращаясь к Нарин-Тогрулу, сыну Чаган гоа, хан сказал:

— Твой отец пал в бою при Далап бальчжнуте от руки Чжамухи Пусть же и тебе будет назначено сиротское пособие,

Сверх того, он разрешил сыну Чяган-гоа собрать под своим началом родное ему племя негус.

Особенно ласков бил Чишисхан с Сорган-Широй, который, как мы помним, освободил его, юного, от колодки и спас от мести тайчжиудов.

— Об этой услуге я не забывал ни темной ночью во время сна, ни белым днем наяву… Ты же поздновато перешел ко мне от тайчжиудов… Однако сегодня я окажу тебе милость, о которой ты просил.

Просил же Сорган-Шира пастбищ, не облагаемых налогом,

находившихся в стране меркитов, в долине Селенги. Его сыновьям — Чилауну и Чимбаю — Завоеватель дал привилегию, в силу которой они могли оставлять себе все добытое на охоте и войне.

Так Покоритель Вселенной в те праздничные дни весны 1206 года на землях верхнего Орхона, где он родился, посреди полей и лесов, воспетых монгольскими бардами, с нежностью вспоминал свою суровую юность и щедрой рукой причащал своей славе товарищей по борьбе.

Старая гвардия

Затем была проведена реорганизация царской гвардии.

— В прежние времена, — заявил Чингисхан, — наша гвардия состояла из восьмидесяти кебтеулсунов и семидесяти турхах-кешиктенов. Ныне, когда я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, направил на путь истины велеязыкое государство и ввел народ под единые бразды свои, ныне учреждаю сменную гвардию, образуя ее путем отбора из всех тысяч и доведя ее до полного состава тьмы (10 тысяч), считая в ее составе как кебтеулов, так и хорчинов и турханов.

Это отборное войско, подчиненное жесточайшей дисциплине, получило особые привилегии: так, рядовой кешиктен считался чином выше армейского тысячника. Всех гвардейцев царь отбирал сам, и они полностью оправдывали его доверие.

Однажды, обратясь к гвардии, он произнес великолепную речь, донесенную до нас монгольским бардом:

— В пасмурно-облачные ночи юрты мои, имеющие дымники, кругом облегала ты, крепко убаюкивая меня во дворце, старая стража моя. Ты и на этот трон возвела меня!

В звездные ночи дворцы мои кругом облегала, на постели моей не давая мне метаться в тревоге, благословенная стража моя. На высокий престол возвела ты меня!

В переплетающийся дождь, в трескучие морозы решетчатые юрты мои окружала ты, во мгновение ока поднимаясь, верная стража моя, успокоившая мое сердце. Ты и на радостный престол возвела меня!

Среди коварных врагов окружая юрты мои с подолами, ты в мгновение ока поднималась на защиту, верная стража моя!

Еще он сказал:

— Мои колчаноносцы подобны не доступному для исчисления густому лесу. Я хочу усладить их уста сладким сахаром, облачить их в парчу, посадить на великолепных скакунов, утолить их жажду влагой чистейших рек, дать их стадам тучные пастбища, а также сделать так, чтобы на их полях не осталось ни одной колючки!..

Однако не только на армию обратил свое заботливое внимание Покоритель Вселенной, но и на монгольский народ, наконец-то его усердием объединенный и сплоченный.

— Этот народ, который присягнул мне на верность в самые тяжкие дни, этот народ Синих монголов вполне достоин быть вознесенным над всеми племенами, сущими на земле!

Что касается идеала всех монголов, то он нашел свое

воплощение в охотнике-кочевнике, одновременно добродушном и жестоком. Чингисхан определил его так: «В повседневной жизни быть оленем-двухлеткой, во время празднеств и пиров — беззаботным жеребенком, но в бою устремляться на врага подобно соколу или ястребу. Быть начеку днем подобно старому волку и бдительным ночью подобно ворону…»

В сибирской тайге

От Хингана до Алтая кочевники Верхней Монголии, «все живущие в войлочных юртах», с той поры представляли собой единый полк с одним общим знаменем. Столкнуться с ним в кровопролитных сражениях таким великим оседлым империям, как Китай и Персия, пришлось уже скоро. Но прежде чем двинуться на юг завоевывать цивилизованные страны, владыка степей, царь кочевников захотел убедиться в послушности охотников севера, населявших тайгу.

Частично являясь природными монголами, эти люди вели образ жизни, обусловленный их местожительством. «В отличие от остальных монголов, они не живут в войлочных палатках, — пишет один персидский историк, — не держат скота, но кормятся охотой, промышляя в бескрайних лесах, и презрительно относятся к пастушеским народам. Их единственным убежищем являются сделанные из веток и покрытые березовой корой шалаши. Зимой они охотятся по снегу, привязав к ногам снегоступы и опираясь на палку, которую втыкают в снег, как лодочники погружают свои шесты в воду».

Самое крупное монгольское лесное племя составляли обретавшиеся западнее Байкала ойраты, к которым причисляют себя и нынешние буряты.

Их страна, лежавшая в верховьях Лены и Ангары, а также в бассейне их южных притоков (реки Белая, Ока), представляла собой, за вычетом Балаганской травянистой степи, сплошной лес, состоящий из березы, тополя, осины, кедра, лиственницы и ели, а также густого подлеска из рододендрона, мха и лишайника. Таежная фауна была представлена лосем, оленем-маралом, северным оленем, красным волком, медведем, а также пушным зверем, таким как соболь, горностай, куница, белка, являвшимися предметами весьма прибыльной торговли охотничьих племен.

Ойраты входили в состав всех античингисовских коалиций. Когда же Завоеватель послал своего старшего сына Чжочи привести к покорности этих «лесных людей», «вплоть до страны Сибирь», ойратский вождь Хутуха-беки вдруг объявил о признании сюзеренитета Чингисхана, и в Шихшите «все десять тысяч ойратов» в присутствии царевича подписали акт о вассальной зависимости.

Далее путь Чжочи лежал на запад, в древнюю ставку киргизов, живших на верхнем Енисее, между Саянами и горами Танну-ула, в край, являвшийся совершенно диким, «за исключением волнистой степи, простирающейся южнее Улуг-

Кема и Большого Кемчика, где снег выпадает уже в августе». Этот край также богат дичью, а в кедровых, лиственничных, пихтовых и березовых зарослях водятся олень-вапити, мускусная лань, соболь, горностай, выдра, бобр. Кстати говоря, древние киргизы и их потомки (тувинцы) одомашнили оленя, и он снабжает их одеждой подобно тому, как береза дает кору для кровель их жилищ.

Эти лесные тюрки, как и их соседи ойраты, решили сопротивление армии Чжочи не оказывать, а их князья Едиинал, Альдигер и Уребек-тегин кланялись Чжочи белыми кречетами, черными соболями и белыми меринами.

Возвратившись по выполнении приказа к отцу, Чжочи привел с собой всех названных вождей.

Особенно радушно Завоеватель принял ойрата Хутуха-беки, покорившегося первым. В знак признательности он дал его сыновьям — Иналчи и Турелчи — царевен из своего дома: первому досталась Чечейген, а второму — Олуйхан, дочь князя Толуя.[42] Эта «политика браков» позволила Чингисхану окончательно подчинить себе «людей леса».

Правда, в числе лесных племен имелось одно, еще не покорившееся. То были хори-туматы, которых иные исследователи ищут в лесистых горах Иркуля и в истоках Оки, другие же — севернее страны ойратов, там, где Зима соединяется с Окой, между Окой и Ижой, северо-западнее Балаганской степи. Определенно известно лишь то, что речь идет о стране гористой, занимающей центр сибирской тайги. «В стороне от главных троп, — пишет по этому поводу исследователь Гренар, — тайга почти так же непроходима, как экваториальный лес. Часто приходится прибегать к топору, в особенности там, где упавшие деревья скрыты высокой травой и зарослями желтой акации и смородины. В этих лесах издалека заметить возвышенность невозможно; между ручьями и холмами нет никакого различия; не существует никаких ориентиров. Рассказывают о скоплениях охотников, навсегда затерявшихся в этих в общем-то безлюдных краях, на каждом шагу таящих опасность».

Чингисхан поручил своему верному Борохулу привести туматов под ярмо. В ту пору ими правила вдова их последнего вождя Ботохай-тархун (Толстая), чрезмерно грозной не казавшаяся.

…Борохул беспечно трусил на своем коне впереди отряда. Однажды вечером, когда он так, не спеша, продвигался по едва различимой тропе посреди густого леса, вражеские дозорные напали на него и убили.

Извещенный о гибели приемного брата, Чингисхан пришел в

ярость и хотел было лично отомстить за его смерть, но Бооручу и Мухали его отговорили. Тогда он поручил провести карательную операцию Дорбо-догшину (Грозному) из племени дербетов.

Дорбо привел свое войско в полном боевом порядке к опушке вражеского леса. Чтобы обмануть противника, он расставил свои рати так, как если бы они должны были далее двигаться по всем известным дорогам и ущельям, но неожиданно приказал им идти по звериным тропам. Помогая себе топорами, его воины, никем не замеченные, поднялись на вершину горы (возможно, одной из Карагасских гор), откуда сквозь просветы меж деревьев увидели, как внизу — вероятно, со стороны Уды, близ нынешнего Тулунска, или Нижнеудинска, — туматы готовятся к пиру. Дорбо свалился на врага как снег на голову среди жаркого лета и без труда захватил их лагерь.

Этот успех был тем более ценен для монголов, что хори-туматы не только умертвили Борохула, но и увели в плен Хорчи-нойона, а также ойратского князя Хутуха-беки, только что перешедшего на сторону Чингисхана.

Кстати говоря, Хорчи-нойон попал в плен при обстоятельствах довольно курьезных. Завоеватель позволил ему выбрать для своего гарема 30 самых красивых туматских девушек. Имея на руках это разрешение, он ничтоже сумняшеся прибыл к туматам, но те его не ждали, о решениях Чингисхана ничего не знали и потому, как вора, посадили на цепь. Монгольские воины его, естественно, освободили. Чингисхан, компенсируя моральный ущерб, понесенный его ратоводцем, приказал немедленно отдать ему все три десятка отобранных им туматских красоток.

Хутуха-беки, «знатока лесных народов», посланного освободить Хорчи-нойона, царь наградил и того лучше, подарив ему самоё туматскую правительницу, толстую Ботохай-тархун. Одновременно он принес 100 туматских воинов в жертву духам-манам[43] несчастного Борохула.

Соперничество между духовенством и светской властью
Амбиции Великого шамана

Объединив под своим началом пастухов-кочевников и таежных охотников, Чингис сделался властителем практически всей Монголии. Этим успехом он был обязан своим личным качествам и не менее — доблести соратников: как было сказано впоследствии, «империя была основана на коне». Однако — и монгольский бард о том свидетельствует — воцарение Темучжина совершилось и не без участия некоторых его шаманов, которые до распространения в стране буддизма оказывали значительное воздействие на состояние умов.

Самым влиятельным шаманом являлся Кокочу, сын Мунлика. Мы уже знаем, сколь важную роль играл Мунлик в годы отрочества Есугаева сына. Именно Мунлику умиравший баатур поручил забрать Темучжина у унгиратов, и тот его волю исполнил. В дальнейшем он, правда, довольно некрасиво покинул юнца и встал под Чингисовы знамена довольно поздно. Верно и то, что он еще раз спас Завоевателя, помешав ему броситься очертя голову в кераитскую западню. Теперь как человек, оказавший чрезвычайно ценные услуги, он занимал при своем господине первостепенное место. Авторитет семьи Мунлика был тем более велик, что четвертый его сын, Кокочу, слыл наиболее могущественным волхвом своего времени и края.

Колдовские способности Кокочу, действительно, были необыкновенны, о чем говорит его титул «Небеснейший». Ходили даже слухи, будто он на своей серой в яблоках лошади летал на небо для беседы с Богом!

Как бы там ни было, шаман сыграл важную роль в работе всемонгольского собрания 1206 года, одобрившего возведение на престол Темучжина. Именно он, как утверждают персидские авторы, подтвердил от имени Тенгри царское звание «Чингисхан», присвоенное старшему сыну Есугая храброго.

То ли ценя оказанные ему услуги, то ли побаиваясь колдовства, Чингис обращался с Кокочу осторожно и даже порой опускался до сделок с ним. Кокочу сделал из этого свои выводы. Влияние, которое имел шаман на царя, сделало его надменным, и он стал вмешиваться во все государственные дела, пренебрежительно нарушая сложившиеся правила. Будучи уверенным в том, что Темучжин взошел на престол исключительно благодаря ему, Кокочу едва ли не возомнил себя

равным хану. Сильный поддержкой своих шестерых братьев, он наглел день ото дня.

Собравшись однажды вместе, люди Мунлика избили Хасара, родного брата Чингисхана, богатыря и непревзойденного стрелка из лука![44]

Вместо того чтобы отомстить им напрямую, и этот факт особенно убедительно показывает, что колдуна боялась даже царская семья, Хасар бросился в ноги к Чингисхану и пожаловался на обидчиков. Но тот стал ему выговаривать с раздражением, за которым скрывалось его собственное смущение:

— Слывешь непобедимым, а вот и оказался побежденным…

Обиженный на весь мир, Хасар ушел и не появлялся при дворе три дня.

Однако этим дело не кончилось. Желая вызвать у Чингиса недоверие к его младшему брату, Кокочу сказал ему:

— Великий Тенгри вещает мне свою волю так, что выходит временно править государством Темучжину, а временно Хасару. Если ты не предупредишь замыслов Хасара, то за будущее поручиться нельзя.

Змеиные речи шамана произвели на Чингисхана глубокое впечатление. Поверив в то, что Хасар намеревается его убрать, он той же ночью прискакал к брату и арестовал его. Однако двое верных людей Хасара[45] поспешили сообщить о случившемся Оэлун. Не теряя времени, та запрягла в колесницу белого верблюда и пустилась в путь. На заре она уже была возле Темучжиновой юрты.

Хасар, простоволосый, без пояса, с завязанными руками, стоял перед Завоевателем, чинившим ему допрос с пристрастием, пытаясь уличить в заговоре. Увидев мать с черным от гнева лицом, внезапно появившуюся у юрты, Чингисхан пришел в замешательство и даже испугался. Старая женщина подошла к Хасару и, развязав сыну руки, отдала ему шапку с поясом, затем, обессилев от переживаний, «опустилась на корточки, расстегнулась и, выложив обе груди на колени свои, заговорила:

— Видите? Вот груди, которые сосали вы. О пожиратели материнской утробы и братоубийцы! Что сделал вам Хасар? Темучжин опорожнял одну полную грудь. Хачиун с Отчигином вдвоем не могли опорожнить и одной. А Хасар успокаивал меня и ублажал, опорожняя обе груди мои. Вот почему Темучжин взял умом, а Хасар — меткой стрельбой[46] и силой.

Кто в перестрелку вступал,
Тех покорял он стрельбою
Тех, кто робел перед битвой

Выстрелом вверх забирал

Не за то ли и возненавидели вы Хасара, что это он раздавил врагов?

— Страшно и стыдно мне материнского гнева, — проговорил Темучжин. — Давай уйдем

Но увы, шаманова клевета без последствий не осталась Тайно от матери Завоеватель отобрал у Хасара добрую половину владений, оставив ему тысячу четыреста юрт. Когда Оэлун об этом узнала, ее сердце не выдержало и она начала быстро угадать

Чингисхан расправился с Великим шаманом

Лишив Хасара поддержки брата, Кокочу в итоге рассорил всю царскую семью. Весьма похоже, что, боясь чар шамана, Покоритель Вселенной нередко бывал с ним заодно.

Духовная власть опасного волхва укреплялась и, следственно, его авторитет тоже. Многие подданные Чингиса пошли на службу Кокочу. В числе их оказались и вассалы Темуге-отчигина, самого младшего сына Есугая храброго. Узнав об этом, Темуге поручил своему офицеру по имени Сохор вернуть этих людей, но Кокочу приказал его избить, привязать к спине седло и пешком отправить к Темуге. На другой день Чингисов брат сам пришел к Кокочу и потребовал возвращения своих подданных. Однако его также унизили: угрозами принудили встать на колени и просить прощения, после чего отправили домой несолоно хлебавши.

Утром, когда Чингисхан еще лежал в постели, Темуге вошел к нему в юрту и рассказал о пережитом накануне Старший брат слушал младшего в полном молчании, явно не смея произнести ни слова от страха перед шаманом.

Из оцепенения вывела его Борте.

Не вставая со своего ложа и прикрыв грудь концом одеяла, женщина крикнула мужу:

— Что же это они делают? Только на днях избили Хасара, а теперь опять… Как смеют они ставить позади себя на колени отчизна? Что это за порядки такие? Так, пожалуй, они изведут всех твоих братьев, подобно лиственницам и соснам Ведь несомненно, что — долго ли, коротко ли —

Падет, как увядшее древо,
Тело твое, государь.

Кому дадут они править твоим государством, которое уподобится разметанной конопле? Когда, подобно колонне, обрушится твое тело, кому дадут они править твоим государством, которое уподобится стае птиц? Как дадут она вырас ить трех-четырех малюток моих?.. Как можешь ты спокои но смотреть на такое обращение с твоими братьями?

Справедливость доводов жены поразила Чингисхана Будущность его династии, в самом деле, была поставлена на карту, и вот тут-то его метафизические страхи исчезли Он снова стал человеком действия, тем государственным мужем, которого

знали его приближенные и народ.

— Теб-Тенгри сейчас явится, — заявил он брату — Я разрешаю тебе поступить с ним по своему усмотрению.

Более подробных инструкций Темуге не требовалось. Он вышел из царской юрты и направился к трем воинам, слывшим отменными борцами. Вскоре к Чингисхану пришел со своими семью отпрысками Мунлик. Едва Кокочу сел, как Темуге схватил его за воротник.

— Вчера, — крикнул он шаману, — ты заставил меня просить у тебя прощения. Давай-ка попытаем жребия!

После этих слов Темуге потащил колдуна к двери. Тот начал отбиваться. Враги сцепились. Шапка Теб-Тенгри покатилась по полу и остановилась у очага. Предвидя дальнейший ход событий, Мунлик подобрал ее, поцеловал и спрятал у себя за пазухой. Чингис приказал противникам выйти на улицу и продолжать единоборство там. За дверями царской юрты уже стояли три силача, приглашенные Темуге-отчигином. Как только шаман переступил порог, они на него набросились и, оттащив в сторону, сломали ему позвоночник, после чего бросили безжизненное тело в дальний угол двора, возле телег.

Сделав свое дело, Темуге возвратился в юрту брата и дал ему следующий, довольно своеобразный, отчет:

— Теб-Тенгри заставляет меня молить о пощаде, а сам не хочет принимать приглашение попытать жребия: притворяется лежащим. Видно, что он друг на час!

«Папаша» Мунлик тут же понял, что произошло. Залившись слезами, он проговорил:

— Нет у Великой Матери Земли столько каменьев, нет у моря и рек стольких ручьев, сколько было моих дружеских услуг.

Однако шестеро его сыновей повели себя менее смиренно. Загородив вход, они окружили Чингиса. Тот, понимая опасность своего положения, вырвался из их рук и крикнул:

— Расступись! Дорогу!

Выскочив на улицу, он стал звать на помощь. Стража немедленно образовала вокруг него стену из своих спин.

Убедившись, что колдун мертв, Чингис приказал положить его в юрту, закрыв ее дверь и дымник. Вечером третьего дня верхнее отверстие, как гласит легенда, открылось, и мертвец вылетел оттуда. Этому «чуду» официальное объяснение дал хан:

— Теб-Тенгри пускал в ход руки и ноги на братьев моих. Он распускал меж ними неосновательные и клеветнические слухи. Вот за что Тенгри его невзлюбил и унес не только душу его, но и самое тело!

Мунлику он высказал все, что о нем думал:

— Ты не удерживал нрава своих сыновей, и вот они, возомнив себя равными, поплатились головою Теб-Тенгри. Давно бы с вами было поступлено по образу Чжамухи да Алтана с Хучаром, знай я о таких ваших повадках!

Мунлика и его детей охватил страх. Но Чингисхан вскоре смягчился: прирожденный государственный деятель, он был хорошим политиком. Зачем ему было опускаться до бесполезных казней, особенно казней людей, столь тесно связанных с его домом? Помнил он и о гарантиях неприкосновенности, незадолго до того данных семье Мунлика. А слово для Темучжина было свято, о чем он сам напомнил обвиняемым:

— Было бы недостойно и стыдно утреннее слово менять вечерним, а вечернее — утренним. Так уж и быть: данное слово крепко!.. Кто мог бы равняться с Мунликовой породой, не будь у нее таких странных замашек!

Теперь Завоеватель мог проявлять снисходительность, ибо казнью без суда и следствия шамана Кокочу авторитет клана Мунлика был подорван навеки, и в этой истории о них разговора более не будет.

Избавившись от опасного Кокочу, хан стал искать ему замену. Другого, более нейтрального, Великого шамана он нашел в лице Усуна, почтенного возраста представителя рода баарин.

— По нашему обычаю, — сказал Чингисхан, — беки (древний титул Великих шаманов. — Р. Г.) считается важнее всех остальных сановников. Быть им старому Усуну! Он облачится в белое, станет ездить на белом коне, сядет на почетное место, его все будут величать, а он будет выбирать для наших дел благоприятные годы и луны.

На подступах к Китаю

Подавив последние поползновения к мятежу, Чингисхан стал властителем огромных территорий, сегодня образующих Внешнюю Монголию. Пастухи-кочевники и таежные охотники впредь подчинялись только ему; признавали только его знамя: туг (вместилище Духа-хранителя войска). Объединив все монгольские племена, Завоеватель бросил их на штурм Китая.

В ту эпоху Китай включал в себя три государства, из коих лишь Южный Китай, подвластный национальной династии Сун, мог называть себя истинно китайским. Северный Китай делили между собой два «варварских» дома, чьи владения своими размерами заметно отличались друг от друга.

Большая его часть, к тому времени уже сто лет, принадлежала народу тунгусских кровей, предку современных маньчжуров. Этот народ, состоявший из чжурчженей, возглавляла династия, правители которой, как мы уже рассказывали, приняли китайское наименование «Цзинь», то есть «Золотых». Сидя в своей столице, в Пекине, «Золотые цари», или Алтан-ханы, управляли богатейшими провинциями, примыкающими к Желтой реке (Хуанхэ), начиная с лессовых террас и до аллювиальной Великой равнины морского побережья. Не принадлежали им только Западная окраина, известная как Ганьсу, Алашаньская степь и занимающая большую излучину Хуанхэ Ордосская степь (эти две области в наши дни входят в состав Внутренней Монголии).

За два столетия до описываемых событий Ганьсу, Алашань и страну Ордос подчинили себе тангуты, народ тибетских корней, создавший более или менее синизированное, то есть китаизированное, государство, называвшееся Си Ся.

Именно с него, с тангутского царства Си Ся, начал Чингисхан завоевание Китая, разорив его трижды: в 1205, 1207 и 1209 годах.

И поныне существует дорога, по которой двигались монголы. Беря начало в верховьях Туулы, в самом сердце страны монголов, и кончаясь в Нинся, столице тангутов, она пересекает Гоби из конца в конец, точнее, с севера на юг.

Пустыня Гоби, особенно в указанной части, преградой не была никому и никогда. «Мелкие камни, песок и глина — вот составные элементы почвы, крепкой, как дорожка ипподрома, — пишет исследователь Гренар. — На ее иссохшей поверхности пытаются произрастать сероватая полынь, карликовый ирис, хармык и бударган. На тонком плодородном слое почвы клочками топорщится хилая трава, желтеющая уже в июле и едва различимая на общем рыжеватом фоне. В ярком свете полдня

пейзаж кажется мертвенно-бледным, все покрыто саваном тонкой пыли. Лишь утром цвет неба, тонущего в дымке далекого горизонта, обретает оттенки, варьирующиеся от светло до темно-синего. Плоское, как стол, пространство переливается всей гаммой нюансов охры, густеющих в тени редких валунов, юрт, табунов лошадей, стад антилоп, караванов, ведомых людьми в остроконечных шапках, размеренно шагающих по песку в своих высоких сапогах. Эти обширные пространства доступны всем и всякому: и лошадям, и верблюдам, и влекомым ими повозкам. Воду и траву находишь на своем пути едва ли не ежедневно. В центре, на площади в 700 квадратных километров, открыто бегущей воды нет, но достаточно углубиться в землю на два-три штыка лопаты здесь или на два-три метра там, чтобы докопаться до грунтовых вод».

Практически каждой осенью, «когда лошади бывают жирными», монгольская конница, без помех миновяв эту пустыню, грабила селения Ганьсу. По сравнению с пустыней, остававшейся за спиной, оазисы этой провинции с ее ивами, тополями, садами, лугами, пшеничными и просяными полями, должно быть, казались монголам земным раем.

На востоке от Гоби кочевники оказывались в районе Хуанхэ, выглядящей здесь тем более впечатляюще, что в огромной петле, которой река охватывает Ордосскую степь, «она блуждает по пустыне подобно путнику, затерявшемуся во враждебной стране».

Пейзаж Ордосского плато, отделенного от степей излучиной великой реки, составляли желтые песчаные дюны, глинисто-солончаковые долины, пастбища, усеянные блюдцами пресной и соленой воды, кустарниковая растительность.

Тангутская столица, нынешняя Нинся, расположенная на реке, между Ордосской степью и степью Алашань, представляла собой оазис древнейшей культуры, обустроенный китайцами и обводненный ими посредством сложной системы искусственных каналов. Она была важным торговым центром: еще Марко Поло рассказывал об изготовлявшихся там и оттуда вывозившихся тканях из верблюжьей шерсти. Именно здесь Чингисхан впервые познакомился с оседлой цивилизацией.

Нинся был укреплен на китайский манер, и войско кочевников, состоявшее сплошь из наездников, не смогло подвергнуть его правильной осаде. К тому же у него не было нужных военных машин. Чтобы овладеть тангутской столицей, Есугаев сын решил — и это решение делает честь его гению — изменить течение Желтой реки. Увы, для этого у монголов не нашлось инженеров-саперов! Так гениальный план остался неосуществленным.

Но монголы тем не менее осложнили положение тангутов. Оазисы Ганьсу, составлявшие сердцевину их государства, существовали только за счет торговли, являясь караванными центрами, образовавшимися на трансконтинентальной дороге из Китая в Персию, на древнем Шелковом пути. Война, прервавшая торговый обмен, их разорила, и тангутский властитель вынужден был принять монгольский сюзеренитет. В том же, 1209 году он отдал в жены Чингисхану одну из своих дочерей (тангутские девы были, по понятиям монголов, исключительно красивыми), а также уплатил дань, включив в нее большое количество тех самых белых верблюдов, которых Марко Поло прославил в своих мемуарах как лучших по внешнему виду во всей Центральной Азии.

Месть за старые обиды
Война Чингисхана с «Золотым царем»

Итак, Чингисхан стал сюзереном тангутского царства, а также Алашаньской и Ордосской степей. Однако, чтобы по-настоящему подчинить Китай, монголам надо было избавиться от пекинского Алтан-хана.

Для кочевников это было непростым делом, ибо Цзиньское царство являлось одним из могущественнейших государств той эпохи. Его хозяева, чжурчжени, хотя уже и считались окитаившимися, все еще сохраняли воинскую доблесть лесных охотников-тунгусов, своих предков. Далее, утвердившись в Китае более века назад, они располагали всеми ресурсами тысячелетней цивилизации. Так что, имея дело с ними, монголы попали в еще более затруднительное, чем в случае с тангутами, положение, встав перед необходимостью ведения осадной войны, которой совершенно не были обучены. Уместно вспомнить и о Великой Китайской стене, которая вместе с усиливавшими ее бастионами являлась почти непрерывной линией обороны, протянувшейся с востока на запад через все Цзиньское царство.

Показав себя в очередной раз более политиком, нежели воителем, Чингисхан решил прежде всего заручиться поддержкой сильных союзников. Лежащие к северу от Великой Китайской стены степи нынешней Монголии в тот период населял полукочевой-полуоседлый тюркский народ онгутов, для нас интересный тем, что он исповедовал христианство (несторианство). Здесь монголы могли себя чувствовать вдвойне уютно. Во-первых, этот край удивительно напоминал им родину: «Ни деревца; бескрайняя травянистая степь с реками, исчезающими в солоноватых лагунах. Это та «земля трав», которую китайцы противопоставляют «земле пшеницы»; удручающее своею пустотой пространство, где изредка можно встретить десяток-другой юрт с пасущимися двумя-тремя сотнями верблюдов и лошадей, с многочисленными стадами длинношерстных коз».

Во-вторых, Чингисхан к тому времени уже установил тесные связи с тюрками-онгутами, тамошними пастухами. Их вождь, Алахуш-дигитхури, в 1204 году оказал ему неоценимую услугу, отказавшись вступить в сговор с найманами и предупредив его о создавшейся ими коалиции. Чингисхан выразил онгуту признательность, включив его в реестр сановников большой руки в мае 1206 года. Более того. Завоеватель отдал свою дочь Алахай-

бэги одному из наследников Алахуш-дигитхури, с чего началась серия брачных союзов этих двух домов.

Сия матримониальная политика оказалась для Чингисхана необыкновенно выгодной. В силу своего географического положения и давних связей с «Золотым царем» онгуты являлись стражами китайских границ, платной внешней охраной Великой стены. И, привязав их к себе, Чингисхан таким образом загодя разрушил вражескую оборону, без боя он распространил свою власть до самого подножия знаменитой фортификационной системы.

К 1207 году Чингисхан почувствовал себя настолько уверенно, что уже мог себе позволить смотреть на Пекин сверху вниз. Хотя монгольский император все еще состоял вассалом Цзинь, но, когда умер тогдашний Алтан-хан и из Пекина прибыл посол с известием о восшествии на престол нового государя, Завоеватель, рассеянно взглянув на него, спросил:

— Кто новый государь?

— Князь Выйшао.

— Я полагал, — воскликнул Чингисхан, — что «Золотым царем» должен быть человек выдающийся, назначенный Небом! Как такой болван, как князь Вый, может играть подобную роль?

Плюнув в сторону юга, то есть Цзиньского царства, он вскочил в седло и ускакал, оставив посольство в полном замешательстве.

Монголов и пекинских владык, конечно же, разделяли ров крови и многочисленные неискупимые обиды. Обитатели монгольских юрт прекрасно помнили оскорбления, нанесенные их отцам и дедам пекинским двором, приказавшим четвертовать одних ханов, посадить на кол или прибить, как воров, к деревянному ослу других, например, таких как хан Амбагай и князь Окин-Бархаг. Эти смерти требовали отмщения, и теперь, когда племена объединились, настал час примерно наказать «Золотых царей».

В марте 1211 года Чингисхан созвал в Восточной Монголии, на берегу Керулена, Великий хурал с намерением объявить о начале войны с Цзинь. Оказать честь хану явились его дальние вассалы, в том числе два западнотюркских князя: Барчук, правитель уйгуров, управлявший Турфанским, Харашарским и Кучским оазисами, а также Арслан, карлукский нарек, живший в Семиречье, южнее озера Балхаш.

Завоеватель готовил поход на Алтан-хана как войну народную, священную. С этими настроениями он отправился паломником на одну из святых гор страны монголов, а именно на Бурхан-халдун, обиталище Вечного Тенгри

Явившись на место, следуя существовавшему обряду, он снял с себя шапку, набросил пояс на плечи, трижды ударил челом оземь и возопил:

— О Вечный Тенгри, я препоясался мечом, дабы отмстить за кровь моих дядей, Окин-Бархага и Амбагая, которых «Золотые цари» предали гнусной смерти. Коли я прав, окажи мне свыше поддержку своею десницей, сделай так, чтобы здесь, на земле, люди и духи объединились и помогли мне.

Великая война началась. Монгольская армия, сплошь конная, не сведущая ни в инженерном искусстве, ни в правильном ведении осады, долго топталась перед Китайской стеной, потратив целых два года (1211 и 1212 гг) на завоевание соседних деревень.

Боевые действия происходили на местности с сильно пересеченным рельефом, ряд горных хребтов, тянущихся здесь с юго-запада на северо-восток, заканчивается многочисленными изломами, что позволяет сравнивать эти горные цепи с решеткой знаменитой «пекинской жаровни». В этих-то горах и была возведена Великая стена. На различном удалении друг от друга в нее были встроены крепости, такие как Сюаньхуа (северо-западнее Пекина) и Датун (севернее Шаньси).

Стоит ли удивляться, что вместо громких побед Завоеватель поначалу с большим трудом добился лишь успехов локального значения. Впрочем, в список триумфальных достижений он с полным правом смог включить победу, одержанную в феврале-марте 1211 года в окрестностях горы Е-ху, что между Пекином и Калганом. Проезжая по тем Краям девять лет спустя, монах Чан-чунь увидел огромное поле, усеянное белыми костьми.

Монголы все еще ратоборствовали в пограничной зоне, когда весной 1212 года произошли события, весьма выгодные для Чингисхана. До перехода к «Золотым царям» тунгусского происхождения Пекин 200 лет принадлежал другому племени, киданям, у которых пращуры Алтан-ханов его отняли Кидани были народом смешанных кровей: в то время как Цзинь доводились братьям нынешним маньчжурам, кидани скорее принадлежали к расе монгольской. Правда, в отличие от подданных Чингисхана, они за три века пребывания на китайской земле практически полностью синизировались. Однако это не мешало им сохранять память о былой славе и, конечно, желание отомстить своим победителям, Алтан-ханам И вот весной 1212 года один из их князей, Елюй-Люге, взбунтовался против «Золотого царя», объединил вокруг себя соплеменников и встал на сторону монголов.

Родиной древних киданей был район Ляоян, что ниже

современной Маньчжурии Чингисхан, используя их восстание, направил гуда Джебэ с корпусом своих войск Потерпев поначалу фиаско под стенами Ляояна, ближайший сподвижник Чингисхана симулировал отступление, укрыл своих ратников в окрестностях города, а затем вдруг появился вновь и благодаря эффекту внезапности легко овладел им Елюй-Люге провозгласил себя царем киданей под сюзеренитетом Чингисхана.

Взятие Великой Китайской стены Переход через Великую равнину

Талант — это долготерпение После двух лет усилий и упорства Чингисхан наконец, летом 1213 года, добился решающих успехов.

Его цель состояла в том, чтобы овладеть историческим путем из Калгана в Пекин, который, ущелье за ущельем, отрог за отрогом, вел от плато Внутренней Монголии к Великой равнине Восточного Китая.

В июле-августе 1213 года Чингисхан сумел занять первый укрепленный город на этой дороге, а именно Сюаньхуа. который, стоя на продуваемом «желтым ветром» плато в окружении гор вулканического происхождения, конгролировал весь этот район, извне примыкавший к Великой Китайской стене.

Юго-восточнее, на той же дороге, стояло укрепленное поселение Бао-нан Толуй, младший сын Завоевателя, во главе штурмового отряда сумел взять его стены.

Следующим пунктом был Хуалай Здесь Чингисхан одержал важную победу, перебив врагов столько, что еще на протяжении долгих лет пространство в 15 километров оставалось покрытым человеческими останками.

Юго-западнее Хуалая начиналось дефиле Цзуйюнгуань (или ущелье Нанцзю) — дикая и мрачная теснина длиной в 22 км, зажатая с обеих сторон обрывистыми горами и укрепленная фортификационной системой, державшей под своим контролем спуск от Великой стены к Пекину. На этой позиции противник чувствовал себя уверенно.

Монгольский ратоводец Джебэ, поставленный в авангарде, приблизился к ущелью, а затем, следуя обычной тактике кочевников, как бы отступил в направлении к Сюань-хуа. Как он и рассчитывал, враги бросились его догонять. Когда они оказались достаточно далеко от укрепленных позиций, Джебэ круто развернулся и нанес удар по преследователям. За ним устремилась вся монгольская армия во главе с Чингисханом. «Трупы врагов лежали друг на друге, словно срубленные деревья».

Чингисхан стал лагерем на Люньхутае (Плато драконов и тигров), у входа в долину. Его взору открывалась панорама Великой Восточно-Китайской равнины, чьи возделанные земли простирались более чем на 800 километров, от Пекина до Нанкина. И совсем рядом, едва ли не в трех десятках километров,

высились башни и дворы столицы «Золотых царей».

В это время два других корпуса монгольских войск овладели еще двумя подступами к китайской территории. На северо-востоке они заняли крепость Губейцзю, сторожившую главное дефиле на спуске от Жехола к Пекину; а на северо-западе овладели Датуном, укрепленным пунктом между двух линий Великой стены. Находящийся на высоте в 1300 метров, он защищал провинцию Шаньси, часть Пекинской области, куда и ворвались монгольские рати.

В Датуне монголы обнаружили старых друзей, пострадавших за их дело, онгутов. Один из онгутских князей, Алахуш-дигитхури, когда-то предупредивший Чингиса о найманской угрозе, был казнен антимонгольской группировкой. Его вдова и сын укрылись в Датуне. Завоеватель устроил в их честь великолепный прием и по-царски их одарил. Вскоре затем он выдал за онгутского княжича Негудая одну из своих внучек, дочь Толуя. Выше было сказано, что другому онгутскому князю он отдал свою собственную дочь, отважную и умную Алахай-бэги.

Так Покоритель Вселенной, проявляя беспредельную жестокость к врагам своего народа, демонстрировал по отношению к сыновьям друзей, павших защищая его интересы, самую трогательную, едва ли не отеческую любовь.

Победы монголов не могли не сказаться на положении в пекинском дворе. Один из цзиньских генералов, Хушаху, убил своего господина, «Золотого царя» Выйшао, и посадил на трон другого члена царского дома, а именно Сюань Цзуна. Случилось это в августе-сентябре 1213 года.

Воспользовавшись смутой, вызванной этим переворотом, Чингисхан осенью того же года предпринял поход в самое сердце цзиньской империи. В соответствии с необыкновенно тщательно разработанным планом он разделил свои войска на три армии. За собой Чингисхан оставил армию центра, которой предстояло вторгнуться на Великую равнину. Некоторые военачальники предлагали взять Пекин, но здравомыслие подсказало этого не делать: город имел слишком хорошие укрепления, а монголы не были достаточно оснащены техникой для его осады, да и умения им недоставало. Поставив перед Пекином заслон из своих войск, сопровождаемый Толуем Чингисхан со своею конницей устремился на юг.

Попробуем представить себе, сколь поражены были эти кочевники, степные пастухи и лесные охотники открывшимся их взору зрелищем. От стен Пекина до Желтой реки тянулись бесконечные поля Великой равнины, где на протяжении тысячелетий каждый клочок земли тщательно возделывался

трудолюбивыми пахарями, где рисовые поля чередовались с полями проса, а поля гаоляна чередовались с кукурузными.

Идя напрямик по садам и огородам, монголы сжигали деревни и стога, уничтожали копытами своих лошадей чужой урожай. Благодаря мощным стенам удалось уцелеть едва ли десятку крепостей. Были разграблены все города второго ранга, начиная с Бао-диня, находившегося юго-западнее Пекина, и кончая Выйхуэем, что севернее Хэнаня.

Спускаясь от Пекина на юг, Завоеватель преодолел не менее 500 километров и остановился лишь тогда, когда уткнулся в широкую, как морской пролив, Хуанхэ, форсировать которую его коннице было не под силу.

Но поход продолжался. Взяв курс на юго-восток, Чингисхан пересек из края в край всю плодородную долину Шаньдун, главный город которой, Цзинань, занял.

В Цзинане Покоритель Вселенной получил полное представление о крупном китайском городе XIII столетия, поскольку шаньдунская столица была известна прекрасными фонтанами, полными огромных лотосов озерами, гигантскими деревьями своих парков, «Горой Тысячи Будд», изваянных еще в VII веке; славилась она и дорогими изделиями из шелка, которыми активно торговала.

Оставив на востоке массив священных гор Тайхан, Чингисхан дошел до Ляншаня (35° северной широты), достигнув самой южной точки провинции Ханьдун и остановившись у порога заливных площадей и польдеров, по которым Хуанхэ выходила к своей дельте.

Не изменяя своему жестокому правилу, монголы использовали во время штурмов имевшихся у них военнопленных, равно как и местных крестьян, ставя их в первые шеренги своих войск. Осажденные, видя во главе штурмовых отрядов своих несчастных единоземельцев, пускали в ход оружие, лишь с большим трудом преодолев внутренний протест.

За исключением немногих крепостей, действительно неприступных, все встречные города пали один за другим. Чингисхан вернулся к Великой стене с богатой добычей: с золотом, серебром, дорогими шелками, скотом и лошадьми, не говоря уже о скорбном кортеже несметного количества посаженных на цепь юношей и девушек.

В то время как Завоеватель грабил Великую равнину, его сыновья Чжочи и Чагатай с Угэдэем, приняв командование над второй армией, «правым крылом»[47] прошли по западному краю Хэбэя, миновали Бао-динь и Шаньдун и вышли к Хуэй-цзиню, в ту часть Хэнаня, что лежит севернее Желтой реки. Затем, пересекши

последние южные отроги массива Тайхан, армия вступила на обширное плато, где располагалась старая сельскохозяйственная провинция Шаньси.

Проникнув на лёссовые террасы с юго-восточной стороны, эти три чингисида попали в бассейн реки Фынь, которая, катя свои воды с севера на юг, делит этот район пополам. Поднявшись по ней, монголы заняли все три главных города, стоявшие на ее берегах и поодаль: Биньян, Фучжоу и Сучжоу. Несмотря на систему укреплений и рвов, отпугнувших стольких агрессоров в эпоху античных китайских войн, пала и столица этого края, город Тайюань, крупный металлургический и винодельческий центр, богатством которого восхищались Марко Поло и другие знаменитые путешественники XIII века.

Легкость, с какой были захвачены китайские города, свидетельствует о том, что монгольское военное искусство буквально ставило китайцев в тупик. Например, приготовившимся к нападению с севера, им, к их недоумению, приходилось отражать конную атаку кочевников с юга.

Разграбив города, истребив сельское население и весь урожай, тройка чингисидов через Тай-чжоу и Датун возвратилась к Великой стене, чтобы спрятать добычу в надежном месте, подальше от оседлого населения, на краю степи, у своих друзей онгутов.

Третью конную дивизию Чингисхан доверил своему брату Хасару.

Оставив окрестности Пекина и держа направление на северо-восток, Хасар прошел вдоль побережья по касательной к Янь-Бину. По пути заняв территорию между Жехолом и ущельем Шанхай-гуань, он двинулся в Верхнюю Маньчжурию, отчизну первых «Золотых царей», древних чжур-чженей, край, лежащий в поречье рек Таоур, Нонни, Сунгари, вплоть до Амура.

В апреле 1214 года Чингисхан собрал свои армии перед Пекином. Его полководцы горели желанием взять этот город приступом. Зная лучше них уровень монгольской по-лиоркетики, [48] он воспротивился и направил к Алтан-хану посла с предложением мира: «Все провинции севернее Желтой реки в моих руках. У тебя остался один Пекин. До этого ничтожества тебя довел Тенгри, но мне не известно, поддержит ли он меня, если я продолжу войну с тобой. Так что я готов уйти. Можешь ли ты дать мне необходимое продовольствие, чтобы успокоить враждебные чувства моих генералов к тебе?»

Несчастный «Золотой царь» дал все, что от него требовали: золото, серебро, шелка, а также пятьсот мальчиков, полтысячи девочек и три тысячи лошадей и сверх того — принцессу крови

княжну Цзи-гуо для Чингисова ложа.

Вот как все это описано в «Сокровенном сказании…»: «Во время осады Чжунду Алтан-ханов (совр. Пекин. — Е.С.) вельможа Вангин-Чинсян представил своему государю такой доклад: «Не пробил ли час падения династии соизволением на то неба и земли? Монголы, чрезвычайно усилившись, разбили наши главные части: кара-китайские, чжурчженские и чжуинские — и полностью их истребили. Они захватили и наш опорный пункт Чабчиял. Если теперь мы вновь соберем и снарядим войско и оно будет разбито монголами, то, несомненно, рассеется по своим городам и деревням. Дальнейшие сборы окажутся невозможными в такой же мере, в какой невозможным станет и заключение мира с неприятелем. Не соблаговолит ли посему Алтан-хан согласиться на временное перемирие с монголами? Дадим их хану царевну, а военачальникам и ратным людям золота, серебра, тканей и товаров, сколько им под силу увезти. Кто знает, не прельстятся ли они на такие мирные условия?»

Завоеватель соблаговолил принять дары, снял осаду и через дефиле Цзуйюнгуань пересек линию Великой стены, взяв курс на Монголию. Пекинский двор почувствовал себя — на какое-то время — спасенным.

Взятие Пекина монголами

Но иллюзий «Золотой царь» себе не строил, он понимал: столь дорого стоивший ему мир был только передышкой. Теперь, когда монголы научились штурмовать бастионы Великой стены, они могли вернуться в любой день и час. Пекин находился слишком близко от степи, и в июне 1214 года Алтан-хан его оставил, чтобы укрыться за Хуанхэ, в Кайфыне. Его подданные расценили это как дезертирство. Во время перехода часть цзиньских войск взбунтовалась, повернула обратно на север и присоединилась к монголам.

Чингисхан не мог упустить такого благоприятного случая и в 1215 году приказал своему ближайшему соратнику Мухали осадить Пекин. Сколь в предыдущем году Завоеватель был против нападения на огромный город, обороняемый мощным гарнизоном, столь же решительно он был настроен овладеть им теперь, когда в рядах врагов обозначился раскол, а часть защитников Пекина его покинула.

Здесь мы снова имеем дело с характерной чертой натуры Есугаева сына: благодаря своему здравомыслию он всегда умел отличить возможное от невозможного и никогда не предпринимал ничего, что ему казалось не по силам.

И в этот раз он не ошибся. В покинутом государем Пекине оставленные им вместо себя полководцы пребывали в полной растерянности. Один из них, по имени Ваньянь Фусин, от отчаяния покончил жизнь самоубийством. Другой сбежал вместе с семьей. А монголы, предводительствуемые, кстати, вражеским воеводой Минганем, перебежавшим к ним, без больших помех вошли в Пекин (май 1215 г.).

Пекин «Золотых царей» был далеко не столь велик, как нынешний. Он соответствовал современному Китай-городу, или Внешнему городу, то есть южной части Пекина наших дней. Тем не менее то была одна из величайших метрополий своего времени. Имея крепостную стену длиной в 43 километра, прорезанную дюжиной ворот, он включал в себя по сути четыре «города», которые монголам пришлось брать по отдельности.

Пару императорскому дворцу, возвышавшемуся в окрестностях нынешнего Дворца Неба, составлял Летний дворец, который исследователи ищут поблизости от современной Белой пагоды, близ «верхнего озера» сегодняшнего Императорского города. Площадь вокруг этой летней резиденции, ныне занятая Внутренним городом (бывшим Татарским городом), в ту пору являлась огромным парком, разбитым для увеселения

императора.

Все это подверглось нещадному разрушению. Резня была такой, какую следовало ожидать. Монголы подпалили императорский дворец, и тот горел более месяца.

Спасавшийся от жары китайского лета на севере от Великой стены, на берегу озера Долон-нор, Чингисхан даже не соизволил взглянуть на свою добычу. Подобно всем монголам он не имел никакого понятия о ведении городского хозяйства и, по меньшей мере, в тот период своей жизни знал только то, что города нужно уничтожать, ни на что другое они негодны. Впрочем, он не забыл послать своих офицеров Онгура-бавурчи, Архай-Хасара и Шиги-хутуху забрать сокровища Алтан-ханов: золото, серебро, самоцветы и дорогие шелка. Это богатство сторожил военный чиновник Хадай, вовремя стакнувшийся с монголами. Он выехал навстречу Чингисовым посланцам, прихватив с собой в качестве личного подарка, долженствовавшего гарантировать ему их благорасположение, несколько тюков шитой золотом узорчатой ткани, которая в свое время привела в восторг Марко Поло. Онгур и Архай-Хасар презентами соблазнились, но Шиги-хутуху проявил неподкупность:

— Раньше эти вещи были ведь Алтан-хановы. А ныне — Чингисхановы. Как же ты смеешь, крадучись как вор, раздавать Чингисханово добро?

Когда офицеры возвратились, Темучжин, хорошо знавший своих людей, спросил, глядя им в глаза, что им подарил Хадай. Узнав все как было, он сделал строгий выговор Онгуру и Архаю и вознаградил Шиги-хутуху одной из своих знаменитых похвал:

— Ты держишь в мыслях своих великую Ясу-Еке-Йосу… — сказал он воину. — Не ты ли, Шиги-хутуху, есть око смотрения моего и ухо слышания моего?

Чингисхан попытался до конца использовать падение Пекина, нанеся удар по новой столице «Золотого царя», Кайфыну, что в Хэнане.

Этот город был защищен Хуанхэ, переплыть которую монгольские конники не могли. Они предприняли попытку напасть на него с запада, со стороны Шаньси.

Зимой 1216/17 года монгольский полководец Самуха-баатур покинул Шаньси, предварительно разграбив древний Синган, «китайский Рим», и напал на крепость Тунгуань, которая, стоя в месте слияния рек Вэй и Желтой, южнее излучины последней, в узкой долине, зажатой между Хуанхэ и горами Хуа-шан, преграждала захватчикам подступы к Хэнаню.

Видя неприступность города, Самуха спустился южнее, к горам. С восточной стороны долина Хуанхэ, все такая же узкая,

была защищена городом Лоян, нынешним Хэнан-фу Самуха прошел мимо него, продолжая путь в южном направлении, через горы Сун-шань, чьи крутые вершины и ущелья оказались серьезным препятствием для его конницы. Здесь он занял Жучжоу, что южнее Лояна, и наконец вышел на обширную заливную долину, простирающуюся к югу от Кайфына. План операции, казалось, был отлично разработан, но противнику удалось сосредоточить под городом силы, своею численностью существенно превосходившие монгольские рати, и Самухе, находившемуся всего в четырех верстах от Кайфына, пришлось «обратить тыл». На его счастье, зима наступила рано, причем была особенно холодной, что позволило ему перейти Хуанхэ по льду и беспрепятственно отступить на север.

С той поры интерес Чингисхана к Китаю несколько остыл. Удовлетворясь бегством «Золотого царя» за Желтую реку, он уже не предпринимал серьезных попыток с ним покончить. К китайским землям, лежавшим севернее Хуанхэ — за вычетом Пекинской области, которую монголы крепко держали в руках, — Есугаев сын относился как к некой территории, предназначенной только для грабежей, которыми и промышляли оставленные там его войска.

Настроения Чингисхана частично объяснялись неприятием монголами городской жизни как способа существования. Из всех взятых ими городов они непременно уходили, предварительно разграбив их, и в разоренном виде отдавали обратно «Золотому царю», который возрождал в них жизнь за год-полтора.

В сентябре 1218 года Чингисхан, коюрыи, несомненно, сознавал нелогичносгь подобной практики, поручил ведение боевых действий в Китае одному из лучших своих ратоводцев: Мухали, дав ему золотую печать и княжеский титул го-ван (производное от китайского «куо-ванг» — правитель страны)

Мухали понимал, что для этой войны требовалась китайская же тактика. Подготовку к экспедиции он начал с формирования пехотных полков из китайских перебежчиков, а затем создал и артиллерию из туземных стрелков из баллист. В продолжение пяти лет Мухали завоевывал китайские города один за другим, и когда в апреле 1223 года, изнуренный трудами, он скончался при исполнении обязанностей, у «Золотого царя» снова оставалась одна-единственная провинция Хэнань.

Встреча Чингисхана с китайским книжником

Оказавшиеся в Северном Китае Чингисовы воины только разрушали: степные пастухи и лесные охотники, они не имели ни малейшего понятия о цивилизации. И все же их вождю с цивилизацией в лице знатного китайца, плененного во время взятия Пекина, встретиться посчастливилось, и эта встреча имела столь значительные последствия, что стоит остановиться на ней хотя бы кратко.

Пленника звали Елюй Чуцаем. Он принадлежал к старинному, родственному монгольской расе, царскому роду киданей, правившему в Пекине с X по XI век. Его предки, в 1122 году лишенные власти «Золотым царем», примкнули к победителю и честно ему служили. Сам Елюй Чуцай состоял в советниках последнего Алтан-хана. Выше уже было сказано, что Чингис, проявив хитрость, представился мстителем за киданей; в ответ на его призыв они и поднялись против Цзинь. Этот пропагандистский прием Темучжин повторил, когда перед ним поставили Елюй Чуцая:

— Ляо и Цзинь (кидани и «Золотые цари». — Е. С.) — извечные враги. Я отомстил чжурчженям за тебя!

— Мой дед и мой отец, — отпарировал пленник, — служили дому Цзинь как подданные. Неужели я решусь быть двоедушным и осмелюсь стать врагом государя и отца!

Нам уже известно, сколь высоко ценил Чингисхан династическую преданность даже у своих врагов, и слова Елюй Чуцая пришлись ему по душе. Понравился ему кидань также своей высокой фигурой, длинной бородой и внушительностью речи. Наконец, Елюй Чуцай был хорошим астрологом, и потому, взяв его к своему кочевому двору, Завоеватель более с ним не расставался. Перед каждым походом кидань должен был предсказывать его возможный исход древним монгольским способом, путем изучения трещин на бараньей лопатке, подержанной на огне.

Елюй Чуцай был не только ведуном, типичным для этой эпохи гадателем; еще — и прежде всего — он являлся грамотеем-книжником, человеком мудрым и образованным, и Чингисово доверие он использовал самым благородным образом. Во время походов монгольские военные чиновники занимались только грабежами, кидань же довольствовался тем, что из общей добычи брал только несколько книг, а также лекарства, которыми спасал

жизнь больным, появлявшимся всякий раз вследствие эпидемий, начинавшихся после очередной резни.

Благодаря Елюй Чуцаю многовековая китайская цивилизация постепенно приоткрывалась Есугаеву сыну. Мало-помалу и исподволь, не злоупотребляя доверием господина, киданю удалось отменить многие варварские порядки. Он убедил Чингисхана в том, что выгоднее не уничтожать посевы и земледельцев, а взимать с них налоги, не разрушать города, унося все накопленные там богатства, а сохранять их для пользы империи как источник процветания и благополучия.

Настанет день, и кидань дерзнет прямо сказать Чингисову сыну: «Царство, завоеванное на коне, не может управляться с коня».

Елюй Чуцай, несомненно, обладал талантом государственного деятеля, и честь и хвала Темучжину за то, что он сумел его заметить, несмотря на то что уровень вождя, одетого в звериные шкуры, и культурный потенциал бывшего советника пекинского двора были несоизмеримы.

Александр Македонский возил за собой в походах философа Каллисфена, племянника и ученика Аристотеля, и в конце концов погубил его. Чингисхан, явно не обладавший культурой грека, сохранял добрые чувства к китайскому эрудиту до последнего дня своей жизни.

Шелковый путь. Уйгуры — Темучжиновы учителя

Итак, Чингисово царство включало в себя, помимо монгольских степей и лесистых гор, ограничивающих его с севера, часть Северного Китая. Внимание Завоевателя стала привлекать Центральная Азия.

Центральная Азия в узком смысле этого понятия, то есть нынешний китайский Туркестан, представляет собой край, вступивший в фазу опустынивания, «сахаризации». На севере это — каменистая и глинисто-солончаковая степь, являющаяся продолжением Гоби, на юге — бескрайние пески Такламакана. Тарим, который, протекая с запада на восток, пересекает эту территорию точно посредине, представляет собой агонизирующую реку, более не имеющую притоков (а если и имеет, то уже истощенные), почти исчезающую с лица земли при впадении в лобнорские топи. Однако двойная дуга Тянь-Шаня на севере и Памира на западе, а также Алтынтаг на юге, окружают ее поясом пастбищных угодий и даже, говоря о Тянь-Шане и Памире, обширными лесными массивами. Спускающиеся с хребтов реки, прежде чем умереть в песках, в своем верхнем течении орошают некоторое число оазисов, поразительно плодородных. Эти оазисы: Турфан, Харашар, Куча и Аксу на севере, Черчен, Керия, Хотан и Яркенд на юге, — расположены на периферии обеих горных дуг, соединяющихся на западе с оазисом Кашгар. Все это — весьма активные сельскохозяйственные центры, «более сады, нежели пашни», производящие кукурузу, пшеницу, всевозможные плоды, а также прославленный виноград. Живущий там народ, хотя и говорит с IX–X веков на тюркском языке, и поныне состоит из крестьян индоевропейской расы, братьев современных иранцев.

Эти центры хлебопашества и даже огородничества одновременно являлись центрами караванными, имевшими огромное значение для торговли. Именно здесь проходил древний Шелковый путь, который подобно мосту, перекинутому через пустыни, соединял китайский мир с Персией, мусульманским миром и Европой. Александрийские географы эпохи Птолемея, китайско-буддийские паломники Средних веков, Марко Поло, живший в конце XIII века, описали для нас этот знаменитый путь, северный отрезок которого пролегал по Турфану, Харашару, Куче и Аксу, а отрезок южный — по Лобнору, Хотану и Яркенду, чтобы соединиться опять-таки в Кашгаре. Из Кашгара дорога шла по перевалам Алтая и Гиссароалая, севернее

Памира; на западе она спускалась к плодородной Ферганской долине, Самарканду и Трансоксиане[49] и попадала в мир мусульманский.

Немного северо-западнее, по лесистым горам Тянь-Шаня, на уровне Уч-Турфана, между Аксу и Кашгаром, проходит другой исторический путь, тот, что ведет к Иссык-Кулю, «Теплому озеру», воды которого, несмотря на соседство грандиозных ледников, не замерзают никогда. Здесь начинается еще один мир, где западнее озера рождается река Чу, которая, оросив плодоносную долину Пишпека (совр. Бишкека, недавнего Фрунзе. — Е. С), теряется в Белых песках (Ак-кум), неся свои воды к Аралу и сибирско-туркестанским степям.

Этот обширный край в начале правления Чингисхана был поделен между двумя, равно интересными для истории, государствами: Уйгурским и Кара-китайским.

Северо-восточные оазисы: Бешбалык, Турфан, Харашар и Куча, — принадлежали тюркам-уйгурам, первому цивилизованному народу тюркской нации. В IX столетии, перейдя к оседлому образу жизни, уйгуры, одна часть которых исповедовала буддизм, а другая — христианство несторианского толка, создали собственный алфавит, взяв за основу древнесирийскую письменность, который стал прототипом монгольской азбуки. Свой диалект тюркского языка они превратили в язык литературный, на нем написан ряд интересных трудов, в том числе по буддизму, часть которых, по сути, представляет собой переводы с санскрита.

Уйгуры в определенном смысле выступили перед другими тюрко-монгольскими народами в роли учителей цивилизации. Именно у них северные степные племена — вчерашние кераиты и найманы, а также Чингисовы монголы — брали грамотеев и писцов, необходимых для их зарождавшихся канцелярий. В доброй половине Верхней Азии уйгурский тюркский язык и уйгурский алфавит стали языком и письменностью национальной администрации.

Уничтожив в 1204 году царство найманов, Чингисхан нашел среди них писца-уйгура по имени Тататунга, хранителя золотой печати. Увидев сей загадочный предмет, Завоеватель полюбопытствовал, каково его назначение.

Тататунга ответил:

— Она используется во всех делах: как при выдаче денег и зерна, так и при назначении людей.

Короче говоря, писец-уйгур служил у найманов канцлером, заведующим их государственной канцелярией. Чингисхан взял его на ту же должность, и с того времени все официальные акты

Монгольской империи составлялись на тюркско-уйгурском языке. Более того, Чингисхан, который так и умер неграмотным, заставил своих четырех сыновей обучиться уйгурской письменности. Ответственность за это он возложил на Тататунга.

Заботу о создании Чингисовой канцелярии разделил с уйгуром другой книжник, Чинкай, кераит, владевший уйгурской культурой. Именно его западные путешественники называли «протонотариусом», сиречь канцлером.

Итак, еще когда был жив Покоритель Вселенной, при его кочевом дворе были созданы те самые «уйгурские приказы»,[50] которые сыграли важную роль и при его наследниках.

В тот период уйгурским царством, государи которого, идикуты (священные величества)., находились в Бешбалыке, что в северо-восточной части Тянь-Шаня, правил князь по имени Барчук, человек весьма рассудительный. Объединение племен под Чингисовым знаменем для него имело поистине вселенское значение. Пока другие размышляли, он, опередив всех, направил к Чингисхану послов, Аткираха и Дарбая, с приветственной речью: «С великой радостью слышу я о славе Чингисханова имени. Так ликуем мы, когда рассеиваются тучи и являет себя родитель всего — солнце. Так радуемся мы, когда проходит лед и вновь открываются реки. Не пожалует ли меня государь Чингисхан?.. Тогда стану я твоим пятым сыном и тебе отдам свою силу!»

Получив любезный ответ от Завоевателя, идикут весной 1211 года предстал перед ним лично. В знак признания сюзеренитета Чингисхана Барчук вручил ему дары: золото, серебро, самоцветы, шелка, узорчатые дамаскинские ткани, парчу — словом, все богатства, которыми одаривал уйгуров древний Шелковый путь, по нему они ходили уже 400 лет.

Чингисхан был тронут расторопностью Барчука; она ему польстила тем более, что уйгурская культура пользовалась большим авторитетом в его кочевническом окружении. Визитер был принят необычайно ласково; ему даже пообещали руку монгольской княжны Алалтун.

Государи расстались довольные друг другом. Хозяин Шелкового пути, или, по меньшей мере, его северного отрезка, идикут заручился благорасположением хозяина огромной кочевой империи, только что созданной в северных степях, а Чингисхан благодаря своим новым вассалам, уйгурам, получил возможность контролировать Шелковый путь, важнейшую ось межгосударственного общения. Ошибется тот, кто подумает, будто Есугаев сын не понимал важности международного товарообмена. Нет, его позиция в деле с хорезмийскими

караванами, как мы вскоре увидим, убедительно доказывает, что в его глазах торговля имела огромное, если не главнейшее значение.

Поход Джебэ на Памир

Другим царским домом, правившим в Центральной Азии, был дом кара-китайский.

Кара-китаи (черные китаи) являлись ответвлением тех киданей, которые с 936 по 1122 год царствовали в Пекине, где совершенно синизировались.

В 1128 году глава кара-китайской династии был изгнан из Пекина «Золотым царем» и отправился искать лучшей доли на запад от Тянь-Шаня. Несмотря на то что он был носителем китайской культуры, тамошние тюрки его признали, хотя и являлись, например в Семиречье, частью язычниками, частью несторианами, частью мусульманами, а в Кашгаре, Яркенде и Хотане — поголовно магометанами.

Кара-китайское царство, управлявшееся гур-ханами, просуществовало с 1128 по 1211 год. Столицей его значился город Баласагун, стоявший на реке Чу, неподалеку от нынешнего Бишкека.

Ко времени, когда Чингисхан приступил к завоеванию Северного Китая, кара-китайское царство пережило катастрофическое потрясение. Его правитель Елюй Чжелюгу в 1208 году принял у себя знаменитого Кучлука, наследника найманского престола, изгнанного, как мы уже знаем, монголами. Он не только предоставил убежище этому беглецу, но и женил его на своей дочери. За что и поплатился. В 1211 году зять поднял против тестя восстание и, арестовав, занял его трон. Увы, этот дикий потомок алтайских кочевников не обладал ни единым качеством, сколь-либо полезным для управления тюрками, в значительной мере уже оседлыми. Стремясь принудить их принять его власть, он на протяжении двух или трех лет уничтожал их урожай копытами своей конницы. Далее. Подобно всем найманам, полушаманист-полунесторианин и вдобавок буддист по своей кара-китайской жене, Кучлук повел борьбу с исламом, религией большей части населения, которое хотел подчинить себе, и даже распял на кресте главу хотанских имамов. Так что к моменту Чингисовой активности в этом регионе его ненавидели практически все подданные.

Среди бывших вассалов кара-китайского царства были два тюркских вождя: Арслан, правитель карлуков, населявших Семиречье, и Бузар, правитель Алмалыка, что возле современной Кулиджи, в верховьях Или. В 1211 году эти князья, почуяв, откуда ветер дует, подобно соседям-уйгурам примкнули к Чингисхану. Арслан воочию убедился в правильности сделанного им выбора,

когда на севере Семиречья появился корпус монгольских войск, ведомых «великим воином Хубилаем». Сопровождаемый сим последним, он немедленно прибыл к Чингисхану и присягнул ему на верность.

Что касается Бузара, то он направил к Завоевателю своего сына.

Кучлуку было бы разумнее закрыть глаза на это «диссидентство» и не напоминать о своем существовании Чингисхану. Увы, он не забыл ни о гибели отца в битве под горой Наху, ни о частичном истреблении своего народа. Для начала найман напал на Бузара. Он подстерег его на охоте и убил. Но овладеть Алмалыком ему не удалось. Бузарова жена успешно руководила обороной города, а ее сын Сукнак-тегин[51] обратился за помощью к Чингисхану.

Завоеватель, естественно, не мог равнодушно относиться к тому, что бывшее кара-китайское государство попало в руки найманского венценосца, сына вражеского народа, его, Темучжина, личного врага. Убийство Бузара явилось последней каплей, переполнившей чашу терпения и ускорило возмездие.

Чингисхан поручил привести в исполнение приговор своему самому энергичному полководцу Джебэ (Стрела). Шел 1218 год. Каким маршрутом повел Джебэ свои рати? С какого направления нанес удар? Ответов на эти вопросы не найдено. Неизвестно даже, где мог тогда находиться Кучлук, ожидавший роковой сшибки. Похоже, что монгольские конники проникли на земли Кучлука из Уйгурии, через Тянь-Шань. Восточнее в их распоряжении имелся как опорный пункт Алмалык. В той процветавшей тогда «яблочной стране», у Сукнак-тегина, преданного Чингисхану, они могли сделать передышку и восстановить силы. Оттуда им оставалось только спуститься в илийскую долину (где «песчаные холмы чередуются с зеленью камышей, луговых трав и вязовых рощ»), чтобы оказаться в самом центре Семиречья, лессовые нивы которого всюду, куда поступала вода, давали богатые урожаи зерновых, льна, конопли и овощей.

Уставшее от Кучлуковой тирании население, похоже, оказало монголам неплохой прием. Этих ужасных кочевников, которых в других местах боялись как Господнего наказания, оно встретило как освободителей. То же произошло и на западе от Иссык-Куля, где Баласагун, столица бывших гур-ханов кара-китаев, открыл свои ворота без боя. Восторгаясь щедростью края, монголы прозвали его главный город Го-балыгом, то есть красивым.

А что же Кучлук, столь долго и упрямо провоцировавший монголов? Он бежал, даже не попытавшись защитить Кашгар, где мусульманское население справедливо ненавидело. Найман-

узурпатор поспешил в горы Мустага, чья вершина (7860 м) сторожит подходы к Памиру. Именно там, на Крыше мира, он рассчитывал найти себе убежище. Брошенный ему вдогонку отряд монгольской кавалерии преследовал его, как зверя. Монголы гнались за беглецом по ущельям, перевалам, нарушая криками и стуком копыт вечную тишину альпийских лугов и еще никем не меренных ледников. Кучлук уже был на высоте 3000 м, где простиралась долина Сары-куля (Желтого озера), когда его настиг монгольский передовой отряд. Голова наймана рассталась с телом.

Основная часть конницы Джебэ вступила в Кашгар в тот момент, когда Кучлук покинул город. Умный монгол действовал предельно расчетливо: в отличие от узурпатора, он запретил грабежи, что его дисциплинированные воины исполнили беспрекословно. Более того. Он отменил все распоряжения, касавшиеся преследования магометанства, и официально его разрешил. Население Кашгарии, естественно, увидело в монголах освободителей и, объединившись с ними, истребило Кучлуковых солдат, попрятавшихся по домам.

Джебэ захватил бывшее кара-китайское царство буквально за несколько недель. Чингисхан, боясь, как бы успехи не вскружили голову ратоводцу, в первом же послании предупредил его об опасности гордыни, уже погубившей кераитского Ван-хана, наймана Таяна и, наконец, Кучлука. Но преданность этого воина своему вождю была непоколебимой. Он думал не о том, как бы урвать себе какую-нибудь территорию, а о том, как возместить ущерб, когда-то нанесенный Чингисхану. Вспомним, в ту пору, когда Джебэ еще не был сподвижником Завоевателя, он своей стрелой погубил одну из его лошадей, великолепного беломордого мерина, особенно любимого Чингисханом. Покоритель Вселенной давно простил ему это. В противном случае разве поставил бы он бывшего врага командовать армией? Но Джебэ не переставал мучиться угрызениями совести и теперь, покорив кара-китайское царство, распорядился реквизировать целую тысячу беломордых лошадей, похожих на убитого им коня, чтобы отдать императору.

Уничтожение каравана

Западнее Семиречья и Кашгарии, присоединенных к владениям Чингисхана, начинался мир другой, исламский, цивилизация совершенно иная — арабо-мусульманская. Монгольский Завоеватель сделался соседом шахов, хорезмийских султанов.

Эта империя, основанная тюрко-мусульманской династией, вышедшей из древнего Хорезма, то есть нынешней Хивы, лежащей южнее Аральского моря, включала в себя современный Туркестан, большую часть сегодняшнего Афганистана, а также территорию Ирана нашего времени. Тогда это государство было еще совсем молодым, а правивший им государь, султан Мухаммед (1200–1220 гг.), только-только закончил свои завоевательные войны, и вот судьба столкнула его с монголами.

Чингисхан искренно стремился поддерживать с хорезмийцами самые добрососедские отношения. В 1216 году, принимая в окрестностях Пекина посольство султана Мухаммеда, он заявил, что монгольское и хорезмийское царства, чьи сферы действий не совпадали: первое находилось в Азии Восточной, а второе — в Азии Западной, — должны жить в мире и развивать взаимовыгодные торговые связи. Однако подданные хорезмшаха, богатые бухарские и самаркандские купцы, видели в монголах только дикарей и этого не скрывали. Случилось так, что один из трех негоциантов, прибывших в Монголию с караваном шелков и хлопчатобумажных тканей, запросил у Чингисхана столь высокую цену, что тот легко догадался о желании торгового гостя заработать на его невежестве.

— Вот человек, возомнивший, будто мы не видели ничего лучше его товара! — воскликнул Чингисхан и, показав хорезмийцу прекрасные китайские шелка, полученные от «Золотого царя» в качестве подати, отдал его товар на разграбление.

Двое других караванщиков, проявив большую осмотрительность, отказались назвать свою цену и доверились щедрости хана. Тот, действительно, заплатил им по-царски, причем дал им цену, которую просил первый. По приказу венценосного монгола для этих гостей поставили новые белые шатры и обращались с ними исключительно дружелюбно.

В ответ на посольство хорезмшаха Чингисхан направил к нему трех человек, выбранных из числа под данных самого Мухаммеда, проживавших в Монголии: Махмуда из Хорезма, Али-Ходжу из Бухары и Юсуфа Канку из Отрара. В числе подарков,

вручить которые им предстояло, были огромный золотой самородок, золотые слитки, предметы из яшмы и слоновой кости, а также большой ценности изделия из шерсти белых верблюдов. Султан принял это посольство в 1218 году и, по-видимому, в Бухаре. Вручение подарков сопровождалось речью в высшей степени миролюбивой. «Я знаю о твоем могуществе и величии твоего государства, — говорил монгольский царь устами своего посла. — Я очень хочу жить с тобой в мире. Ты был бы мне самым дорогим сыном. Со своей стороны ты не можешь не знать, что я завоевал Северный Китай и склонил к покорности все племена Севера. Тебе известно, что моя страна — это муравейник с воинами, серебряный рудник и что мне нет нужды желать других земель. Мы с тобой равно заинтересованы в поддержании торговых отношений между нашими подданными».

Чингисово послание тем не менее хорезмшаха страшно озадачило. Называя его сыном, монгол явно относился к нему как к вассалу. Не могли Мухаммеда не напугать и ратные успехи Есугаида.

И вот по приказу султана к нему тайно, ночью, привели одного из Чингисовых послов, а именно Махмуда, уроженца Хорезма. Отделив от своего браслета самоцвет и подарив гостю, султан попросил его ответить честно на три вопроса: «Действительно ли хан завоевал Тамгач[52] (Северный Китай. — Р. Г.)! Кто таков этот проклятый монгол, что осмеливается называть хорезмшаха своим сыном? Какова численная сила его войск?»

Ответы ночного гостя султана не успокоили, и, прощаясь с послами хана, он просил заверить хана в самых дружеских чувствах.

Некоторое время спустя Чингисхан во исполнение своих предложений направил в Хорезм богатый торговый караван с золотом, серебром, китайскими шелками, тканями из верблюжьей шерсти, бобровыми и собольими шкурами. Вести его снова было доверено жившим в Монголии мусульманам, первого из которых звали Омар-Ходжа (из Отрара), второго Гамаль (из Мараги), третьего Фахраддиндизаки (из Бухары).

Чингисхан послал с ними своего личного представителя, монгола по имени Ухуна. Еще Завоеватель пожелал, чтобы каждый князь, а также другие знатные люди и военачальники направили с караваном по человеку с деньгами для приобретения хорезмийских ценных изделий. В этом проявилось Чингисово стремление активизировать торговый обмен между Восточной Азией и мусульманским миром.

Царский караван пересек Верхнюю Азию беспрепятственно и достиг Отрара, стоявшего на хорезмийской границе напротив

нынешнего города Туркестан, что находится в среднем течении Сырдарьи. Там на него напал султанов наместник Инальчик Кадыр-хан, который не только разграбил товар, но и умертвил не менее сотни людей, включая Ухуну.

Чингисхан был возмущен. Он честно желал поддерживать мирные отношения и торговые связи с мусульманским миром, и вот как ему ответили! Негодование Есугаева сына было столь велико, что он даже не смог удержать слезы… Мы помним, что он всегда дорожил корректностью в политических делах, верностью союзам и договорам так же, как преданностью вождю. И вот в нарушение исповедуемых им норм его караванщики и личный посланец убиты!.. Как ни странно, защитником чести и уважения торговых договоренностей выступил кочевник, одетый в звериные шкуры, а варваром показал себя представитель тюрко-персидской цивилизации и исламского общества.

И снова, как всегда перед принятием серьезного решения, определявшего последующую его жизнь, Чингисхан удалился в священные монгольские горы, где, сняв шапку и набросив на шею пояс, он девять раз ударил челом о землю перед Вечным Небом, верховным божеством, и стал просить Тенгри дать ему силы отомстить за оскорбление. Вот так его добрая воля, стремление к экономическому сотрудничеству с хорезмийцами превратились в беспощадную ненависть.

Но — и это только показывает, что Чингисхан умел владеть собой, — невзирая на свой гнев, он решил выяснить ситуацию до конца. А что, если отрарский наместник действовал вопреки воле своего господина? Есугаев сын направил к хорезмшаху еще одно посольство (составленное из мусульманина Ибн Кафраджени Богры и двух монголов) с еще одним предложением мира, обусловив его выдачей виновника резни, Инальчика. Мухаммед не только отказался удовлетворить это требование, но предал смерти Ибн Кафраджени, а монголов — оскорбление не менее серьезное — приказал обрить наголо.

Кости были брошены. Война монгольского мира с миром мусульманским: одной половины Азии с другой, — началась.

Да, в ходе этой войны монголы совершили немало зверств, но не будем забывать о справедливом гневе, разожженном в сердце Завоевателя истреблением его караванщиков и беспардонной казнью посла.

Накануне великой войны
Завещание Чингисхана

Походом на Хорезм начался новый период жизни Завоевателя. До этого он практически не выходил за пределы родной Монголии, ведь Пекинская область, где ему пришлось ратоборствовать, — это была все та же монгольская степь. Теперь, подойдя вплотную к исламским землям, Чингисхан намеревался вступить в мир, ему неведомый.

Могущество хорезмийских султанов, владетелей Туркестана, Афганистана и Персии, казалось огромным, и численность их войска превосходила численную силу монгольской армии. В окружении Завоевателя витала, как сообщает автор «Сокровенного сказания…», едва скрываемая тревога. Красавица Есуй, одна из любимых жен Чингиса, выражая общее беспокойство, с откровенностью, прощаемой только фавориткам, попыталась объяснить ему необходимость решения вопроса наследства до ухода на войну.

— Государь, каган! — обратилась она к Темучжину. — Высокие перевалы переваливая, широкие реки переходя, долгие походы исхаживая, помышлял ты заботливо о многолюдном народе своем. Кто рождался, тот не был вечным среди живых. Когда же и ты станешь падать, как увядающее дерево, кому прикажешь народ свой, уподобившийся развеваемой конопле? Когда покачнешься и ты, подобный столпу, кому прикажешь народ свой, уподобившийся стае птиц? Чье имя назовешь ты из четверых витязями родившихся сыновей? Просим мы о вразумлении твоем для всех нас: и сыновей твоих, и младших братьев, да и нас, недостойных. Да будет на то твое царское изволение!

Эти речи привели Чингисхана в задумчивость, но никак не рассердили. Оценив отвагу Есуй, он проговорил:

— Даром что она женщина, а слово ее справедливее справедливого. И никто ведь, ни братья, ни сыновья, ни вы, Боорчу с Мухали, подобного мне не доложили… А я-то забылся: будто бы мне не последовать вскоре за праотцами.

И тут же, обратившись к Чжочи, Завоеватель объявил:

— Итак, старший мой сын — Чжочи. Что скажешь ты? Отвечай.

Но тот промолчал; точнее, не успел он открыть рот, как его брат Чагатай, презиравший Чжочи, бесцеремонно встрял в разговор и вслух высказал то, о чем втихомолку думали многие:

— Ты повелеваешь первому говорить Чжочи. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь его?

И, не стесняясь в выражениях, он напомнил отцу, что происхождение Чжочи более чем сомнительно. Доводится ли он ему действительно сыном? И не родился ли от меркитского воина, укравшего Борте?

— Как можем мы повиноваться этому наследнику меркитского плена? — завершил он свою филиппику.

От оскорбления Чжочи вскочил, схватил брата за шиворот и крикнул:

— Родитель-государь пока не нарек тебя! Что же ты судишь меня? Какими заслугами ты отличаешься? Разве только свирепостью ты превосходишь всех!

И старший брат вызвал младшего на так называемый божий суд:

— Даю на отсечение свой большой палец, если ты победишь меня хотя бы в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если повалишь меня в борьбе. Но будет ли на то воля родителя и государя?

Братья ухватились за вороты, изготовясь к борьбе, но Мухали и Боорчу разняли их. Чингисхан молчал. Нужные слова нашел Коко-Цос:

— Куда ты спешишь, Чагатай? Ведь государь, твой родитель, на тебя возлагал надежды изо всех своих сыновей. Я скажу тебе, какая жизнь была, когда вас еще на свете не было. Звездное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили. Вся поверхность земли содрогалась — всесветная брань шла.

Увы, такова была подлинная картина жизни в Монголии до установления Чингисова порядка, положившего конец анархии, при которой похищение Борте меркитами являлось событием заурядным.

Упомянув о Борте, старый воин нашел слова, до глубины души растрогавшие Чагатая и его братьев:

— Не родились ли вы из одного и того же лона? Если вы огорчите свою мать, из чрева которой родились, то скорби ее никогда не развеять.

Затем он рассказал о годах нищеты и изгнания:

— Государь, ваш родитель, вот как созидал всенародное царство: черной головы своей не щадил, черную кровь свою щедро лил, черным очам своим мигать не давал, сплюснутых ушей своих на подушку не клал — рукав клал вместо подушки; слюной своей жажду утолял, десной своей голод унимал; со лба его пот лился до самых подошв. В упорных трудах его, с

подтянутой всегда подпругой, страдала с ним заодно и мать же ваша: плотно-плотно косы стягивала, туго-туго подпоясывалась. Вот как растила вас: что самой проглотить — половину вам отдаст; что кусок откусить — то все про вас пойдет, сама голодная будет ходить. И все-то думает, бывало, как вас за плечи вытянуть да с мужами поравнять; как бы вас за шею вытянуть да с людьми сравнять. Тела ваши обмывала, пяту вашу возвышала, доводила вас до богатырских плечей, до мериновых статей… Священная государыня наша светла душой — словно солнце, широка мыслию — словно озеро!..

Прервав наконец свое молчание, Чингисхан призвал сына к порядку:

— Как смеешь ты подобным образом отзываться о Чжочи? Не он ли старший из моих царевичей? Впредь не смей произносить подобных слов!

Выслушав отцовский выговор, Чагатай проговорил:

— Оба мы с Чжочи — старшие сыновья. Вот и будем мы парою служить отцу-государю. И пусть каждый из нас руку по самое плечо отхватит тому, кто будет фальшивить, пусть ногу по самую голень отхватит тому, кто отставать станет.

И, дабы как-то выйти из созданного им же тупика, Чагатай предложил его спор с Чжочи разрешить в пользу Угэдэя, третьего сына Чингисхана, известного своей уравновешенностью и здравым смыслом.

— Угэдэй у нас великодушен. Его бы и наречь. Добро быть Угэдэю при особе отца-государя. Добро государю и отцу преподать ему наставление о Великой темной шапке!

Чжочи поддержал это предложение, несмотря на то что таким образом отдавал право на старшинство младшему брату. Впрочем, его сомнительное происхождение поступить иначе и не позволяло.

Своим крепким умом Чингисхан понимал, что следовало бы как-то предупредить будущие распри сыновей, и потому на предложение Чжочи «служить парой с Чагатаем» сказал:

— Почему же непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше — будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув степные кочевья.

Затем Чингисхан дал слово Угэдэю, назначенному будущим наследником.

Надо заметить, что Угэдэй был любимым сыном Завоевателя, а также более других на него похожим. Его отличали отцовские солидность и здравомыслие. Конечно, он не имел его талантов, зато был добрее, легче в общении, щедрее, и его покладистой

натуре склонность к бражничеству, как, впрочем, всем монголам, чуждой не являлась.

Со свойственной ему простотой Угэдэй заявил, что постарается сделать все, чтобы оправдать братнино доверие (отказаться от оказанной чести он не мог).

Четвертый и самый младший сын Завоевателя, Толуй, в свою очередь, пообещал всеми силами поддерживать Угэдэя:

— Я буду напоминать ему то, что он забыл; буду будить его, если заспится. Буду эхом его, буду плетью его рыжего коня. В дальних ли походах, в коротких ли стычках, а послужу!

На земле ислама

Сбор монгольских ратей произошел летом 1213 года на южном склоне Алтая, близ истоков Иртыша и Урунгу. Своею грандиозностью тамошний пейзаж как нельзя более соответствовал зарождавшейся военной буре. На севере стоит стеной цепь остроконечных гор Алтая, на высоте 1000–2400 метров покрытых великолепными лесами, где сибирская лиственница чередуется с голубой тянь-шаньской елью, с раскидистым кедром, трепетной осиной, стройным тополем и гибкой ивой. Ниже — тучные луга, по которым и сегодня ходят торгутские стада. Порожистые алтайские реки катят свои темно-синие воды среди влажной зелени лесов и нив. Здесь берет начало Иртыш, глубокий и прозрачный, он стремится на запад, в Сибирь. Параллельно ему и несколько южнее средь зарослей ракит бежит Урунгу, но очень скоро она оказывается в окружении лишенных растительности холмов, предвестников близкой Джунгарской пустыни. Именно оттуда, по долине Эмиля, лежащей у подножия Тарбагатайских гор, а затем через Джунгарские ворота, что между Барлыком и Джунгарским Алатау, монгольская армия спустилась вниз, в Семиречье.

В ту пору этот край принадлежал тюркам-карлукам, чей правитель Арслан, как мы помним, уже был вассалом Чингисхана.

Когда монголы приблизились к Кайялыку, населенному пункту, искать который следует между нынешними городами Лепсинском и Копалом, Арслан примкнул к ним. Там же к ним присоединились два других Чингисовых вассала: идикут Барчук, царь уйгуров, приведший из-под Турфана 10 тысяч воинов, и Сукнак-тегин, правитель Алмалыка.

Монгольское войско, вероятно, насчитывало от ста пятидесяти до двухсот тысяч сабель. Чингисхан оставил в Монголии «хранителем очага» своего младшего брата Темуге. Предвидя долгое отсутствие, он взял с собой одну из своих вторых жен, прекрасную Хулан.

Командование разведывательными частями было доверено офицерам, отличившимся в последних войнах. Джебэ предводительствовал передовым отрядом, за которым следовали со своими корпусами Субутай и Тохучар.

Хорезмшах Мухаммед, не зная, откуда ему ждать монгольского удара, разделил свои силы между основными крепостями, прикрывавшими границы: на севере по берегу Сырдарьи и на востоке на подходах к Фергане. Остальные войска он распределил между гарнизонами Бухары, Самарканда и

Хорезма. Подобное распыление войск привело к тому, что, несмотря на их общее численное превосходство, в каждом отдельном месте они оказались слабее монгольской армии.

Сырдарья, служившая северной границей Хорезмийского царства, является крупной азиатской рекой длиной более 2800 километров, дебит которой в период спокойный (с ноября по март) равен 386 кубическим метрам, а в период активный, то есть в июне, равен 1343 кубическим метрам. Но, начиная с нынешнего города Туркестан, она представляет собой типичную пустынную реку, поскольку пустыня, которая примыкает к ней с юга, от этого населенного пункта становится ее северным берегом.

Именно здесь осенью 1219 года нанес Чингисхан первый удар.

Выйдя из Семиречья, он, вероятно, прошел между Александровой горой и горами Каратау по ущелью Ауле-ата и появился со своей ратью у стен Отрара, стоявшего на северном берегу Сырдарьи, в восьми десятках километров на юг от нынешнего Туркестана. Его войско составляли полки Чагатая и Угэдэя и отряд уйгурского идикута Барчука. Отрар был взял лишь после длительной осады, так как его защищал известный Инальчик, в 1218 году уничтоживший Чингисов караван. Зная, что на милость победителей ему рассчитывать не придется, он отбивался отчаянно, а после падения города, теснимый со всех сторон, он выбежал на крышу дома в сопровождении двух воинов, которые вскоре были убиты. Не имея стрел, он метал кирпичи, что подавали ему женщины, находившиеся на крепостных стенах. Наконец, несмотря на оказанное врагам бешеное сопротивление, побежденный большей численной силой, он оказался схвачен, его связали и доставили к Чингисхану.

Мстя за убийство караванщиков, ставших жертвой алчности алмалыкца, Завоеватель приказал залить ему глаза и уши расплавленным серебром.

Второй корпус монгольских войск под командой Чжочи спустился по левому берегу Сырдарьи и стал лагерем под Сигнахом (напротив современного Туркестана), Чжочи послал к его жителям мусульманина Хасана-ходжу с призывом открыть ворота. Те умертвили парламентера, даже не выслушав его. Последовал приказ Чжочи взять город приступом и не прекращать боевых действий до полного его занятия.

«Свежие войска сменяли уставшие. К исходу седьмого дня осаждавшие ворвались в Сигнах и перерезали всех его обывателей».

Некоторое время спустя Чжочи оказался у стен Дженда, близ нынешнего Перовска (Кзыл-Орды. — Е. С.). «Горожане,

доверившиеся было высоте своих укреплений, очень скоро пришли в ужас: приставив лестницы к стене, монголы быстро на нее взобрались и заполнили своими отрядами весь город».

Поскольку население Дженда вооруженного сопротивления не оказало, Чжочи его пощадил, но выгнал всех горожан в поле на семь дней, отведенных для грабежа. Своим наместником он оставил караванщика-мусульманина Али-ходжу, перешедшего на службу к Чингису.

В то время как старший сын Завоевателя осаждал города в низовьях Сырдарьи, отряд из пяти тысяч монголов, предводительствуемый Алах-нойоном, Сукету-черби и Тохаем, вторгся в ее верхнее поречье и напал на Бенакет (западнее современного Ташкента). Этот город защищали наемники-тюрки из племени канглы, которые на четвертые сутки объявили о капитуляции. «Им пообещали сохранить жизнь, но когда они сдались, а население Бенакета было выгнано из города, их отделили от горожан и всех перебили — кого саблями, кого стрелами. Ремесленников монголы поделили между отдельными отрядами, а молодежь увели с намерением использовать для осады других городов».

Поднимаясь по сырдарьинской долине, корпус монгольских войск оказался в Ходженте, у входа в Фергану. Тамошний наместник, один из самых именитых тюркских вельмож того времени, Тимур-мелик (Железный царь) заперся с тысячью отборных воинов в возведенной посреди реки крепости. Видя его столь решительное настроение, осаждавшие подтянули подкрепление силой в 20 тысяч монгольских ратников и 50 тысяч пленных. «Сии последние, поделенные на отделения и роты, руководимые монгольскими офицерами, получили задание носить камни с горы, находившейся на удалении двенадцати километров, и бросать их в реку. Со своей стороны Тимур-мелик приказал построить двенадцать больших палубных баркасов. Несколько таких судов ежедневно подплывало к берегу (ширина Сырдарьи в Ходженте достигает 130 м), и стоявшие на них лучники обстреливали войско осаждавших». Но все кончилось тем, что доведенный до крайности Тимур-мелик сбежал с ближайшими соратниками, спустившись по Сырдарье на своих баркасах, которым удалось разорвать цепь, протянутую через реку возле Бенакета. Но ниже, возле Дженда, Чингисов сын снова перегородил Сырдарью, теперь уже понтонным мостом. Еще не доплыв до него, Железный царь высадился на левом берегу, сел на коня и во все поводья поскакал по Красным пескам, где монголы тщетно пытались поймать его.

Таким образом, можно сделать вывод: войско хорезмшаха

недостатка в отваге не испытывало, но им плохо руководили, распыление армии на оборону отдельных крепостей обрекло ее на гибель.

Ветер гнева. Взятие Бухары

В то время как сыновья Чингисхана и главные ратоводцы занимали один из другим города на Сырдарье, его младший сын Толуй и он сам во главе основных сил монгольской армии, покинув Отрар, двигались к Зеравшанской долине, являвшейся центром древней Трансоксианы.

Идя вдоль юго-восточной границы Красных песков, монгольские передовые отряды, ведомые Даир-баатуром, подошли к небольшому городу Нур-ата. Воспользовавшись ночной темнотой, монголы незаметно пересекли окружавшие городок сады и на рассвете уже стояли у его стен. Далекие от мысли о возможности появления монголов, обыватели приняли их за караван, но вскоре осознали ошибку и, понимая, что не способны на какое-либо сопротивление, открыли ворота войску. «Они вышли сами, унося свой земледельческий инвентарь и гоня перед собой домашний скот, после чего монголы разграбили их жилища. Чингисхан удовлетворился уплатой 1500 динаров, суммы, равной обычному налогу, взимавшемуся хорезмийскими властями».

В феврале 1220 года Завоеватель приблизился к Бухаре.

Бухара являлась одним из крупнейших городов мусульманского мира. Она состояла из трех частей: из крепости, окружность которой равнялась 1,5 километра; из собственно города, или шахристана; и пригорода, или рабада. В отличие от большинства городов, ее цитадель находилась не внутри, а за чертой города. Стоявший на холме шахристан, в центре нынешней Бухары, окружала стена, имевшая семь ворот: Базарные, Пряничные, Железные и т. д. Тут же находились мечети, которые были всегда полны верующих. Из наиболее известных назовем перестроенную в 1121 году кафедральную мечеть, а также возведенную за 100 лет до описываемых событий Пятницкую и мечеть Сирийскую. Рабад опоясывала своя собственная стена с одиннадцатью воротами.

Главные улицы города имели булыжную мостовую, что для исламских городов по тем временам было делом диковинным.

Вода поступала в город и предместья из Зеравшана по арыкам, главный из которых носил многозначительное для того засушливого края название: Руди-зар (Река, несущая золото). Поддерживаемая в отличном состоянии система шлюзов и водоемов обеспечивала бесперебойное водоснабжение в любое время года.

В пригородах каналы поили водой несметные сады, в которых

имелось множество беседок и павильонов, служивших для увеселения горожан, что свидетельствует о несомненном богатстве того оазиса. Богатство же это в значительной степени создавалось ремеслами, в том числе ковроткачеством (вспомним знаменитые бухарские ковры). Между крепостью и центром города, близ Пятницкой мечети, находился ткацкий цех (каргах), продукция которого вывозилась в Сирию, Египет и Малую Азию. Рынки Бухары славились продававшимися на них медными изделиями, в частности лампами.

Подошедшего к Бухаре Чингисхана встретил гарнизон, состоявший из двадцати — тридцати тысяч тюрок-наемников. Обложив город со всех сторон, Завоеватель повелел штурмовать его трое суток без передышки. Следуя своему правилу, монголы поставили в первый ряд пленных.

К исходу третьего дня начальники гарнизона, одного из которых звали Инанч-хан Огул, потеряв уверенность в своих силах, договорились предпринять ночью общую вылазку, прорвать осаду и спастись бегством. Все шло хорошо, но монголы, спохватившись, бросились им вслед и настигли уже у Сырдарьи. Большая часть беглецов была истреблена.

Оставленные без защиты бухарцы решили капитулировать. Депутация, состоявшая из имамов и вельмож, вручила Темучжину свои условия сдачи. Монголы вошли в город в период между 10 и 16 февраля 1220 года. Четыре сотни тюрок еще находились в цитадели. «Монголы объявили, что все жители Бухары, способные носить оружие, должны были под страхом смерти в такой-то день приступить к засыпке рвов, окружавших крепость. Затем установили катапульты. Когда эти машины пробили брешь в стене, монголы ворвались в цитадель и не оставили в ней ни одной живой души».

После взятия крепости жителям города было приказано покинуть его, оставив все, кроме имевшейся на них одежды. Затем монголы приступили к грабежам, убивая всех, кто остался вопреки приказу.

Имам Али Занди, увидев, что Коран был брошен под ноги лошади, стал возмущаться, обращаясь к другому религиозному чиновнику, Рокнадцинуимамзадеху.

— Тихо! — прервал тот его. — Сие есть ветер Божьего гнева. Развеянным им соломинкам не остается ничего иного, как молчать!

А вот как народное воображение интерпретировало этот эпизод в одной романтической повести: «Оказавшись в городе, завоеватель въехал-де в его кафедральную мечеть на коне. Он спросил, не являлась ли она дворцом султана. Ему ответили, что

то был дом Аллаха. Он спешился перед михрабом, поднялся на две-три ступеньки минбара и громко проговорил: «Луга потравлены. Накормите лошадей!»

Пошли посмотреть зерна в городских амбарах. Ящики, где хранились Кораны, монголы привезли во двор мечети, чтобы использовать в качестве лотков, а священные книги бросили под ноги лошадям. Разложив бурдюки с вином посреди мечети, варвары привели городских певиц и шутов. Вскоре монголы запели сами. В то время как они веселились и предавались разврату, сановники большой руки, законоведы и понтифики прислуживали им, как рабы, и ухаживали за их лошадьми».

Затем Чингисхан приехал на площадь, что возле Ибрагимовых ворот, где бухарцы собирались для общей молитвы. «Он взошел на минбар и спросил, кто в стоявшей перед ним толпе считался самым богатым. Ему указали на 289 человек, из коих 90 были иноземцами. Хан приказал им приблизиться и обратился к ним с речью. Напомнив о враждебных поступках, принудивших его взяться за оружие, он сказал:

— Знайте! Вами совершены наиболее тяжкие проступки, и вожди вашего народа являются самыми большими преступниками. Если спросите меня, на каком основании я решил обратиться к вам с этими словами, скажу вам, что я — бич Аллаха и что, не будь вы виновны, Аллах не обрушил бы меня на ваши головы.

К сказанному венценосный монгол добавил, что не требует от них сваливать на землю сокровища, которые он сумеет найти сам, но обязывает их указать то, что ими зарыто в земле. Управляющие богатеев получили приказ отдать все, накопленное их хозяевами».

Этот романтический и поэтический рассказ имеется только у одного историка — Джувейни.

Злосчастия бухарцев поборами не кончились. «Это был ужасный день, — пишет арабский историк Ибн аль-Асир. — Отовсюду слышались рыдания мужчин, женщин и детей, разделенных навеки монголами, делившими между собой население. Варвары бесчестили женщин прямо на глазах у этих несчастных, которые, в своей беспомощности, могли только плакать. Многие зрелищу этого ужаса предпочли смерть. Так поступили кади Садраддинхан, Рокнаддин-имам-задех и его сын. Свидетели позора своих жен, они бросились с оружием на врагов и были убиты».

Грабежи еще продолжались, когда начался пожар, уничтоживший большую часть города (сплошь деревянного), за исключением таких кирпичных зданий, как кафедральная мечеть

и несколько дворцов.

На Самарканд!

Чингисхан оставил «дымящиеся развалины Бухары» и устремился на Самарканд. На его пути раскинулась долина Зеравшана с ее садами, огородами, тучными нивами, а также загородными домами, между которыми звенели струи бесчисленных арыков. Сопротивление ему оказали всего два форта: Дабоусия и Сари-Пул. Оставив у их стен по отряду, Завоеватель продолжил путь в сопровождении огромного кортежа, состоявшего из жителей взятых городов и сел, коих монголы гнали с намерением использовать в будущих осадах (кто не поспевал за их лошадьми, того убивали).

Самарканд расположен в семи километрах к югу от Зеравшана. Многочисленные арыки, отведенные от этой реки, обеспечивают лёссу замечательное плодородие, так резко контрастирующее со скудостью и пустынностью окружающего пейзажа. Подобно всем трансоксианским городам Самарканд имел три части, расположенные с юга на север: крепость, сам город и на севере — пригород.

Шахристан XIII века соответствует местечку Афрасиаб, который сейчас находится к северу от нынешнего Самарканда. Город окружала могучая стена с четырьмя воротами, наименования которых говорят о древних связях Трансок-сианы с Шелковым путем (в частности, те ворота, что находились на востоке, назывались Китайскими). Южные ворота шахристана именовались Главными (Баб киш); возле них находились торговый, или базарный, квартал (где, например, велась торговля металлической посудой), а также караван-сараи и склады. Этот квартал был самым многолюдным. Во всем же городе насчитывалось около пятисот тысяч душ. При всей скученности ремесленных и торговых кварталов Самарканд оставался городом весьма просторным, в основном за счет того, что значительную площадь в нем занимали сады, имевшиеся при каждом более или менее богатом доме.

Многочисленность оросительных каналов весьма способствовала развитию садоводства. Прелесть Самарканда, стоявшего у выхода из пустыни, заключалась прежде всего в его растительном убранстве и, разумеется, в очаровании его арыков, водоемов и фонтанов.

Арабские географы также хвалят такие монументальные сооружения древнего Самарканда, как, например, его кафедральная мечеть, руины которой были обнаружены в Афрасиабе.

Самаркандские ремесленники славились на всем Востоке. Они изготовляли прошитые серебром ткани (симхун), знаменитые ткани «самаркандис», а также палатки, коими пользовались караванщики всей Центральной Азии. Жестянщики продавали на вывоз сосуды из меди и необыкновенно изящные кубки, а местные шорники делали конскую упряжь, которая шла нарасхват от Кашгара до Шираза. Другим уникальным товаром самаркандских ремесленников являлась делавшаяся из тряпья бумага, секрет производства которой был вывезен из Китая в VIII столетии. Эта бумага в мусульманских странах заменила папирус и пергамент.

Сверх того, Самарканд экспортировал изделия из шелка и хлопчатой ткани, не говоря уже о продукции садов, огородов и бахчей: «Самаркандские дыни, упакованные в свинцовые ящики, покрытые снегом, можно было купить даже в Багдаде».

Таков был тот огромный город, который в мае 1220 года осадил Чингисхан и оборонять который хорезмшах доверил пятидесяти тысячам тюрок во главе с собственным дядей, Тугай-ханом.

Фортификационные сооружения, входившие в состав крепостной стены, были отремонтированы и усилены, что принудило Завоевателя действовать крайне осмотрительно. Вскоре к нему присоединились три других корпуса его войск, которые привели к нему множество пленных, коих, как мы знаем, монголы использовали при осаде. Так, например, сыновья Чингисхана Чагатай и Угэдэй, только что захватившие Отрар, пригнали людей со средней Сырдарьи. Всех пленных монголы разбили на десятки, каждому из которых дали по знамени, как если бы это были монголы. То была военная хитрость, долженствовавшая ввести в заблуждение защитников города относительно численной силы (и без того весьма многолюдной) армии осаждавших.

Чингисхан, расположивший свой командный пункт в Синем дворце (Кок-сарай), стоявшем в пригороде, первые два дня употребил на рекогносцировку, обходя крепостную стену и изучая ее укрепления. На третий день он придвинул войска к городу, гоня перед собой несчастных пленников, переодетых в солдат. Горожане — в основной своей массе таджики — вышли навстречу «супостату» во всеоружии. Следуя привычной тактике, монголы, медленно отступая, завлекли в западню наскоро сколоченное самаркандское ополчение и султанову пехоту, уничтожить которых коннице большого труда не составило: уже на третьи сутки под стенами Самарканда полегло около пятидесяти тысяч его горожан.

Такое трагическое начало заметно поубавило отваги у осажденных. Наемники-канглы, составлявшие добрую часть гарнизона, решили, что к ним, тюркам, монголы отнесутся как к соотечественникам, и на пятый день осады пришли в стан врага со всем своим багажом и, разумеется, с семьями. Возглавлял дезертиров Тугай-хан.

Лишившимся защиты горожанам не оставалось ничего другого, как капитулировать. С этими намерениями пред очи Завоевателя предстали кади и шейх-уль-ислам. Возвратясь в город с достаточно удовлетворительными обещаниями, они открыли его ворота.

17 марта 1220 года монголы вошли в Самарканд через северо-западные, так называемые Молитвенные ворота. Как всегда в подобных случаях, они приказали обывателям выйти в поле и не мешать разграблению их домов. Любопытно, что Чингисхан приставил телохранителей не только к кади и шейху, но и к мусульманским клирикам и законоведам — нескольким тысячам человек. Между тем цитадель упрямо оборонялась. Монголы лишили ее гарнизон водоснабжения, перекрыв канал. И тогда ночью около тысячи солдат постановили спасаться бегством, в чем и преуспели. Оставшиеся заперлись в кафедральной мечети, но это их не спасло. Перебив всех до последнего человека, монголы мечеть сожгли.

Что касается тюрок-наемников, то они в своих надеждах обманулись. Ведь Чингисхан ненавидел предательство. Так что все 30 тысяч дезертиров были по его приказу умерщвлены, в том числе их предводитель Тугай.

С горожанами монголы обошлись лучше. Вероятнее всего, потому, что Герою понравилось их мужество и преданность законному князю — султану. Он удовлетворился тем, что забрал себе всех самаркандских ремесленников (30 тысяч человек) и роздал их своим сыновьям, женам и военным чиновникам. Столько же народу по его приказу монголы реквизировали для военно-строительных и прочих работ. Остальным пятидесяти тысячам пленников было предложено выкупиться за 200 тысяч динаров с каждого.

Ургенч. Штурм города, охваченного пламенем

Ценой значительно более высокой достался монголам главный город Хорезмийского царства Ургенч. Он располагался близ места впадения Амударьи в Аральское море, приблизительно в ста сорока километрах на северо-запад от Хивы. Здесь тоже разветвленная сеть арыков обеспечивала плодородие оазиса, за который спорили болота и пески. В XIII веке город славился изготовлявшимися в нем шелками; был знаменит он и как торговый центр, караванный узел, благодаря чему существенно обогатился. Тюркский гарнизон Ургенча был полон решимости оказать монголам ожесточенное сопротивление. Его настроение целиком разделяли горожане, беспредельно преданные хорезмийской династии.

Завоеватель бросил на Ургенч мощную армию, предводительствуемую тремя его сыновьями: Чжочи, Чагатаем и Угэдэем, — дав им в помощники опытнейших воевод, таких как Боорчу, Толун-черби и Хадаан. Всего, как нам представляется, в этой армии насчитывалось около пятидесяти тысяч сабель.

Чжочи попытался было склонить население осажденного города к капитуляции: «Он заявил горожанам, будто его отец отдал ему Хорезм в удел и что ему хотелось бы сохранить столицу страны в целости, что ее разрушение его огорчило бы и что в доказательство своей доброжелательности он пощадил городские сады и предместья». Увы, горожане оставили его призыв без ответа.

В той стране песков не водилось камней, и монголы, нуждаясь в снарядах для метания, стали рубить тутовые деревья. Затем они приказали пленным засыпать ров, на что тем понадобилось десять дней. После этого осаждающие приступили к рытью подкопов под стену города, но когда они попали в него, им пришлось завоевывать город квартал за кварталом, точнее, улицу за улицей. В этой новой для них войне степняки впервые использовали нефть как оружие, как горючий материал.

Амударья делила Ургенч пополам. Три тысячи монголов устремились на перекинутый через нее мост. Будучи выбитыми с него, они погибли все до единого, что не могло не поднять боевой дух защитников.

Секрет первоначального успеха ургенчцев и поражения монголов заключался в отсутствии взаимопонимания между Чжочи и Чагатаем. Братья продолжали ненавидеть друг друга.

Еще накануне выступления в поход у них едва не дошло до драки. Осада Ургенча эту вражду оживила. Чжочи, знавший, что город войдет в состав его удела, старался наносить ему вреда как можно меньше (вспомним его обращение к горожанам), на что ему пенял упрямый Чагатай. Ссора пагубно сказалась на дисциплине в войсках. Братья изложили взаимные упреки отцу. Весьма недовольный сыновьями, Завоеватель ответил тем, что поставил обоих под начало Угэдэя, этой мерой еще раз подтвердив высказанную ранее волю лишить их наследства на престол. «Своею ласковостью Угэдэй сумел восстановить согласие между братьями, а своею строгостью восстановить в армии порядок, который сделал ее непобедимой».

Бой возобновился. Город превратился в пекло. Женщины, дети и старики, зная, что пощады им не будет, не покладая рук помогали воинам и сражались сами. Монголы продолжали метать горшки с подожженной нефтью в дома, превращенные в крепости. Освещаемые пожаром, одна за другой накатывались волны Чингисовых ратников, шагавших прямо по обугленным трупам. И вот к исходу седьмых суток запертые в трех пока что не сожженных кварталах ургенчцы направили к Чжочи факиха Алиаддина к аийяти с покорной просьбой о милосердии.

— Явив свой гнев, — обращались они к монгольскому полководцу, — выкажи нам и свое милосердие.

Но тот уже пребывал во власти впечатления от понесенных потерь.

— Как смеют они это говорить, — возмутился он, — когда именно их безжалостность погубила стольких моих воинов? Теперь настал час гнева нашего!

По приказу Чжочи всех горожан выгнали в поле. Молодые женщины и дети были уведены в рабство. Ремесленников отделили от общей толпы, чтобы затем отправить в Монголию работать на хана. Все оставшееся мужское население было распределено между монгольскими отрядами и затем безжалостно расстрелено из луков или порублено. В заключение монголы разрушили плотины, удерживавшие Амударью, и ее воды поглотили город. Произошло это в апреле 1221 года.

Если верить монгольскому эпосу, Чингисхан был очень недоволен тем, что его сыновья (в первую очередь Чжочи) так много времени потратили на осаду. Более того, они поделили между собой всех пленных и всю добычу, не оставив отцу его («львиной») доли.

Когда, взяв город, они явились к нему, он не принимал их три дня. За братьев вступились старые соратники Завоевателя: Боорчу, Мухали и Шиги-хутуху.

— Мы ниспровергли непокорствовавшего тебе сартаульского[53] султана и взяли его города и народ. И все это — Чингисханово. Все мы — и люди твои и кони — радуемся и ликуем… Зачем тебе, государь, пребывать во гневе? Царевичи ведь осознали свою вину и убоялись. Пусть будет им впредь наука. Но как бы тебе не расслабить волю царевичей. Не признаешь ли ты за благо принять теперь царевичей?

Чингисхан смягчился и принял сыновей, не преминув, однако, строго отчитать их.

Видя, как царевичи стоят перед отцом, не смея шевельнуться и обливаясь холодным потом, колчаноносцы Хонхай, Хонтохор и Сормаган тоже решили вступиться за них.

— Государь, царевичи только обучаются бранному житию наподобие тех серых соколов, которых только-только начинают напускать на хватку. Добро ли смущать их подобным образом?. Не впали бы они со страху в нерадение. А ведь у нас всюду враг: от заката солнца и до восхода его. Направил бы ты лучше нас, тибетских псов своих, на вражеский народ, и мы доставили бы тебе и золота, и серебра, и тканей с товарами, и людей с жилищами их. Ты спрашиваешь, что это за народ такой? А есть в западной стороне Халибо-Солтан[54] багдадского народа. На него бы мы и пошли.

Эта речь совершенно умиротворила сердце Завоевателя. Однако тогда к отцу вернулись только Чагатай с Угэдэем, и с той поры их отношения с отцом оставались самыми доверительными. Что касается Чжочи, то он, взяв Ургенч, остался там, то есть в своем уделе, куда входила и территория нынешнего Казахстана. В войнах отца он более не участвовал, и его взаимоотношения с ним, как мы увидим ниже, все более осложнялись.

Охота на человека. По следу султана

В то время как хорезмийская держава распадалась, султан Мухаммед, перепуганный катастрофой, причиной которой стали его гордыня и легкомыслие, пребывал в бездействии. Наконец, решившись на поступок, он собрал ближних людей и, сопровождаемый ими… убежал за Амударью, держа курс на Балх. Так он достиг западного Хорасана. Остановившись на время в Нишапуре, подгоняемый страхом Мухаммед устремился далее, на противоположный конец державы.

Ненавидя его за убийство посла и разграбление монгольского каравана в Отраре, Чингисхан преследовал его, как дикого зверя.

— Где бы он ни скрывался, — заявил он, — я его найду. Я превращу в пустыню любую страну, которая предоставит ему убежище!

Для преследования беглеца Завоеватель отрядил 20 тысяч конных ратников и поставил над ними своих лучших воевод: Джебэ, Субутая и Тохучара. Охота, достойная отдельного эпоса, началась.

Джебэ и Субутай перешли Амударью севернее Балха. Здесь ширина реки сильно меняется: возле Келифской известняковой гряды она сокращается с тысячи пятисот метров до четырехсот пятидесяти. Монголы перебрались на другой берег с помощью подручных средств, то есть способом, описанным Плано Карпини: [55] свои вещи и оружие воины завернули в кожаные полотнища и, привязав наподобие бурдюков к конским хвостам, держались за них во время переправы.

Ступив на южный берег Амударьи, Джебэ и Субутай оказались на территории нынешнего Афганистана, в окрестностях Балха. Город направил к ним послов с дарами.

Воеводы Чингиса, имея приказ не тратить время на осады и думать только о поимке султана, терпеливо выслушали заверения в дружбе и устремились на запад, к персидскому Хорасану, где, как им сообщили, остановился Мухаммед. Что до их соратника Тохучара, то он в удовольствии пограбить себе не отказал. Будучи женатым на дочери Завоевателя, сей витязь, видимо, в надежности своего положения не сомневался. Увы, Чингисхан с дисциплиной не шутил и недолго думая распорядился отрубить зятю голову, однако для начала отстранил его от командования корпусом.

Тем временем Джебэ, преодолев за несколько дней около семисот километров, достиг Нишапура. Он пригласил к себе городские власти и вручил им написанное по-уйгурски послание

Чингисхана, где в полной мере выразилось умонастроение оного: «…Знайте — Бог Тенгри отдал мне Восток и Запад, все царство земное. Подчинившиеся мне будут пощажены, но горе тем, кои станут сопротивляться: они будут уничтожены с женами, детьми и всей челядью».

Следующим крупным населенным пунктом на пути монголов являлся Туе, что находился несколько восточнее, то есть там, где стоит современный Мешхед, возвышающийся на берегу Кашаф-руда (Черепашьей реки). Здесь тоже имелась отличная ирригационная система, обеспечивавшая плодоносность фруктовых садов. Арабские географы рассказывают и о знаменитых тусских полосатых тканях, о месторождениях бирюзы.

Как и в Нишапуре, Субутай потребовал лишь формального подчинения Туса, чтобы тут же отправиться в путь, но, услышав от городских властей «противный ответ», ворвался, похоже, без больших трудов, в город и приступил к избиению его жителей.

После расправы над дерзким Тусом Субутай и Джебэ немедленно отправились дальше по следу хорезмшаха. Собрав нужную информацию от аборигенов, они вышли на дорогу, которая по сей день связывает северный Хорасан с Тегераном через Себзевар, Шахроуд, Дамган, Ирак-Аджеми и Семнан.

Города, попытавшиеся подобно Дамгану и Семнану оказать сопротивление, были разграблены Субутаем, который из Семнана устремился прямиком на Рейи, а тем временем Джебэ, завернув в Мазендеран, разорил Амоль. Оба монгольских корпуса соединились под Рейи, покрыв после Нишапура расстояние, равное семистам километрам.

Рейи (древний Рагес), находившийся в восьми километрах к юго-востоку от Тегерана, являлся довольно крупным городом. Он торговал на всем Востоке своими шелковыми тканями и отменной многоцветной керамикой, украшенной миниатюрами.

Монголы, внезапно появившиеся под Рейи, перебили множество обитателей его предместий. Что касается самого города, то тамошний кади попробовал было с варварами договориться, но это не помешало монголам разграбить базар и умертвить не одну сотню горожан. Впрочем, и здесь завоеватели не задержались: им стало известно, что султан-беглец укрылся на северо-западе от Решта, на каспийском побережье, в провинции Гилан.

Это действительно было так. Что до Мухаммеда, то он, узнав о разграблении Рейи, вместо того чтобы собрать под своим началом те несколько сот тысяч воинов, что готовы были предоставить персидские провинции, совсем растерялся.

Внушавшийся монголами ужас был столь велик, что часть приближенных султана его покинула, а он из Решта бежал в Казвин, где один из его сыновей возглавлял тридцатитысячное войско. С этим сильным отрядом султан мог причинить немалый урон обоим врагам, передвигавшимся разрозненными эскадронами, но «монгольский ужас» снова сделал свое дело, и, отказавшись от возможности нанести по врагам внезапный удар, хорезмшах сам чуть было не попал к ним в руки под Каруном. Мухаммедова лошадь была смертельно ранена монгольскими стрелами, а он сам едва спасся. Надеясь укрыться в Багдаде, шах поскакал в Хамадан; монголы следовали за ним по пятам и уже в предместье Хамадана вступили в схватку с войском венценосного беглеца, самого его не узнав! А он, изменив свои планы, вновь подался к Каспию. Это неожиданное изменение маршрута дезориентировала Джебэ с Субутаем, и они на какое-то время потеряли его след. Султан уже добрался до Мазендерана, и тут монголы вновь его обнаружили. Когда их передовой отряд вплотную приблизился к берегу моря, он вскочил в лодку и, осыпаемый стрелами, укрылся на острове Абускун, неподалеку от устья Гургана, западнее Астрабада. Именно там бывший исламский понтифик, бывший царь Туркестана, Афганистана и Персии умер от отчаяния и истощения в январе 1221 года.

Человека, который бросил вызов Чингисхану, отказался удовлетворить его требования и умертвил монгольских караванщиков, более не существовало. Задача, поставленная Завоевателем перед Джебэ и Субутаем, была выполнена. Не сумев взять хорезмшаха живым, они, как зверя, загнали его до смерти, преследуя по пятам. Сами же, невзирая на напряженность фантастической охоты — начав ее форсированием Амударьи и проскакав более тысячи шестисот километров, — остались такими же свежими, как в ее первый день, и теперь получили от отца новое задание: разведать земли, прилегающие к Каспийскому морю, совершив для этого рейд вокруг него по северо-западным территориям Персии, Кавказу и Южной Руси.

Очерк этого невероятного конного похода дан ниже. А сейчас последуем за Покорителем Вселенной в его странствии по афганским горам.

Уместно предупредить, что Чингисхан, которому на сей раз мы собираемся сопутствовать с помощью арабо-персидских источников, предстанет перед читателем отличным от того героя, каким в первой части настоящего жизнеописания его изобразил монгольский бард, поскольку слово дается совершенно другим свидетелям, а именно арабским и персидским летописцам, очевидцам бед, причиненных землям ислама тем, кого они

считали «Аттилой мусульманского мира».

Впрочем, этого объяснения недостаточно. Тот Чингисхан, к которому нас приучил монгольский эпос, говоря юридическим языком, от участия в нижерассматриваемых делах нами в какой-то мере освобожден. Для нас он по-прежнему остается полубогом, существом великодушным, щедрым и величественным, одновременно умеренным во всем, уравновешенным, здравомыслящим и человечным, самим воплощением гуманности, которым всегда его видели подданные. Действительно, если он брался за оружие, то лишь со справедливыми намерениями, поскольку, например, хорезмшах Мухаммед уничтожил его караваны и предал смерти послов. Но что касается войны, в какую оказались втянуты монголы, то вести ее иначе как по-монгольски они, будучи стопроцентными кочевниками, полудикарями, уроженцами глухой степи и дремучей тайги, никак не могли, и, не впадая в противоречие, мы заявляем, что Чингисхан является личностью, равной величайшим творцам истории, и не виноват этот «монгольский Александр Великий» в том, что ему выпало возглавить войска, находившиеся приблизительно на той же стадии культурного развития, что и краснокожие индейцы американских прерий XVII века.

После этой оговорки, сделанной для того, чтобы продемонстрировать безоговорочную преданность исторической объективности, нам будет позволено, как мы надеемся, не скрывать нашего возмущения по поводу зверств, чинившихся подданными Завоевателя. И стоит ли говорить, что мы всей душой сочувствуем арабо-персидской цивилизации, а не варварам, попытавшимся, слава Богу безуспешно, ее уничтожить.

Ветер гнева над Хорасаном

Взяв Самарканд, Чингисхан пересидел жару лета 1220 года в Несефе, самом приятном месте во всей Трансоксиане. Он представлял собой оазис, хорошо защищенный Гиссарскими горами, более зеленый и тенистый, чем Самарканд, благодаря садам, во всем превосходящим сады столицы Трансоксианы.

На близлежащих полях восстановила свои силы и монгольская конница, измученная ни на день не прекращавшимися переходами. Осенью Завоеватель подошел к Амударье и осадил стоящий на ее северном берегу, напротив Балха, Термез. «Горожане отказались открыть ворота города, и он был взят приступом на одиннадцатые сутки. Его жителей вывели в поле и распределили между монгольскими отрядами с целью экзекуции. Одна старая женщина, когда монгол занес над нею саблю, крикнула, что если он ее не убьет, то она отдаст ему прекрасную жемчужину. Тот тут же ее потребовал, но старуха заявила, что она ее проглотила. Несчастной вспороли живот, и жемчужину действительно нашли. Предположив, что другие проглотили свои сокровища тоже, Чингисхан приказал выпотрошить всех мертвых».

Зиму 1220/21 года Чингисхан провел в Сали-Сарае, что севернее Несефа. Только весной 1221 года он переправился через Амударью в окрестностях Балха и приступил к окончательному завоеванию Афганского Туркестана, древней Бактрианы, чьею столицей этот город являлся, а затем — к захвату или, скорее, разрушению Хорезма.

Балх (древняя Бактра) привлекал к себе внимание всех завоевателей. Но, стоя в центре искусственно орошаемого оазиса, находившегося посреди пустынной степи, он умел выходить благополучно из всех испытаний, главным образом благодаря окружавшей его двенадцатикилометровой глинобитной стене. Джебэ и Субутай, впервые появившись у его ворот, удовлетворились формальным признанием их власти. Когда же к Балху приблизился сам Чингисхан, городские власти направили к нему депутацию с выражением почтительного уважения. Однако, опасаясь, как бы этот город не превратился в очаг сопротивления, Завоеватель приказал его жителям выйти в поле, якобы для пересчета, и всех умертвил. Близлежащие крепости, попытавшиеся дать отпор, были взяты одна за другой все тем же способом, то есть силами пленников, которых монголы гнали перед собой и убивали, если те «обращали тыл».

Призвав сына Толуя, Чингисхан поручил ему продолжить, а

точнее, завершить завоевание Хорасана.

В самом деле, промчавшиеся по этой стране годом раньше Джебэ и Субутай добились только номинального подчинения. Теперь встал вопрос об окончательном склонении к покорности всего Хорасана.

Хорасан, что в переводе с персидского языка означает «Восток» (Персии), представляет собой длинную полосу степей, чей вид приятно оживляют оазисы, оплодотворяемые реками, стекающими с гор Паропанисады, с Пушти-Коха и Биналуда и затем пропадающими в огромной пустыне, которая здесь, как и в иных местах, изнутри пожирает Иранскую возвышенность. Это значит, что заниматься там земледелием возможно, лишь неусыпно следя за состоянием ирригационной системы, защищая от опасной близости степи огороды, сады, виноградники, пшеничные, рисовые и ржаные поля, рощи карагачей и тополей. Века упорного труда создали богатства страны, и на этом материальном богатстве расцвела персидская культура. Здесь, неподалеку от Туса, родился «персидский Гомер» — бессмертный Фирдоуси, автор героической поэмы «Шах-Наме» («Книги Царей»); из Туса же родом и философ Газали, сей «мусульманский Паскаль», а Нишапур является родиной Омара Хайяма, пессимистическая чувственность которого столь изящно облачена в восточный лиризм.

Прибытие Толуя и его степных воинов в эту благословенную страну оазисов стало причиной одной из величайших трагедий в человеческой истории, а именно уничтожения духовной культуры, сопровождавшегося уничтожением самих оазисов — «смертью земли».

Первой жертвой стала Ниса, что под нынешним Ашхабадом. Этот город тоже был счастливым обладателем главного богатства Востока — воды: многочисленные ручьи, стекавшие с северного склона Копетдага, щедро поили его поля и сады. «Все десять городских ворот утопали в зелени», что при выходе из мрачных Черных песков (Каракумов) Туркменистана должно было производить «впечатление чуда».

Выезд монгольского хана.

Персидская миниатюра. 1315 г.

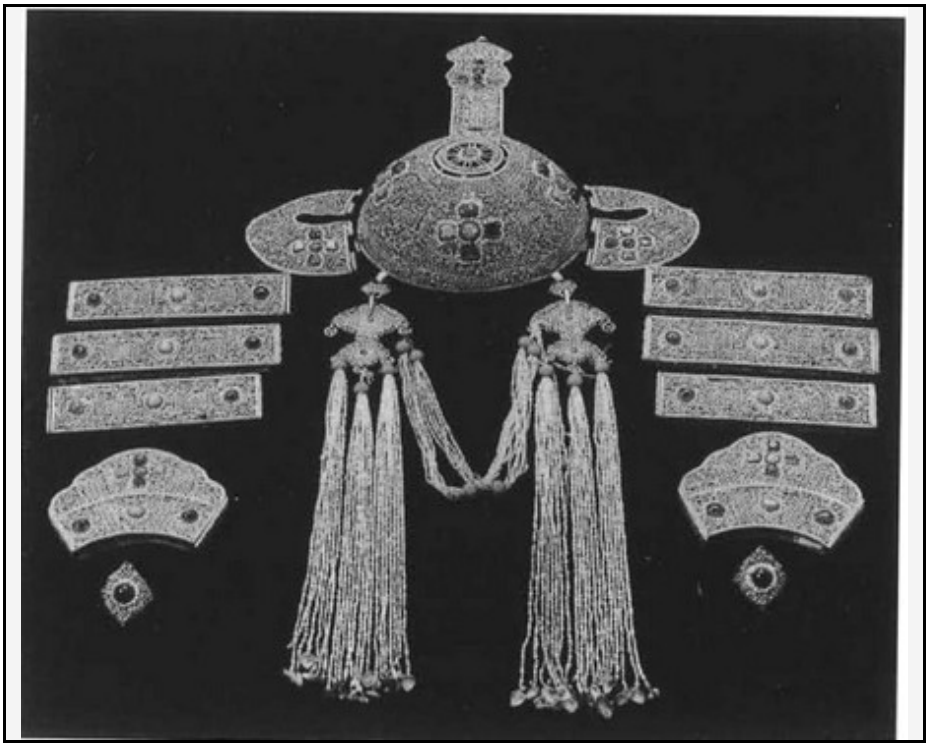
XAT.COM

Чингисхан.

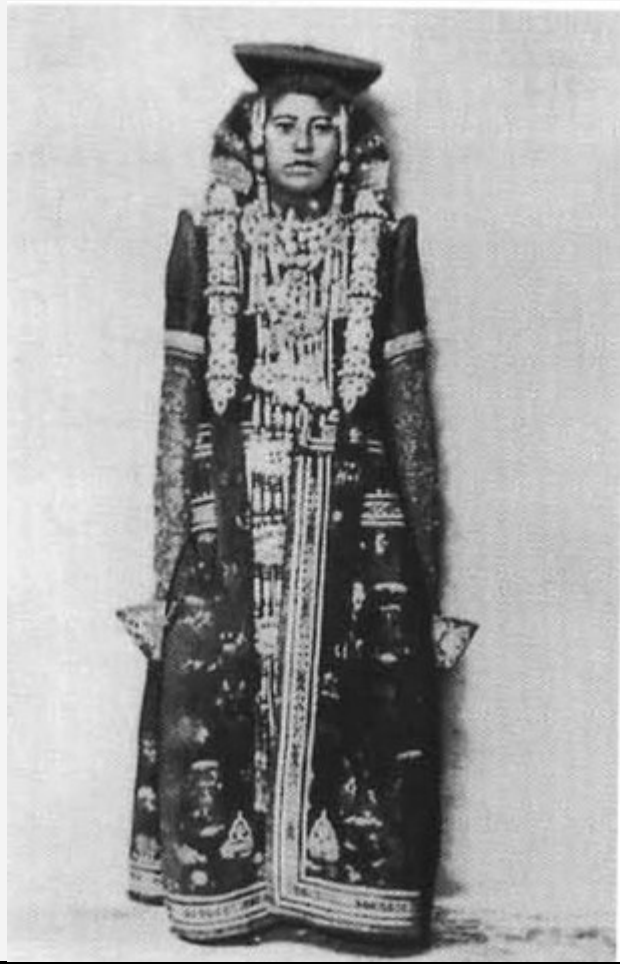
Анти-Цезарь Чжамуха.

Жены Чингисхана: Хулан, Есуй, Есуган.

Бурятская юрта.



Головное украшение монгольской женщины.



Княжна из Монголии.

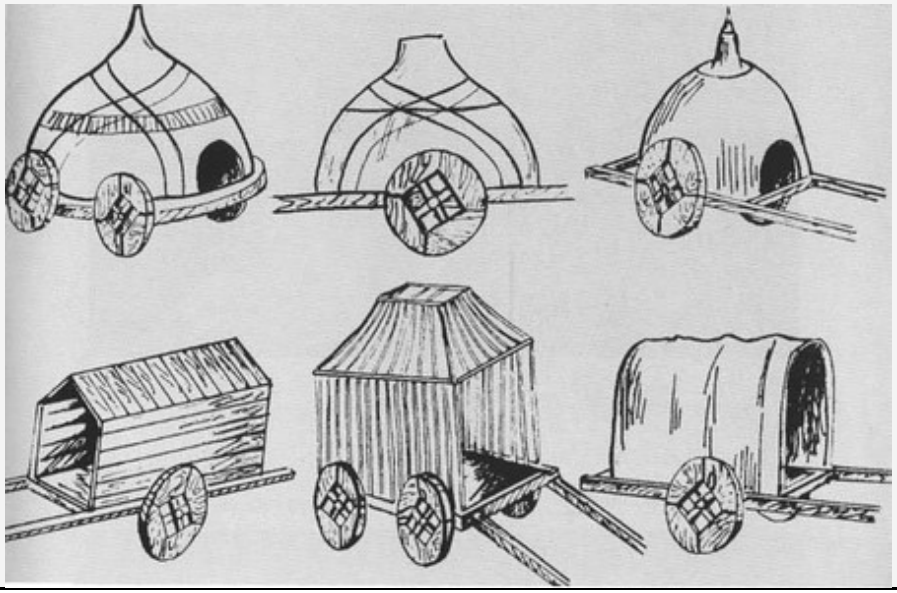
Перевозка юрт в XIII в. Рисунок XIX в.

Монгол.

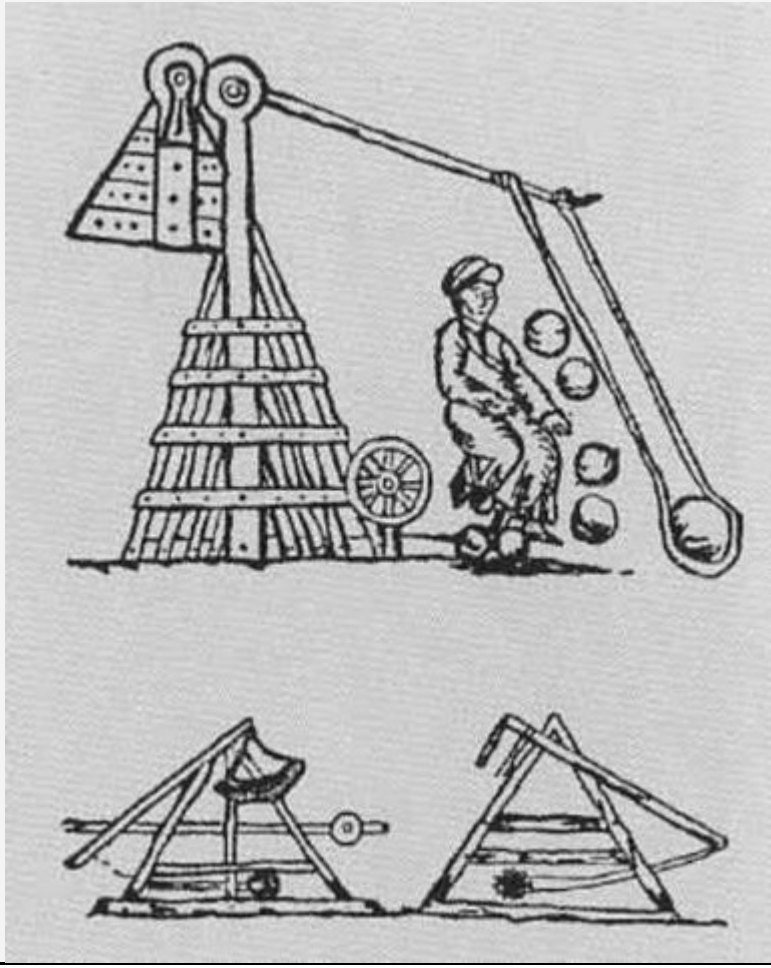
Китайскии рисунок XVII в

Император из династии Юань. (Прическа монголов XIII–XIV вв.).

Китайский рисунок XIV в.



Типы юрт на колесах. Рисунок XIX в.



Изображение метательной машины монголов.

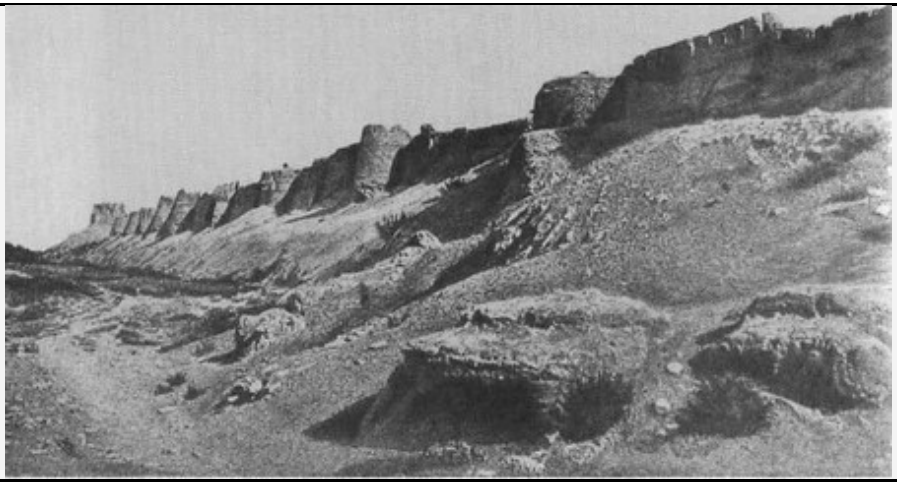
Персидский рисунок из Сборника летописей Рашид-ад-дина.

Караван в Гоби.

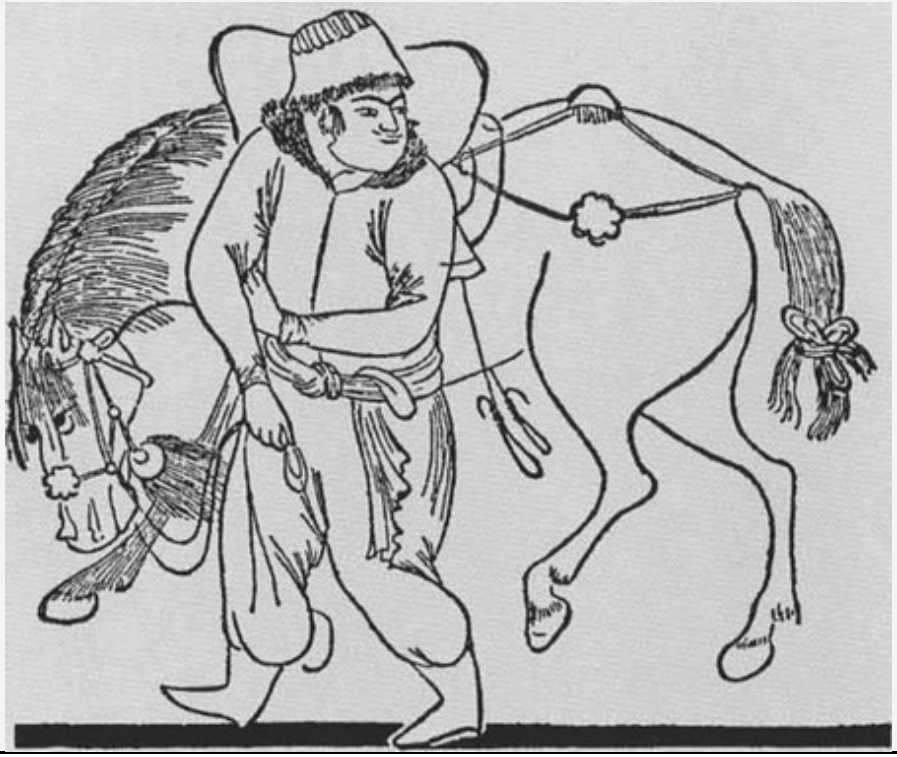
Монгол на верблюде.

«Золотой царь». Средневековый рисунок

Великая Китайская стена.

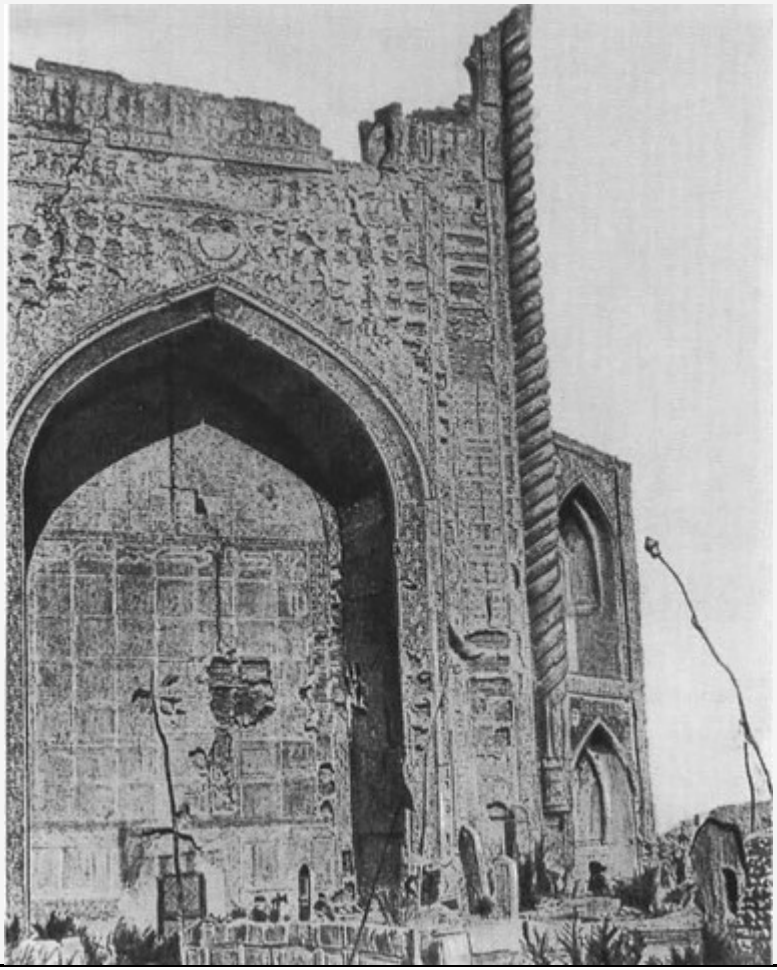


Развалины города Балха, разрушенного монголами.

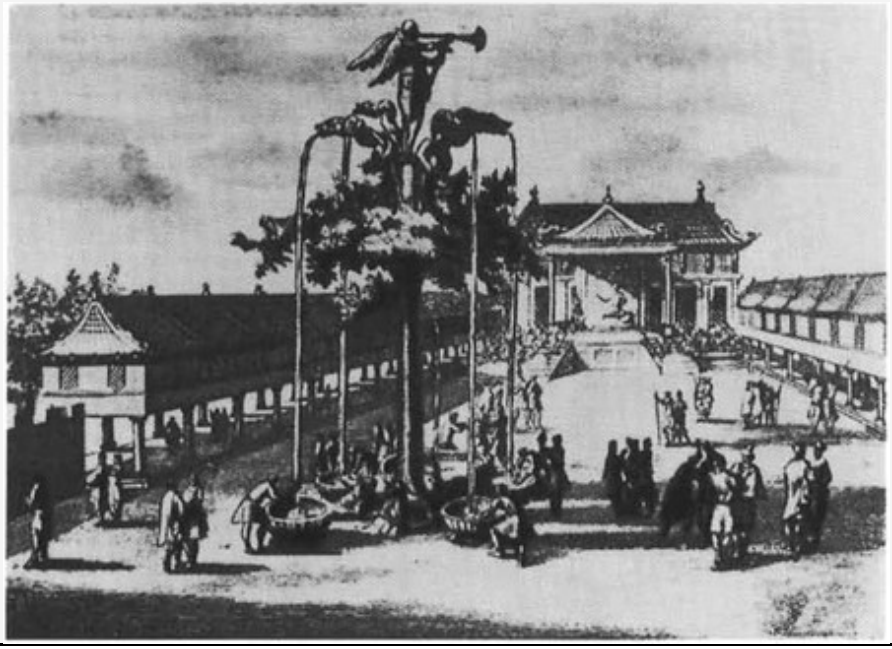


Монгол с конем.

Персидский рисунок с китайского оригинала XIII в.



Развалины мечети в городе Балхе после нашествия монголов.



Ханский дворец в Каракоруме — столице монгольского государства в XIII–XIV вв.

Декоративная маска на фасаде дворца в Каракоруме.

Угэдэй-хан, второй Великий хан — главный строитель Каракорума.

Китайский рисунок XIII в.

Фрагмент «Истории монгалов» Плано Карпини.

Рукопись XIV в.

Царский двор Чингисхана.

Слева от трона, на котором восседает Чингисхан, стоят его три сына.

Иллюстрация из персидского источника.

Чингисхан.

Китайский портрет. XIII в.

Чингисхан на охоте.

Китайская живопись. XV в.

Сыновья Чингисхана у постели умирающего отца.

Французская версия. XIV в.

Похороны Чингисхана.

Из индийской средневековой рукописи.

Толуй отрядил для штурма Нисы десятитысячный корпус под командой Тохучара, к тому времени уже возвратившего себе милость тестя — Чингисхана.

Монголы, взявшие приступом столько городов, накопили немалый опыт в бомбардировке населенных пунктов. «Против стен Нисы Тохучар поставил батарею из двадцати катапульт, расчеты которых сформировал из пленников. Эти несчастные должны были также работать и со стенобитными машинами; отказывавшихся идти вперед убивали. На пятнадцатый день беспрерывных атак, после того как была пробита широкая брешь, монголы овладели стеной, а на заре ворвались в город, откуда, по своему обычаю, выгнали всех жителей. Когда горожане

столпились в ближнем поле, им было велено связать друг другу руки, и те повиновались, не задумываясь о смысле приказа. Если бы они разбежались и попытались укрыться в горах, многие бы уцелели… Когда обыватели Нисы так друг друга перевязали, монголы их окружили и расстреляли всех до последнего: и мужчин, и женщин, и детей. Число погибших равнялось семидесяти тысячам душ».

Затем Тохучар двинулся в Нишапур. Это был один из красивейших городов Персии, столица провинции Хорасан, в ту пору процветавшей. Река Сагнаверчай, стекавшая с хребта Биналуд, защищавшего город с севера, поставляла свои воды по двенадцати отводным каналам, приводившим в движение, как утверждают арабские географы, семь десятков мельниц. «Не только сады, но и большая часть домов были в избытке обеспечены водой».

На полях оазиса выращивали рис и злаковые культуры. Окрестности Нишапура славились месторождениями бирюзы. Наконец, с точки зрения политической, этот город был интересен тем, что еще не так давно, при великих сельджукских султанах, он был одной из столиц Ирана.

Если за несколько месяцев до того Джебэ удовлетворился тем, что этот город «пожурил», то Тохучар попытался взять Нишапур приступом. Увы, на третий день в очередной атаке монгола сразила стрела, пущенная со стены (ноябрь 1220 г.). Заступивший его место воевода, найдя свои рати недостаточно сильными для занятия города, увел их с намерением вскоре возвратиться и отомстить за позор отступления, а пока что, разделив свои войска на два отряда, с первым двинулся на Себзевар, город, находившийся в сотне километров на запад от Нишапура. Взяв его на третий день, монгол истребил всех горожан, числом 6 тысяч душ. Второй отряд устремился на Туе и захватил все имевшиеся в окрестностях земли, обитателей которых предал смерти.

Сам Толуй выступил в поход лишь на другой год. Свою войну он начал с Мерва, обширного оазиса на нижнем Мургабе. Промышленная и коммерческая активность этого города вполне объясняет важность роли, которую в предыдущем веке он играл как столица султаната сельджукида Санджара. Оазис славился вывозившимся из него тонковолокнистым хлопком как в виде сырца, так и в виде тканей. Был он знаменит и своим шелком, также экспортировавшимся в виде сырца и в виде тканей. Его кварталы медников, гончаров и ткачей посещали все восточные караваны. Одним из мервских чудес считался мавзолей Санджара, бирюзовый купол которого был виден на расстоянии суточного

перехода.

Толуй привел к Мерву семидесятитысячное войско, частично сформированное из воинов, насильно угнанных из завоеванных провинций. Потерпев неудачу в двух вылазках, 25 февраля 1221 года горожане объявили о своей добровольной сдаче. Толуй велел обывателям Мерва выйти из города и взять с собой все ценное, а затем, сев в поле на золоченый трон, стал любоваться тем, как нукеры[56] отрубали головы поставленным пред его светлые очи воинам гарнизона. Потом настала очередь горожан. «Мужчины, женщины и дети были отделены друг от друга. Воздух наполнился рыданиями и стонами. Несчастных раздали по отрядам и почти всех умертвили. В живых оставили только четыре сотни ремесленников и некоторое число мальчиков и девочек, осужденных на рабство. Двухсот богатых горожан, торговцев и землевладельцев предали пыткам и терзали до тех пор, пока не выведали, где они спрятали свои сокровища».

Монголы разрушили плотину Мургаба, обеспечивавшую водоснабжение, и цветущий оазис превратился в пустыню. От бывшего города «Тысячи и одной ночи» не осталось почти ничего: несколько холмов, появившихся на месте старинных дворцов, огромные кучи покрытых глазурью кирпичей, остатки каменной стены и башен султановой крепости. Лишь мечеть султана Санджара, единственный более или менее уцелевший памятник прошлого, все еще возносит к небу свой, теперь уже облупившийся, купол.

От Мерва до Нишапура было 12 дней ходу. Туда и устремился Толуй, снедаемый жаждой отомстить за гибель своего шурина Тохучара, пять месяцев назад павшего от рук нишапурцев. Те, зная, что у них не имелось ни малейшего шанса на милосердие врага, постарались как можно лучше укрепить городскую стену. «На бастионах было установлено три тысячи баллист, или машин для метания дротиков, и 500 катапульт. Приготовления монголов были не менее основательными. Толуевы ратники подвезли три тысячи баллист, 300 катапульт, 700 машин для метания горшков с горящей нефтью, четыре тысячи лестниц и две с половиной тысячи штук каменных снарядов».

Увидев всю эту «артиллерию», осажденные дрогнули и направили к Чингисову сыну депутацию с просьбой о снисхождении. Тот отправил их ни с чем и приказал начать штурм. Сражение длилось весь день и всю ночь. К утру ров был засыпан, стена пробита в семидесяти местах, и десять тысяч монголов бросились на нее со своими лестницами, проникая со всех сторон в город, чьи улицы и дома в оставшиеся часы того

дня стали местом бесчисленных сшибок. В субботу 10-го числа апреля месяца 1221 года Нишапур полностью перешел в руки к монголам».

Вдова Тохучара, дочь Покорителя Вселенной, торжественно въехала в город, сопровождаемая десятью тысячами воинов, «которые убивали всех, попадавшихся им на глаза». Избиение нишапурцев длилось четверо суток. Были истреблены даже собаки и кошки. Толуй слышал, что в Мерве немало обывателей спаслись, ложась среди мертвецов. Теперь для большей надежности он распорядился отрезать головы всем трупам. Из этого «материала» монголы сложили три пирамиды: пирамиду из голов мужчин, пирамиду из голов женщин и третью — из детских… Разрушение города продолжалось еще три дня.

По обыкновению, Толуй оставил в живых только лучших ремесленников — четырехсот человек, которым предстояло отправиться в Монголию.

Чингисова дщерь могла покинуть Нишапур с легким сердцем: Тохучар был отмщен.

Из Нишапура Толуй отправился на юго-восток (на юг от Паропанисадских гор), где осадил Герат, еще один степной оазис, или скорее оазис-коридор, каковым является протянувшаяся на 200 километров долина Герируда, представлявшая собой «тянувшиеся чередой по склонам гор деревни, окруженные пшеничными полями, виноградниками и фруктовыми садами. Несомненным украшением общей картины являются алепские сосны и карагачи, а растущие по берегам реки тополя образуют настоящие леса».

Монголы попытались склонить Герат к капитуляции, но его правитель приказал их парламентеров казнить, и в течение недели город успешно отбивал все атаки. Увы, когда этот правитель погиб, горожане-персы пообещали монголам сдаться при условии, что те сохранят им жизнь. Толуй поклялся просьбу удовлетворить и свое слово сдержал, успокоив душу тем, что предал смерти тюрок, из которых состоял гератский гарнизон, — общей численностью 12 тысяч человек.

Затем он отправился на соединение с отцом, стоявшим под стенами Талекана.

Буря над Афганистаном

Лето 1221 года Завоеватель провел в горах Бактрианы, откуда, отдохнув, двинулся на юг и перешел на противоположную сторону гор, которые, протянувшись непрерывной чредой с востока на запад, от Гиндукуша к Паропанисадам, своими заоблачными вершинами отделяли древнюю Бактриану от Центрального Афганистана. В самом средоточии этой горной системы, а именно там, где своей северной стороной Паропанисады примыкают к Гиндукушу, в то время как их южная сторона, будто в зеркало, смотрится в склоны Кохи-бабы, находился город Бамиан, населенный пункт первостепенной стратегической важности. Благословенные места, где все дышит историей, начиная с высокого обрыва, изрытого древними буддийскими пещерами, чьи гигантские статуи — высотой от 35 до 53 метров — тогда уже более двух веков взирали на зеленеющую внизу долину Бамиана с ее реками, нивами и зарослями ив и тополей, и кончая мечетью, будто одинокий страж, стоящей напротив буддийского святилища, на плато Шари-голгола.

Никакая другая крепость не стоила Покорителю Вселенной так дорого. У ее стен пал от вражеской стрелы один из его внуков, нежно любимый Мутуген, сын Чагатая. Спеша отомстить, дед подал сигнал к штурму и принял в нем участие сам, ринувшись в бой «с непокрытой головой», как утверждает одна апокрифическая хроника. Войска, воодушевленные его гневом, взяли крепость приступом. Войдя в Бамиан, Чингис приказал уничтожить все, что в нем имелось живого, будь то человек или животное, не беря в плен никого, убивая детей во чреве их матерей, не беря ни вещей, ни ценностей, истребляя все, чтобы впредь никакая тварь не могла поселиться в том месте, прозванном «проклятым городом».

Распоряжение было выполнено безоговорочно, и безлюдие Шари-голголы еще и сегодня кричит о страдании и гневе Завоевателя. «На голом, унылом холме, — пишет исследователь Г. Далло, — с тех трагических дней ничего не изменилось. Я шел по тропе, которая с трудом поднимается на вершину, виясь среди развалин, над которыми еще возвышаются руины, последние останки цитадели, простые глинобитные стены, пощаженные семью веками непогоды, свойственной здешнему суровому климату. В этом мрачном хаосе то здесь, то там вдруг сверкнет среди булыжников, укреплявших древние постройки, один-другой обломок глазированной керамики с персидским орнаментом».

Эпилогом осады Бамиана может послужить эпизод, позволяющий живо представить себе чувства монгольского Героя. «В день гибели юного Мутугена его отец, Чагатай, под Бамианом не был. Он появился, когда приступили к его разрушению. Чингисхан, желая скрыть от сына смерть Мутугена, отсутствию последнего дал какое-то вымышленное объяснение. Несколько дней спустя, обедая с Чагатаем и Толуем, Чингисхан, будто осердясь, принялся их отчитывать за непослушание, особенно строгие взгляды бросая на Чагатая. Тот в страхе бросился отцу в ноги и стал уверять, что скорее умрет, чем его ослушается. Трижды повторив свои упреки, тот наконец проговорил:

— Ты не обманываешь? Свое слово сдержишь?

— Если не сдержу, — воскликнул Чагатай, — убей меня!

— Что ж, — продолжил Чингисхан, — твой сын убит, но я запрещаю тебе горевать по нему.

Слова отца поразили Чагатая, как удар грома, тем не менее он нашел в себе силы не разрыдаться; лишь после трапезы, ненадолго выйдя на улицу, облегчил себе сердце слезами».

Тем временем беглый наследник хорезмшаха, принц Джелаладдин, нашел себе убежище в ста пятидесяти километрах на юг от Бамиана, в Газни, настоящем орлином гнезде, устроенном на скале, торчащей, словно перст, посреди высокогорной степной страны Гильзай, над которой на севере возвышается очередной горный массив, увенчанный Кохи-бабой (2300 метров), синеющей на горизонте.

В Газни Джелаладдин собрал войско из десяти тысяч конных ратников, которое составили тюрки-наемники и афганцы.

Монгольский отряд, осадивший крепость в соседних горах, был разбит им наголову и потерял около тысячи человек убитыми.

Узнав о появлении из небытия Джелаладдина, Чингисхан отрядил для наблюдения за ним войско численностью от тридцати до сорока тысяч сабель и поставил его под команду своего побратима Шиги-хутуху.

Сшибка произошла под Перваном, разумеется, не возле нынешнего города, находящегося в долине Пандшер, что севернее Кабула, а близ старого одноименного поселения, располагавшегося неподалеку от истоков Лугара, южнее афганской столицы. Противники уничтожали друг друга на протяжении всего дня и, не добившись решающего успеха, с наступлением темноты разошлись. «Ночью Шиги-хутуху, чтобы враг подумал, будто монголы получили подкрепление, велел своим конным ратникам посадить на запасных лошадей по человечьему чучелу из войлока. Эта хитрость удалась, так как

утром воины Джелаладдина, увидев вражескую конницу, построенную в две линии, решили, что к монголам подошла помощь, и предложили принцу отступить. Но он держался твердо. Приказав своей кавалерии спешиться, привязать лошадей к поясам, он стал ждать монгольской атаки, сохраняя полное хладнокровие».

Бой возобновился. Монгольские конники устремились вперед, но, встреченные градом стрел, отступили, чтобы перестроиться для новой атаки. Она должна была вот-вот увенчаться успехом, но тут Джелаладдин приказал трубачу трубить. По этому сигналу иранские кавалеристы вскочили на коней и с громкими криками помчались навстречу монголам, растягивая свою цепь с намерением взять их в окружение. «Шиги-хутуху велел своим ратникам не терять из виду его конехвостого туга, но те, боясь оказаться в кольце, предпочли беспорядочное бегство, и, поскольку долина была перерезана оврагами, куда попадали их кони, все погибли от сабель воинов Джелаладдина… так что большая часть монгольской армии оказалась истребленной».

Победители подкрепили свой триумф зверствами еще более гнусными, чем те, в которых принято упрекать Чингисово воинство. Так, например, многие из них потешили себя тем, что загоняли монголам в уши железные гвозди.

Итак, Перван стал свидетелем бегства «непобедимых» монголов.

Узнав о разгроме своего ближайшего соратника, Чингисхан продемонстрировал то самообладание, которое являлось тайной его гения. «Он спокойно заявил, что избалованному победами Шиги-хутуху следует из поражения извлечь урок». С ответным ударом Есугаев сын не замедлил. «Он спешил в Газни так сильно, что двое суток его воины не имели времени приготовить себе горячей пищи. Прибыв на перванский театр боевых действий, он потребовал от Шиги-хутуху доложить о дислокации обеих армий. Ему не понравились принятые меры, а также выбор места для битвы и, несмотря на любовь к Шиги-хутуху, объявил его виновником поражения».

В Газни Чингисхан Джелаладцина не обнаружил. Дело в том, что, одержав неожиданную победу над монголами, войско принца разбрелось кто куда из-за несогласия между афганцами и тюрками. Джелаладдин, видя себя неспособным далее защищать Газни от монгольских полчищ, направился к афгано-индийской границе, надеясь укрыться в Пенджабе. Бросившийся за ним вслед Чингисхан настиг его на берегу Инда ночью 24 марта 1221 года.

«Крошечная армия Джелаладдина была тут же взята в клещи

монгольскими ратниками, построенными в несколько линий, и прижата к реке. На рассвете прозвучал сигнал к атаке. Монголы набросились на иранское войско, прорвали его боевые порядки и уничтожили оба его крыла. Джелаладдин находился в центре с семьюстами воинами и отчаянно отбивался. Полукруг монгольских ратников сжимался; вот что интересно: они не выпустили в принца ни одной стрелы, видимо, потому, что Завоеватель хотел получить его живым. Сопротивление Мухаммедова сына кончилось в полдень. Поняв, что пробиться сквозь ряды врагов не удастся, он вспрыгнул на свежую лошадь и сделал последнюю, но яростную попытку вырваться из окружения. Монголы отпрянули, на что принц и рассчитывал. Развернув коня, он во все поводья поскакал к Инду и бросился в него с высоты двадцати футов, не покидая седла, со щитом на спине и со знаменем в руке. Прошло какое-то время, и Джелаладдин появился на противоположном берегу. Видя все это, Чингисхан побежал к реке и остановил своих воинов, готовых было кинуться за беглецом вплавь. Указав на принца рукой, хан велел им брать с него пример».

Проявление царского великодушия, а точнее, рыцарского восхищения доблестью противника, оказавшего ему достойное сопротивление, не помешало Есугаеву сыну во всем прочем оставаться свирепым монголом. По его приказу были расстреляны из луков те воины Джелаладцина, которые следом за ним попрыгали в воду, а также все, не успевшие этого сделать. Попавшие в руки монголов сыновья венценосного беглеца были тоже умерщвлены.

От уничтожения городов к постижению городской цивилизации

Преследовать наследника хорезмшаха на индийской земле Чингисхан не стал. Правда, на другой год монгольский отряд под командованием Бала-нойона (из племени джалаиров) совершил набег на восточный берег Инда, со стороны Мултана. Но то был простой разведовательный рейд, не имевший сколь-нибудь серьезного военного значения. Жара пенджабского лета, к которой обитатели монгольских степей и сибирской тайги приспособлены не были, оказалась достаточной для того, чтобы принудить их снять осаду с Мултана, и они успокоили свои сердца тем, что разграбили окрестные земли, а также провинцию Лахор, после чего возвратились в Афганистан, где соединились с Чингисовой армией.

Сам Завоеватель предпринял ряд карательных экспедиций, объектом которых стали афганские и хорасанские города, в той или иной степени поддержавшие попытку реванша Джелаладдина.

Осенью 1222 года Угэдэй нанес удар по Газни, который мог послужить плацдармом для ответного наступления принца-изгнанника. Монгол выгнал газнийцев из города, якобы для пересчета, и всех их умертвил, за вычетом нескольких сотен лучших ремесленников, которых, как обычно, отправил работать в Монголию. Город же подвергся полному уничтожению.

Далее монголы заняли Герат. Прослышав о победе Джелаладдина под Перваном, гератцы подняли антимонгольское восстание. Чингисхан бросил на них армию Элжидая, усиленную пятьдесятью тысячами ополченцев, пригнанных из соседних районов. Осажденные, зная безжалостность монголов, поначалу отважно отбивались, но силы были неравны, и 14 июня 1222 года Элжидай овладел городом. Всех его жителей монголы предали смерти. «На протяжении недели они только и делали, что убивали, грабили, жгли и разрушали». Когда враги ушли, немногие горожане, спасшиеся тем, что сумели спрятаться в соседних ущельях и пещерах, возвратились на родные пепелища. Элжидай эту возможность предвидел и послал в Герат конный отряд с заданием их истребить.

А что же происходило в тылах у монголов? Несмотря на бесчинства Толуевой рати, некоторые кварталы Мерва сохранились. Более того: долина Мургаба была столь плодородна, что после ухода врагов город возродился довольно быстро. Весть

о Перванской битве вызвала взрыв радости у мервцев, решивших, что час реванша пробил. С помощью бывших военачальников Джелаладдина они наскоро отстроили городскую стену, а заодно и мургабскую плотину, обеспечивавшую водоснабжение города. Префект (некий перс), оставленный монголами в Мерве, естественно, был умерщвлен. Но мстительность монголов не заставила себя долго ждать. Корпус их войск силой до пяти тысяч сабель, предводительствуемый Дорбаем, докончил истребление горожан и вместе с ними уцелевших кварталов.

Жертвой повторного и еще более разрушительного нападения стал город Балх, а его обыватели — объектом нового и еще более безжалостного истребления.

Так Афганистан и Хорасан окончательно лишились способности к антимонгольскому сопротивлению. Их города были разрушены до основания, как если бы пережили катастрофическое землетрясение, равно как и плотины вместе с водоотводными каналами, превратившимися в застойные канавы; зернохранилища сгорели, исчезли с лица земли фруктовые сады и лесозащитные посадки, сотни лет заслонявшие собой поля от песков. Тысячелетние нивы превратились в степь, беззащитные огороды остались один на один с песчаными бурями, налетавшими из пустыни. В эти оазисы с певучими названиями, где поднялись города «Тысячи и одной ночи», цвет утонченной арабо-персидской цивилизации, во все эти чудные творения Востока пришла степь, которая при сочувственном попустительстве кочевников подчинила себе все. От этой «смерти земли» Восточный Иран уже никогда не оправился.

Осенью 1222 года, покинув безвозвратно погубленные края, Чингисхан переправился через Амударью и возвратился в Трансоксиану, страну, сравнительно с Хорасаном менее пострадавшую от его воинства. Проезжая Бухару, Завоеватель вдруг заинтересовался, в чем суть мусульманской религии. Любопытство, на первый взгляд, странное для человека, только что причинившего исламскому миру ужасные беды. Однако Чингисхан никогда не имел намерений и даже мысли в голове не держал ратоборствовать с исламом. Он, равно как и его воины, был уверен, что, воюя с хорезмийцами, лишь наказывал их за вероломное убийство монгольских караванщиков и послов. Он карал их за то, что мы назвали бы сегодня покушением на свободу торговли, на права человека наконец. В ходе же боевых действий под Нишапуром и Бамианом он наказывал иранцев за убийство зятя и любимого внука, наказывал по-монгольски, то есть способом примитивным, единственно известным степнякам, которые сами были людьми примитивными. Именно в этом

причина поразительного контраста, отмечаемого нами постоянно, между гнусностью зверств, совершенных Чингисовыми ратниками, и умеренностью, этичностью и великодушием самого Покорителя Вселенной.

Итак, Чингисхан проявил интерес к исламу и, получив разъяснение коранических принципов, их одобрил, так как в его глазах Бог «правоверных», в сущности, мало чем отличался от Тенгри тюрок и монголов. Однако от паломничества в Мекку он отказался по причине ненужности, «поелику Тенгри вездесущ».

В Самарканде Завоеватель повелел отслужить хотбу, молитву в свою честь, так как стал хорезмшахом вместо покойного Мухаммеда. Таким образом, Чингисхан сделал ислам одной из официальных религий своей империи наряду с шаманизмом монгольских колдунов и несторианством невестки-кераитки. Тот, кого исламский мир, приведенный в ужас разрушением Хорасана и Афганистана, называл не иначе как «Проклятым», напротив, желал, чтобы его мусульманские подданные видели в нем некоего Царя ислама, законного султана. Чингисхан уничтожил городскую цивилизацию Хорасана, но он вовсе не был принципиальным противником городской системы как общественного устройства, просто он понимал ее плохо и даже на первых порах не разумел вовсе. Потому сын Есугая храброго потребовал, чтобы его научили.

Как раз тогда из Ургенча в Хорезм явились два мусульманина, двое тюрок-трансоксианцев, людей оседлых, образованных и иранизированных, знатоков юриспруденции и законов управления в арабо-персидском понимании этого слова, звавшихся: первый — Махмудом Ялавачи и второй, его сын, — Масхутом Ялавачи. Явившись, они предложили Завоевателю «объяснить ему значение городов», а также обучить искусству управления ими с пользой для себя. Чингисхан выслушал их с большим интересом (умение слушать, как нам известно, являлось одним из его главных качеств) и взял к себе на службу, весьма разумно поручив им управлять вместе с даругачами (монгольскими префектами) древними городами обоих Туркестанов:[57] Бухарой, Самаркандом, Кашгаром и Хотаном.

Принятие на службу мусульманских грамотеев явилось в жизни Покорителя Вселенной поворотным пунктом; совершенно несведущий в особенностях городской цивилизации, он начал приспосабливаться к последствиям своей победы и сделался учеником старых цивилизованных империй, нежданно-негаданно став их наследником и продолжателем.

Дружба Чингисхана с китайским философом Чан-чунем — это еще одно, не менее любопытное свидетельство, если можно

так сказать, культурных потенций его натуры.

Чингисхан и вопрос смерти
Приглашение алхимика

Мы помним, как накануне похода на Хорезм, сознавая возможность гибели, Завоеватель принял необходимые меры, касающиеся престолонаследия, хотя и пребывал в расцвете сил. Похоже, с того момента мысль о смерти его не оставляла уже никогда. В Китае он слышал о «напитке бессмертия», позволявшем продлевать жизнь до бесконечности. Секрет изготовления его знали кудесники-даосисты. Как раз тогда в Северном Китае только и говорили, что о незаурядной святости даосского жреца по имени Чан-чунь. Постановив заполучить себе столь знаменитого человека, которого сам он считал чем-то вроде верховного шамана, в 1219 году Покоритель Вселенной пригласил его к себе, в ту пору находясь в стране найманов.

Действительно, Чан-чунь вульгарным колдуном вовсе не являлся. То был мыслитель и поэт, поскольку древний даосизм, помимо знания алхимических рецептов, владел техникой медитаций, не имевшей себе равных по эффективности.

«Вот вещь, в хаосе возникающая, прежде неба и земли родившаяся! О беззвучная! О лишенная формы! Одиноко стоит она и не изменяется. Повсюду действует и не имеет преград. Ее можно считать матерью Поднебесной. Я не знаю ее имени», — говорится в книге Лао-цзы, «библии» этого учения. Мудрец, который, медитируя, отождествляется с ней, обретает несказанную силу, движущую миры, соединяется с Космосом. «Пусть молнии падают с гор, пусть ураган волнует океан — мудрец спокоен. Он летит по воздуху на облаках, он ходит по солнцу и луне, он путешествует в пространстве».

Философ Чан-чунь воспринимал эти слова в смысле духовном. Но простодушные монголы, слышавшие их тоже, могли видеть в них только свидетельство волшебной мощи, способ обретения которой им хотелось узнать.

К тому времени Чингисхан уже был, как позднее напишет один персидский историк, Покорителем Вселенной и мечтал лишь об одном: как заполучить древние секреты, которые позволили бы ему обуздать и небесные силы. Для этого он и призвал к себе Чан-чуня.

Поездка к Чингисхану
Путешествие по Монголии в 1221 году

Философу было 72 года, но, несмотря на преклонный возраст, китайский монах, получив приглашение Чингисхана, не колебался ни минуты. Однако когда монгольские чиновники, имевшие приказ организовать его доставку, решили было присоединить его к каравану женщин, предназначавшихся для увеселения хана, от этой компании он отказался наотрез. «Хотя я всего лишь дикий обитатель гор, то есть простой отшельник, в таком окружении не поеду!» И монголы с его мнением посчитались.

В марте 1221 года Чан-чунь покинул Пекинскую провинцию и углубился в степи нынешней Внутренней Монголии, следуя по дороге, пролегавшей вдоль западных отрогов Большого Хингана, от Долон-нора к озеру Буир; степи почти пустынные, с бедным травяным покровом и редкими карагачевыми рощицами; их сегодняшний вид мало чем отличается от того, каким он представлен в жизнеописании нашего путешественника. «Жилища являли собой черные повозки с установленными на них белыми юртами. Все эти люди были кочевниками и перебирались с места на место в зависимости от состояния пастбищ и источников воды. За все время мы почти не встретили деревьев, видя перед собой лишь тучи пыли и полуметровую траву». Идя прямо на север, караван достиг протекавшей восточнее озера Буир реки Халхи, близ которой 18 лет до того Чингисхан ратоборствовал с кераитами. «В этой речке с песчаным дном воды было по пояс, а по ее берегам росли ивы».

24 апреля монах и сопровождавшие его лица оказались возле находившегося на северном берегу Халхи стойбища Темуге, младшего брата Чингисхана, которому было доверено управление Монголией. «Лед уже начал таять и появилась новая трава. Монгольские вожди пировали, и многие пришли с кобыльим молоком. Мы увидели тысячи черных повозок и войлочных юрт, установленных в несколько рядов».

30 апреля Чан-чунь предстал перед Темуге, который выделил 100 лошадей и волов для доставки его в Афганистан, к Чингисхану.

Может показаться странным, что, двигаясь из Пекина в Афганистан, китайский монах сделал такой большой крюк, совершив нелегкое путешествие в Верхнюю Монголию. Не проще ли было последовать по караванному пути, пролегавшему по

бассейну Тамира, по древнему Шелковому пути, шедшему по тангутской стране Ганьсу, а затем по уйгурскому Турфану и Куче? Но если идикут уйгуров сражался в рядах монголов, то тангуты незадолго до того поссорились с Чингисханом, не дав ему своих войск. Вот почему, чтобы попасть в Восточный Иран, нашему путнику пришлось проехать по всей монгольской территории. Он поднялся по долине Керулена, родине Темучжина, откуда добрался до Туулы, отчины кераитского Ван-хана. Очерк его странствия содержит подробное описание монгольского климата с его холодными утренниками и жарой, устанавливающейся во второй половине дня, а также восторженные впечатления о покрывавшем нивы изумрудном ковре злаковых, усеянном всевозможными цветами.

Идя вдоль южных отрогов Хэнтэя, священной горы монголов, караван вступил в долину верхней Туулы, откуда путь лежал к верхнему Онону. Эта земля считалась сердцем страны монголов. «Население было многочисленным и поголовно обитало в черных кибитках и белых юртах, живя скотоводством и охотой. Люди носили меха и шкуры и продовольствовались мясом и изделиями из молока. У юношей и девушек были длинные волосы, закрывавшие уши. Замужние женщины носили головные уборы, сделанные из древесной коры, длиной в два фута, которые они иногда покрывали шерстяной тканью или, если были богаты, куском красного шелка. Продолжением этого убора являлась длинная коса».

Монголы, как сказано в цитируемом очерке, письменности не знали; договоры заключались устно, в крайнем случае подкрепляли слова насечками, делавшимися на досках. «Они неукоснительно выполняли приказания вождей и никогда не нарушали данного слова» — таково ценное свидетельство о дисциплине, существовавшей во владениях Чингисхана, в то время как за их пределами царила анархия.

Теперь китайский путешественник находился в горах Хангая. Его биограф мимоходом отмечает красоту отвесных скал, «покрытых соснами столь высокими, что их вершины достигают облаков, и растущими так тесно, что солнечные лучи не могут пробиться и подлеску»; красоту скал, между прочим, покрытых снегом шесть месяцев в году.

Караван пересек верхний Орхон, затем реку Боргатай, прошел вдоль озера Цаган-по и 19 июля оказался перед царской ордой, ставкой, где Чингисовы супруги ожидали возвращения их героя.

Утром 29 июля китайский монах и его спутники покинули палаточный дворец и двинулись на юго-запад, в страну найманов.

14 августа, оказавшись на территории, лежащей юго-западнее

нынешнего Улясутая и южнее Дзавхан-гола, они прошли вблизи некоего города, где Чинкай, канцлер Темучжина, построил хлебохранилища и разместил колонию вывезенных китайских ремесленников, в том числе ювелиров. Там же находились две бывшие наложницы «Золотого царя», плененные во время штурма Пекина. Все эти сосланные китайцы встретили монаха-соотечественника со слезами радости.

Чинкай сообщил даосскому монаху, сколь не терпелось Чингисхану увидеть его у себя, и, дабы ускорить движение каравана, сам к нему присоединился.

Территория, на которой они находились, лежала между Хангаем и Алтаем. «Вершины гор еще были под снегом, а у их основания то и дело встречались курганы, на которых мы порой замечали остатки жертв, принесенных духам гор».

Горные дороги в стране найманов были так трудны, а Завователь так спешил увидеть китайца, что было решено отказаться от доброй половины колесниц и продолжить путешествие верхом на лошадях. Жизнеописатель монаха сообщает и такую деталь: в тех горах водились злые духи. «Прежде всякий раз, когда царь найманов проезжал по этому краю, его околдовывал демон, заставляя принести установленную жертву».

2 сентября караван достиг северо-восточного склона Алтая.

Алтайские горы можно было пройти по одной-единственной дороге, когда-то проложенной Угэдэем. Следуя по ней, караванщики то подталкивали колесницы на подъемах снизу, то придерживали их спереди на спусках. «Оказавшись на южном склоне последней горной цепи, путники спустились, вероятно, по перевалу Давст, в долину Булгана, одного из истоков Урунгу, или, что будет точнее, немного восточнее, в долину малого Нарана. Затем они миновали пустыню, представлявшую собой бесконечное чередование барханов и тоже населенную зловещими духами, «которых отпугнули тем, что измазали лошадям головы кровью». С южной стороны перед путниками показалась фантастическая серебряная цепь предгорий Тянь-Шаня.

В конце сентября караван достиг уйгурского города Бешбалык (нынешний Дзимса, что приблизительно в ста тридцати километрах от современного Урумчи). Уйгурский царь, население, буддийские клирики и прочий люд приветствовали знаменитого китайского священнослужителя бурно и восторженно.

После гор и пустынь уйгурские оазисы, оплодотворенные водой, подававшейся по хитроумным ирригационным каналам, произвели на путников впечатление рая.

В Джамбалыке, на одной из террас, Чан-чуня ждал прекрасный обед с отличным вином и восхитительными дынями. То был последний на пути монаха буддийский город, западнее начинались мусульманские земли.

Пройдя вдоль Джунгарской пустыни, караван оказался на берегу красивого озера Сайрам, в зеркале которого отражались остроконечные вершины тянь-шаньских гор, покрытых густыми березняками и сосняками.

Второй сын Чингисхана, Чагатай, в 1219 году проторил по Талкийскому ущелью дорогу, соединившую озеро и поречье Или, перекинув через порожистые горные потоки деревянные мосты. «На этих мостах могли свободно разминуться две колесницы». Выйдя из Талкийского ущелья, караван оказался в Илийской долине, с ее пастбищами, зарослями грудной ягоды и шелковицы.

Беседы Чингисхана с китайским мудрецом

14 октября 1221 года караван с Чан-чунем вступил в Алмалык (неподалеку от нынешней Кульджи), в самом центре прекрасной Илийской долины. Тамошний правитель и даругачи, префект-монгол, вышли навстречу путникам. Край славился своими фруктами (в переводе с тюркского языка слово «алмалык» означает «яблочная страна»). В пересказываемом нами очерке путешествия китайца восхваляются также ирригационные сооружения, благодаря которым долина была превращена в сплошной сад, а также знаменитые хлопчатобумажные ткани местного изготовления.

По-прежнему следуя на запад, во второй половине октября караван пересек плодородные земли, прилегавшие к истокам Чу, Таласа и их притоков, и, минуя нынешние Чимкентскую и Ташкентскую области, приблизился к Сырдарье, через которую переправился 22 ноября. За нею начиналась Трансоксиана.

3 декабря Чан-чунь прибыл в Самарканд. С согласия монгольских влстей он провел зиму в этом городе: Чингисхан, занятый подавлением последних мятежей в афганских городах, в то время имел заботы более насущные. Вспомнил он о китайце в середине апреля 1222 года и направил к нему человека с посланием, в котором говорилось: «Святой человек, ты идешь из страны, где восходит солнце, и уже пересек с такими трудностями столько гор и дол! Вскоре я возвращусь, но уже сейчас мне не терпится узнать твое учение. Не задерживайся!»

Чан-чунь немедленно отправился в дорогу и 15 мая 1222 года прибыл в ставку Чингисхана.

Завоеватель оказал самый любезный прием пришедшему из дальнего далека монаху, который принес ему слова мудрости. Чингисхан был немало польщен видом того, кого тщетно приглашали к себе в Ханчжоу «Золотые цари».

— Тебя приглашали другие цари, и ты отказал им, но прибыл сюда по моей просьбе и для этого проделал путь в десять тысяч ли. Я тебе очень признателен.

Чан-чунь отвечал:

— Дикий житель гор (так он себя называл из традиционной отшельнической скромности. — Р. Г.) пришел, чтобы увидеть ваше величество. Такова воля Неба.

Пригласив гостя сесть, Чингисхан тут же задал вопрос:

— Святой муж, какое у тебя имеется средство для вечной жизни, чтобы снабдить им?

Монах сказал честно, но не как алхимик или кудесник, а как

философ:

— Есть средство хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия.

Чингисхан, разумеется, был глубоко разочарован, так как китаец был позван единственно для того, чтобы, как мы знаем, получить от него чудодейственный напиток, секрет приготовления которого якобы знали даосские монахи, напиток, который, как надеялся монгольский Герой, позволил бы ему стать бессмертным. Тем не менее — и это позволяет нам в полной мере оценить умение этого полудикого вождя владеть собой, благородство натуры Чингиса, а также природное великодушие, ставившее его на уровень высокородных рыцарей, — он не выказал и тени недовольства и даже поблагодарил гостя за честность и прямоту.

Присвоив монаху монгольский почетный титул, Завоеватель распорядился поставить для него две юрты неподалеку от царской.

Однако следует признать, что, не проявив видимого разочарования в мудром китайце и, напротив, оказав ему знаки истинного уважения, если не искренней привязанности, сын Есугая храброго более не выказывал намерения вступать с ним в философские беседы, в которых, несмотря на свой природный ум, он смыслил не так уж много… К тому же он был занят подавлением сопротивления в Афганистане и Хорасане, точнее, разорением этих стран, куда вскоре и отправился.

Чан-чунь попросил у гостеприимного хозяина разрешения дождаться его возвращения. Тот просьбу китайца удовлетворил и распорядился, чтобы с ним обращались как можно лучше. Так что монгольский губернатор Самарканда, кара-китай по имени Елюй Ахай, оказал монаху самый радушный прием: сообщают, например, что он потчевал его вкуснейшими арбузами.

В Самарканде даосский монах, обладаший, как видно, редким для своего времени умом, нашел полное взаимопонимание с местными мусульманами-книжниками, данишмендами.

В сентябре Чингисхан, покончив с афганскими мятежами, снова позвал к себе Чан-чуня, и тот 28-го числа прибыл в царскую ставку, находившуюся южнее Балха, у подножия Гиндукуша.

Даос со своейственной его собратьям независимостью объявил Завоевателю, что в Китае священнослужители его ранга освобождены от обязанности преклонять колени пред государем и имеют право приветствовать его поклоном головы, сложив ладони вместе. Великодушный Чингисхан против этой философской независимости не возражал. Трудно удержаться от того, чтобы лишний раз не подчеркнуть либеральность варвара-

завоевателя, оказавшегося более снисходительным и терпимым, нежели Александр Македонский, который, если помните, сначала лишил Калисфена своей милости, а затем и жизни за то, что тот отказался поклоняться ему на азиатский манер. Более того: Есугаев сын в знак уважения к гостю собственноручно поднес ему чашу с кумысом, любимым напитком монголов, но тот по религиозным мотивам его пить не стал. Это не помешало хозяину пригласить его обедать с ним каждый день. Но и на это приглашение даос ответил отказом, объяснив его тем, что одиночество подходит такому человеку, как он, более, нежели бивуачная суета. И на этот раз Чингисхану достало ума и сердца, чтобы уважить чувства гостя.

Осенью 1222 года царь и двор направились на север. Чанчунь их сопровождал. По дороге монгольский Герой постоянно посылал другу-философу всевозможные сладости, в том числе фруктовые и арбузные соки.

21 октября, находясь между Амударьей и Самаркандом, Завоеватель приказал поставить шатер и пригласил туда монаха, чтобы услышать лекцию о даосизме. На беседе присутствовал канцлер Чинкай, а Елюй Ахай переводил. «Император узнал много интересного, и слова мудреца покорили его сердце».

Философская беседа имела продолжение 25 октября, ночью. Речь монаха произвела на Чингисхана такое сильное впечатление, что было велено записать ее на китайском и уйгурском языках. Скорее всего, китаец пересказывал внимательному хозяину изречения Лао-цзы и Ле-цзы, легендарных основоположников даосизма, живших за четыре-пять веков до Христа, или изречения Чжуан-цзы, еще одного мудреца, современника Аристотеля. Не исключено, что Завоевателю пришлось услышать следующие строки из «Дао дэ цзина»:

Великий квадрат не имеет углов;
Большой сосуд долго изготовляется;
Сильный звук нельзя услышать;
Великий образ не имеет формы.

Возможно, монах попытался обучить великого монгола основам даосской аскезы, изложенной в «Книге Ле-цзы»: «Мое сердце сосредоточилось, мое тело исчезло. Мои ощущения стали подобны друг другу. Я более не чувствую ничего — ни того, на чем находится мое тело, ни того, на чем покоятся мои ступни. Подобно сухому листу, то на восток, то на запад меня несет ветер, и я уже не знаю, кто кем управляет: ветер мной или я ветром».

Той прекрасной ночью 25 октября 1222 года, под

Самаркандом, анахорет, возможно, поведал Завоевателю что-то из «Книги Чжуан-цзы», из ее второй главы «Сглаживание противоположностей», например: «…Как знать, почему это так, как знать, почему это не так? Однажды Чжуан-цзы приснилось, что он бабочка, счастливая бабочка, которая радуется, что достигла исполнения желаний, и которая не знает, что она Чжуан-цзы. Внезапно он проснулся и тогда с испугом увидел, что он Чжуан-цзы. Неизвестно, Чжуан-цзы снилось, что он бабочка, или же бабочке снилось, что она Чжуан-цзы».

Возможно, собеседники, вторя Ле-цзы, этому «китайскому Гамлету», увидев на обочине череп, говорили: «Этот череп и я знаем, что, в сущности, нет ни жизни, ни смерти».

Возможно, наконец, что китайский любомудр пересказывал монгольскому царю миф о платоновской небесной большой птице так, как он изложен в «Книге Чжуан-цзы»: «Направляясь в Южный океан, Пэн (или Феникс. — Е. С.) поднимает волны на пространстве в три тысячи лье. Опираясь на вихрь, Пэн взлетает на девяносто тысяч лье и улетает, пользуясь ветром, который дует к шестой луне… Птица Пэн кажется испарением, пылинкой, а ее движение — дыханием, которым овевают друг друга живые существа. Лазурь неба — это его настоящий цвет, так как оно далеко и нет ему ни конца ни края. Посмотрев вниз, Пэн видит то же самое, вот и все».

Эти слова, при всей их метафизичности, не вполне доступной пониманию Чингисхана, несомненно, произвели на него глубокое впечатление.

10 ноября монах пришел к Завоевателю в очередной раз.

— Дикий обитатель гор, — заявил он в ответ на приветствие хана, — уже давно обрек себя на одиночество и поиски Дао.[58] Но в лагере вашего величества, где меня окружает суета, сосредоточиться я не могу и потому прошу разрешения удалиться.

Чингисхан снова проявил великодушие и, зная, сколь тяжел был бы путь зимой для одинокого странника, сказал гостю:

— Я сам собираюсь возвращаться на восток. Не хотел бы ты поехать со мной? Подожди немного. Скоро возвратятся мои сыновья. А пока поговорим о твоей науке. В ней еще не все мне понятно.

Сколь по причине непогоды, столь и из ответной любезности китаец провел зиму 1222/23 года в Самарканде, щедро раздавая милостыню его несчастным жителям, два года назад волею судеб отданных в руки монголам.

10 марта, гонясь за раненым медведем во время охоты под Ташкентом, Чингисхан упал с лошади.

— Это знак Неба, — нравоучительно заметил даос, имея в виду опасность охоты для человека не совсем молодого.

— Ты прав, — ответил Завоеватель. — Но мы, монголы, звероловством занимаемся с детства и от этой привычки избавиться уже не в силах.

8 апреля Чан-чунь наконец простился с Есугаевым сыном. На прощание тот вручил ему скрепленный царской печатью указ, освобождавший ученых-даосов от налогов, и дал в сопровождающие одного из своих военных чиновников.

«Путь человека» в китайской философии

Путь китайца лежал через Чу, Или и Алмалык, а также через Джунгарию с ее бурями, до неузнаваемости изменявшими облик пустыни не без помощи, как утверждали тамошние жители, злых духов. Ему опять, но уже в обратном направлении, пришлось идти по перевалу Давст, по безводной и голой пустыне Гоби и, минуя враждебных тангутов, далее на юго-восток, через Ширгин в Онгин, затем в онгутский Куку-ото и наконец в китайскую провинцию Шаньси, куда он попал уже в июле 1223 года.

Через четыре года, в 1227 году, Чан-чунь умер.

Сочувственный интерес, проявленный к китайскому даосизму Чингисханом, подвиг приверженцев этого учения соорудить стелу. Она была воздвигнута в 1219 году, то есть за 24 месяца до встречи Завоевателя с Чан-чунем, по инициативе монаха, которому надлежало сопровождать Чан-чуня в его путешествии в Афганистан. Говоря от имени монгольского царя, она представляет его в довольно курьезном, чисто даосском виде. «Небо, — читаем мы на ней слова, якобы сказанные Чингисханом, — устало от надменности и любви к роскоши, достигших в Китае своего предела. Я живу на севере, где алчность возникнуть не может никогда. Я возвращаюсь к простоте и чистоте, сообразуясь с умеренностью (все это идеалы даосизма. — Р. Г.). Что касается одежд, которые я ношу, или пищи, которую принимаю, то все это такие же лохмотья и та же еда, что у пастухов и конюхов. Я обращаюсь с простым народом так же сочувственно, как с детьми, а со своими воинами, как с братьями. Принимая участие в битвах, я всегда нахожусь впереди всех. За семь лет я совершил великое дело, и отныне во всех шести измерениях пространства все подчинено одному закону».

Эта фразеология носит сугубо даосский характер. Но последнее предложение, хотя и скопировано с победных реляций древнекитайских императоров, без сомнения, содержит в себе отражение свойств монгольского царя или, если угодно, представление о себе, которое он пытался создать у своих современников.

Небезынтересно сравнить уважительное почтение, с каким Чингисхан внимал советам мудрого китайца, с его презрением к болтовне пустых говорунов. Принципиально не любя придворного протокола, он требовал, чтобы князья его дома от него воздерживались тоже. «Принцы крови обращались к нему только по имени Темучжин, к которому и в своих грамотах он не добавлял никаких почетных титулов».

Его переписку на персидском и арабском языках вел один из бывших письмоводителей хорезмшаха Мухаммеда.

Однажды Чингисхан приказал ему написать грозное послание атабегу Моссульскому. Писец, следуя персидской манере, раскрасил угрозу такими цветами риторики, что возмущенный царь спросил его, не шутку ли он с ним сыграл, и распорядился незамедлительно казнить незадачливого любителя пышных фраз.

Пресытившись победами, Великая армия возвращается на родину

Итак, зиму 1222/23 года Чингисхан провел под Самаркандом. Весной 1223 года, перед переходом на северный берег Сырдарьи, покидая этот край, он приказал, чтобы мать покойного султана Мухаммеда, надменная Теркен-хатун, а также все жены и родственники покойного хорезмшаха, взятые в плен монголами, пропуская вперед армию победителей, «стояли на обочине и, громко стеная и вопия, прощались с бывшим царством хорезмийским».

Это распоряжение стало прекрасным подтверждением искренности ответа Чингисхана на вопрос его друга Боорчу о том, что является наибольшим удовольствием для мужчины. По мнению Боорчу, оно заключалось в том, чтобы «весенним радостным днем отправиться на охоту, заседлать доброго коня, пустить кречета и посмотреть, как станет биться в его когтях добыча».

— Нет, — сказал Завоеватель, — самая большая радость для мужчины — это побеждать врагов, гнать их перед собой, отнимать у них имущество, видеть, как плачут их близкие, ездить на их лошадях, сжимать в своих объятиях их дочерей и жен.

Теперь все враги монгольского царя были разбиты. Весну 1223 года он провел на северном берегу Сырдарьи, устроив свою резиденцию в долине Чирчика, небольшого северного притока этой реки, к югу от нынешнего Ташкента, где восседал на золотом троне в окружении верных нойонов и баатуров. Лето того же года Есугаев сын провел, охотясь в степях Хулан-баши, то есть в окрестностях современных Ауле-ата и Бишкека, к югу от верхнего течения реки Чу и севернее Александровой горы. При нем неизменно находился Толуй, а также присоединились Чагатай с Угэдэем, проведшие зиму в охотничьих угодьях Бухары, откуда каждую неделю отправляли отцу по пятидесяти корзин дичи. Что касается их старшего брата, Чжочи, то он остался на севере, в степях нижнего поречья Чу, откуда регулярно присылал отцу огромное количество битого зверя. «Вслед за Чингисханом его воины любили охоту на куланов, которые так уставали от погони, что их можно было брать руками. Насытившись этой забавой, они отпускали животных на волю, но прежде выжигали на их спинах свои тамги, тавро».

Затем не имевшая более врагов армия двинулась на север, домой. Два внука Завоевателя, Хубилай и Хулагу, сыновья Толуя,

соответственно будущий правитель Китая и будущий хан Персии, встретили Чингисхана на берегу Эмиля, в Тарбагатае. «Одиннадцатилетний Хубилай по пути подстрелил зайца; девятилетний Хулагу взял оленя. У монголов существовал обычай натирать мясом и жиром безымянный палец правой руки мальчику, первый раз принявшему участие в охоте. Эту процедуру посвящения в охотники внуков проделал сам Чингисхан».

Лето 1224 года Завоеватель провел на берегах верхнего Иртыша. Он надолго задержался в стране найманов и добрался до своего стойбища в Черном лесу, на берега Туулы, лишь весной 1225 года, то есть через шесть лет отсутствия.

Монгольский эпос рассказал о возвращении Покорителя Вселенной к родным очагам более того, что известно истории. Отзвуки подобных преданий, главной темой которых является «плач Борте», мы находим, в частности, у Саган Сэцэна, жившего в XVII веке.

На протяжении всей 6-летней кампании при Чингисхане находилась только одна из всех его жен — красавица меркитка Хулан. Борте, которая вовсе не была ревнивой, наконец устала от затянувшегося отсутствия мужа и даже якобы начала побаиваться, как бы не случилось какой беды с Монголией, оставленной без защитника. «Орел, — взывала она к Чингисхану, — устраивает гнездо на вершине высокого дерева, но если он долго не будет возвращаться, другие птицы могут съесть его яйца и птенцов!» Чингисхан решает вернуться в Монголию, но не без некоторого опасения по поводу приема, который, возможно, ему готовила Борте. Он торопится к ней, желая удостовериться в ее намерениях. Однако Борте, как женщина осмотрительная, спешит убедить его, что не находит в поведении супруга ничего противоестественного: «На озере с берегами, заросшими ивняком, водится много диких гусей и лебедей. Господин волен стрелять их сколько угодно. В наших племенах имеется много молодых дев и жен. Господин может сам назначать своих избранниц. Он волен взять новую жену, оседлать еще не укрощенного скакуна». Успокоенный этими речами, супруг вступил в свою юрту.

О, суета великих деяний человеческих! Эта, вероятно, выдуманная домашняя история — вот все, что после смерти Героя сохранилось в памяти его потомков от грандиозного похода, положившего к ногам монголов величайшую империю мусульманского мира!

Через Персию, Кавказ и Русь Удивительный переход, совершенный Джебэ и Субутаем

Прежде чем отправиться за Чингисханом в его последний поход на Китай, надлежит рассказать о переходе, совершенном его ближайшими соратниками, «Стрелой» Джебэ и храбрым Субутаем, по северо-западу Персии, Кавказу и югу Руси. Этот фантастический рейд, возможно, более, чем многочисленные экспедиции самого Покорителя Вселенной, способствовал созданию легенды о вездесущности и непобедимости монгольских всадников.

Выше мы рассказали, что Джебэ и Субутай, два лучших монгольских ратоводца, имели задание с двадцатью тысячами конных воинов поймать метавшегося по Ирану хорезмшаха. Под Хамаданом султан оторвался от преследователей и укрылся на одном из небольших каспийских островков, где и скончался. Понимая, что теперь цель действий изменилась, они продолжили свой поход, придав ему характер разведки, имея в виду будущие экспедиции.

По пути они облагали данью города уже подчинившиеся и грабили, уничтожали те, что оказывали сопротивление. Так, монголы взяли приступом Казвин, крупный персидский город, стоявший в ста сорока километрах западнее нынешнего Тегерана, город, славившийся коврами и гиланскими шелками. «Горожане сражались на улицах и своими ножами истребили множество монголов. Но отчаянное сопротивление не смогло уберечь казвинцев от побоища, в котором их погибло более сорока тысяч душ».

Оттуда Джебэ и Субутай, скача по высокогорным степям, составлявшим основную часть северо-западной Персии, ворвались в провинцию Азербайджан, издавна славившуюся своим богатством, которое ей обеспечивали, во-первых, имевшиеся в ее центре орошаемые оазисы, главным из которых являлся Тебриз, и во-вторых — двойная полоса лесов, ограничивавших ее на востоке и западе.

Монголы устремились к Тебризу, красивому городу, стоявшему в окружении садов посреди аллювиальной долины с развитой оросительной системой и здоровым климатом. Тюркский правитель, атабек Азербайджана Узбег, купил мир Тебризу ценой огромной дани, состоявшей из серебряных денег, одежд и лошадей. На зимние квартиры (1220/21 г.) Джебэ с

Субутаем отправились поближе к Каспийскому морю и остановились в месте впадения Аракса в Куру. Едва их конница отдохнула и отъелась в степях Могана, где январь бывает очень мягким и уже в это время там пробивается новая трава, монголы двинулись дальше и в феврале, поднявшись вверх по Куре, вступили в пределы Грузии, христианского государства, в ту пору достигшего апогея своего могущества. Защищая Тбилиси, блистательное грузинское рыцарство, ведомое царем Георгием III, выступило им навстречу. Сшибка произошла в Котманской долине, южнее Тбилиси. Монголы, верные привычной тактике, начали с изматывания противника бесполезными стычками, затем вдруг перешли к массированному наступлению и разбили грузин наголову.

Разграбление, которому варвары подвергли тучные грузинские нивы и богатые селения, украшенные старинными храмами, было поистине ужасным, но слишком быстрым, чтобы действительно разорить страну.

Весной Джебэ и Субутай возвратились в Персию, в ее Азербайджан, и напали на Марагу, один из красивейших тамошних городов, славный садами и огородами, охраняемыми рядами тополей, ореховых деревьев и ракит. По своему обычаю монголы поставили в первый ряд мусульман, пригнанных из соседних деревень. Заняв город 30 марта, они истребили его население и сожгли все, что не сумели унести с собой.

Далее монгольские воеводы решили вернуться в Хамадан, с которого в минувшем году взяли только оброк. Несомненно, город произвел на них впечатление процветающего благодаря своим садам, фонтанам, окружавшим его лугам и зарослям ивняка, питаемым водами горных потоков, стекающих с Эльвенда. Поскольку хамаданцы отказались платить повторную дань возвратившимся монголам, город осадили. Горожане сражались мужественно, рубились отчаянно. В день последнего штурма они дрались с ножами в руках за каждую улицу. Разумеется, монголы-победители ответили им всеобщим избиением и пожарами.

Осенью 1221 года из Хамадана Субутай и Джебэ опять двинулись в Грузию. Притворно отступая, Субутай заманил грузинскую кавалерию в западню к Джебэ. Грузины во второй раз были разбиты наголову.

После этой победы монгольские стратеги замыслили дело поразительной дерзости. Из разграбленного Закавказья они со своми двадцатью тысячами конных ратников решили проникнуть в Европу, мир совершенно им не известный.

Миновав Дербент, «ворота», находящиеся между дагестанскими горами, последними отрогами Кавказа, и

каспийским побережьем, они очутились в степях, орошаемых Тереком, Кумой и их притоками и продолжающихся на северо-западе бескрайними русскими «серыми» степями, представляющими собой прекрасный выпас для лошадей и овец и занимающими все северное Причерноморье, от предгорий Кавказа до бассейна Кубани; а также степями «белыми», лежащими на северо-востоке и занимающими солончаковые низины, которые окружают Каспийское море.

Здесь монголы должны были себя чувствовать как дома. После неуютных для них древних культурных земель Ирана и Китая они нашли тут немереные просторы далекой отчизны, бескрайние долины, то выжигаемые солнцем, то пронизываемые холодными ветрами и представляющие собой прекрасное пастбище для их утомленных походами лошадей. Однако по выходе из кавказских ущелий, на пороге вольной степи, монголов внезапно атаковали объединенные силы горцев: лезгинов, черкесов, аланов, древнего народа ирано-скифской расы, исповедовавшего христианство и жившего на берегах Терека и Кумы, а также кипчаков, тюрок, оставшихся «язычниками», то есть немусульманами, кочевавших по южнорусской степи вплоть до Волги. Коалиция представляла собой силу внушительную, но сообразительные баатуры сумели ее развалить, уговорив кипчаков, таких же, как они сами, тюрко-монголов, ведущих скитальческую жизнь. «Зачем, — сказали они им, — вам объединяться с вашими естественными врагами, христианами и мусульманами, против нас, ваших братьев, уроженцев Верхней Азии?» Чтобы добиться от кипчаков нейтралитета, к этническому аргументу Джебэ и Субутай присовокупили довод еще более весомый: они уступили им часть военной добычи.

Оставленные на самих себя аланы и горцы потерпели поражение. Но, как и следовало ожидать, монголы тут же обратили свое оружие и против кипчаков. Разбив «родственников» в пух и прах, они отобрали у них все, в том числе и свои подарки.

Русская земля, в ту пору поделенная на множество княжеств, далее Киева и Харькова, во всяком случае, за Канев не простиралась. Русские князья, которых соседство неисправимых грабителей, каковыми являлись кипчаки, не радовало, в их ссору с монголами до поры не ввязывались. Но самый могущественный из русичей, князь Владимир Суздальский и Владимирский, был женат на дочери кипчакского царя. Благодаря этой семейной связи кипчаки все-таки добились вмешательства в свой конфликт с монголами трех русских князей-соседей, правителей Киева, Чернигова и Галича. Когда русские сошлись на Днепре, Джебэ и Субутай направили к ним десять послов с предложением мира.

«Русские, — говорили они, — должны воспользоваться этой благоприятной возможностью, чтобы отомстить кипчакам за давние грабежи. Русским надо объединиться с монголами, а затем поровну поделить добычу. Даже с точки зрения религиозной они должны предпочитать союз с почитающими единого Бога монголами союзу с кипчаками, идолопоклонниками».

Приводя этот последний аргумент, монголы имели в виду, наверно, веру в Тенгри, но не несторианство. Как бы там ни было, вместо того чтобы прислушаться к словам Чингисовых людей, русские парламентеров умертвили. Увы, точно так же четырьмя годами ранее хорезмшах навлек беду на свое государство.

Русская армия силою до восьмидесяти тысяч ратников спустилась вниз по днепровской долине и там, возле Хортицы, вошла в соприкосновение с монголами. Поначалу тактическое преимущество было у русских. Как обычно, симулируя отступление, монголы старались измотать врага и заманить его в западню. Так они отходили девять дней. Дойдя до Калки, небольшой калмыцкой речки, впадающей в Азовское море через реку Кальмиус в окрестностях Мариуполя, Джебэ с Субутаем вдруг остановились и заняли боевые позиции. Русские не только не были готовы к такой перемене в поведении противника, но и оказались неспособными к согласованным действиям. Князь Галицкий, черниговцы и вслед за ними кипчаки устремились на врага, не дав киевлянам времени присоединиться к начавшемуся наступлению. Джебэ и Субутай, похоже, загодя выбрав это место для битвы, русских опрокинули, а князь Галицкий просто сбежал с поля брани (31 мая 1222 г.). Князь Мстислав Романович Киевский, войско которого уцелело, заперся в укрепленном лагере и после трех дней успешной обороны предложил монголам хороший выкуп за возможность уйти. Те условия русских приняли, но убийство послов забыто не было; и когда Мстислав оказался у них в руках, его умертвили, а вместе с ним и всех киевлян. Уместно уточнить, что князь задохнулся под тяжестью наложенных на него досок и ковров. Этой казни русские летописцы простить врагам не могли, но следовало бы знать, что подобная расправа у монголов считалась почетной, ее удостаивались исключительно лица высокородные, дабы не проливать их крови.

Одержав столь громкую победу, Чингисиды, казалось, должны были попытаться отогнать русских к Киеву и Чернигову. Но они этого делать не стали, удовлетворившись преподанным уроком: они успокоили свое сердце тем, что разорили несколько городов на кумано-русской границе. Один монгольский отряд

проник в Крым, к тому времени сильно разбогатевший на торговле с Генуей и Венецией. Главным портом полуострова была Сольдая, нынешний Судак, куда генуэзцы приплывали за северными мехами, белкой и черно-бурой лисой, а также за рабами, которых перепродавали в Египте. Монголы этот торговый центр уничтожили, и это был их единственный «недружелюбный» поступок по отношению к латинскому миру.

В конце 1222 года Джебэ и Субутай напали на прикамских болгар. Этот народ тюркской расы и мусульманского вероисповедания жил в лесах, окружавших нынешнюю Казань, недалеко от того места, где Кама впадает в верхнюю Волгу. Он торговал с Персией и Хорезмом дарами северной природы: мехами, воском и медом. Болгары встретили монголов с оружием в руках; но были завлечены в засаду, окружены и во множестве уничтожены.

После этого Темучжиновы ратоводцы стали подумывать о возвращении в Азию. Они пересекли Волгу (в ее нижнем течении), Урал, склонили к покорности кочевавших восточнее этой реки (в районе нынешнего Уральска и современного Актюбинска) тюрок-канглы, а затем, миновав Эмиль и Тарбагатай, возвратились в Монголию.

Чингисхан мог быть доволен. В ходе этого разведывательного рейда Джебэ с Субутаем покрыли расстояние, равное восьми тысячам километров, и, одержав ряд побед над персами, кавказцами, тюрками и русскими, доставили ему ценные сведения о пройденных странах. Субутай воспользуется этими знаниями через два десятка лет, когда Чингисовы сыновья поручат ему завоевание Европы.

Годы покоя

Осенью 1225 года Чингисхан возвратился из Туркестана в Монголию, на берега Туулы, в район нынешней Урги. Наступили годы отдыха Великого Завоевателя. Его власть простиралась от Самарканда до Пекина. На беспокойных границах обширной империи ратоборствовали его верные воеводы, подавляя любые попытки сопротивления. Ему, встретившему так много жизненных трудностей попервоначалу, за судьбу своего творения теперь можно было не беспокоиться. Не будучи стариком — в тот период ему было 58 лет, — он вполне мог рассчитывать на относительный покой. Именно таким, занятым мыслями об отдыхе, представляет нам Есугаева сына четыре века спустя его далекий потомок, монгольский историограф Саган Сэцэн, который изобразил этого железного человека стоящим на краю вешнего поля, грустным и задумчивым, охваченным неизъяснимой тоской: «Вот прекрасное место для собраний спокойного народа, прекрасное пастбище для оленей и серн, отменное место для отдыха старого человека».

Но в действительности отдых Покорителя Вселенной не носил характера буддийской пасторали. Как он отдыхал, мы знаем: прежде всего устраивая гигантские звериные облавы, подобные тем, в которых участвовал в 1223 году под Ташкентом, видя в них разновидность войны; его развлекали также всевозможные игры и, естественно, попойки.

Некоторое представление о досуге Чингисхана можно составить по рассказу китайца Чжао Хуна, представлявшего при его правой руке, каковой являлся Мухали, ханчжоуский двор. Как-то раз Мухали пригласил к себе посла и спросил:

— Сегодня играли в конный мяч… почему ты не пришел?

Китаец ответил, что, не будучи приглашенным, принять участие в царской забаве не дерзнул.

Тогда Мухали сказал:

— Ты приехал в наше государство, — следовательно, стал человеком одной с нами семьи. Приходи веселиться всякий раз, когда бывает пир, игра в мяч или облава на зверя и выезд на охоту. Зачем еще нужно приглашать и звать?

Расхохотавшись, он велел послу выпить шесть штрафных чаш вина и отпустил его только тогда, когда тот сделался совершенно пьяным.

Мухали, между прочим, проникся настоящей дружбой к этому китайцу, который в войне с «Золотым царем» показал себя весьма способным военачальником. Когда настал день прощания с Чжао

Хуном, Мухали приказал сопровождавшим его чиновникам «во всех хороших городах оставлять его на несколько дней дольше, давать ему пить хорошее вино и есть хорошую пищу. И в конце добавил:

— Пусть играют для него на хорошей флейте и бьют в хороший барабан!

Услаждать игрой на музыкальных инструментах, само собой разумеется, должны были луноликие красавицы; известно, что, например, за Мухали во время походов следовало до двадцати музыканток. Китайские дипломаты к тому же отмечали особый дар Мухали подбирать себе женщин. «Когда ваш посол представлялся монгольскому полководцу, — доносит один из них венценосному Цзинь, — после обмена протокольными любезностями его пригласили сесть и испить вина в компании одной из жен Мухали… Вместе с ним сидела его жена принцесса Лай Мань и все восемь наложниц, которых величают госпожами. Упомянутые наложницы все ослепительной белизны и красивой наружности. Четыре из придворных дам — дочери цзиньских разбойников, а четыре других — татарки. Из всех восьми четыре госпожи особенно красивы и пользуются наибольшей любовью Мухали. Все одеты в платья и шелка, какие носят северные варвары».

Главное удовольствие на подобных раутах, естественно, заключалось в распитии вин. Чингисхан утверждал, впрочем, что приличие позволяет напиваться лишь три раза в 30 дней. К этому он добавлял, что было бы лучше, если бы люди бывали пьяными два раза в месяц или даже один. «Но было бы лучше, если бы люди не пили вина вовсе. Однако где найти человека столь достойного поведения?» — с грустью замечал он.

Мы уже указывали на разницу между зверством монгольских воинов и добродушным поведением Есугаева сына в кругу близких. Более того: как ни странно, но Чингисхан, этот варвар, при случае демонстрировал великодушие и светскость воистину неожиданные и не свойственные его окружению!

В 1200 году, когда Чингисхан находился в Трансоксиане, скончался один из его старых вассалов, киданьский вождь Елюй Люге, при поддержке монголов возвративший себе небольшое княжество в Ляодуне, что на юге Маньчжурии. Его жена Яо Лисю стала управлять делами сама с согласия Темуге-отчигина, брата Завоевателя, оставленного им царствовать в Монголии на время его отсутствия. Когда Чингисхан возвратился, она с сыновьями явилась в царскую ставку. «Представ перед своим господином, она, как требовал этикет, опустилась на колени. Тот принял вдову необычайно ласково и даже оказал честь — наиболее

желанную! — поднеся ей чашу. Она предложила, чтобы ее княжество перешло к старшему сыну Елюя Люге, юноше, который сопровождал царя в войне с хорезмшахом и которым он, Чингисхан, был очень доволен. Завоеватель одобрил пожелание регентши, отметив его разумность и справедливость… Когда она стала прощаться, он дал ей девять пленных китайцев, девять чистопородных лошадей, девять слитков золота, девять штук шелковой ткани и девять драгоценных украшений» (число «9» у монголов считается священным. — Р. Г.). Что касается киданьского княжича, то его услуги были оплачены не менее щедро.

— Твой отец, — сказал ему Покоритель Вселенной, — когда-то отдал мне тебя как залог его преданности. Я всегда относился к нему как к своему младшему брату и люблю тебя как сына. Командуй моими войсками (в Ляодуне. — Р. Г.) вместе с моим братом Бельгутаем и живите в тесном содружестве.

Чингисхан поступил точно так же с наследником онгутских князей, несторианином Бо Яохэ. Этот 17-летний молодой человек тоже сопровождал его в Хорезмийской кампании. По возвращении из похода Завоеватель женил его на собственной дочери Алахай-бэги. Бо Яохэ и Алахай мирно княжили в своей отчине, находившейся в районе Гуэйхуачена, северо-западнее Шаньси, управляя тюрко-онгутским народом, интересным для нас своею верностью христианству. Супруги не могли иметь детей, и Алахай, обладавшая таким же, как у отца, деятельным характером, а также добротой Оэлун, воспитывала как своих собственных сыновей, которых ее муж прижил с наложницей, и подготовила их для правления государством. Пасынки отважной хатун, в свою очередь, тоже женились на царевнах из Чингисова дома и тем самым увековечили союз этих двух семей, союз, утвердивший христианство на ступенях самого монгольского трона.

«Я или погибну, или их уничтожу!»

Вернувшись домой, Чингисхан не смог, как хотелось бы, отдохнуть и одного года. Неспокойно было в Китае, но более, чем сопротивление «Золотого царя», Чингисхана выводило из себя предательство тангутов. Напомним, тангуты, народ тибетских корней, отчасти синизировавшийся (он даже создал собственный алфавит на основе китайской письменности), два столетия являлся владетелем китайской провинции Ганьсу, а также Ордосской и Алашаньской степей. В 1209 году Чингисхан после нескольких экспедиций принудил их царя признать себя вассалом монголов, что обязывало его в случае войны поставлять сюзерену определенный контингент войск. В 1219 году Завоеватель готовился к войне с хорезмшахом и потребовал от тангутского правителя установленного количества воинов.

— Ты обещал быть моею правою рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на хорезмийский народ, который порвал мои золотые бразды.

Однако тангутский царек, похоже, находился под влиянием своего могущественного министра, презиравшего монголов. Именно этот сановник, по имени Аша-Гамбу, опередив своего господина, ответил на просьбу Завоевателя следующей дерзкой речью:

— Не имеешь сил, так незачем и ханом быть!

Эта наглость показалась Чингисхану слишком оскорбительной, а «нескромных слов» он не прощал никому. Однако поход на Хорезм был уже объявлен, так что, не нарушив порядка вещей, не было возможности осуществить карательную экспедицию против тангутов, и Есугаев сын ее до поры отложил:

— Пусть сбудется это тогда, когда с помощью Вечного Неба я ворочусь, крепко держа золотые бразды!

И вот он вернулся, перевернув вверх дном все хорезмийское царство! Час мести настал.

Весной 1226 года Чингисхан двинулся на тангутов. Угэдэй и Толуй отправились в поход вместе с ним. Как и в войне с хорезмшахом, Завоеватель взял с собой Хулан и для компании ей — татарку-фаворитку Есуй.

Начало экспедиции ничего хорошего не обещало. Монголы перешли пустынную Алашань. Ее вид оживляла только узкая полоска оазисов и пастбищ, над которыми на востоке возвышалась горная цепь высотой до трех тысяч метров, на чьих лесистых склонах можно было встретить куланов и мускусных оленей. По привычке и вопреки предостережениям китайского

даоса Завоеватель целиком отдался охотничьей страсти. Во время очередной облавы загонщики подняли табун куланов, но в этот самый момент коричнево-серый конь Чингиса встал вдруг на дыбы и сбросил седока наземь.

Когда хана подняли, он пожаловался на сильные боли внутри. Разбили лагерь. Случилось это в Цоорхате. Утром Есуй-хатун позвала царевичей и нойонов и объявила:

— У государя ночью был сильный жар. Надо обсудить положение.

Генерал Толун-черби предложил перенести поход на другое время.

— Тангуты, — сказал он, — люди оседлые, живут в глинобитных городищах. Ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои глиняные дома?.. Поэтому нам следовало бы отступить, а по излечении государя снова выступить в поход.

Полководец имел в виду то, что, возвратившись в Монголию, Чингисхан поправил бы здоровье и потом снова отправился бы в поход. Но Завоеватель был категорически против:

— Тангуты чего доброго решат, что мы ушли из трусости. Поэтому мы, возможно, и отступим, но не ранее, чем пошлем к тангутам посла и здечь же, в урочище Цоорхат, дождемся от них ответа.

Так и поступили. Тангутскому царю был направлен настоящий ультиматум: «Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими тангутами моею правою рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на хорезмийцев, нарушивших условия мирного договора. Но ты не только не сдержал слова и не дал войска, но и ответил мне дерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобою потом. Ныне, завершив Хорезмийский поход, я возвратился и иду к тебе, Бурхан, потребовать отчет».

Получив ужасное известие, тангут забеспокоился:

— Оскорбительных слов я не говорил!

Ответственность за давний вызов взял на себя Аша-Гамбу:

— Это я произнес оскорбительные слова! А теперь, если вы, монголы, как любители сражений, хотите сражаться, то есть у меня для этого Алашайское ущелье, есть и решетчатые юрты, есть и вьючные верблюды! Если вам нужны золото и серебро да ткани с товарами, то идите в Нинся и в Силян.

Получив этот провокационный ответ, Чингисхан, невзирая на травму, вызванную падением с лошади, постановил довести Тангутскую кампанию до логического завершения:

— Довольно! — воскликнул он. — Как можно думать об отступлении, слыша такие оскорбительные речи? Меня и мертвого стали бы преследовать эти надменные слова. За них и

идем!

И, связывая себя клятвой, Есугаев сын призвал в свидетели принятого решения Вечного Тенгри, верховного Бога монголов:

— Да будет воля Вечного Неба!

В марте 1226 года Чингисова армия нанесла удар по Тангутскому царству, действуя через Эдзин-гол, речку, стекающую с Наньшаньских гор строго на север и теряющуюся вместе с окаймляющей ее узкой полосой растительности (ива, тамариск и тограх) в песках и камнях Гоби. Монголам удалось взять город Эдзина, который, стоя у северного края Гоби, защищал подходы к долине. Как отмечает Марко Поло, эта страна славилась своими верблюдами, высоко ценившимися гобийскими караванщиками, а также кречетами, обладавшими исключительными ловческими способностями.

Поднявшись по долине, монголы оказались в «Ганьсунском коридоре», представлявшем собой полосу лёссовых почв, оплодотворяемых реками, стекающими с гор с юго-запада на северо-восток, между Наньшанем (по его северному краю) и Гоби. Цепь оазисов, из которых крупнейшими являются Ганьчжоу и Сучжоу, тянется вдоль стены ив и тополей, среди садов, лугов, пшеничных и просеянных полей, что делает их местом вожделенного отдыха прибывающих из пустыни караванов. Не случайно во все времена Ганьчжоу и Сучжоу славились как «порты» Шелкового пути. По свидетельству Марко Поло, благодаря торговле там сформировалась несторианская община, благоденствовавшая среди буддийского большинства. Побывавший в тех местах через 40 лет названный путешественник видел в Ганьчжоу великолепные буддийские изваяния, установленные в монастырях, чья высокодуховная атмосфера произвела на него сильное впечатление. Отметил он и наличие трех христианских церквей.

Летом 1226 года монголы заняли эти два населенных пункта, после чего Темучжин, утомленный установившейся жарой, удалился в ближние горы, покрытые вечными снегами.

Осенью монголы, держа направление на восток, овладели округом Линчжоу и вышли к Хуанхэ в окрестностях Йинли, в ста километрах от Нинся, вражеской столицы.

Грабежи, которыми оккупанты отметили свое пребывание в этой стране караванных оазисов, как всегда, были ужасными. «Пытаясь спастись от монгольских сабель, жители прятались в горах — на западе это были Рихтгофеновы горы, а на востоке Алашань и Лошань — или в пещерах. Едва ли таким образом спаслось более двух человек из сотни. Поля были сплошь усеяны человеческими костями».

Монгольский бард уточняет, что явившегося на вызов Аша-Гамбу Чингисхан разбил и принудил бежать в Алашаньские горы. «Он отобрал у него юрты, его верблюдов с товарами, весь его народ и все это разметал, как пепел. Тангутов, способных носить оружие, и прежде всего их знать, он истребил». На этот провинившийся перед ним народ он выпустил своих кровожадных воинов с одним-единственным приказом: «Поступайте со всеми попавшими к вам в руки тангутами как вам заблагорассудится!»

Монгольские военачальники толкали Чингисхана именно по этому пути: дети степей и лесов, видевшие смысл только в охоте и пастьбе, они не понимали, чему могли послужить эти землеробы, которых только что привели к покорности, и эти нивы, которые они только что присоединили к своим владениям. Для монголов было проще уничтожить бесполезных, по их понятию, людей, не умевших ни присмотреть за стадом, ни кочевать за ним следом; а также сжечь урожай и уничтожить города, превратив их в опустыненную землю, в выпас для скота и лошадей. «Высшие чиновники доказывали государю, что его китайские подданные не имели никакой ценности и что было бы выгоднее их перебить всех до последнего, чтобы хотя бы извлечь пользу из освободившейся земли, сделав из нее пастбище».

Против этого возражал всего один человек, а именно Елюй Чуцай, киданьский книжник, «китайский» советник Покорителя Вселенной. «Услышав об этом варварстве, он возопил и здесь же доказал, какую пользу можно извлечь из плодородного края, населенного трудолюбивыми людьми. Он доказал, что, обложив умеренным налогом земельные угодья, товары, вино, уксус, соль, железо, дары вод и гор, можно получить 500 тысяч унций серебра, 80 тысяч штук шелка, 400 тысяч мешков зерна, и удивился, как при этом можно считать оседлое население бесполезным».

Главными качествами Завоевателя были ум и рассудительность. Он совершал или позволял совершать самые немыслимые зверства, но лишь потому, что в современной ему монгольской среде иного способа ведения войны не знали, как не представляли себе другого образа жизни, кроме кочевого, находя оседлые страны годными только для грабежей, разбоя и охоты на человека. Но в тот день, когда Чингисхана убедили, что дело обстояло иначе, он немедленно решил использовать новый опыт, тут же приказав Елюй Чуцаю разработать программу регулярного управления оседлым краем, включив в нее перечень фиксированных податей, словом, всего того, о чем говорил «китайский» советник.

В том же 1226 году, когда Чингисхан приступил к методическому завоеванию тангутских земель, его третий сын,

Угэдэй, в сопровождении монгольского полководца Цагана совершил кавалерийский рейд по владениям «Золотого царя», хотя Алтан-хан отправлял одно посольство за другим, пытаясь умиротворить Завоевателя неоднократными увещеваниями и уверениями в признании его своим созереном. Депутация, отправившаяся к Чингисхану в июне-июле 1227 года, похоже, встретила у Чингиса прием немного более радушный, чем все предыдущие.

Завоеватель, здоровье которого после случая на охоте постоянно ухудшалось, неожиданно для всех, как утверждают китайские хронисты, высказался в пользу перемирия, заявив своему окружению, что уже прошлой зимой пообещал себе, «когда сошлись пять планет», прекратить грабежи и убийства и что теперь настало время это намерение исполнить. Возможно, свое воздействие на монголов произвели подарки, посланные в качестве оброка «Золотым царем». Среди презентов, как отмечают хронисты, находились и огромные жемчужины, которые Чингисхан раздал военачальникам, носившим в ушах серьги. Узнав об этом, поспешили проколоть себе мочки все остальные монгольские ратоводцы.

«Дети мои, близок конец моего жизненного пути…»

Итак, шел 1227 год, последний год жизни Покорителя Вселенной. Не оправившись от прошлогоднего падения, Чингисхан чувствовал себя все хуже. В то время как монгольские полководцы штурмовали столицу тангутов, Покоритель Вселенной доживал свои последние недели, находясь в восточном Ганьсу. Пришел час ему серьезно подумать о престолонаследии. К своему старшему сыну (если тот действительно был его ребенком, в чем многие сомневались) он испытывал лишь чувство, похожее на вынужденную любовь. Впрочем, и сам Чжочи в последние годы вел себя странно. После разорения Хорезма он, вместо того чтобы весной 1223 года явиться к отцу и принять участие в грандиозных облавах, устроенных под Ташкентом, остался в туркестанско-сибирских степях и при дворе более не появился ни разу. Не замысливал ли он оставить отца, будучи уязвленным молчаливым подозрением в незаконнорожденности или не имел сил забыть того, что ему предпочли Угэдэя, его младшего брата? Заподозрив неладное, Чингисхан, как рассказывают, хотел было направить против него карательную экспедицию, но вскоре узнал, что Чжочи болен. И в самом деле, старший сын скончался в своем уделе, на севере Арала, в феврале 1227 года.

Однажды Чингисхану «был сон», и он призвал к себе Угэдэя с Толуем, ратоборствовавших в ближних пределах. Чагатай, один из оставшихся трех сыновей, постоянно находился в резервных войсках.

Попросив находившихся в юрте нойонов выйти на некоторое время, Завоеватель обратился к своим любимым чадам с последними напутствиями.

— Дети мои, — сказал он им, — близок конец моего жизненного пути. С помощью Вечного Тенгри я добыл для вас такое обширное царство, что путь из его середины к краю занял бы целый год. Если вам хочется его сохранить, будьте вместе, действуйте против ваших врагов сообща, поднимайте благосостояние ваших подданных в согласии друг с другом. Одному из вас предстоит взойти на престол. Пусть моим наследником будет Угэдэй. Исполните это решение после моей смерти, и пусть Чагатай, которого здесь нет, не сеет смут.

Болезнь Темучжина обострялась, но он постоянно думал о войне с Алтан-ханом, ибо если падение тангутской столицы являлось делом нескольких ближайших дней, то в руках

извечного врага монголов все еще оставался Хэнаньский редюит, в центре которого находился такой крупный город, как Кайфын, вражеская метрополия, казавшаяся неприступной. Думая об этой, незавершенной части затеянного дела, Завоеватель решил научить Толуя, как довести его до победного конца:

— Лучшие войска Алтан-хана стоят в крепости Тунгуань (охранявшей подступы к Хэнаню со стороны Шаньси. — Р. Г.). Эта крепость на юге прикрыта высокими горами, а с севера защищена Желтой рекой. С таких позиций выбить врага трудно. Надо попросить китайцев империи Сун пропустить нас по их территории. Они тоже враждуют с Цзинь и разрешение дадут. Наша армия, пройдя по югу Хэнаня, выйдет прямо к Кайфыну. Алтан-хану придется отзывать войска, сосредоточенные в Тунгуаньском ущелье, но они придут с опозданием, так как будут измотаны долгим переходом, и разбить их будет легко…

Так, находясь на смертном одре, Герой продиктовал сыновьям, а затем и нойонам, последний в своей жизни замысел операции, которую монголы с Толуем во главе шесть лет спустя успешно осуществили, так что взятие в мае 1233 года Кайфына стало, по сути дела, личной, хотя и посмертной, победой Покорителя Вселенной.

Умиравший Завоеватель думал также и о том, как отомстить последним тангутам. Нинся, столица этих вассалов-предателей, должна была вот-вот пасть. Но, принуждая Чингиса вести войну в том состоянии, в каком он тогда находился, тангуты вели его прямиком к гибели. Вот почему Есугаев сын и распорядился уничтожить всех защитников Нинся: мужчин и женщин, «отцов и матерей» до самого последнего колена. После его кончины по ходу воздаяния погребальных почестей сыновья должны были — в этом состояло одно из предсмертных волеизъявлений Покорителя Вселенной — возвещать ему, что он отмщен, что тангутское царство стерто с лица земли. «Во время похорон скажите мне: они истреблены все до последнего! Хан уничтожил их племя!»

Погребение монгольского Героя вылилось в избиение целого народа. Хотя резня, как видно, всеобщей не стала, что явствует из того, что значительное количество тангутов было отдано Есуй, сопровождавшей Чингисхана в его последнем походе.

Особенно теплые слова Завоеватель сказал своему верному Толуну-черби, который в предыдущем году, после падения своего господина с лошади, попытался перенести кампанию на другое время.

— Это ты, Толун, после несчастного случая на охоте под Арбухой озаботился состоянием моего здоровья; это ты хотел, чтобы я не медлил с лечением… Я тебя не послушал, так как

пришел наказать тангутов за их ядовитые речи… Что бы там ни было, Вечный Тенгри мне их выдал; наша месть свершилась… Все, что принес нам Илуху,[59] — его роскошные шатры, его кубки, его блюда, его золотую и серебряную посуду возьми себе; я тебе их отдаю.

Возможно, в последние минуты жизни Завоеватель был занят грустными размышлениями, приписываемыми ему одним хронистом: «Мои потомки будут носить златотканые одежды, ездить на прекрасных лошадях и обнимать красивейших дев. Но они забудут, кому они обязаны всем этим…»

Чингисхан умер 18 августа 1227 года в окрестностях Цинь-шуя, что севернее реки Вэй, в тех самых горах Восточного Ганьсу, где искал спасительной прохлады и исцеления. В ту пору ему едва исполнилось 60 лет.

«Он, словно кречет, кружил в небесах»

Погребальное путешествие того, кто был Покорителем Вселенной, начавшееся в Ганьсу и закончившееся у священной горы Хэнтэй, стало темой одной из замечательнейших поэм монгольской литературы, поэмы, зафиксированной в своих основных чертах в первой половине XVIII века, поскольку мы находим ее в «Золотой истории» («Алтан-тобчи»), датируемой 1604 годом, а также у Саган-сэцэна (около 1662 г.).

Хан скончался. Его тело положили на колесницу, чтобы затем отправить на родину. Среди стенаний воинов слышался голос одного из монгольских ратоводцев, Килугена храброго, вопрошавшего умершего:

— Не ты ли, господин, еще вчера, словно ястреб, парил над всеми народами? Неужели это тебя, господин, словно мертвеца, увозит сегодня от нас эта скрежещущая колесница? Неужели вправду ты покинул свою жену и своих детей? О господин мой, неужели ты покинул всех своих подданных? Не ты ли, господин, еще вчера, словно кречет, весело кружил в небесах? Неужто это ты сегодня упал наземь, подобно жеребенку, уставшему после долгого бега, подобно нежной траве, поваленной ураганом? Ты ли, господин, после шестидесяти лет жизни, когда пробил час дать покой девяти знаменам, вместо этого покинул их и лежишь здесь бездыханный?..

Плач и рыдания продолжались, когда колесница сдвинулась с места, но ее колеса неожиданно увязли в глине. Все усилия лошадей и старания толпы вытащить ее из грязи оказались напрасными. Тогда Килуген-баатур вновь воззвал к душе Чингисхана:

— Лев среди людей, посланец Вечного Синего Неба, сын Тенгри, о святой господин мой, хочешь ли ты покинуть верный тебе народ, хочешь ли ты нас оставить? Твоя родина, твоя высокородная, как и ты, жена, твое крепкое правительство, твои мудрые законы, твой народ, поделенный на тьмы, — все там! Твои любимые жены, твои войлочные шатры, твоя золотая юрта, твое царство, зиждущееся на справедливости, — все там! Земля, где ты родился, вода твоей купели, монгольский народ, твои сановники, князья и дворяне, Дэлиун-болдак, что на Ононе, где ты родился, — все там! Твое черное коневласое знамя, твои барабаны, трубы, флейты, Керуленская степь, где ты взошел на престол, аки царь царей, — все там! Твоя жена Борте, на которой ты женился совсем юным, твоя счастливая отчизна, твой великий народ, твои верные друзья — все там! Поскольку здешний край

теплее, поскольку отныне тангуты следуют твоим законам, скажи, господин, хочешь ли ты покинуть свой монгольский народ? Коли мы не можем более служить щитом дней твоих, мы желали бы хотя бы доставить твои останки на твою родину, передать их твоей жене Борте и успокоить чаяния твоего народа!

После этих речей застрявшая было колесница тронулась с места, и траурный кортеж направился в сторону Верхней Монголии.

О смерти Чингисхана какое-то время молчали: важно было не допустить, чтобы весть о ней дошла до народов враждебных или подчиненных совсем недавно, так как еще не все меры безопасности были приняты. На своем пути воины эскорта убивали всех более или менее подозрительных иноплеменников, имевших несчастье повстречаться с траурным шествием. Впрочем, это соответствовало древнеалтайскому обычаю, требовавшему таким способом обеспечить покойника слугами в лучшем мире. В соответствии с ним резали не только первых встречных, но также их лошадей и быков, приговаривая: «Отправляйтесь служить нашему господину на том свете».

Весть о кончине Героя была обнародована лишь после того, как траурный кортеж достиг главного царского стойбища, находившегося в верховьях Керулена. «Останки Завоевателя были поочередно устанавливаемы в юртах его главных жен, куда по приглашению Толуя съехались князья с княгинями царского рода и военачальники для того, чтобы воздать последние почести усопшему долгими причитаниями и громкими рыданиями. Жившие на дальних окраинах империи смогли приехать лишь через три месяца».

Где-то там, в лесу

После того как закончилось «оплакивание» и многие монголы прошли перед гробом того, кто дал им «власть над миром», Чингисхан был предан земле. Место погребения в свое время он сам указал, выбрав место на склоне одной из высот, составляющих массив Бурхан-халдуна. То была священная гора древних монголов, именно та, которая в дни испытаний спасла жизнь юному Темучжину, укрыв его в своих непроходимых лесах, та, к которой перед каждым судьбоносным решением, в роковые моменты своей жизни, начиная очередную большую войну, он приходил за поддержкой к верховному божеству монголов, Вечному Синему Небу, божеству, живущему на горных вершинах, среди священных источников. Оттуда стекают знаменитые Три Реки — Онон, Керулен и Туула, — питающие своими водами Степь предков. «Однажды, охотясь в тех местах, Чингисхан остановился отдохнуть под кроной большого одинокого дерева. Проведя там какое-то время в состоянии полузабытья и наконец поднявшись, он сказал, что хотел бы, чтобы после смерти его похоронили именно там».

Когда похороны закончились, место погребения было объявлено «табу», чтобы укрыть его от нескромного любопытства смертных. Со временем вокруг того одинокого дерева выросли другие деревья. Великий Завоеватель почиет в сени кедров, елей и лиственниц.

В сторону Крайнего Севера тянется немереная сибирская тайга, непроходимый лес, две трети года находящийся во власти снегов и морозов. В другую сторону открывается волнистая степь, весной покрываемая ярким ковром полевых цветов, степь, на юге теряющаяся в бескрайних песках Гоби. Над нею в голубой вышине на могучих крыльях парит властитель монгольского неба, златоглазый черный орел — реальный образ жизненного пути Героя, своею десницей охватившего пространство, лежащее между байкальскими лесами и Индом, между приаральскими степями и Великой Китайской равниной.

Сон других завоевателей постоянно тревожат толпы приходящих спросить у могил, в чем состоит секрет людской судьбы. Он же почиет там, наверху, никому не доступный и без остатка взятый обратно в лоно монгольской земли, с которой составляет единое целое и ныне и во веки веков.

ПОслесловие

Книга известного французского востоковеда Р. Груссе (1885–1952) рассказывает о Чингисхане, основавшем в XIII веке Монгольскую империю, которой принадлежит свое особое место среди когда-либо существовавших и существующих поныне великих держав. Чингисхан — одна из поистине знаковых фигур мировой истории. Его имя стоит в списке наиболее часто упоминаемых имен исторических деятелей, и в этом «повинны» не только масштаб и значение самой этой личности, но и те поразительно отличающиеся друг от друга оценки, которых она удостаивается. Этот разброд мнений определенным образом связан с протянувшейся через всю историю человечества чисто культурной границей между оседлыми и кочевыми народами, между зонами влияния их цивилизаций, т. е., с одной стороны, между Западом и Востоком, берущими историческое начало в оседлых центрах, а с другой — Евразией, у истоков истории которой стояли кочевые государства и империи.

Границы между этими культурными зонами естественны, однако это не означает, что существуют непреодолимые препятствия для обмена идеями. Дело доходило даже до того, что люди, проживавшие в этих зонах, как бы менялись местами в оценке потрясших мир в XIII веке походов монголов, когда имя Чингисхана в разных местах и в разное время то упоминалось только в негативном плане, то всячески превозносилось. У имени Чингисхана всегда, на той и другой стороне культурной границы, были свои друзья и враги, и оно удостоилось редкой чести быть буквально на слуху в течение столетий у множества народов. По числу своих хулителей и явных апологетов оно не имеет равных.

Вместе с тем каждая культура, конечно же, имеет определенные доминанты. Европейцу или, например, жителю плодородных равнин в азиатских междуречьях особенно близки ценности оседлого быта, возникшие еще в древних земледельческих поселениях, а обитатель бескрайних евразийских просторов неравнодушен к опыту первых покорителей этих пространств — кочевников-скотоводов. Земледельческое освоение Великой степи и строительство городов привели к появлению в этой зоне приверженцев новой культуры. Точно так же в старых и особенно новых центрах оседлой цивилизации имеются почитатели той объединительной роли в истории их родной страны, которую сыграли кочевники. Культуры взаимодействуют, и это ведет к почти повсеместному появлению «оседлоцентристов» («западников»,

«европоцентристов») и «номадофилов» («почвенников», «евразийцев»).

Исследователь-«оседлоцентрист» (из Китая, Европы, России, Монголии, стран Центральной Азии и т. д.) волен увидеть в Чингисхане лишь предводителя диких орд. Феномен Чингисхана для него — плод игры стихийных сил природы и проявление незаурядных личных качеств степного героя. Как правило, более интенсивное признание исключительных личных заслуг Чингисхана (неважно, при положительной или отрицательной оценке его деятельности вообще) в создании Монгольской империи содержится в научных трудах «оседлоцентристов», озабоченных выявлением истоков ее жизнеспособности и могущества вне основной траектории развития общества степняков. Для них цивилизация, историческое прошлое, общественный прогресс несовместимы с кочевничеством. В этом смысле само величие Чингисхана как незаурядного государственного и военного деятеля связывается ими с его уникальными способностями прислушиваться к советникам из покоренных народов «цивилизованного пояса».

Их коллеги — «номадофилы» из тех же стран, напротив, склонны делать акцент на историческом творчестве всего общества, породившего этот феномен. При этом монгольский «номадофил», ко всему прочему, будет сожалеть о том, что Чингисхан обескровил Монголию и увел в походы лучшие силы степи, которые навсегда осели и растворились в чужих странах, а у его русского единомышленника можно встретить суждения о том, что «Чингисхан и его ветераны» помешали «…естественному ходу событий», когда могло создаться государство, напоминавшее Тюркский и Уйгурский каганаты, но более устойчивое и менее агрессивное; что «личный интерес стал ставиться выше коллективного, из чего возникли два следствия: инертность и рознь».[60]

Любой из этих подходов страдает половинчатостью, неким смещением акцентов, но в сумме они дают причудливую мозаику образа героя. Книга Груссе не является в этом смысле исключением. Российский читатель получил возможность ознакомиться с еще одним, достаточно непривычным для него углом зрения на историю степного завоевателя, проложившего путь к евразийскому единению, на котором выросла впоследствии и Россия.

Груссе — блестящий знаток монгольских, китайских и персидских источников по истории средневековой Монголии и окружавшего ее в тот период мира. История возвышения Монгольской империи описывается им на основе скрупулезного

анализа разнородных сведений, жесткого отбора наиболее достоверных фактов. При чтении этой интересной книги, написанной живым языком, возникает масса вопросов, связанных не столько с затронутыми в книге событиями, сколько с интерпретацией этих событий автором. Материал, которым оперирует автор, явно не вмещается в узкие рамки его собственного «оседлоцентристского» подхода: это легко обнаруживается в обилии фраз с оговорками типа: «…не впадая в противоречие, можно утверждать…», «…как ни покажется странным…» и т. д.

В концентрированном виде идеология «оседлоцентризма» сформулирована А. Дж. Тойнби: «Несмотря на нерегулярные набеги на оседлые цивилизации, временно включающие кочевников в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории».[61] Кочевник, по Тойнби, «выходил из степи и опустошал сады цивилизованного общества» под воздействием внешних сил. «Были две такие силы, которым он слепо повиновался. Кочевника выталкивало из степи резкое изменение климата, либо его засасывал внешний вакуум, который образовывался в смежной области местного оседлого общества».[62]

Груссе вполне солидарен с учеными, отводящими кочевникам место за бортом исторических событий, но несомненным достоинством его книги, предназначенной для массового читателя, является почти полное отсутствие вытекающих из этой позиции изысканий в области философии истории, подробного обоснования культурного превосходства окружавших монголов народов. Экскурсы Груссе в область исторических оценок мимолетны и занимают в книге совсем немного места. Этим они и интересны, так как передают его общий взгляд на описываемые события в весьма концентрированном виде. В целом же французский историк скрупулезно следует за «монгольским бардом» — автором «Тайной истории монголов», памятника литературы XIII века. Поддавшись обаянию этого источника, Груссе не скрывает симпатии к Темучжину — будущему «Покорителю Вселенной» Чингисхану — и внимательно, с сочувствием, а порой с восхищением прослеживает его жизненный путь.

Обратившись в заключительных разделах своего труда к арабо-персидским источникам, в которых описываются «странствия Чингисхана по афганским горам», автор касается «зверств, чинившихся подданными Завоевателя», и вынужденно делает красноречивую оговорку: «Тот Чингисхан, к которому нас приучил монгольский эпос, говоря юридическим языком, от

участия в нижерассматриваемых делах освобожден. Он по-прежнему остается полубогом, существом великодушным, щедрым и величественным, одновременно умеренным во всем, уравновешенным, здравомыслящим и человечным, самим воплощением гуманности, которым всегда видели его подданные… Но что касается войны, в какую оказались втянуты монголы, то вести ее иначе, как по-монгольски, они, будучи стопроцентными кочевниками, полудикарями, уроженцами глухой степи и дремучей тайги, никак не могли, и, не впадая в противоречия, мы заявляем, что Чингисхан является личностью, равной величайшим творцам истории, и не виноват этот «монгольский Александр Великий» в том, что ему выпало возглавить войска, находишиеся приблизительно на той же стадии культурного развития, что и краснокожие индейцы американских прерий XVII века».

Итак, с одной стороны, удивительно свободная от какой-либо предвзятости морального толка характеристика личности правителя далекой степной державы, а с другой — увязка универсальных для тотальных войн «зверств» с низкой, на взгляд автора, «стадией культурного развития» его подданных. Для Груссе монголы — «полудикари», паразитирующие в завоеванном их талантливым предводителем Чингисханом историческом пространстве. Эта позиция в книге внешне выглядит весьма убедительно и подкреплена сведениями из авторитетных источников о бытовых подробностях жизни монголов. Причем автора нельзя упрекнуть в излишней тенденциозности в подборе материала. Просто ему кажется неустроенным, варварским сам кочевой образ жизни, легкий скарб обитателей юрт, их одежда, привычки, предпочтения в еде и даже яства на пирах знати, и поэтому такими же варварскими представляются ему любые жестокости и несправедливости, случавшиеся в степи. В одном месте он сетует: «Как ужасны были условия, в которых будущий Покоритель Вселенной проходил начальную школу жизни! Какие дикие нравы исповедовались жителями монгольских лесов и степей, где засады, предательства, похищения и убийства — короче говоря, охота на человека — была столь же обыденна, как и звероловство!» Речь же до этого шла всего лишь о заурядном для истории всех времен и народов событии — отравлении медленно действующим ядом представителя аристократии (в данном случае Есугай-баатура — отца главного героя, случайно оказавшегося в стане враждовавших с ним татар). Остракизм, которому сразу же вслед за этим подверглась вдова Есугая, мать Чингисхана Оэлун-учжин, со стороны вступивших в соперничество с ней вдов других степных аристократов, также не

может быть отнесен к сугубо варварскому поведению. Напротив, подобный конфликт характерен скорее для развитых классовых отношений, чем для родового строя варваров. Но Груссе и из этого делает картинку из жизни «полудикарей»: «Речи злых вдов, прозвучавшие в дымной юрте перед аппетитным куском баранины, — отличная иллюстрация к нищете всех этих степных царей и цариц!» Однако достаточно просто сменить декорации и запахи (отнюдь не в смысле благоухания), и можно представить, что действие происходит где-нибудь во Франции того же периода, в замке д'Артуа, например. Но для этого нужно избавиться от предвзятости «оседлоцентристского» взгляда на окружающий мир, увидеть, что и в степи есть историческое движение, но там очень редко встречаются (потому что не всегда и не везде уместны) величественные дворцы и соборы, витражи, росписи, барельефы, огромные гобелены, громоздкая мебель, библиотеки и тяжелый скарб, не приспособленные к быстрой и частой перевозке с места на место.

Будучи «оседлоцентристом», Груссе сталкивается с непреодолимым логическим противоречием, связанным с невозможностью в рамках этого подхода рационально объяснить источники могущества монголов, их военного и политического превосходства над высокоразвитыми государствами соседних и отдаленных оседлых народов. И здесь нужно отдать должное автору; он не ограничился традиционной констатацией умелого использования монголами советников из представителей покоренных стран (видимо, понимая всю шаткость этого аргумента, поскольку институт таких советников — спутник любого завоевания), а пошел дальше многих других биографов Чингисхана. Груссе выдвинул идею о восприятии Чингисхана его подданными как полубожественного существа. В какой-то мере это было прорывом в понимании внутреннего механизма поддержания образцового порядка в монгольском обществе и прежде всего железной дисциплины в войсках. Но высокая степень «сакральности», уникальные харизматические качества правителя означают всего лишь факт появления незаурядной личности в нужном месте и в нужное время и не могут служить главным аргументом в обосновании военно-политического превосходства монголов над подданными китайских, персидских, русских и других правителей и жизнестойкости их империи, поскольку сама эта империя начала разрастаться как раз после смерти ее первого хана. По моему мнению, монголы в XIII веке являлись носителями необходимой антитезы общественного развития, тех преимуществ, которые были упущены оседлыми народами в процессе их исторического развития в рамках

изолированных локальных цивилизаций. Кочевой мир, конечно же, не некое обетованное место, земной рай, но в ту пору он был более открыт для новшеств и прогрессивных изменений, а монголы находились в традиционном политическом центре этого мира. Есть смысл закончить чтение книги Груссе — книги безусловно талантливой и интересной — замечаниями самого общего характера и специально остановиться на особенностях общественного строя монголов, обусловивших главную причину их успехов.

В «оседлоцентристском» взгляде на кочевой мир имеется рациональное зерно, которое связано со стремлением рассмотреть предмет сквозь призму сравнительного анализа и единых для кочевых и оседлых обществ критериев экономического роста, технического прогресса, духовных ценностей. Использование именно таких критериев и такого анализа как раз и необходимо для правильного понимания места кочевников в истории. Так, Тойнби отмечает определенные преимущества кочевой цивилизации перед земледельческой и проводит параллель между номадизмом и промышленным производством: «Если земледелец производит продукцию, которую он может сразу же и потреблять, кочевник, подобно промышленнику, тщательно перерабатывает сырой материал, который иначе не годится к употреблению… Эта непрямая утилизация растительного мира через посредство животного создает основу для развития человеческого ума и воли».[63] Таким образом, он признает, что кочевники совершили прорыв в сферу, экономически более выгодную, чем земледелие.[64] Далее следовало бы перейти к оценке всемирно-исторических последствий этого прорыва, но Тойнби на этом резко останавливается. По мнению этого маститого английского философа истории, кочевники, осуществив доместикацию жвачных («искусство более высокое, чем доместикация растений, поскольку это победа человеческого ума и воли над менее послушным материалом»), потерпели фиаско и «стали вечными узниками климатического и вегетационного цикла…утратили связь с миром».[65]

Вне внимания «оседлоцентристов» оказывается тот факт, что ареал расселения кочевников изначально был неоднородным, соприкасался с множеством лесных районов и окруженных степью или выходящих к морскому побережью оазисов земледельческой культуры. Некоторые из этих оазисов превратились в очаги великих земледельческих цивилизаций, другие стали играть роль внутренних подсобных хозяйств кочевников, подобно тому, как в хозяйство первых вошло подсобное животноводство. Мир

разделился на соперничавшие между собой и подпитывавшие друг друга две великие культуры, на территории расселения кочевых и оседлых народов, которые включали в себя зоны смешанной экономики. Цивилизации оседлых народов включали в себя внутренние полукочевые акнлавы с отгонно-пастбищным животноводством, в то время как в глубинных районах Великой степи строились города и получали развитие компактные оазисы земледелия. Один и тот же народ в очагах кочевой цивилизации оказывался зачастую одновременно кочевым, лесным и оседлым (в настоящее время это явление можно наблюдать в Монголии). Исторический процесс (возникновение государства, развитие письменности, распространение мировых религий и т. д.) на территориях проживания кочевых и оседлых народов шел параллельно, причем, когда у земледельцев в экономике господствовали формы грубого физического принуждения (рабство), кочевники превосходили их в динамизме общественных изменений. Это связано с «промышленным» характером ведущего уклада в экономике последних — кочевого скотоводческого производства, способствовавшего быстрому распространению в лесных, степных и земледельческих зонах их миграций частной, корпоративной (ошибочно, на наш взгляд, именуемой общиной, например, у славян) и государственной собственности на землю.

Грубое физическое принуждение (рабство) в зоне действия кочевой цивилизации (как в степи, так и в земледельческих анклавах) в качестве ведущего уклада появиться не могло. Это вызвано тем, что земледельцы и кочевники-скотоводы осуществили прорыв в весьма отличающиеся друг от друга сферы экономики, способные обеспечить быстрый рост прибавочного продукта при неодинаковых стартовых условиях. В земледелии прибавочный продукт появляется по мере строительства крупных ирригационных сооружений, открывающих возможности совершенствования сельскохозяйственной техники. В кочевом же скотоводстве рост прибавочного продукта, в силу природных свойств животных, достигается уже в ходе их доместикации, сопровождающейся совершенствованием техники ухода за скотом: выхаживания молодняка, случки скота, выбора пастбищ, переработки животноводческой продукции и т. д. В земледелии стартовые условия прорыва требовали огромного напряжения физических сил и скопления большого количества людей на одном месте при отсутствии прибавочного продукта. В момент перенапряжения как ответная реакция и возникло кочевое скотоводство.[66]

Конфликт между земледельцами и кочевниками по поводу спорных территорий решался войнами, массовыми миграциями,

пленениями с той и другой стороны. В земледельческих центрах появился класс рабов, силами которых обеспечивался решающий переворот в экономике. Такой же переворот в кочевьях не требовал грубых физических методов насилия. Там ценилась личная преданность, и потому возник класс лично зависимых от сеньора производителей материальных благ. (Груссе неоднократно останавливается на эпизодах уважительного отношения Чингисхана к слугам своих врагов, которые отказывались предать своих хозяев, и беспощадного уничтожения переметнувшихся к нему предателей своего «природного» господина.) На базисе, хотя и монокультурной, но весьма эффективной экономики кочевников и зародились впервые отношения, которые принято называть феодальними. В смешанных районах эти отношения распространились на всю экономику, включавшую в себя как земледелие, так и скотоводство. Отсюда отдельные элементы этих отношений были «втянуты» в глубинные районы оседлости. Степь же, в свою очередь, «втянула» в себя элементы рабовладельческих отношений (подсобное использование рабского труда на земледельческих и строительных работах в анклавах и при сооружении столиц империй, домашнее рабство, армии рабов). Синтез насилия (отчужденности) и отношений личного доверия (признания заслуг) является пружиной исторического процесса во все времена и у всех народов.

Груссе подробно описывает институты насилия, бытовавшие у монголов как при предках Чингисхана, так и во время его правления, относя эти институты к жестокости первобытных нравов, невежеству «полудикарей». Добун-мерган (муж прародительницы монголов Алан-Гоа) приобрел юношу баяуда за кусок дичины, незадолго до этого отобранный у охотника урянхата; сын овдовевшей Алан-Гоа, по легенде, зачатый от сияющего желтого небесного гостя,[67] Бодончар («человеческое объяснение» его рождения связывается с тем самым домашним рабом-баяудом), успешно подбивает своих братьев напасть на джарчиутов и обратить их в рабов; наконец сам Чингисхан и его сподвижники и полководцы, захватывая приступом города, создавали целые армии из пленных, формировали из них отряды «штурмовиков», расчеты катапультных и стенобитных батарей; при этом отказывавшихся идти в атаку на своих сограждан просто убивали. Эта цепочка жестокостей может подвести читателя к мысли о какой-то изначальной ущербности общественного строя монголов, их предопределенной агрессивности. Понимая, что тут что-то не так, Груссе пишет: «Как ни покажется странным…его власть (Чингисхана. — А. Ж.) не только несла с собой порядок, но

и отличалась умеренностью, своеобразной моралью и, я чуть было не написал «человечностью», то есть обладала теми свойствами, которые отсутствовали у его противника». Позиция автора весьма примечательна: видимо, Груссе держал в голове библейский образ «доброго пастыря». Здесь, конечно же, налицо преувеличение. Власть монгольского правителя была подвержена тем же порокам, что и любая власть любого властелина, но пороки эти были неизбежным дополнением к той сверхзадаче (изменить мир в соответствии со своими идеалами), которую ставили перед собой и с которой блестяще справлялись Чингисхан и его окружение. Каждая культура подпитывается собственными корнями (степная — непосредственностью и доверием; оседлая — напряженным трудом и расчетом), хотя потомки Каина и Авеля расселились на Земле равномерно, и каждая культура — кочевая и оседлая — несет на себе их печать. [68] Подмеченные Груссе свойства власти Чингисхана, «которые отсутствовали у его противников», не что иное, как косвенное признание того факта, что в XIII веке общественной строй монголов основывался на достигших высшей точки отношениях личной преданности и доверия и этим самым имел определенные преимущества перед «противниками».

Итак, культурные различия между степняками и жителями плодородных равнин не могут служить пропастью, разделяющей народы на исторические и доисторические. Монголия является родиной кочевых империй (каганатов и ханств) и множества кочующих государств (улусов), которые, в свою очередь, становились каганатами, улусами и ордами (княжествами) в различных углах Евразии. Удаленная от центров великих оседлых цивилизаций и расположенная в альпийской зоне среди степей живописная долина Орхона не раз становилась центром кочевого мира со своими столицами и дворцами. Все степные народы Монголии, включая и тех, кто уходил в отдаленные и таежные места и кто возвращался, причастны к прошлому имперскому величию центра. Этот пульсирующий в веках Рим кочевников во всей красе будет возрожден при сыне и наследнике Чингисхана Угэдэе — основателе столицы Монгольской империи Каракорума.

Великие империи кочевников возникали в Монголии и распространяли свои границы за ее пределы со времен державы хунну (III–I вв. до н. э.). Империями с центром в Монголии были после хунну государство Сяньби (I в. до н. э. — IV в. н. э.), Жуаньжуаньский каганат (IV–VI вв.). Тюркский каганат (VI–VIII вв.), Уйгурское ханство (VIII–IX вв.), Киргизский каганат (IX–X вв.). Возникновению империй предшествовала борьба локальных кочевых государств за преобладание в регионе.

Границы империй, если их сложить, включали в себя (эпизодически) Маньчжурию, Северную и Южную Монголию (с выходом дальше — на север и юг), Восточный Туркестан (с выходом на запад). В таежную зону с крайне разреженным населением — Приамурье, Приморье политический импульс империй доходил в той мере, в какой возможны были реальные контакты вообще. Туда уходили со своими государствами многие земледельческие и кочевые народы; некоторые оставались там навсегда, другие возвращались в обновленном виде. С юга, запада и востока империи были окружены кочевыми и полукочевыми государствами или государствами с кочевым прошлым (У сунь, Ухуань, Тоба, Туюйхунь, Бохай, Тибет, Си Ся и др.), зависимыми от них, независимыми и находившимися в орбите внешних сил (т. е. ставшими своеобразными кочевыми «оазисами» земледельческой цивилизации). Так, мощное кочевое государство Тоба, ушедшее когда-то из Монголии на юг, овладело на рубеже IV–V веков всем Северным Китаем (превратившись тем самым во внутренний кочевой анклав земледельческой цивилизации), начало вести войны с Жуаньжуаньским каганатом и основало династию Северная Вэй, которая была быстро синизирована и превращена в традиционную китайскую династию. Некоторые государства кочевников доходили до Западной Европы, такие как державы северных хунну (гуннов) и жуаньжуаней (первые в V в. н. э. образовали военный союз с центром в Паннонии, включавший остготов, гепидов, герулов и др., вели опустошительные войны в Иране, Северной Галлии, Восточной Римской империи, обложив последнюю огромной ежегодной данью; вторые в VI в. создали примерно там же Аварский каганат, сливались со славянами, вели войны с франками и той же Византией, просуществовав до X в.). Длительные переходы кочевников из Монголии в Китай, Приморье, Европу сопровождались образованием новых государств и государственных союзов на всем пути их следования. Таким образом, еще задолго до походов Чингисхана и его полководцев складывалось историческое поле, на котором предстояло вырасти мировой империи кочевников.

Империи кочевников Монголии образовывали общий котел, в котором не просто растворялись разные государства, но и «варились» элементы разных культур, смешивался опыт христианской, буддийской, конфуцианской и исламской цивилизаций. Мировые религии широко распространялись в мобильной кочевой среде и сосуществовали с традиционными верованиями и таинственной («доверительной») религией Великой степи — тенгрианством. Резкие различия в типе

хозяйственно-культурного развития у народов, проживавших в монгольской степи и на ее периферии, обусловливали высокую степень их взаимозависимости, глубокое межрегиональное разделение труда, интенсивный обмен, караванную торговлю и, как следствие, динамичный общественный прогресс.

Историческая жизнь кочевых империй с центром в Монголии протекала не только внутри собственных границ, но и в сфере межгосударственных отношений с империями оседлых народов, прежде всего с империями и государствами Китая. Характерной особенностью кочевых держав была их огромная зависимость от международного разделения труда, торговли. Это побуждало кочевников выступать активной стороной в установлении регулярного обмена с соседями. Военные столкновения на этой почве заканчивались не только великими потрясениями, смешениями народов и взаимопроникновением культур, но и подписанием мирных соглашений, установлением брачных союзов правителей и «родственных» отношений между государствами.

В культурном, политическом и военном отношении Китай и кочевые империи уравновешивали друг друга, причем свободные от крайних форм принуждения и насилия производственные отношения, религиозная и этническая терпимость степняков определяли новые исторические ориентиры. При этом многие достижения кочевой и оседлой цивилизаций родились именно благодаря их взаимодействию. Влияние конфуцианства на кочевников компенсировалось их предыдущим влиянием на взгляды китайцев, распространением ими в Китае элементов шаманистских представлений, в том числе о Поднебесной империи, лунного календаря с его животными знаками, буддизма (через Восточный Туркестан из Кушанского царства). Политические структуры, представления о верховной власти, правовые нормы рождались на той и другой почве в процессе тысячелетнего столкновения двух миров, опыта улаживания конфликтов. Из-за постоянной угрозы этих конфликтов кочевой мир оказался в состоянии под держивать и укреплять свои собственные земледельческие анклавы, а Китай, в свою очередь, научился поглощать кочевые государства, заманивая их к себе в качестве «варягов». В то же время современные китайские историки признают, что среди важнейших заимствований китайцами элементов культуры северян (т. е. кочевников) были седло, куртка, штаны, некоторые виды головных уборов и мебели, пищевые продукты скотоводства, музыкальные инструменты, музыка, танцы…

За два века до рождения Чингисхана неожиданно временно

пресеклась традиция образования империй с центром на Орхоне в Монголии. Маньчжурия после разгрома Жуаньжуаньского каганата Тюркским государством откололась от общего котла кочевой цивилизации и начала вести самостоятельную политику в отношении соседей. В маньчжурском анклаве диффузия городского и кочевого населения приобрела высокую динамику, причем при активной роли земледельческого населения, пополнявшегося волнами миграции из Китая. В X–XII веках произошло поочередное возвышение кочевников, обитавших в Маньчжурии, — киданей и чжурчженей. Так как Груссе широко использует источники, в которых упоминаются эти народы, целесообразно, хотя бы бегло, обрисовать ситуацию.

Кидани, создавшие империю Ляо, были кочевым народом, «отягощенным» оседлостью. Часть киданей давно превратилась в оседлое и полукочевое население, причем именно та часть, которая играла ведущую роль в государстве и в хозяйственной и культурной жизни доминиона.

В 934–936 годах империя киданей захватила 16 округов Северного Китая и даже перенесла столицу в Ючжоу (Пекин). К 956 году они продвинулись уже до реки Янцзыцзян. С этого момента они попали в двойственное положение: с одной стороны, начался процесс быстрой синизации киданей, ослабивший их полнокровную связь со всем остальным кочевым миром империи, с другой — происходило постепенное падение их авторитета в Китае. Этим воспользовались чжурчжени — вассалы киданей, обитатели центральных и северо-восточных районов Маньчжурии, которые создали в 1115 году свое государство и в 1125 году в союзе с сунским Китаем положили конец империи Ляо. Кидани переместили свое государство на запад — на территории между Иртышом, Амударьей, Алтайским хребтом и Куньлунем. На новом месте оно получило и новое название: государство кара-китаев. Привыкшие к обстановке веротерпимости, кидани благодаря этому смогли обустроиться в незнакомом для них — исламском — мире.

Чжурчжени, непосредственно входившие в состав империи Ляо, не были оторваны от основных каналов обмена и информации, как глубинные степняки, тяга к интеграции с остальным кочевым миром у них была слабой. Постоянно имея перед глазами пример киданей, они оказались чрезвычайно восприимчивыми к достижениям их культуры и пошли по проторенному пути: одержав верх над сунским правителем, вынудили его бежать из Кайфына на юг, за реку Янцзыцзян, в Ханчжоу. Таким образом, созданная чжурчженями империя Цзинь завязла в китайских делах и упустила момент для объединения с

другими кочевыми государствами. В результате Маньчжурия сменила цивилизационную ориентацию: из земледельческого анклава кочевников она превратилась в полукочевой форпост оседлости.

С этого момента и вступают на арену исторических событий монголы, государство которых Хамаг Монгол находилось в вассальной зависимости от Цзинь. Монголы, будучи старожилами степей, обитавшими в Хэнтэе, в бассейне рек Онона, Керулена и Толы (Туулы), вышедшими в свое время из северозападных районов Маньчжурии, сосредоточиваются именно на объединении кочевых государств, народы которых находились в языковом отношении в разной степени родства с монголами, а иногда говорили на доминировавших в регионе монгольских диалектах только в силу необходимости общения.

Груссе красочно описывает, как незадолго до западного похода монголов правитель кара-китайского государства Елюй Чжелюгу приютил у себя личного врага Чингисхана, наследника найманского престола Кучлука и женил его на своей дочери. Когда зять вероломно занял его трон, начались гонения на имамов и нового правителя возненавидели все подданные. «Уставшее от Кучлуковой тирании население, — пишет Груссе, — похоже, оказало монголам неплохой прием. Этих ужасных кочевников, которых в других местах боялись как Господнего наказания, оно встретило как освободителей». Подобный прием оказывался Чингисхану и его сподвижникам и преемникам во многих других, порой совершенно неожиданных, пунктах Евразии. Это показывает лишь то, что монголы, начав свои походы, появились не в чуждом им историческом пространстве: в них вполне узнавались черты носителей назревших изменений (одни встречали их с ужасом, другие — с надеждой и нетерпением), и они, в свою очередь, легко обнаруживали вдали от монгольских степей зачатки знакомых форм человеческого общежития.

Монголы появились не на пустом месте, а в том регионе мира, где на протяжении более тысячелетия разворачивалась подлинная письменная история.[69] До нашего времени дошли огромные массивы памятников этой истории, записанных на разных языках и разными системами письма. В походах и кочевьях — кибитках, шатрах и юртах — эти памятники долго сохраняться не могли, и они «оседали» во дворцах, которые позднее оказались вне пределов кочевого мира и, по иронии судьбы, причисляются сейчас к памятникам оседлых цивилизаций. Для Груссе же монголы — конгломерат полудиких племен и родов — и с этой основной посылки он начинает свое

повествование. Книга буквально пестрит названиями больших и малых, иногда совсем микроскопических, «родов» и «племен»: урянхаты, баяуды и джарчиуты, а также баарины, бесуты, борджигины, буйруды, дербеты, икересы, кераиты, манхууды, меркиты, найманы, олхонуты, онгуты, сальджиуты, сулдусы, тайчжиуды, татары, унгираты, урууты, хатагины, хори-туматы и многие другие. При этом указываются совершенно определенные места их обитания: совсем не случайно повествование, основанное на глубоком изучении источников, перегружено географическими названиями.

За терминами родовых отношений, такими как «племя», «род», используемыми Р. Груссе в книге, скрываются обоки (династии) — мощные ростки империи с центром в Монголии. Эти обоки — общности людей, не связанных кровнородственными отношениями и сплотившихся вокруг потомков основателя каждой данной общности.

Монгольские династии исторически оказались в политическом центре кочевого мира. Это и обусловило их активную роль в регионе. Огромные расстояния, крайняя разреженность населения позволяли получать максимальный прибавочный продукт при минимальных затратах и концентрации труда. Генетические, культурные и политические издержки, вызванные малочисленностью народа, разбросанного на территориях, равных иным европейским странам, компенсировались особой осторожностью в выборе невест (которую Груссе вслед за многими другими историками ошибочно выдает за признак первобытной экзогамии), скрупулезным изучением династийных родословных, открытостью к слиянию с династиями и культурами ближних и дальних соседей, упрощением экономических отношений за счет усиления личностного фактора: доверия, верности слову, перенесения на эти отношения понятий единой семьи. Монголы довели эту идею до абсолюта и вышли на арену истории как носители необходимой антитезы общественного развития.[70] Первой на эту идею отреагировала империя Цзинь, которая сумела внести раскол в Монгольскую степь. В войнах кочевников между собой, а затем с оседлыми соседями эта идея приняла конкретные очертания нового общества и вылилась в создание величайшей империи за всю историю человечества. Конечно же, Груссе совершенно прав, когда описывает мотивы, побудившие Чингисхана двинуть войска за пределы Монголии: желание отомстить за предков (татары, Цзинь), наказать за убийство послов (Хорезм), за нарушение союзнических обязательств (Си Ся). Так оно и было: не жажда грабежей, добычи (это спутники

любой войны), а стремление восстановить справедливость, естественный ход событий в соответствии с идеалами понятных человеческих отношений и благополучной жизни среди тучных стад и чистой природы, — вот пружина, которая толкнула монголов в беспрецедентный поход… Менялся мир, менялись и сами завоеватели, но след, оставленный монголами, — это след истории, а не природной стихии.

А. С. Железняков

Приложение

Из сочинения А. М. Джувейни [71] «История завоевателя мира» О Порядках, заведенных Чингис ханом после его появления, и о ясах, кои он повелел

Введение

Поелику Всевышний отличил Чингис Хана умом и разсудком от его сотоварищей и возвысил его над царями мира по бдительности и могуществу, то он, без утомительного разсмотрения летописей и без докучного сообразования с древностями, единственно из страниц своей души изобретал то, что известно из обычаев гордых хосроев, и что записано о порядках фараонов и кесарей, и из ума-разума своего сочинял то, что было связано с устройством завоевания стран и относилось к сокрушению мощи врагов и к возвышению степени своих подвластных.

Так что, если бы Искандер,[72] со всей его страстью к составлению талисманов и преодолению трудностей, жил во времена Чингиса, он учился бы у него хитрости и мудрости и не находил бы лучших талисманов для покорения твердынь, чем повиновение и послушание ему.

Более ясным доказательством и определенным показанием может быть то, что несмотря на существование стольких сильных и многолюдных недругов и стольких обильно снабженных и могучих врагов, — таких, что были богдыханами и хосроями (своего) времени, он в одиночку с малой дружиной и без припасов поднялся и сразил и покорил гордецов всего кругозора от востока до запада, а тех, что встретили его супротивностью и боем, тех, согласно ясе[73] и приказам, кои он установил, он уничтожил полностью, с подданными, детьми, приспешниками, войсками, округами и городами.

> *Хадис, переданный из божественных преданий, гласит: те, что суть мои всадники, ими отомщу я мятежникам против меня, и нет сомнения в том, что указание дано на собрание всадников Чингис Хана.*

Пока мир еще вздымался волнами от разных тварей, и пока окрестные цари и знать, от высокомерной гордости и от самонадеянности величия и надменности были в зените речения:

величие — одеяние мое, великолепие — одежда моя, народъ Чингисов, силою ранее данного пророчества, дал им испытать силу натиска и победу могущества, *ибо истинно мощь Господа твоего крепка.*

И поелику, от дерзостного богатства славы и величания, большинство городов и областей встретили его возстанием и ненавистью и от принятия повиновения отвратили главы свои, — особливо же исламские земли от границы Туркестана до крайней Сирии, — то повсюду, где был царь, либо владетель страны, либо управитель города, что встретили его супротивно, он всех их уничтожил с семьями, приспешниками, сродниками и чужаками. Так что, где было народу сто тысячь, без преувеличения сотни не осталось, и подтверждением сего утверждения может служить судьба городов, о каждом из которых запечатлено в своем месте.

Соответственно своему мнению, как оное того требовало, положил он для каждого дела законы и для каждого обстоятельства правило, и для каждой вины установил кару, а как у племен татарских не было письма, повелел он, чтобы люди из уйгуров научили письму монгольских детей, и те ясы и приказы записали они на свитки, и называются они Великой Книгой Ясы. Лежит она в казне доверенных царевичей, и в какое время станет хан на трон садиться, или посадит (на конь) войско великое, или соберутся царевичи и станут советоваться о делах царства и их устроении, — те свитки приносят и по ним кладут основу дел; построение ли войска, или разрушение стран и городов по тому порядку выполняют.

В ту пору, как зачиналось его дело и племена монгольские к нему присоединились, отменил он дурные обычаи, что соблюдались теми племенами и признавались ими, — и положил похвальные обычаи коим всепрославленный им путь указует, и много среди тех приказов есть, что соответствует шариату.

Содержание Великой Книги Ясы I

В тех указах, что разсылал он по окружным странам, призывая их к повиновению, он не прибегал к запугиванию и не усиливал угроз, хотя правилом для властителей было грозиться множеством земель и мощностью сил и приготовлений. Наоборот, в виде крайнего предупреждения, он писал единственно, что если (враги) не смирятся и не подчинятся, то «мы-де что можем знать. Древний Бог ведает». В сем случае вспадает на ум размышление о слове тех, что полагаются на Бога: Рече Господь Всевышний: кто на Бога положится, то ему и довлеет, и всенепременно, что они в

сердце своем ни возымели и чего ни просили, — все нашли и всего достигли.

Поелику Чингис Хан не повиновался никакой вере и не следовал никакому исповеданию, то уклонялся он от изуверства и от предпочтения одной религии другой, и от превозношения одних над другими. Наоборот, ученых и отшельников всех толков он почитал, любил и чтил, считая их посредниками перед Господом Богом, и как на мусульман взирал он с почтением, так христиан и идолопоклонников[74] миловал. Дети и внуки его по нескольку человек, выбрали себе одну из вер по своему влечению: одни наложили Ислам (на выи свои), другие пошли за христианской общиной, некоторые избрали почитание идолов, а еще некоторые соблюли древнее правило дедов и отцов и ни на какую сторону не склонились, но таких мало осталось. Хоть и принимают они (разные) веры, но от изуверства удаляются, и не уклоняются от Чингисхановой ясы, что велит все толки за один считать и различия меж ними не делать.

И еще у них похвальный обычай, что закрыли они двери чинопочитания, похвальбы званиями и (воспретили) крайности самовозвеличения и недоступности, кои в заводе у счастливцев судьбы и в обычае царей. Кто ни возсядет на ханский престол, одно имя ему добавляют Хан или Каан, и только. Более сего не пишут, а сыновей его и братьев зовут тем именем, что наречено им при рождении, будь то в лицо или за глаза, будь то простые или знатные. Когда пишут обращения в письмах, одно то имя пишут, и между султаном и простолюдином разницы не делают. Пишут только суть и цель дела, а излишние звания и выражения отвергают.

Ловитву Чингис Хан строго содержал, говорил, что-де лов зверей подобает военачальникам: тем, кто носит оружие и в боях бьется, надлежит ему обучаться и упражняться (дабы знать), когда охотники доспеют дичь, как вести охоту, как строиться, и как окружать дичь, по числу людей глядя. Когда соберутся на охоту, пусть высылают людей на дозор и осведомляются о роде и числе дичи. Когда не заняты военным делом, пусть непременно ревнуют об охоте и войско к тому приучают. Цель не только сама охота, а больше то, чтобы воины приобыкали и закалялись, и освоивались со стрелометанием и упражнением. А как двинется хан на великий лов, — срок ему: едва наступит зимняя пора, — то разсылает приказы, чтобы те войска, что находятся в средоточии ставки и по соседству с ордами, готовились къ лову, чтобы, как указано будет, столько то людей из десяти садилось на конь, и чтобы сообразно каждому месту, где будет охота, собрали они снасти, оружие и все другое. Тогда определяет (хан) правое и

левое крыло и середину, распределяет их между великими эмирами, а (сам) выступает с катунями,[75] наложницами, явствами и питиями. Кольцо для лова охватывается за месяц, либо за два-три месяца, и зверя сгоняют постепенно и полегоньку и брегутся, чтобы он не вышел за кольцо. А ежели каким разом выскочит зверь из круга, то станут обсуждать и разследовать причину до последней мелочи, и бьют на том деле палками тысяцких, сотников и десятников, часто случается, что и до смерти убивают. И ежели к примеру кто не соблюдает строя, что зовется у них нерге, и выступят из него, либо отступят от него, наказание ему великое и спуску нет. Таким чином два-три месяца денно и нощно гонят они дичь, какъ будто стадо баранов и шлют послов к хану и дают ему сведение о звере и о его числе, что-де докуда достиг и откуда спугут, пока, наконец, не сомкнётся кольцо. Тогда на два-три фарсаха[76] понавяжут вервий одно к одному и понабросают (на них) войлок. Войско стоит на местах, плечо к плечу, а дичь внутри круга голосит и волнуется, и разные звери мычашем и воем выражают, что де пришло возвещенное время, егда соберутся купно звери; тигры свыкаются с дикими ослятами, гиены содружаются с лисами, и волки собеседуют с зайцами. Когда стеснится кольцо до крайности, так что не станет мочи двигаться диким зверям, сперва хан с несколькими приближенными въедет в круг и с час времени пускает стрелы и разит дичь, а как прискучит ему, сойдет наземь на высоком месте среди нерге, чтобы полюбоваться и тем, как въедут царевичи, а за ними по порядку воины, начальники и простой люд. Такимъ родом пройдет несколько дней, пока из дичи не останется ничего, кроме одиночек или парочек, раненных и разбитых. Тогда старики и удрученные годами смиренно подступят к хану, вознесут мольбу и заступятся за продление жизни остатков зверья, чтоб выпустили его через то место, где ближе до воды и травы. Всю дичь, что побита была, собирают, и коль нельзя счесть, исчислить и перечислить разных пород зверья, считают токмо хищных зверей да диких ослов. Друг один сказывал, что во дни царствия Каана (Угедея) таким путем одной зимой охота была, и Каан, для ради любования и развлечения, сидел на холме. Звери всех родов устремились к его трону и под холмом подняли крики и вопли словно просили справедливости. Каан приказал всех зверей выпустить и отъять от них руки насилия. Он же приказал, чтобы посреди страны Хатайской, в месте зимовий, была построена стена из дерева и земли, и на ней двери, чтобы из дальних мест собиралось туда зверей множество и чтобы таким путем на них охотились. Тоже и в пределах Чагатаева Алмалыка да Куяша он устроил такое же место для охоты. (Не) таковы ли

суть и обычаи войны, убиения, счета убитых и пощады остающихся; таковы они шаг за шагом, ибо то, что оставляется в живых в (покоренных) странах, состоит из горсти бедняков, немногих числом и немощных.

V

Что до устройства войска, то от времен Адамовых до сего дня, когда большинство климатов[77] находится под владычеством и в повиновении рода Чингисханова, ни в какой истории не вычитано и ни в какой книге не написано, чтобы когда либо какому царю, бывшему господином вый народов, удалось иметь войско, подобное татарскому, что терпеливо в трудностях и благородно в спокойствии, что в радости и несчастии одинаково покорно полководцу, не из за чаяния жалованья и корма,[78] и не из-за ожидания прибытка и дохода, — и сие есть наилучший порядок для войска. Львы, пока не взалкают, не идут на ловитву и не нападают ни на какого зверя. В пословицах персидских говорится, что «от сытой собаки охоты нет», и сказано есть: неволь гладом пса твоего да пойдет за тобою.

Какое войско в мире может быть как татарское, что (даже) среди (ратнаго) дела охотится для одоления и презрения диких зверей; в дни покоя и досуга ведет себя как баранье стадо, приносящее молоко, шерсть и многую пользу; а среди трудов и несчастий свободно от разделения и супротивности душ. Войско наподобие крестьян, что несут разные (повинности) поставок, и не выказывают докуки при выполнении того, что приказано, будь это копчур,[79] аваризы,[80] расходы на проезжих, содержание ямов,[81] представление подвод, заготовка корма для животных. Крестьяне во образе войска, что во время ратных дел от мала до велика, от знатного до низкого — все рубят саблями, палят из луков и колят копьями и идут на все, что в ту пору потребуется. Коль возникнет опасение войны от врагов или козней от бунтовщиков, они заготовляют все, что в том случае пригождается: разное оружие и другое снаряжение, вплоть до знамен, иголок, веревок, верховых и вьючных животных, ослов и верблюдов. Таким образом, по десяткам и сотням, каждый выполняет свою повинность, а в день смотра предъявляют они снаряжение, и, если хоть немногого не хватит, то такому человеку сильно достается и его крепко наказывают. И хотя бы они находились среди самого сражения, все, что потребуется на разные расходы, через них же достается. Что до женщин их и

людей, оставшихся при грузах или дома, то поставки,[82] что производились, пока сам человек был дома, остаются в силе, до того, что, если случайно повинностью того одного человека будет его личная помочь,[83] а мужчины не окажется, то женщина (того двора) выйдет лично и выполнит дело.

Место смотра и учет войска так устроены, что через них уничтожена необходимость смотрового приказа,[84] и служащие такового и их помощники уволились. Все люди разделены на десятки, и среди каждой один человек назначен начальником других девяти; из среды десяти начальников одному дано имя сотника и вся сотня ему подчинена. Таким родом дело идет до тысячи и достигает десяти тысяч, над которыми поставлен начальник, нарицаемый тысяцким. В сем соответствии и распорядке, какое дело ни возникнет, потребуется ли человек или вещь, дело передается темнику, этим последним — тысяцкому и так далее до десятника.

Для равенства: каждый человек трудится как другой, разницы не делают и на богатство и поддержку не смотрят. Если вдруг понадобится войско, то приказывается: «столько-то тысяч нужно в такой-то час», и в тот день или вечер они являются в том месте. Не замедляют ни часа, ниже упрежают его,[85] и ни на мгновение ока не случается у них спешки или проволочки.

Повиновение и послушание таковы, что если начальник тьмы, — будь он от хана на разстоянии отделяющем восток от запада, — совершит промах, (хан) шлет конного чтобы наказать его, как будет приказано; прикажут «голову» — снимут, захотят золота, возьмут. Не то что другие цари, которым приходится говорить с опаскою с рабом, купленным за их же деньги, как только в конюшне его окажется десяток коней. Что уже и говорить о том, коль поставят они под начальство этого раба целое войско и он приобретет богатство и поддержку. Сменить (?) его они не в силах. Чаще всего возстает он мятежем и бунтом. А коль пойдут цари эти на врага, либо враг затеет что против них, нужны месяцы и годы, чтобы собрать войско, и переполненные сокровищницы, чтобы истратить их на жалованья и кормы начальниковъ. При получке жалованья и прибавок их число переваливает за сотни и за тысячи, а как дойдет до сражения, ряды их от края и до края пусты и никто из них не вступает на ристалище воительства.

Так раз шел счет с пастухом. «Сколько баранов на лицо оказалось?» говорили счетчик, а пастух спрашивает: «Где?» Говорят: «В приказных списках». Пастух отвечает: «Потому я и спрашивал; в стаде их нет». Это верная притча для войска (тех царей), ибо каждый начальник, для увеличения отпуска

жалованья, «поименно, — говорит — столько то у меня людей», а как дойдет до смотра, подставляет одного за другого, чтобы счет вышел верен.

VI

А еще яса такая: чтобы никто из тысяч, сотен или десятков, к которым он приписан, не смел уходить в другое место, или укрываться у других, и никто того человека не должен к себе допускать, а если кто либо поступит вопреки этому приказу, то того, кто перебежит, убьют всенародно, а того, кто его укрыл, ввергнут в оковы и накажут. Посему никто чужого к себе допускать не может. К примеру, если будет царевич, то и наималейшего звания человека к себе не пустит и от нарушения ясы воздержится. Всеконечно, никто не может пред своим начальником зазнаваться, а другие не смеют его совращать.

VII

И еще: где в войске найдутся девицы луноподобные, их собирают, и передают из десятков в сотни, и всякий делает свой особый выбор вплоть до темника. После выбора, девиц ведут к хану или царевичам, и там сызнова выбирают: которая окажется достойна и на вид прекрасна, той возглашается: удержать по законности, а остальным: уволить по хорошему, и они поступают на службу к катуням; захотят хан и царевичи — дарят их, захотят — спят с ними.

VIII

И еще: когда удлиннилось и расширилось протяжение их царства, и стали случаться важные события, невозможно стало без сообщений о положении врагов. Приходилось также перевозить ценности[86] с запада на восток, и с дальняго востока на запад. Посему учреждены ямы чрез всю ширь и длину страны, и определены припасы и расходы по каждому яму, положено (число) людей и животных и (количество) яств, питей и прочего снабжения, и произведена раскладка на тьмы: по одному яму на две тьмы, чтобы раскладка была по числу, и чтобы сборы были взысканы, дабы путь проезда послов не удлиннялся из за (неудобства) посадки на перекладных, и дабы ни войско ни

крестьяне не терпели постоянного безпокойства.

И послам он дал строгие приказы беречь животных и все другое, — говорить об этом будет долго. Ежегодно ямы должны осматриваться: коль будет какой недостаток или убыль, надо брать замену с крестьян.

А как стали страны и люди под (монгольским) владычеством, по установленному положению введены (среди них) переписи и назначены титла десятков, сотен и тысяч, и определены: набор войска, ямская (повинность), расходы (на проезжих) и корм для скота, не считая денежных (сборов), да сверх всех этих тягот наложили еще копчур.

А еще такой у них порядок, что коль умрет чиновник либо простолюдин, что после него останется, много ли, мало ли, — прицепки не делают и никто не вмешивается. Коль не было у покойного наследника, дают (имущество) его ученику либо холопу и ни под каким видом добро умершего не берут в казну, и считают это неподобным.

Хулагу меня в Багдад послал и назначил. Наследственная часть во всех тех округах была налицо, и я отменил те (старые) порядки, и пошлины, что издревле были в Шуштерской да Баятской земле, сложил.

Заключение

И много есть еще подобных яс. Каждую описывать долго будет. На этом и покончим.

Пер. с перс. В. Ф. Минорского

Из сирийской летописи Григория Абуль Фараджа [87]

О законах, постановленных Чингис ХаноМ

Поелику у монголов не было письменности, Чингис Хан повелел уйгурским грамотеям обучить письму татарских детей. И посему монгольские слова пишут уйгурскими буквами, так же как египтяне (пишут) греческими буквами, а персы — арабскими. И он также повелел записать следующие постановленные им законы.

Когда нужно писать бунтовщикам или отправлять к ним послов, не надо угрожать надежностью и множеством своего войска, но только объявить: если вы подчинитесь, обретете доброжелательство и покой. Если вы станете сопротивляться — что мы знаем? Бог всевечный знает, что с вами будет. И в этом они (монголы) показали уверенность возложенную ими на Господа. И этим они побеждали и побеждают.

Должно возвеличивать и уважать чистых, невинных, праведных, грамотеев и мудрецов какого бы то ни было племени, а злых и неправедных презирать. И видя между христианами чистоту и другие добродетели, монголы в начале своего владычества много возлюбили христиан. Но любовь их позже обратилась в ненависть, они не могли больше одобрять христиан, потому что всем множеством народа сделались они мусульманами.

Царям и знати не надо давать многообразных цветистых имен, как то делают другие народы, в особенности мусульмане. Тому, кто на царском троне сидит, один только титул приличествует — Хан или Каан. Братья же его и родичи пусть зовутся каждый своим первоначальным (личным) именем.

Когда нет войны с врагами, пусть предаются делу лова — учат сыновей, как гнать диких животных, чтобы они навыкали к бою и обретали силу и выносливость, и затем бросались на врага, как на диких животных, не щадя (себя).

Воины берутся не ниже 20 лет от роду. Да будет поставлен начальник над каждым десятком, сотней, тысячей и тьмой.

Весь народ монгольский да содержит хана из ежегодных достатков своих, (уделяя ему) коней, баранов, молока, также от шерстяных изделий.

Никто да не уходит из своей тысячи, сотни или десятка, где

он был сосчитан. Иначе да будет казнен он сам и начальник той (другой) части, который его принял.

От каждых двух тем лошади должны быть поставлены по всем дорогам для проезда послов.

Из имущества умершего, у коего нет наследника, хан ничего да не возьмет, но его имущество все дается тому, кто за ним ходил.

Много у монголов и других законов, но чтобы не удлинять изложения мы только эту часть отметили.

Из книги Джиовани дель Плано Карпини «История монгалов»[88]

Глава первая

О положении Земли Татар,[89] ее качестве и распределении в ней воздуха

О земле мы предположили рассуждать следующим образом: во-первых, мы скажем об ее положении, во-вторых, о качестве, в-третьих, о распределении в ней воздуха.

§ I. О положении земли

Итак, вышеназванная земля расположена в той части востока, в которой, как мы полагаем, восток соединяется с севером. К востоку же от них расположена земля Китайцев, а также Солангов,[90] к югу земля Саррацинов,[91] к юго-западу расположена земля Гуиров,[92] с запада область Найманов; с севера земля Татар окружена морем-океаном. В одной своей части она чрезмерно гориста, в другой представляет равнину, но почти вся она смешана с хрящом,[93] редко глиниста, по большей части песчана.

§ II. О качестве земли

В одной части земли находится несколько небольших лесов, другая же часть совершенно безлесная, пищу же себе варят и сидят [для тепла] как император, так вельможи и все другие люди при огне, разведенном из бычачьего и конского навоза. Далее даже и сотая часть вышеназванной земли не плодородна, и она не может даже приносить плода, если не орошается речными водами. Но вод и ручьев там немного, а реки редки, откуда там нет селений, а также и каких-нибудь городов, за исключением одного, который слывет довольно хорошим и называется Каракарон,[94] но мы его не видели, а были почти за полдня пути до него, когда находились в Сыр-орде,[95] каковая является главным двором их императора. И хотя в других отношениях земля не плодородна, она все же достаточно, хотя и не особенно,

пригодна для разведения скота.

§ III. О распределении воздуха

Воздух в этой земле распределен удивительно. Именно среди лета, когда в других странах обычно бывает в изобилии наивысшая теплота, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей. В то же время там падают также в изобилии снега. Бывают там также столь сильные бури с весьма холодными ветрами, что иногда люди едва с затруднением могут ездить верхом. Отсюда, когда мы были в Орде (так называются у них становища императора и вельмож), то от силы ветра лежали распростертые на земле и вследствие обилия пыли отнюдь не могли смотреть. В этой земле также зимою никогда не бывает дождя, а летом идет он часто и так мало, что едва может иногда смочить пыль и корни трав. Падает там также часто очень крупный град. Отсюда в то время, когда был избран император и должен был воссесть на царском престоле, в бытность нашу при дворе, выпал столь сильный град, что, когда он внезапно растаял, как мы узнали вполне достоверно, более 160 человек утонуло там же при дворе, а имущества и жилищ было снесено еще больше. Там бывает также летом внезапно сильный зной и неожиданно страшнейший холод. Зимою же в одной части выпадают сильнейшие снега, а в другой — неглубокие.

И чтобы сделать краткое заключение об этой земле, она велика, но в других отношениях, как мы видели собственными глазами (так как странствовали по ней, ездя кругом, пять месяцев с половиной), гораздо хуже, чем мы могли бы высказать.

Глава вторая

О внешнем виде лиц, о супружестве, одеянии, жилищах и имуществе их

Сказав о земле, надлежит сказать о людях: во-первых, мы опишем внешний вид их лиц, во-вторых, изложим об их супружестве, в-третьих, об одеянии, в-четвертых, о жилищах и, в-пятых, об их имуществе.

§ I. О внешнем виде лиц

Внешний вид лиц отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул; нос у них плоский и небольшой; глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей. В поясе они в общем тонки, за исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волоса, которых они отнюдь не стригут. На маковке головы они имеют гуменце наподобие клириков, и все вообще бреют [голову] на три пальца ширины от одного уха до другого; эти выбритые места соединяются с вышеупомянутым гуменцем; надо лбом равным образом также все бреют на два пальца ширины; те же волосы, которые находятся между гуменцем и вышеупомянутым бритым местом, они оставляют расти вплоть до бровей, а с той и другой стороны лба оставляют длинные волосы, обстригая их более чем наполовину; остальным же волосам дают расти, как женщины. Из этих волос они составляют две косы и завязывают каждую за ухом. Ноги у них также небольшие.

§ II. Об их супружестве

Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать: иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственницами, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у их родителей очень дорого. По смерти мужей жены нелегко вступают во второй брак, разве только кто пожелает взять в жены свою мачеху.

§ III. Об их одеянии

Одеяние же как у мужчин, так и у женщин сшито одинаковым образом. Они не имеют ни плащей, ни шапок, ни шляп, ни шуб. Кафтаны же носят из букарана,[96] пурпура[97] или балдакина,[98] сшитые следующим образом. Сверху донизу они разрезаны и на груди запахиваются; с левого же боку они застегиваются одной, а на правом — тремя пряжками, и на левом также боку разрезаны до рукава. Полушубки, какого бы рода они ни были, шьются

таким же образом, но верхний полушубок имеет волосы снаружи, а сзади он открыт, но у него есть один хвостик, висящий назад до колен. Замужние же женщины носят один кафтан очень широкий и разрезанный спереди до земли. На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот [убор] нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый убор покрыты букараном или пурпуром, или балдакином. Без этого убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины. Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов; описать, понятно, их вид мы бессильны.

§ IV. Об их жилищах

Ставки у них круглые,[99] изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших — три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки, и, куда бы они ни шли, на войну ли или в другое место, они всегда перевозят их с собой.

§ V. Об их имуществе

Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лощадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире; свиней и иных животных нет вовсе.

Глава третья

о богопочитании, о том, что они признают грехами, о гаданиях и очищениях и погребальном обряде

Сказав о людях, следует изложить об обрядности; о ней мы будем рассуждать следующим образом: сперва скажем о богопочитании, во-вторых, о том, что они признают грехами, в-третьих, о гаданиях и очищениях грехов, в-четвертых, о погребальном обряде.

§ I.О богопочитании Татар

I. Они веруют в единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами или похвалами, или каким-либо обрядом. Тем не менее у них есть какие-то идолы из войлока, сделанные по образу человеческому, и они ставят их с обеих сторон двери ставки и вкладывают в них нечто из войлока, сделанное наподобие сосцов, и признают их за охранителей стад, дарующих им обилие молока и приплода скота. Других же идолов они делают из шелковых тканей и очень чтут их. Некоторые ставят их на прекрасной закрытой повозке пред входом в ставку, и всякого, кто украдет что-нибудь с этой повозки, они убивают без всякого сожаления. А когда они хотят делать этих идолов, то собираются вместе все пожилые хозяйки, которые находятся в тех ставках, и с благоговением делают их, а когда сделают, то убивают овцу, едят ее и сжигают огнем ее кости. И когда также болен какой-нибудь отрок, то они делают идола вышесказанным способом и привязывают его над ложем. Вожди, тысячники и сотники всегда имеют козла в середине ставки. Вышеупомянутым идолам они приносят прежде всего молоко всякого скота, и обыкновенного, и вьючного. И всякий раз, как они приступают к еде или питью, они прежде всего приносят им часть от кушаний и питья. И всякий раз, как они убивают какого-нибудь зверя, они приносят на каком-нибудь блюде сердце идолу, который находится на повозке, и оставляют до утра, а также уносят сердце с его вида, варят и едят.

II. Прежде всего также они делают идол для императора и с почетом ставят его на повозке перед ставкой, как мы видели при дворе настоящего императора, и приносят ему много даров. Посвящают ему также лошадей, на которых никто не дерзает садиться до самой их смерти. Посвящают ему также и иных животных, и если убивают их для еды, то не сокрушают у них ни

единой кости, а сожигают огнем. В полдень также они поклоняются ему как Богу и заставляют поклоняться некоторых знатных лиц, которые им подчинены. Отсюда недавно случилось, что Михаила,[100] который был одним из великих князей Русских, когда он отправился на поклон к Бату,[101] они заставили раньше пройти между двух огней; после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингис-хану. Тот ответил, что охотно поклонится Бату и даже его рабам, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает. И, после неоднократного указания ему поклониться и его нежелания, вышеупомянутый князь передал ему через сына Ярослава, что он будет убит, если не поклонится. Тот ответил, что лучше желает умереть, чем сделать то, чего не подобает. И Бату послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. Тогда один из его воинов, который стоял тут же, ободрял его, говоря: «Будь тверд, так как эта мука недолго для тебя продолжится, и тотчас воспоследует вечное веселие». После этого ему отрезали голову ножом, и у вышеупомянутого воина голова была также отнята ножом.

III. Сверх того, они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и пития и преимущественно утром, раньше чем станут есть или пить. И так как они не соблюдают никакого закона о богопочитании, то никого еще, насколько мы знаем, не заставили отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила, о котором сказано выше. Что они станут делать дальше, не знаем; некоторые, однако, предполагают, что если Татары получат единовластие, — да отвратит это Бог, — то они заставят всех поклоняться этому идолу. Случилось также в недавнюю бытность нашу в их земле, что Андрей, князь Чернигова (Cherneglove), который находится в Руссии, был обвинен пред Бату в том, что уводил лошадей Татар из земли и продавал их в другое место; и хотя этого не было доказано, он все-таки был убит. Услышав это, младший брат его прибыл с женою убитого к вышеупомянутому князю Бату с намерением упросить его не отнимать у них земли. Бату сказал отроку, чтобы он взял себе в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал взять его в мужья согласно обычаю Татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону. А Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным.

§ II. О том, что они признают грехами

Хотя у них нет никакого закона о справедливых деяниях или предостережении от греха, тем не менее все же ни имеют некоторые предания о том, что называют грехами, измышленные или ими самими, или их предшественниками. Одно состоит в том, чтобы вонзать нож в огонь, или также каким бы то ни было образом касаться огня ножом,[102] или извлекать ножом мясо из котла, также рубить топором возле огня, ибо они веруют, что таким образом должна быть отнята голова у огня; точно так же опираться на плеть, которой погоняют коня (они ведь не носят шпор); точно так же касаться стрел бичом; точно так же ловить или убивать молодых птиц, ударять лошадь уздою; точно так же ломать кость о другую кость; точно так же проливать на землю молоко или другой какой напиток, или пищу, мочиться в ставке, но если кто это сделает добровольно, его убивают, если же иначе, то им должно заплатить много денег колдуну, чтобы он очистил их и заставил также и ставку и то, что в ней находится, пройти между двух огней, а раньше, чем она будет так очищена, никто не дерзает войти в нее и унести из нее что-нибудь. Точно так же если кому положат в рот кусочек, и он не может проглотить его и выбросить его изо рта, то под ставкой делают отверстие, вытаскивают его через это отверстие и без всякого сожаления убивают; точно так же, если кто наступает на порог ставки какого-нибудь вождя, то его умерщвляют точно таким же образом. И у них есть много подобного этому, о чем было бы слишком долго рассказывать. А убивать людей, нападать на земли других, захватывать имущество других всяким несправедливым способом, предаться блуду, обижать других людей, поступать вопреки запрещениям и заповедям Божиим отнюдь не считается у них греховным. Они ничего не знают о вечной жизни и вечном осуждении; веруют, однако, что после смерти станут жить в ином мире, будут умножать свои стада, есть, пить и делать другое, что делают люди, живущие в этом мире.

§ III. О гаданиях и очищениях грехов

Они усиленно предаются гаданиям вообще, а также по полету птиц и внутренностям животных, чародействам и волшебствам. И, когда им отвечают демоны, они веруют, что это говорит им сам Бог… они удивительно боятся и чтут его и приносят ему много даров и начатки пищи и питья, и делают все согласно его

ответам. Все то, что они желают делать нового, они начинают в начале луны или в полнолуние, откуда именуют ее великим императором, преклоняют перед ней колена и молятся. Солнце они называют также матерью луны, потому что она получает свет от солнца.

И, говоря кратко, они веруют, что огнем все очищается; отсюда когда к ним приходят послы или вельможи или какие бы то ни было лица, то и им самим, и приносимым ими дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению, дабы они не устроили какого-нибудь отравления и не принесли яду или какого-нибудь зла. Точно так же если огонь упадет с неба на стада или на людей, что там часто случается, или если с ними случится что-нибудь подобное, почему они могли бы считать себя нечистыми или несчастливыми, то им равным образом надлежит подвергнуться очищению при посредстве колдунов; и, так сказать, всю свою надежду они возложили на подобных лиц.

III. Когда кто-нибудь из них смертельно заболеет, то на ставке его выставляют копье и его обвивают вокруг черным войлоком; и с того времени никто чужой не смеет вступить в пределы его ставок; и когда у больного начнется агония, то почти все удаляются от него, потому что никто из присутствующих при его смерти не может входить в орду какого-нибудь князя или императора до новой луны. Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им будет угодно, хоронят же его с его ставкой, именно сидящего посредине ее, и перед ним ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком, и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках, чтобы у него была в другом мире ставка, где жить, кобыла, чтобы получать от нее молоко и даже иметь возможность умножать себе коней, и кони, на коих он мог ездить, а кости того коня, которого они съедают за упокой его души, они сожигают. И часто также женщины собираются для сожжения костей за упокой душ людей, как это мы видели собственными глазами и узнали там же от других. Мы видели также, что Оккодай-хан,[103] отец нынешнего императора, посадил куст за упокой своей души,[104] вследствие этого он предписал, чтобы никто там ничего не срезал, если же кто срезал какой-нибудь прут, то, как мы сами видели, подвергался бичеванию, снятию одежды и злым побоям. И, хотя мы сильно нуждались подогнать коня, мы не смели срезать ни одного прута. Золото и серебро они хоронят таким же образом вместе с ним. Повозку, на которой везут его, ломают, а ставку его

разрушают, и никто вплоть до третьего поколения не дерзает называть умершего его собственным именем.

§ IV. О погребальном обряде

I. Иной также способ существует для погребения некоторых знатных лиц. Они идут тайком в поле, удаляют там траву с корнем и делают большую яму и с боку этой ямы делают яму под землею и кладут под покойника того раба, который считается его любимцем. Раб лежит под ним так долго, что начинает как бы впадать в агонию, а затем его вытаскивают, чтобы он мог вздохнуть, и так поступают трижды; и если он уцелеет, то впоследствии становится свободным, делает все, что ему будет угодно, и считается великим в ставке и в среде родственников усопшего. Мертвого же кладут в яму, которая сделана сбоку, вместе с теми вещами, о которых сказано выше, затем зарывают яму, которая находится перед его ямой, и сверху кладут траву, как было раньше, с той целью, чтобы впредь нельзя было найти это место. В остальном они поступают так, как о том сказано выше, но наружную его палатку оставляют на поле. В их земле существуют два кладбища. Одно, на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать, а вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое — то, на котором похоронены те, кто был убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие. К этим кладбищам не дерзает подойти никто, кроме сторожей, которые приставлены там для охраны, а если кто подойдет, то его хватают, обнажают, бичуют и подвергают очень злым побоям. Поэтому мы сами по неведению вошли в пределы кладбища тех, кто был убит в Венгрии, и сторожа пошли на нас, желая перестрелять, но так как мы были послами и не знали обычая страны, то они дали нам уйти беспрепятственно.

II. Родственников же [усопшего] и всех тех, кто пребывает в его ставках, надлежит очистить огнем; это очищение делается следующим образом. Устраивают два огня и рядом с огнями ставят два копья с веревкой на верхушке копий, и над этой веревкой привязывают какие-то обрезки из букарана; под этой веревкой и привязками между упомянутых двух огней проходят люди, животные и ставки. И присутствуют две женщины, одна отсюда, другая оттуда, прыскающие воду и произносящие какие-то заклинания, и если там сломаются какие-нибудь повозки или даже там упадут какие-нибудь вещи, это получают колдуны. И

если кого-нибудь убьет громом, то всем людям, которые пребывают в тех ставках, надлежит пройти вышесказанным способом чрез огонь. Ставка, постель, повозки, войлоки и все, что у них будет тому подобного, не подлежат чьему-либо прикосновению, но отвергаются всеми как нечистое.

Глава четвертая

О нравах Татар, хороших и дурных, их пище и обычаях

Сказав об обряде, надлежит сказать о правах; о них будем рассуждать следующим образом: сперва скажем о хороших, во-вторых, о дурных, в-третьих, о пище, в-четвертых, об обычаях.

§ I. О хороших нравах Татар

Вышеупомянутые люди, то есть Татары, более повинуются своим владыкам, чем какие бы то ни было люди, живущие в сем мире или духовные, или светские, более всех уважают их и нелегко лгут перед ними. Словопрения между ними бывают редко или никогда, драки же никогда, войн, ссор, ран, человекоубийства между ними не бывает никогда. Там не обретается также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой-нибудь скот, то всякий, кто найдет его, или просто отпускает его, или ведет к тем людям, которые для того приставлены; люди же, которым принадлежит этот скот, отыскивают его у вышеупомянутых лиц и без всякого труда получают его обратно. Один достаточно чтит другого, и все они достаточно дружны между собою; и хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою. И они также довольно выносливы, поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но поют и играют, как будто хорошо поели. Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда также терпят и чрезмерный зной. И это люди не изнеженные. Взаимной зависти, кажется, у них нет, среди них нет почти никаких тяжебных ссор; никто не презирает другого, но помогает и поддерживает, насколько может, по средствам. Женщины их целомудренны, и о бесстыдстве их ничего среди них не слышно; однако некоторые из них в шутку произносят достаточно позорных и бесстыдных слов. Раздоры

между ними возникают или редко, или никогда, и хотя они доходят до сильного опьянения, однако, несмотря на свое пьянство, никогда не вступают в словопрения или драки.

§ II. О дурных нравах их

Описав их хорошие нравы, следует изложить теперь о дурных. Они весьма горды по сравнению с другими людьми и всех презирают, мало того, считают их, так сказать, ни за что, будь ли то знатные или незнатные. Именно мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь Руссии,[105] а также сын царя и царицы Грузинской, и много великих султанов, а также князь Солангов не получали среди них никакого должного почета, но приставленные к ним Татары, какого бы то низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место, а, наоборот, часто тем надлежало сидеть сзади зада их. По сравнению с другими людьми они очень вспыльчивы и раздражительного нрава. И также они гораздо более лживы, чем другие люди, и в них не обретается никакой почти правды; вначале, правда, они льстивы, а под конец жалят, как скорпион. Они коварны и обманщики и, если могут, обходят всех хитростью. Это грязные люди, когда они принимают пищу и питье и в других делах своих. Все зло, какое они хотят сделать другим людям, они удивительным образом скрывают, чтобы те не могли позаботиться о себе или найти средство против их хитростей. Пьянство у них считается почетным, и, когда кто много выпьет, там же извергает обратно, но из-за этого не оставляет выпить вторично. Они очень алчны и скупы, огромные мастера выпросить что-нибудь, а вместе с тем весьма крепко удерживают все свое и очень скупые дарители. Убийство других людей считается у них ни за что. И, говоря кратко, все дурные нравы их по своей пространности не могут быть изображены в описании.

§ III. Об их пище

Их пищу составляет все, что можно разжевать, именно они едят собак, волков, лисиц и лошадей, а в случае нужды вкушают и человеческое мясо. Отсюда, когда они воевали против одного китайского города, где пребывал их император, и осаждали его так долго, что у самих Татар вышли все съестные припасы, то, так как у них не было вовсе что есть, они брали тогда для еды одного

из десяти человек. Они едят также очищения, выходящие из кобыл вместе с жеребятами. Мало того, мы видели даже, как они ели вшей, именно они говорили: «Неужели я не должен есть их, если они едят мясо моего сына и пьют его кровь?» Мы видели также, как они ели мышей. Скатертей и салфеток у них нет. Хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его они едят так мало, что другие народы с трудом могут жить на это.

Они очень грязнят себе руки жиром от мяса, а когда поедят, то вытирают их о свои сапоги или траву, или о что-нибудь подобное; более благородные имеют также обычно какие-то маленькие суконки, которыми напоследок вытирают руки, когда поедят мясо. Пищу разрезает один из них, а другой берет острием ножика кусочки и раздает каждому, одному больше, а другому меньше, сообразно с тем, больше или меньше они хотят кого почтить. Посуды они не моют, а если иногда и моют мясной похлебкой, то снова с мясом выливают в горшок. Также если они очищают горшки или ложки, или другие сосуды, для этого назначенные, то моют точно так же. У них считается великим грехом, если каким-нибудь образом дано будет погибнуть чему-нибудь из питья или пищи, отсюда они не позволяют бросать собакам кости, если из них прежде не высосать мозжечок. Платья свои они также не моют и не дают мыть, а особенно в то время, когда начинается гром, до тех пор, пока не прекратится это время.

Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко. Вина, пива и меду у них нет, если этого им не пришлют и не подарят другие народы. Зимою у них нет даже и кобыльего молока, если они небогаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашу или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока, они редко едят мясо, если им случайно не подарят его или они не поймают на охоте какого-нибудь зверя или птицу.

§ IV. Об их законах и обычаях

Далее, у них есть закон или обычай убивать мужчину или женщину, которых они застанут в явном прелюбодеянии; также если девица будет с кем-нибудь блудодействовать, они убивают мужчину и женщину. Если кто-нибудь будет застигнут на земле

их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают без всякого сожаления. Точно так же, если кто-нибудь открывает их замысел, особенно когда они хотят идти на войну, то ему дается по заду сто ударов таких сильных, насколько может дать их крестьянин большой палкой. Точно так же, когда кто-нибудь из младших оскорбляет кого-нибудь, то их старшие не щадят их, а подвергают тяжкому бичеванию. Точно так же между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому их них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги. И если один Татарин имеет много жен, то каждая из них сама по себе имеет свою ставку и свое семейство; и один день он пьет, ест и спит с одной, а другой день с другою, все-таки одна из них считается старшей среди других, и он бывает с ней чаще, чем с другими, и хотя их так много, они нелегко ссорятся между собою.

Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы.

Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно. Стремена у них очень короткие, лошадей они очень берегут, мало того, они усиленно охраняют все имущество. Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, вьючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры. Все женщины носят штаны, а некоторые и стреляют, как мужчины.

Глава шестая

О войне и разделении войск, об оружии и хитростях при столкновении, об осаде укреплений и вероломстве их против тех, кто сдается им, и о жестокости против пленных

§ III. О хитростях при столкновении

Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков (praecursores), у которых нет с собой

ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей, и только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство. За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают. Тем не менее все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках.

Когда же они добираются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругом они делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают так, что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом и очень крепко связывают; после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед, наравне с лошадью, человека, который бы управлял лошадью. Или иногда они берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в воду, и один человек плывет рядом с лошадью, которою управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же более бедные имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок вверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше.

Надо знать, что всякий раз как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или на двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах они весьма

хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более.

IV. Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих. Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь Татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видали их противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середину; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон. И хотя их иногда мало, противники их которые окружены, воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство. А если случайно противники удачно сражаются, то Татары устраивают им дорогу для бегства, и как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне.

Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой.

§ IV. Об осаде укреплений

Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же Татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь;[106] мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на

дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо; все же его можно погасить, как говорят, налив вина или пива; если же он упадет на тело, то может быть погашен трением ладони руки. А если они не одолевают таким способом и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же это сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землею входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силою.

§ V. О вероломстве Татар и о жестокости против пленных

Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то Татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, а если случайно, в силу какого-нибудь обстоятельства, они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп. Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов. Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою; те же после этого разделяют пленников и дают каждому рабу для умерщвления десять человек или больше, или меньше, сообразно с тем, как угодно начальствующим.

Пер. с лат. А. И.Малеина

Из книги Гильома де Рубрука [107] «Путешествие в восточные страны»

Глава третья

Об их постелях, идолах и обрядах перед питьем

Когда они поставят дома, обратив ворота к югу, то помещают постель господина на северную сторону. Место женщин всегда с восточной стороны, то есть налево от хозяина дома, когда он сидит на своей постели, повернув лицо к югу. Место же мужчин с западной стороны, то есть направо. Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне. И над головою господина бывает всегда изображение, как бы кукла или статуэтка из войлока, именуемая братом хозяина; другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи; эти изображения прибиты к стене; а выше, среди них, находится еще одно изображение, маленькое и тонкое, являющееся, так сказать, сторожем всего дома. Госпожа дома помещает у своего правого бока, у ножек постели, на высоком месте козлиную шкурку, наполненную шерстью или другой материей, а возле нее маленькую статуэтку, смотрящую в направлении к служанкам и женщинам. Возле входа, со стороны женщин, есть опять другое изображение, с коровьим выменем, для женщин, которые доят коров; ибо доить коров принадлежит к обязанности женщин. С другой стороны входа, по направлению к мужчинам, есть другая статуя, с выменем кобылы, для мужчин, которые доят кобыл. И всякий раз, как они соберутся для питья, они сперва обрызгивают напитком то изображение, которое находится над головой господина, а затем другие изображения по порядку. После этого слуга выходит из дома с чашей и питьем и кропит трижды на юг, преклоняя каждый раз колена, и это делается для выражения почтения к огню; после того он повторяет то же, обратясь на восток, в знак выражения почтения к воздуху; после того он обращается на запад для выражения почтения к воде; на север они кропят (prohiciunt) в память умерших. Когда господин держит чашу в руке и должен пить, то, прежде чем пить, он выливает на землю соответствующую часть. Если он пьет, сидя на лошади, то до питья делает излияние ей на шею или на гриву. Итак, когда слуга

покропит таким образом на четыре стороны мира, он возвращается в дом; и два служителя с двумя чашами и столькими же блюдами стоят наготове, чтобы отнести питье господину и жене, сидящей на постели возле него, но повыше. И если у господина очень много жен, то та, с которой он спит ночью, сидит рядом с ним днем, а всем другим в тот день надлежит приходить к тому дому, и там в тот день происходит собрание, приносимые же подарки складываются в сокровищницы этой госпожи. При входе стоит скамья с бурдюком молока или другого какого питья и с чашами.

Глава четвертая

Об их напитках и о том, как они поощряют других к питью

Зимою они делают превосходный напиток из риса, проса, ячменя и меду, чистый, как вино,[108] а вино им привозится из отдаленных стран. Летом они заботятся только о кумысе (cosmos). Кумыс стоит всегда внизу у дома, пред входом в дверь, и возле него стоит гитарист со своей маленькой гитарой.[109] Наших гитар и рылей (viellas) я там не видал, но видел много других инструментов, которых у нас не имеется. И когда господин начинает пить, то один из слуг возглашает громким голосом: «Га!» И гитарист ударяет о гитару, а когда они устраивают большой праздник, то все хлопают в ладоши и также пляшут под звуки гитары, мужчины пред лицом господина, а женщины пред лицом госпожи. Когда же господин выпьет, то слуга восклицает, как прежде, и гитарист молчит. Тогда все кругом, и мужчины, и женщины, пьют, при этом иногда они пьют взапуски очень гадко и с жадностью. И когда они хотят побудить кого-нибудь к питью, то хватают его за уши и сильно тянут, чтобы расширить ему горло, и рукоплещут и танцуют пред его лицом. Точно так же, когда они хотят сделать кому-нибудь большой праздник и радость, один берет полную чашу, а двое других становятся направо и налево от него, и таким образом они трое идут с пением и пляской к тому лицу, которому они должны подать чашу, и поют и пляшут пред его лицом; а когда он протянет руку для принятия чаши, они внезапно отскакивают и снова возвращаются, как прежде, и издеваются над ним таким образом, отнимая у него чашу три или четыре раза, пока он не развеселится хорошенько и не почувствует хорошего аппетита. Тогда они подают ему чашу, поют, хлопают в ладоши и ударяют ногами, пока он не выпьет.

Глава пятая

Об их пище

Об их пище и съестных припасах знайте, что они едят без разбора всякую свою падаль, а среди столь большого количества скота и стад, вполне понятно, умирает много животных.

Однако летом, пока у них тянется кумыс, то есть кобылье молоко, они не заботятся о другой пище. Поэтому, если тогда доведется умереть у них быку и лошади, они сушат мясо, разрезывая его на тонкие куски и вешая на солнце и на ветер, и эти куски тотчас сохнут без соли и не распространяя никакой вони. Из кишек лошадей они делают колбасы, лучшие, чем из свинины, и едят их свежими. Остальное мясо сохраняют на зиму. Из шкур быков они делают большие бурдюки, которые удивительно высушивают на дыму. Из задней части конской шкуры они делают очень красивые башмаки. От мяса одного барана они дают есть 50 или 100 человекам, именно они разрезают мясо на маленькие кусочки на блюдечке вместе с солью и водой — другой приправы они не делают, — а затем острием ножика или вилочки,[110] сделанных нарочно для этого, наподобие тех, какими мы обычно едим сваренные в вине груши и яблоки, они протягивают каждому из окружающих один или два кусочка, сообразно с количеством вкушающих.

Прежде чем поставить мясо барана (гостям), господин сам берет, что ему нравится, а также если он дает кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному, и нельзя давать никому; если же он не может съесть всего, то ему надлежит унести это с собою или отдать своему служителю, если налицо находится тот кто охраняет его, или иначе он прячет это в свой каптаргак, то есть в квадратный мешок, который они носят для сохранения всего подобного; сюда они прячут также и кости, когда у них нет времени хорошенько обглодать их, чтобы обглодать впоследствии, дабы не пропадало ничего из пищи.

Глава шестая

Как они приготовляют кумыс

Самый кумыс, то есть кобылье молоко, приготовляется следующим образом. На двух кольях, вбитых в землю, они натягивают длинную веревку; к этой веревке они привязывают

около третьего часа дня детенышей кобылиц, которых хотят доить. Тогда матки стоят возле своих детенышей и дают доить себя спокойно. А если какая-нибудь из них очень несдержана, то человек берет детеныша и подносит к ней, давая немного пососать; затем он оттаскивает его, и на смену является доильщик молока.

Итак, накопив большое количество молока, которое, пока свежее, так же сладко, как коровье, они наливают его в большой бурдюк или бутыль (butellum) и начинают бить по нему приспособленной для этого деревяшкой; величина ее внизу с человеческую голову, а внутри она просверлена. Как только они начинают сбивать, молоко начинает кипеть, как новое вино, и окисать или бродить, и они его сбивают до тех пор, пока не извлекут масла. Тогда они пробуют молоко и, если оно надлежаще остро, пьют. Ибо оно при питье щиплет язык так же, как вино с прибавкой свежего винограда, а когда человек перестает пить, оно оставляет на языке вкус миндального молока и доставляет много приятности внутренностям человека, слабые же головы даже опьяняет; также вызывает оно много мочи. Они делают также для нужд важных господ каракосмос, то есть черный кумыс.[111] В этом случае кобылье молоко не свертывается. Правилом служит то, что ни у одного животного, если оно не стерильно, молоко не подвергается свертыванию. Если в брюхе кобылицы нет зародыша жеребенка, то молоко кобылицы не свертывается.

Итак, они настолько сбивают молоко, что все, что в нем есть густого, идет прямо на дно, как винная гуща, а то, что чисто, остается сверху, и оно напоминает собою сыворотку или белый виноградный сок. Гуща бывает очень бела, дается рабам и наводит глубокий сон. Светлую часть пьют господа, и это, несомненно, напиток очень приятный и хорошего действия. Около своего становища, на расстоянии дня пути, Бату имеет тридцать человек, из которых всякий во всякий день служит ему таким молоком от ста кобылиц, то есть во всякий день [он получает] молоко от трех тысяч кобылиц, за исключением другого белого молока, которое приносят другие. Ибо как в Сирии поселяне дают третью часть плодов, так Татарам надлежит приносить ко дворам своих господ кобылье молоко каждого третьего дня. Из коровьего молока они сперва извлекают масло и кипятят его до полного сварения, а потом прячут его в кожах баранов, которые для этого сберегают. Хотя они не кладут соли в масло, оно все-таки не подвергается гниению вследствие сильной варки. И они сохраняют его на зиму. Остальному молоку, которое остается после масла, они дают киснуть, насколько только можно

сильнее, и кипятят его; от кипения оно свертывается. Это свернувшееся молоко они сушат на солнце, и оно становится твердым, как выгарки железа; его они прячут в мешки на зиму. В зимнее время, когда у них не хватает молока, они кладут в бурдюк это кислое и свернувшееся молоко, которое называют гриут, наливают сверху теплой воды и сильно трясут его, пока оно не распустится в воде, которая делается от этого вся кислая; эту воду они пьют вместо молока. Они очень остерегаются, чтобы не пить чистой воды.

Глава восьмая

О бритье мужчин и наряде женщин

Мужчины выбривают себе на макушке головы четырехугольник и с передних углов ведут бритье макушки головы до висков. Они бреют также виски и шею до верхушки впадины затылка, а лоб до макушки, на которой оставляют пучок волос, спускающихся до бровей. В углах затылка они оставляют волосы, из которых делают косы, которые заплетают, завязывая узлом до ушей. Платье девушек не отличается от платья мужчин, за исключением того, что оно несколько длиннее. Но на следующий день после свадьбы она бреет себе череп с середины головы в направлении ко лбу; она носит рубашку такой ширины, как куколь монахини, но в общем более широкую и длинную и спереди разрезанную, которую завязывают на правом боку. Ибо Татары отличаются от Турок именно тем, что Турки завязывают свои рубашки с левой стороны, а Татары всегда с правой. Кроме того, они носят украшение на голове, именуемое бокка, устраиваемое из древесной коры или из другого материала, который они могут найти, как более легкий, и это украшение круглое и большое, насколько можно охватить его двумя руками; длиною оно в локоть и более, а вверху четырехугольное, как капитель колонны. Эту бокку они покрывают драгоценной шелковой тканью; внутри бокка пустая, а в середине над капителью, или над упомянутым четырехугольником, они ставят прутик из стебельков, перьев или из тонких тростинок длиною также в локоть и больше. И этот прутик они украшают сверху павлиньими перьями и вдоль кругом перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Богатые госпожи полагают это украшение на верх головы, крепко стягивая его меховой шапкой (almuccia), имеющей в верхушке приспособленное для того отверстие. Сюда они прячут свои

волосы, которые собирают сзади к верху головы, как бы в один узел, и полагают в упомянутую бокку, которую потом крепко завязывают под подбородком. Отсюда, когда много госпож едет вместе, то, если смотреть на них издали, они кажутся солдатами, имеющими на головах шлемы с поднятыми копьями. Именно бокка кажется шлемом, а прутик наверху копьем. И все женщины сидят на лошадях, как мужчины, расставляя бедра в разные стороны, и они подвязывают свои куколи по чреслам шелковой тканью небесного цвета, другую же повязку прикрепляют к грудям, а под глазами подвязывают кусок белой материи; эти куски спускаются на грудь. Все женщины удивительно тучны; и та, у которой нос меньше других, считается более красивой. Они также безобразят себя, позорно разрисовывая себе лицо.[112] Для родов они никогда не ложатся в постель.[113]

Глава девятая

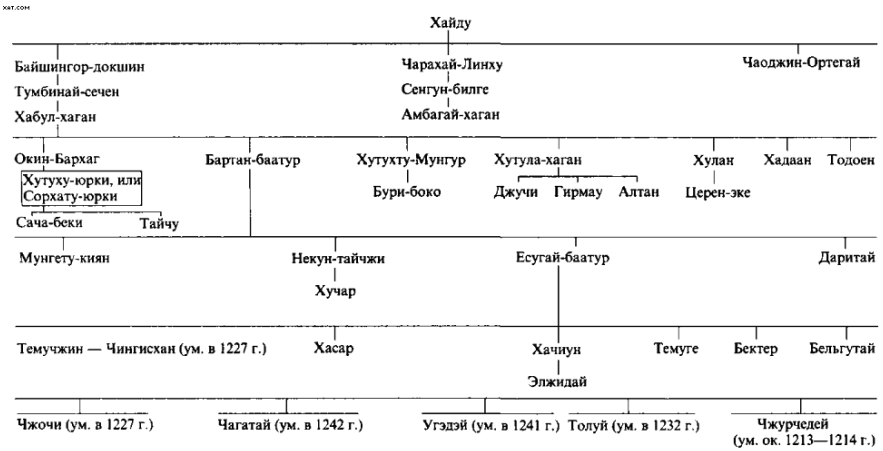
Об обязанностях женщин, об их занятиях и об ил свадьбах

Обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут, приготовлять шкуры и сшивать их, а сшивают их они ниткой из жил. Именно они разделяют жилы на тонкие нитки и после сплетают их в одну длинную нить. Они шьют также сандалии (sotulares), башмаки и другое платье. Платьев они никогда не моют, так как говорят, что Бог тогда гневается и что будет гром, если их повесить сушить. Мало того, они бьют моющих платье и отнимают его у них. Они боятся грома выше меры, высылают тогда всех чужестранцев из своих домов и закутываются в черные войлоки, в которые прячутся, пока не пройдет [гроза]. Никогда также не моют они блюд; мало того, сварив мясо, они моют чашку, куда должны положить его, кипящей похлебкой из котла, а после обратно выливают в котел. Они делают также войлок и покрывают дома. Мужчины делают луки и стрелы, приготовляют стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, то есть кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и вьючат их. Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины. Кожи приготовляют они при помощи кислого, сгустившегося и соленого овечьего молока. Когда они хотят вымыть руки или голову, они наполняют себе рот водою и мало-помалу льют ее изо рта себе на руки, увлажняют такой же водою

себе волосы и моют себе голову. О свадьбах их знайте, что никто не имеет там жены, если не купит ее; отсюда, раньше чем выйти замуж, девушки достигают иногда очень зрелого возраста. Ибо родители постоянно держат их, пока не продадут. Они соблюдают первую и вторую очередь родства, свойства же не признают ни в какой степени. Именно они женятся вместе или последовательно на двух сестрах. Ни одна вдова не выходит у них замуж на том основании, что они веруют, что все, кто служит им в этой жизни, будет служить и в будущей; отсюда о вдове они верят, что она всегда вернется после смерти к первому мужу. От этого среди них случается позорный обычай, именно, что сын берет иногда всех жен своего отца, за исключением матери. Именно двор отца и матери достается всегда младшему сыну. Отсюда ему надлежит заботиться о всех женах своего отца, которые достаются ему с отцовским двором, и тогда при желании он пользуется ими как женами, так как он не признает, что ему причиняется обида, если жена по смерти вернется к отцу. Итак, когда кто-нибудь заключит с кем-нибудь условие о взятии дочери, отец девушки устраивает пиршество, и она бежит к близким родственникам, чтобы там спрятаться. Тогда отец говорит: «Вот дочь моя твоя; бери ее везде, где найдешь». Тогда тот ищет ее со своими друзьями, пока не найдут, и ему надлежит силой взять ее и привести как бы насильно к себе домой.

Пер. с лат. А. И. Малеина

Генеалогия монгольских ханов



Основные даты жизни Чингисхана

1162 — рождение Темучжина.

1171— смерть Есугая-баатура, отца Темучжина. Измена тайчжиудов.

1172–1182 — годы лишений вдовы Есугая Оэлун и ее детей. Темучжин и Хасар убивают своего сводного брата Бектера. Тайчжиудский плен и побег.

1182–1184 — появление у Темучжина первых нукеров (дружинников) Боорчу и Джелме. Женитьба на Борте. Союзы с названым отцом Тоорил-ханом и андой (побратимом) Чжамухой.

1185 — нападение меркитов; их разгром коалицией Чжамухи, Тоорила и Темучжина. Освобождение Борте.

1187 — разрыв с Чжамухой. Воссоединение Темучжина с борджигинцами Алтаном и Хучаром и джуркинцами; восстановление улуса.

1189 — избрание Темучжина ханом с титулом Чингисхан. Военная неудача в битве с Чжамухой при Далан-бальчжиуте. Чингисхан заперт в Цзереновом ущелье на Ононе. Распри внутри улуса с джуркинцами.

1196 — набег Чингисхана на татар совместно с войсками Цзинь. Разгром джуркинцев.

1200— Чингисхан и Ван-хан кераитский (Тоорил) начинают военные действия против Чжамухи. Сражение на Ононе с тайчжиудами.

1201— коалиция противников Чингисхана избирает Чжамуху гур-ханом. Разгром татар Чингисханом. В союзники к Чжамухе переходят Алтан и Хучар, а также сын Ван-хана Сангун-нилха. Ван-хан выступает против Чингисхана.

1202–1205 — победы Чингисхана в войне против Ван-хана, найма-

нов, меркитов и Чжамухи.

1206— великий курултай на Ононе. Создание Монгольской империи.

1207— поход сына Чингисхана Чжочи на Енисей против ойратов и киргизов. Подчинение Уйгурии. Сокрушение последних внутренних врагов. Сведение счетов Чингисхана с шаманом Кокочу.

1209 — нападение Чингисхана на тангутскую страну Си Ся.

1211 — начало войны с Цзинь. Чингисхан поддерживает в Маньчжурии восстание киданей под главенством Елюй Люге.

1215 — взятие Пекина.

1218 — поход Джебэ против Кучлука в государство кара-

китаев, в Семиречье и Кашгарию. Убийство посланцев Чингисхана в Отраре.

1219–1225 — западный поход под личным командованием Чингисхана. Завоевания в Туркестане, Афганистане и Персии. Коалиция с Сунами против Цзинь. Возвращение в Монголию.

1227— Разгром Си Ся. Смерть Чингисхана.

Краткая библиография

Армянские источники о монголах: Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. — М., 1962.

Бартольд В. В. Образование империи Чингиз-хана// Бартольд В. В. Соч. — М., 1968. —Т. V.

Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис хана // Вернадский Г. В. Исследования и материалы по истории России и Востока. — Брюссель, 1939. — Вып. первый.

Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. — Горно-Алтайск, 1992.

Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. — М., 1992.

Джовани дель Плано Карпини. История монгалов. — 3-е изд; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. — 3-е изд.; Книга Марко Поло. — 4-е **изд.** / Вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. — М., 1997.

Кафаров Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. — СПб., 1866. —Т. 4.

Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. —М.-Л., 1941.

Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. — М., 1995.

Лубсан Дан за н. Алтан Тобчи («Золотое Сказание») / Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. — М., 1973.

Мэн-да-бэй-лу (Полное описание монголо-татар): Записки китайского посла Чжао Хуна / Факс, ксил., пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. — М., 1975.

Переводы из «Юань-чао би-ши»: Публикация Ю. Л. Кроля, Е. А. Кузьменкова // Страны и народы Востока. — Вып. XXIX. — СПб., 1998.

Рашидаддин: Сб. летописей / Пер. А. А. Хетагурова, ред. и прим. А. А. Семенова — М.-Л., 1952. — Т. I, кн. 1.

Рашидаддин: Сб. летописей / Пер. О. М. Смирновой, прим. Б. И. Панкратова, О. М. Смирновой — М.-Л., 1952. — Т. I, кн. 2.

Рашидаддин: Сб. летописей / Пер. Ю. П. Верховского, ред. И. П. Петрушевского, прим. Ю. П. Верховского, Б. И. Панкратова — М.-Л., I960. —Т. II.

Рашидаддин: Сб. летописей. — М.-Л., 1946. — Т. III.

Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. — М., 1970.

Уолкер С. С. Чингис-хан. — Ростов-на-Дону, 1998.

Хара-Даван Эренжен. Чингис-хан как полководец и его наследие: культурно-исторический очерк Монгольской империи. — Элиста, 1991.

Хоанг М. Чингисхан. — Ростов-на-Дону, 1997.

Ju vaini. The History of the World Conqueror/Trans. & ed. Boyle J. A. — Manchester-Cambridge, Mass., 1958. — Vv. 2.

Haenish E. Die Geheime Geschichte der Mongolen. — Lpz., 1948.Pel Hot P. Histoire Secrete des Mongols: Restitution du Texte Mongol et Traduction Francaise de Chapitres I a VI. — P., 1949. — V. 1.

Pelliot P., Ham bis L. Histoire des Campagnes de Gengis-Khan Chen Wou T'sintcheng-lou/Traduit et annote par P. Pelliot. — Leiden, 1951. — T. 1.

Rachewiltz I. de. Secret History of the Mongols: The Translation. — Canberra, 1979.

notes

Примечания

1

Монголия отличается страшным контрастом между объемом летних и зимних осадков: лето получает до 75 % их годовой массы, зима — 2–3 % и даже меньше. — Прим. авт.

2

Здесь и далее при передаче выдержек из сказания монгольского барда «L'Histoire secrete des Mongols» использован главным образом перевод «Сокровенного сказания, монгольской хроники 1240 г.», осуществленный академиком С. Козиным в 1941 г.

3

В «Сокровенном сказании…» немало упоминаний о скотоводстве у монголов. Р. Груссе, цитируя данный источник, не замечает почему-то этого.

4

В этом эпизоде нашел отражение монгольский обычай «ширальга», по которому всякий, встретивший охотника, убившего животное, мог потребовать часть добычи, если она еще не была разделана. Так степной закон порой принимал вид товарищеской взаимовыручки, характерной для древнего охотнического общества.

5

Баяуды — одно из монгольских племен.

6

Персидский историк Рашидаддин (1247–1348) считает Намолун (в его варианте Монолун) матерью Хачи-Кулюка. В «Сокровенном сказании…» же она называется женой Хачи-Кулюка. — Прим. авт.

7

См. в Приложении генеалогию монгольских ханов.

8

Согласно древнему восточному обычаю.

9

Присоединившийся к Чингисхану после разрыва с Чжамухой бааринец (см. далее).

10

Несторианство — течение в христианстве, основанное в Византии Несторием, константинопольским патриархом, в 428–431 гг., утверждавшим, что Иисус Христос, будучи рожден человеком, лишь впоследствии стал Сыном Божиим (Мессией). Несторианство пользовалось значительным влиянием вплоть до XIII в. в Иране и от Средней Азии до Китая. Осуждено как ересь на Эфесском соборе в 431 г. Ныне несториане имеются в Иране, Ираке, Сирии.

11

Рашидаддин пишет, что сей Хурчжахуз был женат на сестре най- манского царька. Именно по причине этого родства и вмешались найманы (вероятно, около 1140 г.) в татаро-кераитский конфликт. Татары-победители захватили также сына Хурчжахуза, тринадцатилетнего Тоорила и поставили его пасти верблюдов. Однако отрок сумел сбежать, не забыв прихватить с собой часть стада. — Прим. авт.

12

От Рашидаддина мы знаем, что в первой половине XII столетия найманов возглавлял род бетекин. Именно бетекинский князь в 1140 г. спас от татар кераитского царя Хурчжахуза. Со временем бетекины утратили свою гегемонию в племени найманов, власть в племени перешла к другому семейству, к кучугурам. — Прим. авт.

13

Эке-Чиледу (Чиледу большой) доводился братом Тохтоа-беки, вождю удуит-меркитов, основного племени меркитов, монгольского народа, скитавшегося в окрестностях устья Селенги, близ Байкала. — Прим. авт.

14

Исследователи не пришли к единому мнению о дате рождения Чингисхана. Существуют три основные версии: 1155, 1162 и 1167 г. Чаще всего упоминается год Черной лошади — 1162 г.

15

Видимо, Орчун-гол.

16

Мунлик, встретиться с которым на протяжении повествования нам предстоит не раз, в ту пору, скорее всего, был еще довольно юн в § 204 «Сокровенного сказания…» говорится (явно не без беллетристических издержек), что он родился в одно время с Чингисом и что они росли вместе.

17

По династическому порядку сыновья только от одной (главной) жены аристократа считались продолжателями династии при главенстве старшего сына.

18

«Когда он (Темучжин. — Е. С.) был маленьким… я приводил его к себе (скорее всего тогда, когда Есугай совершал очередной дальний набег. — Е. С), полагая, что он в состоянии выучиться, и я учил-наставлял его, как обучают породистых жеребят», — так будет говорить Таргутай через несколько лет (см. «Сокровенное сказание…», § 49). — Прим. авт.

19

Длинная палка с петлей из ремня, по форме напоминает букву «р»

20

Спустя время Темучжин перенес свою стоянку из поречья Сангура в Бурги-ерги, т. е. ближе к истокам Керулена, в район, находящийся, по мнению исследователей, между ущельями Дондот и Цэун-Курен.

21

Народ, государство.

Побратим.

23

Мама, матушка.

24

Тем не менее Чжамуху Темучжин называл младшим братом.

25

Центральный столб в юрте, который монголы считали священным.

Однако формально Чжамуха был «младшим братом» по отношению к Темучжину и «сыном» — к Тоорилу. «Главенствующее» положение Чжамухи было временным, связанным с его конкретной военной инициативой. В монгольской армии командующими становились очень часто даже совершенно не знатные люди.

27

Во всяком случае, Завоеватель никогда не высказал Борте упрека по этому деликатному поводу. Признаем также, что его недовольство было бы нелогичным, так как в день, когда меркиты совершили свой набег, он просто-напросто бросил свою молодую жену на произвол судьбы. — Прим. авт.

28

Реплика Чжамухи о табунщиках и овчарах — плохо скрытая попытка поставить под сомнение старшинство Темучжина в побратимском союзе. Если в военном деле временная передача прерогатив от старшего к младшему вполне уместна, то в вопросе выбора пастбищ, направления кочевок, распоряжения землей — об этом в степи не может быть и речи.

29

Существует несколько версий значения титула «Чингисхан», но ни одна из них не выглядит безупречной. Чингис (Тэнгис) — море, Чингис — божество в пантеоне шаманизма и др Введением нового титула монголы положили конец практике получения званий от соседей (Ван-хан, Гур-хан и т д) и заявили о себе как о самостоятельной империи.

30

В «Сокровенном сказании…» (§ 189) Таяна зовут Торлуком. — Прим авт

31

На 119° восточной долготы и 50° северной широты. Кан — незначительный восточный приток Аргуни. — Прим авт.

Но это уже было потом, в 1201–1202 гг.

33

Как утверждает Рашидаддин, урянхаты жили в лесу. У них не имелось ни шатров, ни скотины. Они промышляли звероловством и презирали пастушеские народы. В качестве убежища им служил сплетенный из ветвей и покрытый берестой шалаш. Охотясь зимой, они надевали на ноги дощечки, именуемые чана, и опирались на палку, которую вонзали в снег точно так же, как лодочники втыкают в дно реки шесты. — Прим. авт.

Существует версия, что он ранил не коня, а самого Чингисхана.

35

Он умер в 1232 г., достигнув 39-летнего возраста. — Прим. авт.

36

«Монголы покидают свои стойбища в конце мая и спускаются в долину, сочные и густые травы которой позволяют стадам понемногу восстанавливать свои силы после почти полного шестимесячного поста, начинающегося с наступлением холодов. Повсеместно на берегах реки (Туулы) мы встречаем несметные табуны лошадей, худых и жалких. Эти несчастные животные бродят с поникшими головами, потухшим взором и впалыми боками; их вид уныл, и жеребята здесь не веселы и не скачут взапуски, как у нас» (B. de Lacoste «Au pays sacre des anciens Turcs», p. 27). — Прим. авт

37

Рашидаддин приписывает эти слова не Темуге-отчигину, а Дари-таю, дяде Чингисхана. — Прим. авт.

38

Монголы верят, что душа находится в крови. — Прим. авт.

39

Озье Пьер д*— французский специалист по генеалогии, автор «Генеалогии основных семейств Франции» (150 рукописных томов).

40

Вперед.

41

Выходи! Отбой!

42

Как мы помним, Толуй был четвертым сыном Темучжина. — Прим. авт.

43

Хранители.

44

Как утверждает легенда, Хасар, обладая необыкновенной силой, мог сломать человека так же легко, как деревянную стрелу. — Прим. авт.

45

Гучу и тезка волхва Кокочу (приемыш Оэлун) — Прим авт

46

Меткость Хасаровой стрельбы из лука стала легендарной Однажды, как сообщает Саган Сэцэн, Чингисхан попросил его сбить грифе» «Куда ты хочешь» чтобы я попал?» — спросил тот «В голову, между черных и желтых полосок», — сказал Завоеватель Хасар выстрелил Когда посмотрели, куда попала его стрела, выяснилось, что она угодила точно в заданное место — Прим авт

47

Монголы, как и русские до XVIII в., определяли стороны света по отношению к географическому югу.

48

Полиоркетика (греч.) — искусство ведения осады.

49

Трансоксиана — междуречье Амударьи и Сырдарьи.

Видимо, монгольские законы, записанные уйгурским письмом

51

Этот Сукнак-тегин позднее женился на внучке Покорителя Вселенной, дочери его старшего сына Чжочи. — Прим. авт.

52

Видимо, имеется в виду Тамгадж — Пекин или какой-то другой китайский город. Хотя, с другой стороны, Тамгач — государство тангутов Си Ся.

Т.е. хорезмийского.

Т.е. халиф.

55

Плано Карпини (нач. 1180-х — не позднее 1252 гг..) — всемирно известный путешественник, детский друг Франциска Ассизского, основателя ордена францисканцев, сам был одним из основателей этого ордена и его особого подразделения — ордена миноритов. Папский легат в Монголии.

Сподвижники, дружина.

Т.е. Восточного и Западного.

«Путь человека» в китайской философии.

59

Илуху-Бурхан — правитель тангутов Из-за того, что тангут носил имя Бурхан (Бог), возникла заминка с его казнью. Тогда Чингисхан повелел переименовать его в Шидургу (Честного) и после этого умертвить. Поручение бьпо отдано лично Толун-черби.

Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. — М., 1992, с. 304.

61

Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сб. — М., 1991, с. 186.

62

Там же.

63

Тойнби А Дж. Постижение истории, с. 185.

См.: там же.

Там же.

Это нашло отражение в Библии: «Адам познал Еву, жену свою: и она зачала и родила Каина и сказала: приобрела я человека от Господа. И еще родила брата его, Авеля. И был Авель пастырь овец; а Каин был земледелец. Спустя несколько времени Каин принес от земли плодов дар Господу. И Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и дар его не призрел. Каин сильно огорчился и поникло лице его» (Быт. 4, 1–5).

67

См.: перевод глав «Тайной истории монголов» Б. И. Панкратова. — Страны и народы Востока. Вып. XXIX. — СПб., 1998, с. 90.

«Каинова печать» лежит и на самом Чингисхане, который в юные годы убил сводного брата.

69

Со II в. до н. э. до наших дней кочевники, проживавшие на территории Монголии, сменили несколько систем письма. В периоды политической раздробленности периодически возникал дефицит бумаги, усугублявшийся отсутствием условий хранения рукописей и книг (кстати, с книгопечатанием монголы познакомились раньше, чем европейцы). В результате происходила временная утрата навыков письма (как правило, только в глубинных степных районах и при затяжной изолированности), его замена устными способами передачи информации. Стремление преодолеть этот период «одичалости», временную отсеченность от главного условия выживания любого государства — каналов цивилизованного общения, обмена и информации — мощный стимул интеграционного движения. Этим, видимо, и обусловлена особая роль равноудаленного от смешанных анклавов и караванных путей Хангайско-Хэнтэйского района Монголии как центра создававшихся кочевых империй.

В результате произошли решающие изменения в общественной жизни на огромных пространствах, окружавших Монголию. Империя объединила усилия разных народов в создании условий их мирного сосуществования, вывела на первый план отношения личного доверия между правителями. Имеется и оборотная сторона медали: экономические законы зачастую подменялись волевыми решениями (не случайно на протяжении столетий Россия сталкивается с огромными трудностями в реформировании своей экономики).

71

Джувейни, Аладдин Ата Малик — персидский историк XIII в. (умер в 1283 г.).

Александр Македонский.

73

Яса, Великая Яса — свод законов и уставов, составленный по распоряжению основателя Монгольской империи Чингисхана. В подлинном списке не сохранилась, известна лишь в отрывках или в сокращенном изложении.

Под идолопоклонниками, возможно, разумеются буддисты.

Госпожи (царицы и царевны).

Фарсах (парасанг) — персидская мера длины, около 5–6 км.

Т.е. стран.

78

Нарез земли.

79

Налог, дань, оброк.

Дополнительные сборы.

81

Селение на почтовом тракте, жители которого несли ямскую повинность (обязанность предоставлять для государственных нужд подводы, лошадей, возчиков).

82

Взносы.

83

В значении барщины.

«Приказ» здесь употребляется в смысле московского государственного права XVI–XVII вв.: московский приказ — правительственное учреждение, министерство, департамент.

Коран, VII, 32.

86

Деньги, податные суммы.

Рукописный вариант книги датируется XIII веком.

Имеются в виду монголы.

89

Предлагаемый русский перевод дается на основе старого латинского перевода Брунса и Кирша (1788); принят также во внимание и новый английский перевод Бёджа (1932).

Средневековые иранские авторы под этим названием подразумевали обитателей восточной части Маньчжурии и Кореи.

91

Первоначально этим названием античные авторы именовали одно кочующее племя, жившее в Аравии, затем это название было распространено на все арабские племена, а в эпоху крестовых походов — вообще на все народы, исповедующие ислам.

Т.е. уйгуров.

93

Щебнем.

Т.е. Каракорум — столица Монгольской империи, находившаяся в долине р. Орхон.

Т.е. во временной ставке великого хана.

Точное значение этого слова исследователями не установлено.

97

Драгоценная ткань, окрашенная особым красящим веществом красно-фиолетового цвета. Это вещество, извлекавшееся из особой породы улиток, очень высоко ценилось и шло на окраску дорогих одежд, мантий.

98

Драгоценная узорчатая ткань из золот ых и шелковых нитей.

П. Карпини называет ставкой монгольскую юрту.

100

П. Карпини передает известный по русским летописям случай, происшедший в ставке Батыя в 1246 г. с русским великим князем Михаилом Всеволодовичем Черниговским и его боярином Федором, которые отказались пройти между двух огней, за что и поплатились жизнью.

101

Батый, внук Чингисхана.

102

Описываемые П. Карпини запреты связаны с культом огня у монголов. Монголы почитали дух огня и, боясь оскорбить его, выработали ряд запретов, о которых и упоминает Карпини. В Ясе Чингисхана имелась особая статья, которая запрещала осквернять огонь, за что полагалась смертная казнь.

103

Т.е. Угэдэй, третий сын Чингисхана.

104

У монголов-шаманистов наблюдался культ деревьев, которые были по их представлению местом обитания гениев. Существовал не только культ отдельных деревьев, но были целые священные рощи, где запрещалось не только охотиться, но куда нельзя было даже входить.

105

Ярослав Всеволодович (1190–1246).

106

Так назывались зажигательные смеси, употреблявшиеся для военных целей в Античное время и в Средние века Впервые подобная смесь была применена греками, вследствие чего и получила название греческого огня. В состав его входила нефть и смола. Монголы позаимствовали употребление его, по-видимому, у китайцев. В монгольских летописях приводится легенда, как монголы пытались поджечь осажденный город, направив в него множество птиц, к хвостам которых была привязана подожженная вата или фитиль

107

Сочинение монаха-минорита Г. де Рубрука, описавшего Монголию во время пребывания в ней с французской дипломатической миссией в 1253–1255 гг., считается одним из серьезных источников по истории Востока, имеющихся в западноевропейской литературе позднего Средневековья.

108

Так называемая террацина. О рисовом пиве или вине Марко Поло писал: «Приготовляют его из риса с другими хорошими пряностями, и питье выходит лучше всякого другого вина; и чисто, и вкусно; вино горячее, и пьянеешь от него скорее, нежели от другого».

109

Условное название музыкального инструмента.

110

Вилка стала необходимой принадлежностью столовой посуды только около половины XIV в.

111

Точно не выяснено, что представляет собой каракосмос.

112

Обычай натирать лицо различными мазями, как правило черными, чтобы предохранить кожу от раздражения ветром и солнцем, долгое время существовал в Азии.

113

У монголов был распространен обычай рожать, присев на корточки. Роженицу при этом кто-нибудь поддерживал сзади.